STEPHANOS

СТЕΦΑΝΟΣ

2017

#5 (25) || September

№5 (25) || сентябрь

ISSN 2309-9917

DOI 10.24249/2309-9917-2017-25-5-1-287

Stephanos

Сетевое издание

Рецензируемый мультиязычный научный журнал

Электронный проект

филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Главный редактор:

докт. филол. наук профессор М.Л. Ремнёва

Редакционная коллегия:

докт. филол. наук профессор Е.Л. Бархударова

докт. филол. наук старший научный сотрудник А.В. Злочевская

доктор искусствоведения доцент РАНХиГС Д. Красовец

ассистент кафедры русистики и лингводидактики PhD Карлов университет в Праге Якуб Конечны

докт. культурологии, профессор М.М. Лоевская

канд. филол. наук доцент Д.С. Мухортон

докт. филол. наук старший научный сотрудник В.В. Сорокина

докт. филол. наук профессор А.Г. Шешкен

канд. филол. наук доцент А.В. Уржа

канд. филол. наук научный сотрудник Е.А. Певак (отв. секретарь)

Технический редактор:

канд. филол. наук Е.В. Федорова

Программное обеспечение и техническая поддержка проекта:

старший научный сотрудник А.М. Егоров

Редакционный совет:

Александра Вранеш, докт. филологии, проф., *Белградский университет (Сербия)*

Екатерина Федоровна Журавлева, проф., председатель Всегреческой ассоциации преподавателей русского языка и литературы, *Западно-Македонский университет Греции (Греция)*

Мария Леонидовна Каленчук, доктор филологических наук, проф., зав. отделом фонетики, зам. директора по научной работе, *Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Россия)*

Максим Каранфиловский, докт. филологии, проф. Почетный проф. МГУ имени М.В. Ломоносова, *Университет им. Свв. Кирилла и Мефодия в Скопье (Македония)*

Леонид Петрович Крысин, докт. филол. наук, проф., зав. отделом современного русского языка, *Институт русского языка им. В.В. Виноградова, РАН (Россия)*

Весна Мойсова-Чепишевская, докт. филологии, проф., зав. кафедрой македонской и южнославянских литератур филологического факультета им. Блаже Конеского, *Университет им. Свв. Кирилла и Мефодия в Скопье (Македония)*

Джей Паджет, докт. филол. наук, проф., *Университет Калифорнии Санта Круз (США)*

Иво Поспишил, докт. филол. наук, проф., зав. Институтом славистики, *Университет им. Т.Г. Масарика, Брно (Чехия)*

Елена Стерьефулу, проф., *Национальный Афинский Университет им. Каподистрии (Греция)*

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77–53145 от 14.03.2013

© 2013–2017. Филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова

© 2013–2017 Stephanos

Stephanos
Network Edition
Peer reviewed multilingual Scientific Journal
Electronic Project
of Lomonosov Moscow State University Philological Faculty

Editor-in-chief:
Doctor of Philology Professor M.L. Remneva

Editorial Board:
Doctor of Philology Professor E.L. Barkhudarova
Doctor of Philology Senior Researcher A.V. Zlochevskaya
Doctor of History of Arts Docent D. Krasovec
Lector of Russian & Language Teaching Methodology PhD Charles University in Prague Jakub Konecny
Doctor of Culturology Professor M.M. Loyevskaya
Candidate of Philological Sciences Docent D.S. Mukhortov
Doctor of Philology Senior Researcher V.V. Sorokina
Doctor of Philology Professor A.G. Sheshken
Candidate of Philological Sciences Docent A.V. Urzha
Candidate of Philological Sciences Research Associate E.A. Pevak (Executive Secretary)

Technical Editor:
Candidate of Philological Sciences E.V. Fedorova

Software and Technical Support for the Project:
Senior Researcher A.M. Yegorov

Advisory Council:
Maria Kalenchuk PhD, Prof., Head of the Department of Phonetics, Deputy of the Director for Science,
V.V. Vinogradov Russian Language Institute, RAS (Russia)
Maxim Karanfilovsky PhD, Prof. *University Sts. Cyril and Methodius University in Skopje,*
Honorary Prof. of Lomonosov Moscow State University (Macedonia)
Leonid Krysin PhD, Prof., Head of the Department of the Contemporary Russian Language
V.V. Vinogradov Russian Language Institute, RAS (Russia)
Vesna Mojsova-Chepishevska PhD, Prof., Head of the Chair of the Macedonian and South Slavic
Literatures Philological Faculty «Blaj Koneski» *University Sts. Cyril and Methodius in Skopje*
(Macedonia)
Jaye Padgett PhD, Prof., Linguistics Stevenson Faculty Services *University of California Santa Cruz*
(USA)
Ivo Pospíšil, PhD, Prof., Head of the Institute of Slavic Studies, *University of TG Masaryk, Brno*
(Czech Republic)
Helen Stergiopoulou PhD, Prof. *School of Philosophy. Faculty of Slavic Studies National and*
Capodistrian University of Athens (Greece)
Alexandra Vranesh PhD, Prof., *University of Belgrade (Serbia)*
Ekaterina Zhuravleva PhD, Prof., Chairman of the Panhellenic Association of Teachers of Russian
Language and Literature *University of Western Macedonia Greece (Greece)*

Registration certificate EL № FS 77–53145 from 14.03.2013
© 2013–2016. Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University
© 2013–2017 Stephanos

Содержание

Статьи

<i>Злочевская А.В.</i> (Москва, Россия). Роман В. Набокова «Приглашение на казнь»: духовная индивидуальность в фокусе метафизических и металитературных проблем.....	9
<i>Волошина О.А.</i> (Москва, Россия). «Яфетические переживания» Н.Я. Марра	29
<i>Коростелева А.А.</i> (Москва, Россия). Идея адекватности – неадекватности как основа коммуникативной композиции фильма.....	42
<i>Потёмкина Е.В.</i> (Москва, Россия). ‘Секрет’ и ‘тайна’ у Достоевского: лексикографический аспект	65
<i>Вавулина А.В., Николенко Е.Ю.</i> (Москва, Россия). Методические особенности использования технологии веб-квест при обучении РКИ на разных уровнях.....	81
<i>Ѓорѓиева-Димова Марија</i> (Скопје, Македонија). Палимпсестна трансверзала: текстуалните трансценденции во циклусот песни за Марко Крале на Блаже Конески	92
<i>Здравкова-Цепароска С.</i> (Скопје, Македонија). Работата на руските кореографи во Македонија. Зачувување на балетското наследство.....	103

Материалы и сообщения

<i>Алпатов С.В.</i> (Москва, Россия). Адинатон: объем понятия в литературоведении и фольклористике	118
<i>Солопов А.И.</i> (Москва, Россия). «Науки юношей питают» – или «направляют»? О Цицероне как образце Ломоносова	125
<i>Добровольская В.В.</i> (Москва, Россия). Анализируем учебные пособия по РКИ.....	129
<i>Егорова Ю.В.</i> (Москва, Россия). Тире vs. двоеточие – чувство против разума?	134
<i>Манкиева Э.Х.</i> (Москва, Россия). Особенности «гендерной» философии Л.Н. Толстого (На материале повести «Хаджи-Мурат»)	141
<i>Алюнина Ю.М.</i> (Москва, Россия). «Глухой переводчик»: сценарий игры для обучения устному последовательному переводу	148
<i>Кадыоглу Э.</i> (Москва, Россия). ‘Письмо’ и ‘цветок’ как символы памяти в поэзии Н.А. Некрасова и А.А. Ахматовой	155
<i>Чиан Чиех Хан</i> (Тайвань). Тело как свидетельство в повести Л. Андреева «Красный смех».....	162
<i>Чун Чжиин</i> (Южная Корея). Вещь в феноменологической рецепции В.В. Маяковского («Флейта-позвоночник»)	170

<i>Швец А.В.</i> (Россия, Москва). Мысль как опыт в поэзии Уоллеса Стивенса: алгоритм и языковая игра (прочтение стихотворения «The Plain Sense of Things»)	175
--	-----

Программы

<i>Волошина О.А.</i> (Москва, Россия). Программа учебной дисциплины «Междисциплинарные направления в современной лингвистике»	184
---	-----

Библиографии

<i>Воропаев В.А.</i> (Москва, Россия). Библиография произведений Н.В. Гоголя и литературы о нем на русском языке (1986–1989).....	198
---	-----

Научная жизнь

<i>Михайлова Т.А.</i> (Москва, Россия). Круглый стол «Грамматика нереального» (28 апреля 2017).....	241
<i>Одинцова И.В.</i> (Москва, Россия). Русский язык в системе организации учебного процесса в совместном российско-китайском университете МГУ – ППИ в Шэньчжэне (Китай)	246

События. Имена. Судьбы

<i>Сойни Елена</i> (Петрозаводск, Республика Карелия). Финский период в жизни и творчестве семьи Чернавиных	253
---	-----

Критика. Библиография

<i>Азаров Ю.А.</i> (Москва, Россия). Эпистолярное наследие Федина.....	262
<i>Михайлова М.В., Назарова А.В.</i> (Москва, Россия). Игры разума, или Поглощение реальности сознанием (Александр Потемкин. Соло Моно. Путешествие сознания пораженца. М.: ПоРог, 2017).....	267
<i>Трахтенберг Л.А.</i> (Москва, Россия). Пауткин А.А. Горизонты прочтения: Историко-филологические заметки и размышления. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. 328 с.....	275
<i>Певак Е.А.</i> (Москва, Россия). История русской литературы (1890-е – начало 1920-х гг.): Учебник: В 3 ч. / Отв. ред. М.В. Михайлова, Н.М. Солнцева. М.: Юрайт, 2017.(Ч. 1: Реализм. 349 с.; Ч. 2: Символизм. 227 с.; Ч. 3. Акмеизм, футуризм и другие. 224 с.)	282

In Memoriam

<i>Елена Федоровна Васеко</i> (04.04.1924–28.09.2017)	286
--	-----

Content

Articles

<i>Zlochevskaya A.V.</i> (Moscow, Russia). V. Nabokov Novel «Invitation to a Beheading»: Spiritual Individuality in the Focus of Metaphysical and Meta-Literary Problems	9
<i>Voloshina O.A.</i> (Moscow, Russia). “Japhetic Experiences” of Nikolay Marr	29
<i>Korosteleva A.A.</i> (Moscow, Russia). The Idea of “Adequacy – Inadequacy” as a Basis of a Movie’s Communicative Composition	42
<i>Potemkina E.V.</i> (Moscow, Russia). ‘Secret’ and ‘Mystery’ in Dostoevsky Creative Works: The Lexicographic Aspect	65
<i>Vavulina A.V., Nikolenko E.Yu.</i> (Moscow, Russia). The Application of Web Technology in Teaching Russian to Foreign Students at Different Levels	81
<i>Gjorgjieva-Dimova Maria</i> (Skopje, Macedonia). A Palimpsestic Transversal: Textual Transcendences in the Poetry Cycle “King Marko” by Blazhe Koneski	92
<i>Zdravkova Djeparoska Sonja</i> (Skopje, Macedonia). The Work of Russian Choreographers in Macedonia. Preserving the Ballet Legacy	103

Communications and Materials

<i>Alpatov S.V.</i> (Moscow, Russia). Adynaton: Borders of the Term in the Theory of Literature and Folkloristics	118
<i>Solopov A.I.</i> (Moscow, Russia). “Sciences Feed the Youth” – or “Drive the Youth”? About Cicero as Lomonosov’s Model	125
<i>Dobrovolskaya V.V.</i> (Moscow, Russia). Textbooks on RCTs	129
<i>Egorova Yu.V.</i> (Moscow, Russia). Dash vs. Colon – Sensibility vs. Sense?	134
<i>Mankieva E.</i> (Moscow, Russia). Specifics of L.N. Tolstoy “Gender” Philosophy (“Hadji Murad”)	141
<i>Alyunina Yu.M.</i> (Moscow, Russia). “The Deaf Interpreter”: Game Scenario For Consecutive Interpretation Training	148
<i>Kadioglu Esra</i> (Moscow, Russia). ‘Letter’ and ‘Flower’ as Symbols of Memory in N.A. Nekrasov and A.A. Akhmatov’s Poetry	155
<i>Chiang Chieh-han</i> (Taiwan). Body as Testimony in L. Andreev’s “Red Laughter”	162
<i>Chun Jiin</i> (South Korea). Thing in the Phenomenological Reception of V.V. Mayakovsky (“Flute of the Spine”)	170
<i>Shvets A.V.</i> (Russia, Moscow). Thought as an Experience in Wallace Stevens’ Poetry: Algorithm and Language Game (the Poem «The Plain Sense of Things»)	175

Programs

<i>Voloshina O.A.</i> (Moscow, Russia). The Programme of the Course “Interdisciplinary Trends in Contemporary Linguistics”	184
---	-----

Bibliography

<i>Voropaev V.A.</i> (Moscow, Russia). The Bibliography of N.V. Gogol’s Works and Literature about Him in Russian (1986–1989).....	198
---	-----

Academic Life

<i>Mikhailova T.A.</i> (Moscow, Russia). Round Table “A Grammar of Unreal” (April 28, 2017)	241
<i>Odintsova I.V.</i> (Moscow, Russia). Russian in the System of the Organization of Educational Process at the Joint Russian-Chinese University MSU – PPI in Shenzhen (China)	246

Events. Names. Destiny

<i>Soini Helena</i> (Petrozavodsk, the Republic of Karelia). The Finnish Period in the Life and Work of the Chernavin Family	253
---	-----

Critique. Bibliography

<i>Azarov Yu.A.</i> (Moscow, Russia). Konstantin Fedin’s Epistolary Heritage	262
<i>Mikhaylova M.V., Nazarova A.V.</i> (Moscow, Russia). Games of Mind, or The Absorption of Reality by Consciousness (Alexander Potemkin. Solo Mono. Puteshestvie Soznania Porazhenca [Journey of the Mind of the Defeated Man]. Moscow. PoRog Publ. 2017).....	267
<i>Trakhtenberg L.A.</i> (Moscow, Russia). Pautkin A.A. Horizons of a Reading: Historical-Philological Notes and Reflections. Moscow; St.-Petersburg: Nestor-Istoria, 2017. 328 p.	275
<i>Pevak E.A.</i> (Moscow, Russia). History of Russian Literature (1890s – the beginning of 1920s): Textbook: In 3 parts / Eds. M.V. Mikhaylova, N.M. Solntseva. Moscow. Yurait Publ. 2017. Part 1: Realism. 349 p.; Part 2: Symbolism. 227 p.; Part 3. Acmeism, Futurism, etc. 224 p.)	282

In Memoriam

Elena Vaseko (04.04.1924–28.09.2017)	286
---	-----

Статьи

Articles

А.В. Злочевская
(Москва, Россия)

**Роман В. Набокова «Приглашение на казнь»: духовная индивидуальность
в фокусе метафизических и металитературных проблем**

Аннотация: В статье проанализирована внутренняя структура романа В. Набокова (В. Сирина) «Приглашения на казнь». В романе воссоздана в аллегорической форме модель бытия индивидуального сознания, помещенного в центр трехчастной картины мира: в фокусе сплетения эмпирической – трансцендентной – металитературной реальностей. В центре трехмерной модели мироздания – бытие индивидуального сознания главного героя, Цинцинната Ц. Набоковский герой оказывается не жертвой, не безвольной игрушкой трех сил мироздания, но сам порывает с миром материальной иллюзии и переходит на уровень металитературного инобытия.

Ключевые слова: В. Набоков, В. Сирин, «Приглашение на казнь», мистическая метапроза XX в., жанр, аллегория, русская литература XX в., литература русской эмиграции

A.V. Zlochevskaya
(Moscow, Russia)

**V. Nabokov Novel «Invitation to a Beheading»: Spiritual Individuality
in the Focus of Metaphysical and Meta-Literary Problems**

Annotation: The novel under study is V. Nabokov's "Invitation to a Beheading", its inner structure specifically. In the allegorical form the author recreates the paradigm of the existence of an individual awareness at the centre of a three-fold picture of the world, in the focus where the empirical-transcendental-metaliterary realities interlace. At the heart of this tripartite model there exists the individual consciousness of Nabokov's protagonist C. Cintinnat. He is not a victim, not a powerless toy in the hands of three forces of Universe. Rather he himself breaks up with the world of material illusion to transit to the level of metaliterary other-world existence.

Key words: V. Nabokov, V. Sirin, "Invitation to a Beheading", mystical metaprose of the 20th century, genre, allegory, Russian literature of the 20th century, literature of Russian emigration

Уже первые критики увидели в романе В. Сирина «Приглашение на казнь» (1936) аллереорию¹. Однако аллереорией чего является это произведение? Отвечали на этот вопрос по-разному: аллереорией взаимоотношений личности с «потусторонностью»², с гностическим Божеством и Автором текста³, с коллективом⁴ и др. Соответственно различны и определения жанровой формы романа: аллереорическая антиутопия и «комический кошмар»⁵, духовная мистерия⁶ и др.

Предлагаемые интерпретации освещают отдельные аспекты художественного космоса набоковского романа, не давая единой целостной картины. Тем более что разграничить потоки жанрово-стилевого повествования затруднительно, поскольку они постоянно переплетаются, переливаясь один в другой, переходя с одного уровня на другой почти неуловимо.

Мне представляется продуктивным применить здесь результаты моего предшествующего исследования – о мистической метапрозе XX в.⁷ Фундаментальная примета этого феномена, позволяющая говорить о нем как о самостоятельном, содержательно и эстетически значительном явлении литературы XX в., – трехчастная модель мироздания, соединившая в единое целое три уровня реальности: эмпирическую – метафизическую – художественную.

Набоковская модель мистической метапрозы эволюционировала. Видоизменялась прежде всего ее трехмерная структура. В каждом из романов – свой узор взаимосплетений структурных уровней набоковского художественного космоса.

Своеобразие «Приглашения на казнь» определяется оригинальными взаимоотношениями внутри трехмерной его структуры, между различными пластами: материальным – трансцендентным – металитературным. В центре трехмерной модели мироздания – бытие индивидуального сознания главного героя, Цинцинната Ц.

Текст романа зачинает картинка, в которой соединились все три структурные уровни: «Уродливое окошко оказалось доступным закату: сбоку по стене пролег пламенистый параллелограмм. Камера наполнилась доверху маслом сумерек, содержащих необыкновенные пигменты. Так спрашивается: что это справа от двери – картина ли кисти крутого колориста или другое окно, расписное, каких уже не бывает? (На самом деле это висел пергаментный лист с подробными, в две колонны, «правилами для заключенных»; загнутый угол, красные заглавные буквы, заставки, древний герб города, – а именно, доменная печь с крыльями, – и давали нужный материал вечернему отблеску)»⁸.

В реальности мира физического луч заходящего солнца осветил сквозь «уродливое окошко» лист с «правилами для заключенных», с безобразным в своей вопиющей глупости и абсурду гербом города – «доменная печь с крыльями» и др. Но сквозь это убожество воображению Цинцинната Ц., через «пламенистый параллелограмм» –

¹ См.: Бицлли П. Возрождение аллереории // Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве Владимира Набокова. М., 2000. С. 208–219.

² См.: Александров В.Е. Набоков и потусторонность: Метафизика, этика, эстетика. СПб., 1999. С. 105–131; Барабтарло Г. Сочинение Набокова. СПб., 2011. С. 19–39.

³ См.: Давыдов С. «Тексты-матрешки» Владимира Набокова. СПб., 2004. С. 71–126.

⁴ См.: Бойд Б. Владимир Набоков. Русские годы. Биография. М.; СПб., 2001. С. 478–486.

⁵ Бойд Б. *Op. cit.* С. 483.

⁶ Давыдов С. *Op. cit.* С. 118–119 и др.

⁷ См.: Злочевская А.В. Три лика мистической метапрозы XX века: Г. Гессе – В. Набоков – М. Булгаков. СПб., 2016. С. 9–97.

⁸ Набоков В.В. Собр. соч. русского периода: В 5 т. Т. 4. СПб., 2004. С.49. Далее русскоязычные произведения Набокова цитируются по этому изданию с пометой Н.

фантастически прекрасное «окно» в реальность трансцендентную – открылся мир «потусторонности». Так и в «Даре», создававшемся одновременно с «Приглашением на казнь», «параллелепипед неба» (Н., 4: 194), отраженный в зеркале шкафа и его же рамой ограниченный, тоже своего рода «зайчик» из инобытия.

Однако реальность трансцендентная буквально на наших глазах преображается, обретая отсвет метафизический: «пламенистый параллелограмм» оказывается не только лучом из «потусторонности» и тем более не «пергаментным листом» с «правилами для заключенных», а великолепной картиной, блестящим артефактом, сотворенным рукой «крутого колориста», написанным «маслом сумерек» и содержащим «необыкновенные пигменты».

В дальнейшем происходит своеобразная дисперсия: трехмерный синтез распадается на отдельные структурные потоки: материальный, трансцендентный, металитературный, каждый из которых развивается уже самостоятельно, взаимодействуя с другими потоками, то сплетаясь, то разделяясь.

Металитературная тема, пронизывая стилевую ткань «Приглашения на казнь» и обрамляя макротекст романа, оформилась здесь как художественная доминанта.

Зачинает тему развернутая метафора *жизнь человеческая – художественное произведение*, организующая структуру большинства романов В. Набокова / Сирина («Дар», «Истинная жизнь Себастьяна Найта», «Лолита», «Бледное пламя» и др.). В «Приглашении на казнь» жизнь человека вообще и Цинцинната Ц. в частности сравнивается с книгой: «Итак – подбираемся к концу. Правая, еще непочатая часть развернутого романа, которую мы, посреди лакомого чтенья, легонько ощупывали, машинально проверяя, много ли еще (и все радовала пальцы спокойная, верная толщина), вдруг, ни с того ни с сего, оказалась совсем тощей: несколько минут скорого, уже под гору чтенья – и... ужасно! Куча черешен, красно и клейко черневшая перед нами, обратилась внезапно в отдельные ягоды: вон та, со шрамом, подгнила, а эта сморщилась, ссохшись вокруг кости (самая же последняя непременно – тверденькая, недоспелая). Ужасно!» (Н., 4: 47–48).

Эта книга – жизнь героя. Если смотреть с позиции Автора, то прочитанная, с точки зрения Цинцинната – дописанная.

Закономерно, что последним в «Записках» стало слово «смерть». Герой его перечеркивает. На взгляд поверхностный – просто потому, что не нашел другого слова: «следовало – иначе, точнее: казнь, что ли, боль, разлука – как-нибудь так» (Н., 4: 175).

Но самом деле все сложнее. Субъективно – в ужасе перед ним, ибо не хочет умирать, несмотря на все страдания, которые причиняет ему жизнь. Но тайный и истинный смысл жеста иной: смерти нет¹. Этот последний смысл рождается графически и осознается уже на уровне бытия сознания Автора – и, соответственно, читателя. Что же наступает после физического конца, если «смерти нет»? Очевидно, бессмертие. Здесь же появляется, как элемент общей метафоры жизнь, – текст, символический образ-мотив, прочерчивающий словесную ткань романа, – карандаш². Набоковский герой пишет свою жизнь, как бы творя ее и сочиняя, а карандаш, по мере приближе-

¹ См., например: Александров В.Е. *Op. cit.* С. 119. С такой трактовкой не согласна Е. Полева (Полева Е. *Функции писательства в самоопределении героя романа В. Набокова «Приглашение на казнь»* // Литература русской эмиграции. Olomouc, 2016. С. 141). Исследовательница считает, что этот эпизод следует рассматривать в контексте семантического архетипа «слова-жизни и немoty-смерти...» (Фрейдсберг О.М. *Поэтика сюжета и жанра*. М., 1997. С. 125). Однако если бы смерть в набоковском мире была просто «нема», то в «Записках» Цинцинната на этом месте остался бы пропуск или хотя бы многоточие.

² См.: Барабтарло Г. *Op.cit.* С. 22–23 и др.

ния к концу жизни и повествования, укорачивается, пока не остался лишь «карликовый карандаш» (Н., 4: 175) и самый последний лист бумаги.

После металитературного зачина на первый план в повествовании выступает конфликтное противостояние двух миров: физического и трансцендентного. Тезис о «двоемирии» художественного космоса В. Набокова вообще и романа «Приглашение на казнь» в частности блестяще сформулировал Д.Б. Джонсоном: «“Приглашение на казнь” – самое раннее из значительных произведений Набокова, в котором появляется тема двух миров, характеризующая многие из его романов. Воплощение каждого из двух миров в одном из противопоставленных друг другу элементов («тут / там») и выстраивание ряда тематических оппозиций для каждого из них позволяют почти схематично взглянуть на художественную космологию Набокова»¹.

Действительно, в продолжение всего романа видимой доминантой повествования будет взаимодействие, точнее, конфликтное противостояние реальностей материальной и инобытийной.

Собственно, сам образ главного героя – на стыке двух реальностей, духовной и физической: есть Цинциннат из плоти, но есть и «какой-то добавочный Цинциннат» (Н., 4: 50; см. также: Н., 4: 59, 62, 86, 118 и др.) – некий «призрак, сопровождающий каждого из нас – и тебя, и меня, и вот его» (Н., 4: 56)². Речь, очевидно, идет о двойственной природе человека: сознание и плоть – некий кентавр. «Всадник не отвечает за дрожь коня» (Н., 4: 50) – мелькнуло в тексте.

А вот языковой аспект этой метафоры: «Любезность. Вы. Очень. (Это еще нужно расставить.) – Вы очень любезны» (Н., 4: 50).

Так мысль на наших глазах преобразуется в речь – слово оформляется, облекаясь плотью.

Оригинально художественное решение центрального конфликта романа – *свобода – несвобода* – в системе оптической образности, в основе которой оппозиционно коррелирующая пара *прозрачность – непрозрачность*³.

«Гносеологическая гнусность» (Н., 4: 87) – преступление, за которое казнят Цинцинната Ц., заключается в том, что герой недоступен пониманию окружающих – непознаваем для них, ибо неспособен жить по закону «общих мнений». Эпитет «гносеологический» формирует центральный экзистенциальный конфликт романа: трагическое противостояние духовной индивидуальности – моральному, переходящему в физический диктату со стороны пошлого и вполне познаваемого большинства. Чисто «идеологическое» преступление Цинцинната заключается в том, что он «непрозрачен», «непроницаем» для окружающих, т. е. недоступен их пониманию. «Чужих лучей не пропуская», он в состоянии покоя производил «дикийное впечатление одинокого темного препятствия в этом мире прозрачных друг для дружки душ <...>. В сущности, темный для них, как будто был вырезан из кубической сажени ночи, непроницаемый Цинциннат поворачивался туда-сюда, ловя лучи, с панической поспешностью стараясь так стать, чтобы казаться светопроводным» (Н., 4: 55, 56).

За «непрозрачность» и казнят Цинцинната Ц.

¹ Джонсон Д.Б. Миры и антимирy Владимира Набокова. СПб., 2011. С. 226. Формулировка Д. Джонсона требует корректировки лишь один момент: «Приглашение на казнь» далеко не первый роман В. Набокова с двухуровневой структурной моделью – «двоемирие» характерно для всех произведений писателя, начиная с «Машеньки» (1926).

² См.: Александров В.Е. Оp. cit. С. 107–111; Давыдов С. Оp. cit. С. 91 и др.

³ См.: Злочевская А.В. «Оптическая» образность в романах Е. Замятина «Мы» и В. Набокова «Приглашение на казнь» // Литература. 2009. № 15. С. 18–22.

Героя окружает мир пошлости, где все живут по закону «общих мнений», и потому они вполне взаимно «прозрачны». В эссе «Пошляки и пошлость» Набоков дает такое определение пошлости: это самодовольное величественное мещанство и «не только явная, неприкрытая бездарность, но главным образом ложная, поддельная значительность, поддельная красота, поддельный ум, поддельная привлекательность»¹.

Соответственно, бытие пошлого человека, как и он сам, не более чем мираж и «пародия». А вот в личности Цинцинната есть некое неделимое ядро, которое остается, обнажаясь, и после самого последнего разоблачения. В Цинциннате есть та «темная точка», которая делает его «непроницаемым» для окружающих его пошляков, это «последняя, неделимая, твердая, сияющая точка, и эта точка говорит: я есмь! – как перстень с перлом в кровавом жиру акулы, – о мое верное, мое вечное» (Н., 4: 98).

«Непрозрачная точка» делает Цинцинната «непроницаемым» для чужого понимания, но, благодаря ей, он оказывается единственным истинно существующим среди окружающих его призраков.

И даже в момент освежающей «трансцендентной гимнастики», когда герой снимает с себя все физические покровы, остается то неделимое ядро его индивидуальности, которое может сказать: «я есмь!» Именно эта неделимая «точка» стала проводником в «потусторонность». Ведь Цинциннат принадлежит, по выражению Г. Гессе, к разряду «людей с одним лишним измерением»², чье земное существование устремлено к бессмертию.

Есть в романе эпизод загадочный, прикрывающий и в то же время приоткрывающий главную, метафизическую тайну героя: «однажды, на каком-то открытом собрании в городском парке, вдруг пробежала тревога, и один произнес громким голосом: “Торожане, между нами находится...” – тут последовало страшное, почти забытое слово» (Н., 4: 61).

Что же это за слово? Смею предположить, это слово – «человек». Да, только Цинциннат Ц. здесь каким-то чудом возрожденный из древнейших времен по-настоящему реальный человек. Остальные – «пародии», а как раз их бытие, столь массивно плотское и осязаемое, призрачно. Они лишь иллюзия материального мира. И в финале накачанные плотью миражи истончаются, становятся прозрачными и лопаются, как мыльные пузыри, бутафория мира земного рушится, а настоящий, духовный человек, сбросив физическое тело-тюрьму, направился «в ту сторону, где, судя по голосам, стояли существа, подобные ему» (Н., 4: 187).

Кто были эти подобные Цинциннату существа?³

В контексте жанра антиутопии, полагая, это люди, те самые люди из прошлого, давно вымершие в мире материального преуспевания, потускневшие фотографии которых на страницах старых журналов с такой неизъяснимой симпатией разглядывал Цинциннат.

На уровне метафизическом – это те «непрозрачные» существа, которые, подобно Цинциннату Ц., лишь посетили сей жестокий мир, мучились и страдали от изначальной несовместимости с ним, но не позволили уничтожить в себе заветную «точку» – залог истинного бытия в вечности – и вернулись в свои трансцендентные обители.

Есть уровень метафикциональный, но об этом позже.

¹ Набоков В.В. Пошляки и пошлость // Набоков В.В. Лекции по русской литературе. М., 1996. С. 384, 388.

² Гессе Г. Собр. соч.: В 4 т. Т. 2. СПб., 1994. С. 334.

³ Критики и набоковеды отвечали на этот вопрос по-разному: Бицилли П. *Op. cit.* С. 216–217; Ходасевич В. О Сирине // В.В. Набоков: pro et contra. Т. 1. СПб., 1997. С. 248; Давыдов С. *Op. cit.* С. 72–73, 123 и др.

Парадоксальна в «Приглашении на казнь» онтология коррелятивной пары *земное – трансцендентное*. Миражно здесь все плотское и материальное¹, в то время как по-настоящему «действителен» лишь Цинциннат. Иными словами, все оказывается наоборот: то, что представлялось реальным, исчезло, а слабое и бесплотное обрело жизнь вечную. Эфемерность, бесплотная красота столь любимых Набоковым созданий контрастирует с безобразной тяжеловесностью Замка, и в этом противостоянии прекрасное, казалось бы, обречено. Однако, как заметил писатель, «из всех законов Природы, возможно, самый замечательный – выживание слабейших»².

Слабейший в «Приглашение на казнь», конечно же, Цинциннат Ц. Не зря ведь Марфинька называла его Цинциннатиком (Н., 4: 58). И в самом деле, «Цинциннат был легок как лист. Ветер вальса пушил светлые концы его длинных, но жидких усов, а большие, прозрачные глаза косили, как у всех пугливых танцоров. Да, он был очень мал для взрослого мужчины. Марфинька говаривала, что его башмаки ей жмут <...>. Прозрачно побелевшее лицо Цинцинната, с пушком на впалых щеках и усами такой нежности волосистой субстанции, что это, казалось, растрепавшийся над губой солнечный свет; <...> лицо Цинцинната, со скользящими, непостоянного оттенка, слегка как бы призрачными, глазами <...>. Открытая сорочка, распаивающийся черный халатик, слишком большие туфли на тонких ногах, <...> легкое шевеление <...> прозрачных волос на висках – дополняли этот образ» (Н., 4: 48, 118–119).

Его тюремщик, здоровенный Родион, – «красивое русское лицо» с васильковыми глазами (Н., 4: 59), – носит своего подопечного как пушинку³, а в паре с ним Цинциннат кружит в вальсе за даму.

Бесплотная эфемерность, «сквозистость», присущая самой внешности героя, есть знак близости героя к «потусторонности», к духовному инобытию.

У В. Сирина именно слабейший «Цинциннатик» одерживает победу над столь плотным и массивным физическим миром. Раскаяться в своей «гносеологической гнусности» (Н., 4: 87), признав, что похож на всех и «любит то же самое, что мы с вами» (Н., 4: 141), – вот, казалось бы, такие простые условия, на которых обществу согласно принять личность в свои объятия.

Но свободное сознание личности не подчинилось моральному давлению большинства – в этом прежде всего победа Цинцинната Ц. В финале герой В. Сирина успел одержать над своими мучителями не только моральную, но и вполне реальную победу: он сорвал столь тщательно подготовленный праздник – свою казнь, ибо умер до того, как ему отрубили голову.

Моя трактовка *explicit*'а до сих пор в набоковедении, насколько мне известно, не встречалась⁴, а потому объясню свою мысль.

¹ Как, например, директор тюрьмы: «несмотря на свою сановитую плотность, преспокойно исчез, растворившись в воздухе» (Н., 4: 49)

² Набоков В.В. Антон Чехов // Набоков В.В. Лекции по русской литературе. М., 1996. С. 330.

³ Есть в этом персонаже что-то от слуги Гаврилы из «Смерти Ивана Ильича» Л. Толстого, очень уж похожа эта пара: физически здоровый, сильный мужик из народа и слабый, больной «барин». Но фигура Родиона, конечно же, пародийно полемична по отношению к Л. Толстому: слуга стал хозяином, его медвежья забота душит и оскорбляет. Кстати, слова «нонче», «давеча», «нынче» и др., у Л. Толстого – приметы живого «языка народна», у В. Сирина – стилевая характеристика отрицательных персонажей, исключительно презрительная и свидетельствующая лишь об их неграмотности, а отнюдь не о высоких нравственных достоинствах или духовности.

⁴ Принято считать, что Цинциннат перешел в реальность инобытийную после того, как ему отрубили голову (см.: Александров В.Е. *Op. cit.* С. 107–108; Давыдов С. *Op. cit.* С. 97–98 и др.). Особая точка зрения у Г. Барабтарло (см.: Барабтарло Г. *Op. cit.* С. 34).

На протяжении всего предшествовавшего текста подспудно развивался мотив болезни героя: «Вышибло пот, все потемнело, он чувствовал коренек каждого волоска <...> кратко было дружеское пожатие обморока <...> В голове, от затылка к виску, по диагонали, покотился кегельный шар, замер и поехал обратно <...> пауза, перебой, – когда сердце, как пух <...> дрожь после давешней дурноты <...> стол сегодня немножко колыбался <...> он боролся с головокружением, с сердечной истомой <...> Он лежал и все продолжал плыть <...> в боку закололо <...> Через все небо подвигались толчками белые облака, – по-моему, они повторяются, по-моему, их только три типа, по-моему, все это сетчато и с подозрительной прозеленью» (Н., 4: 48, 49, 75, 79, 80, 82, 83, 87, 183) и др.

Судя по признакам, это предынфарктное / предынсультное состояние. А м-сье Пьер неслучайно, в порядке черного юмора, уже при первой встрече с Цинциннатом назван ласковым доктором (Н., 4: 93).

Уже была как бы репетиция финала: «Тут стены камеры начали выгибаться и вдавливаться, как отражения в поколебленной воде; директор зазыблился, койка превратилась в лодку. Цинциннат схватился за край, чтобы не свалиться, но уключина осталась у него в руке, – и, по горло среди тысячи крапчатых цветов, он поплыл, запутался и начал тонуть. Шестами, баграми, засучив рукава, принялись в него тыкать, поддевать его и вытаскивать на берег. Вытащили» (Н., 4: 77).

Тогда «вытащили», потому что Цинциннат еще цеплялся за приносящее одни лишь страдания физическое существование. Но вот уже перед самой казнью м-сье Пьер, будто что-то предчувствуя и пытаясь пресечь неизбежное, кричит: «Не смей падать в обморок» (Н., 4: 183).

В финале усилием своего сознания Цинциннат поднялся с плахи, «медленно спустился с помоста и пошел по зыбкому сору. Его догнал во много раз уменьшившийся Роман, он же Родриг: – Что вы делаете! – хрипел он, прыгая. – Нельзя, нельзя! Это нечестно по отношению к нему, ко всем... Вернитесь, ложитесь, – ведь вы лежали, все было готово, все было кончено! Цинциннат его отстранил, и тот, уныло крикнув, отбежал, уже думая только о собственном спасении» (Н., 4: 187).

Собственно, «преступное» бегство из мира физического в «потусторонность» Цинциннат совершал и раньше – во время своей «трансцендентной гимнастики», когда снимал с себя, «как парик, голову, ключицы, как ремни, снял грудную клетку, как кольчугу. Снял бедра, снял ноги, снял и бросил руки, как рукавицы, в угол. То, что оставалось от него, постепенно рассеялось, едва окрасив воздух» (Н., 4: 61).

Но то была лишь «проба». Свой окончательный побег из материального мира набоковский герой совершил, ускользнув от своих мучителей в реальность инобытийную.

Так тема смерти оказывается органично вплетенной в центральный экзистенциальный конфликт романа *свобода – несвобода*. Фантастические интуитивные прозрения, напряженная устремленность души человеческой проникнуть за грань земного бытия, вдруг пройти «в какую-то воздушную светлую щель» (Н., 4: 119) и оказаться на свободе вечны. Но тайное знание о «двоемирии» и самое бессмертие даровано Набоковым-Демииургом лишь «избранным», любимым героям: Цинциннату Ц., Себастьяну Найту, Пнину, Адаму Кругу, Джону Шейду. Тем, кто еще при жизни предчувствовал, что «там» истинная нравственность, любовь, нежность и красота, а «тут» лишь убогие их эрзацы (Марфинька, Нина Речная, Лиза Боголепова) и обывательская мораль, грубая, пошлая, жестокая.

В романе «Пнин» Набоков так сформулировал сущность той экзистенциальной двойственности, на которую обречена человеческая душа в течение своего земного существования: «Не знаю, отмечал ли уже кто-либо, что главная характеристика жизни – это отъединенность? Не облачай нас тонкая пленка плоти, мы бы погибли. Человек существует, лишь пока он отделен от своего окружения. Череп – это шлем космического скитальца. Сиди внутри, иначе погибнешь. Смерть – разоблачение, смерть – причащение. Слиться с ландшафтом – дело, может быть, и приятное, однако тут-то и конец нежному эго»¹.

Именно в этом мистико-философский смысл предсмертных страданий Цинцинната Ц. Это напряженная, полная мучительных коллизий и перипетий борьба между тюрьмой человеческой плоти, которая поработывает сознание личности, нагнетая мучительную иллюзию – страх смерти, и духовным началом, предчувствующим свое освобождение в тот миг, когда «смерть громыхнет тугим запором / и в вечность выпустит тебя» (Н., 1: 608).

С грохота отпираемой двери камеры начинается «Приглашение на казнь»: «Тюремщик Родион долго отпирал дверь Цинциннатовой камеры, – не тот ключ, – всегдашняя возня» (Н., 4: 47). Но Цинцинната не выпускают, а запирают в смерть.

В этом смысле Замок – развернутая метафора земной жизни, где радости и удовольствия, надежды и привязанности суть не что иное, как иллюзорные соблазны, призванные удержать героя в тюрьме его физического существования.

Человек яростно цепляется за «тупое “тут”», хотя ясно предчувствует, что эта «темная тюрьма, в которой заключен неумоимо воюющий ужас, держит <...> и теснит» его (Н., 4: 101), а прекрасное, манящее «там» – «там», где «все поражает своею чарующей очевидностью, простотой совершенного блага» (Н., 4: 101–102), сулит освобождение его духовной сущности. В этом несвобода сознания Цинцинната Ц. И лишь пережив, говоря словами одного из героев Достоевского, острейшую «боль страха смерти»², сознание осмелилось разбить вдребезги свою темницу, воскреснув к истинной жизни. И как только Цинциннат Ц. осознал, что «весь маскарад происходит у него же в мозгу» (Н., 4: 180) и спросил себя: «Зачем я тут?» (Н., 4: 186), – стены физического бытия, истончившись, исчезли, а духовная индивидуальность направилась в свой Элизиум, населенный ему подобными, воистину существующими людьми.

Некоторые авторы трактуют финал романа в духе ключевого понятия экзистенциализма – «отчаяния»³: набоковский герой осознает в процессе написания своих «Записок» тщету земной жизни, мужественно встречает свою смерть, а вместе с гибелью индивидуального сознания исчезает и мир его материальной иллюзии⁴.

Но кто же в этом случае встал с плахи? Е. Полева объясняет это так: «Финальное восшествие казненного героя с плахи – знак авторского уважения к человеку, обретшему, в том числе через писательство, экзистенциальное (неутопическое) сознание и не потерявшему себя перед палачами»⁵.

¹ Набоков В.В. Собр. соч. американского периода: В 5 т. Т. 3. СПб., 1997. С. 22. Англоязычные произведения писателя цитируются по этому изданию с пометой Н1.

² Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 10. Л., 1974. С. 94.

³ См.: Сендерович С., Шварц Е. Вербная штучка. Набоков и популярная культура: статья вторая // Новое литературное обозрение. 1997. № 26. С. 201–222; Ащеулова И.В. Тема писания и слова в романе В. Набокова «Приглашение на казнь» и в романах С. Соколова // В. Набоков в контексте русской литературы XX века. Томск, 2000. С. 84–93; Полева Е. Функции писательства в самоопределении героя романа В. Набокова «Приглашение на казнь» // Литература русской эмиграции. Olomouc, 2016. С. 137–142.

⁴ См.: Сендерович С., Шварц Е. Вербная штучка. Набоков и популярная культура. С. 214.

⁵ Полева Е. Op. cit. С. 142.

Данная интерпретация не учитывает ни общей мировоззренческой концепции Набокова с ее устремленностью к «потусторонности», ни деталей самого текста, ясно указывающих на переход героя в инобытийную реальность: это чудом спасшаяся от механического паука и вылетевшая в окно бабочка, продолжение жизни сознания Цинцинната после физической смерти и, наконец, последнее слово его «Записок» – перечеркнутая «смерть»¹.

Смерть – освобождение духа, болезненный момент перехода в инобытийную реальность, а бессмертие – самоочевидная истина, восхитительная в своей бездоказательности: «Как безумец полагает, что он Бог, так мы полагаем, что мы смертны» (Н., 4: 47). «Смерть – это <...> безжалостное разъятие» (Н1., 1: 201), но в то же время и начало новой жизни – таково набоковское понимание тайны жизни и смерти. Символом такой метаморфозы еще в раннем рассказе писателя «Рождество» стала прекрасная бабочка, рождающаяся из кокона².

А в «Защите Лужина», в эпизоде партии с Турати, был такой момент: «...мгновенное виртуозное движение пальцев, и Лужин снял и поставил рядом на стол уже не бесплотную силу, а тяжелую желтую пешку; сверкнули в воздухе пальцы Турати, и в свою очередь опустилась на стол косная черная пешка с бликом на голове. И, отделившись от этих двух внезапно одеревеневших шахматных величин, игроки как будто успокоились, забыли мгновенную вспышку: на этом месте доски, однако, еще не совсем остыл трепет, что-то все еще пыталось оформиться...» (Н., 2: 387–389).

Как видим, при переходе из бесплотного измерения в «плотное», иными словами – из «потусторонности» в мир материальный, шахматная фигура не оживала, а, напротив, умирала. Живые шахматные величины деревенели. Очевидно, что и воскресали фигуры, возвратившись в игру, ожив в виде носителей бесплотных энергий в воображении шахматиста. Эта образная вариация темы смерти предвещала последующее ее решение в «Приглашении на казнь».

В финале романа на настоящую смерть обречен только мир материальный. И не случайно, конечно, «последней промчалась в черной шали женщина, неся на руках маленького палача, как личинку» (Н., 4: 187).

Перед образом женщины «в черной шали» В. Александров остановился в некотором недоумении: «...не исключено, что за двусмысленной фигурой, возникающей в самом конце романа <...> скрывается Цецилия Ц.; она и раньше появлялась в черном, а удивительные, сравнительно с палачом, размеры могут натолкнуть на мысль, что, подобно Цинциннату, она внезапно увеличилась; непонятным, правда, остается, отчего, собственно, она несет на руках палача – разве что так символизируется ее власть над смертью»³.

Однако вполне очевидно, что женщина «в черной шали» – это сама смерть, а палач на руках – ее дитя. С гибелью физического мира она, разумеется, своих размеров не изменяла: не уменьшалась и не увеличивалась, ибо смерть уничтожению не подлежит. Действительно, ассоциативная нить от этого образа протягивается к Цецилии Ц., матери Цинцинната: та тоже была «женщиной в черном». Но здесь следует вспомнить профессию матери Цинцинната: она была акушеркой. Так реализует себя набоковская концепция *смерти / рождения* и ключевой оксиморон метафизики писателя: «Смертный ужас рождения» (Н., 4: 486). Появление матери-акушерки, с пародийной заботливостью расправлявшей Цинциннату постель, предвещало его скорую

¹ См.: Давыдов С. *Op. cit.* С. 97–98; Александров В.Е. *Op. cit.* С. 119 и др.

² Анализ мотива бабочки см.: Давыдов С. *Op. cit.* С. 96–97; Барабтарло Г. *Op. cit.* С. 26–32 и др.

³ Александров В.Е. *Op. cit.* С. 130.

смерть¹ и указывало на палача. Здесь еще одна связующая ниточка, протягивающаяся от матери героя к женщине «в черной шали»: перед уходом Цецилия сделала жест («Цецилия Ц. встала, делая невероятный маленький жест, а именно расставляя руки с протянутыми указательными пальцами, как бы показывая размер, – длину, скажем, младенца», Н., 4: 129), словно указывавший на приближавшегося по коридору м-сье Пьера – будущую «личинку» в ее руках². Сын подсказки, конечно, понять не мог.

Вместе с тем explicit романа отбрасывает на предыдущее повествование мета-фикциональный ответ.

В романе «Приглашение на казнь» отчетливо различимы два вида творчества: одно созидает нечто настоящее: живых людей, духовных индивидуальностей, обладающих истинной сущностью – и псевдоискусство, которое плодит миражи: уродливых или убогих кукол, «призраки, оборотни, пародии» (Н., 4: 66).

Двум типам креации соответствуют два зеркала.

Одно – то мистическое «зеркало», о котором рассказывала Цинциннату его мать: «когда была ребенком, в моде были <...> такие штуки, назывались “нетки”, – и к ним полагалось, значит, особое зеркало, мало что кривое – абсолютно искаженное, ничего нельзя понять, провалы, путаница, все скользит в глазах, но его кривизна была неспроста, а как раз так пригнана... Или, скорее, к его кривизне были так подобраны <...>. Одним словом, у вас было такое вот дикое зеркало и целая коллекция разных неток, то есть абсолютно нелепых предметов: всякие такие бесформенные, пестрые, в дырках, в пятнах, рябые, шишковатые штуки, вроде каких-то ископаемых, – но зеркало, которое обыкновенные предметы абсолютно искажало, теперь, значит, получало настоящую пищу, то есть, когда вы такой непонятный и уродливый предмет ставили так, что он отражался в непонятном и уродливом зеркале, получалось замечательно; нет на нет давало да, все восстанавливалось, все было хорошо, – и вот из бесформенной пестряди получался в зеркале чудный стройный образ: цветы, корабль, фигура, какой-нибудь пейзаж. Можно было – на заказ – даже собственный портрет, то есть вам давали какую-то кошмарную кашу, а это и были вы, но ключ от вас был у зеркала. Ах, я помню, как было весело и немного жутко <...> брать в руку вот такую новую непонятную нетку и приближать к зеркалу, и видеть в нем, как твоя рука совершенно разлагается, но зато как бессмысленная нетка складывается в прелестную картину, ясную, ясную» (Н., 4: 128–129).

Такое «дикое зеркало» уничтожает, разлагая, действительно существующее и, напротив, дает мнимое бытие безобразным миражам. Перед нами оригинальная вариация мифологического сюжета о волшебном Зеркале Тролля в сказке Г.-Х. Андерсена «Снежная королева».

Порождения мистического «дикого зеркала» – те имитации людей, которые окружают Цинцинната Ц. Не случайно у персонажей романа в руках то и дело мелькают маленькие «ручные зеркала»: словно без этих вещей они исчезнут. Грубой декорацией окажется даже природа, включая то «озерцо, как ручное зеркало» (Н., 4: 68). Будто «из зеркала» порой появляются и тюремщик Родион, и адвокат Роман, оказавшийся в итоге двойником директора тюрьмы Родрига Ивановича.

¹ Цецилия появляется в камере Цинцинната за три дня до казни.

² Сцена с матерью вызывает аллюзию на «искушение девицей» в «Гамлете»: подослав к Цинциннату мать, его мучители пытались выведать через нее нечто сокровенное. Не случайно сразу навстречу выходящей из камеры Цецилии появляются директор тюрьмы и м-сье Пьер, «приятно улыбаясь издали, чуть сдерживая, однако, шаг, чуть бегая глазами» (Н., 4: 130).

Выделяется среди прочих м-сье Пьер: если остальные действительно подобны призракам, теням – вот-вот растут, расплывутся и навсегда растворятся в воздухе, то палач, главный человек бездуховного общества, со своими «плотно скрещенными жирными ляжками», плотной фигуркой и толстеньким лицом (Н., 4: 110, 130, 136), – сверхплотен и материален и более всех похож на куклу со «светлыми, глазированными глазами <...>, фарфоровой улыбкой» (Н., 4: 93, 141).

Набоковское видение мира парадоксально: если призраками принято считать нечто бесплотное, а потому нереальное, то у В. Сирина недействительно как раз сугубо материальное.

В целом образ материального мира строится «на метафоре жизни как театральной сцены»¹. Стихия дурной театральности, как давно замечено набоковедами, царит на страницах «Приглашения на казнь»: персонажи, выходя «на сцену», т. е. в камеру к Цинциннату, повторяют написанный текст (часто перевирая его), путают реплики, а порой целые куски и мизансцены. Иногда путают даже исполняемые пьесы. Порой (из-за нехватки актеров, что ли?) один артист играет несколько ролей, лишь переменяя грим. Как, например, тюремщик Родион – адвокат Роман – директор тюрьмы Родриг Иванович.

Во многом театрализованность романного действия восходит к эстетике Н. Евреинова, экспериментами которого в области драматургии Набоков был увлечен². Несомненно, повлияли на В. Сирина и размышления Н. Евреинова о казни как театрализованном представлении в трактате «Театр и эшафот» (1918)³.

Миру физическому у В. Сирина соответствует «кустарное искусство» (Н., 4: 99), где все грубо и нелепо размалевано, то осыпается, то разваливается на куски и т. п. Этот примитив ориентирован на вкусы большинства, ими питается и их удовлетворяет. Ведь блаженства, известные и доступные пошлому обывателю, исключительно плотского, гастрономического или естественно-физиологического порядка. Аналогичны и наслаждения «искусством»: «переходим к наслаждениям духовного порядка, – велеречиво, со смаком разглагольствует м-сье Пьер. – Вспомните, как, бывало, в грандиозной картинной галерее или музее, вы останавливались вдруг и не могли оторвать глаз от какого-нибудь пикантного торса, – увы, из бронзы или мрамора. Это мы можем назвать: наслаждение искусством» (Н., 4: 140).

Перед нами масскультура, обслуживающая плоть и ничего общего не имеющая с истинным искусством⁴. Даже Тамарины сады, воплощавшие для Цинцинната блага инобытийной реальности, оказались грубо размалеванной декорацией или механической имитацией – шедевром инженерной мысли некоего Никиты Луки-

¹ Александров В.Е. *Op. cit.* С.112.

² См.: Толстой Ив. Набоков и его театральное наследие // Набоков В. Пьесы. М., 1990. С. 5–42; *Alexandrov V.E. Nabokov and Evreinov // The Garland Companion to Vladimir Nabokov. N.Y.&L., 1995. P. 402–405; Медведев А.* Перехитрить Набокова // Иностранная литература. 1999. № 12. С. 217–229; *Бабинов А.* «Событие» и самое главное в драматической концепции В.В. Набокова // В.В. Набоков: Pro et contra. Т. 2. СПб., 2001. С. 558–586; он же: Изобретение театра // Набоков В. Трагедия господина Морна. Пьесы. Лекции о драме. СПб., 2008. С. 5–42; *Сендерович С., Шварц Е.* Набоковский парадокс о евреях // Парадоксы русской литературы. СПб., 2001. С. 299–317; *Злочевская А.В.* Драматургия русского зарубежья в контексте литературного процесса XX в. // Русская литература. 2004. № 3. С. 86–109 и др.

³ См.: *Литаврину М.Г.* Драматическая хроника Н.Н. Евреинова «Шаги Немезиды» (К вопросу о мифологеме театра в российской истории) // Международная ассоциация по изучению и распространению славянских культур. Вып. 27, М., 1993. С. 22–34.

⁴ О мотиве «плотоядного» искусства в «Приглашении на казнь» как злой пародии на эстетику Н.Г. Чернышевского см.: *Букс Н.* Эшафот в хрустальном дворце. О русских романах Владимира Набокова. М., 1998.

ча. Увы, «плотоядное искусство» дает только то, что может, – плоды порой искусные, но безнадежно мертвенные.

В тематическом узоре кустарного искусства парадоксальным образом сплелись физический и креативный пласты повествования. Этот весьма неожиданный симбиоз подсвечен саркастической усмешкой Автора.

«Горячие точки» этого нарративного пласта – образы-мотивы кувшина и паука. Оба образа реминисцентные: кувшин – «поивший всех узников мира» (Н., 4: 61), паук – «официальный друг заключенных» (Н., 4: 48). Имеются в виду, конечно, не только «вечные» атрибуты тюремного быта, но и их литературная традиция («Шильонский узник» Дж.Г. Байрона в переводе В.А. Жуковского, «Последний день приговоренного к смерти» В. Гюго, «Идиот» Ф.М. Достоевского и др.).

Образ-мотив паука прочерчивает, развиваясь в параллельном противостоянии мотиву бабочки, словесную ткань романа¹. В финале паук оказывается, как и Тамины сады, механической игрушкой: «Сделанный грубо, но забавно, он состоял из круглого плюшевого тела с дрыгающими пружинковыми ножками и длинной, тянувшейся из середины спины, резинки, за конец которой его держал на весу Роман, поводя рукой вверх и вниз, так что резинка то сокращалась, то вытягивалась и паук ездил вверх и вниз по воздуху» (Н., 4: 178).

Но вот трагический парадокс: мертвый механический паук пожирает живое – мотыльков и бабочек. Значение символа прозрачно: плотское, подобно «черной дыре», втягивает и пожирает душу.

Но есть в набоковском романе другое, настоящее искусство и другое, не «дикое» зеркало – это волшебное «поворачиваемое зеркало», которое сияет в прекрасном инобытийном *Там* и «от которого иной раз сюда перескочит зайчик» (Н., 4: 102).

Это «зеркало бытия» – набоковская вариация древних представлений о том, что отношения человека и Бога подобны системе направленных друг на друга зеркал. Ведь «ЗЕРКАЛО – символ связи нашего мира с параллельным»², а в эзотеризме – общекосмический принцип управления вселенной. «Зеркало бытия» соединяет / разъединяет Материю и Дух.

Эстетика мистической метафоры В. Набокова реализует древнюю метафору мировой книги: наш мир – книга, написанная Богом. Эстетическая концепция Набокова предполагает пропорцию: Автор так относится к тексту своего сочинения, как Бог к нашему миру, Им сотворенному. Отсюда трехмерная структура набоковского романа: уровень бытия героя – художественная реальность – так соотносится с миром «жизни действительной», где обитает Автор, как уровень Автора-Демидурга – с предощущаемым трансцендентным бытием Бога. Фигуры Бога и Автора в мире Набокова являют собой коррелирующую пару, а иногда совпадают, ибо Автор и есть Бог сотворенного им художественного мира.

В «Приглашении на казнь» Автор как бы от имени сочинителя романа «Quercus»³, который читает герой, посылает ему Благоую весть о скором избавлении.

Отрекошетив от волшебного «поворачиваемого зеркала», упал в камеру к Цинциннату «бутафорский желудь» (Н., 46 122) – плод того Дуба, о жизни которого повествует вымышленный «Quercus». «Желудь, – пишет В.Е. Александров, – как

¹ Анализ мотива паука см.: Александров В.Е. *Op. cit.* С. 129; Барабтарло Г. *Op. cit.* С. 24–29; Джонсон Д.Б. *Op. cit.* С. 214 и др.

² Символы, знаки, эмблемы. Энциклопедия. М., 2005. www.slovari.yandex.ru/зеркало/Символы&2Сзнаки&2эмблемы/Зеркало/

³ «Quercus» – набоковская пародия на роман В. Вульф «Орландо» (1928), герой которого пишет историю Дуба, а также на другие сочинения о Средневековье, в которых использовалась плодотворная

бы оказывается мостом между его физическим миром и воображаемым миром литературы, представленным романом «Quercus», удостоверяя таким образом реальность как последнего, так и порождающих его сил воображения и сознания (которые, в свою очередь, прямо связаны с потусторонностью)»¹.

Образ-символ желудя², как и паука и кувшина, тоже возник на стыке двух реальностей – физической и металитературной. Однако этот метафизический желудь – плод настоящего искусства³. Не случайно он, хоть и «бутафорский», отнюдь не «кустарный», а, напротив, будто настоящий, и даже по-своему красив: «крупный, вдвое крупнее, чем в натуре, на славу выкрашенный в блестящий желтоватый цвет, отполированный и плотно, как яйцо, сидевший в своей пробковой чашке» (Н., 4: 122).

И падает желудь в цинциннатову камеру сверху, занесенный дуновением сквозняка (Н., 4: 122), – не из метафизического ли инобытия? Ведь желудь явился Цинциннату в ответ на его отчаянный крик о помощи: «Неужели никто не спасет? – вдруг громко спросил Цинциннат и присел на постели (руки бедняка, показывающего, что у него ничего нет)» (Н., 4: 122).

И здесь возникает вопрос, которым никто до сих пор не задавался: а почему, собственно, в ответ на отчаянный SOS падает плод с дуба? Ведь ничего общего у Цинцинната с этим Дубом нет. Напротив, они в определенном смысле полярны: Дуб – символ вечности, Цинциннат обречен через несколько дней на смерть. Вспомним знаменитые пушкинские строки: «Гляжу ль на дуб уединенный, / Я мыслю: патриарх лесов / Переживет мой век забвенный, / Как пережил он век отцов».

Но в этой полярности и кроется разгадка: Автор макротекста «Приглашения на казнь» и как бы при посредничестве сочинителя «Quercus'a» посылает своему измученному герою твердую надежду на спасение и бессмертие.

Многие авторы ставят знак равенства между двумя вариантами набоковского «зеркала»: «дикое» – и волшебное «поворачиваемое», существующее в трансцендентном Там⁴. Это, конечно, неверно. В то время как истинное «зеркало искусства» не только отображает, но воссоздает и постигает сущность вещей⁵, «дикое зеркало» творит оптические миражи.

Волшебное «поворачиваемое зеркало» порой отбрасывает из своего прекрасного «там» чудесных «зайчиков» в унылое существование Цинцинната Ц. Один из них, еще в начале повествования, осветил грубую декорацию камеры, преобразив ее в прекрасную картину. Другой – тот самый металитературный желудь, о котором мы уже говорили.

Два вида креации – плотоядное «кустарное искусство» и творчество, пронизанное флюидами «потусторонности», – соотносимы с божественным и дьявольским типом творения. Бог при Купине назвал себя Моисею: «Я есмь Сущий» (Исх., 3: 14). И только Он может творить истинно существующее. Человека создал Бог, вдохнув в плоть дух. Дьявол в состоянии порождать лишь миражи, в том числе

идея Дуб – наблюдатель и повествователь (см.: Сконечная О. Примечания к «Приглашению на казнь», Н., 4: 625).

¹ Александров В.Е. Оп. cit. С. 124.

² Анализ мотива желудя см.: Александров В.Е. Оп. cit. С. 123–124; Давыдов С. Оп. cit. С. 108, 118; Джонсон Д.Б. Оп. cit. С. 215–216 и др.

³ Роман «Quercus» позиционирован, хотя и не без доли иронии, как произведение «бесспорно лучшее, что создало его время» (Н., 4: 121).

⁴ См., например: Александров В.Е. Оп. cit. С. 124; Давыдов С. Оп. cit. С. 117 и др.

⁵ См.: Злочевская А.В. Три лика мистической метапрозы XX века. С. 302–305, 311–331.

материальные, поскольку духа он в себе не имеет. В. Александров весьма проницательно замечает присутствие в романе «невидимого кукловода»¹.

Подобно Богу, настоящий художник создает нечто истинно существующее, хотя и бесплотное. Таков и герой В. Сирина Цинциннат Ц. – первый из его героев сочинитель, если, конечно, не считать антигероя и антиписателя Германа Карловича из «Отчаяния».

Хороший ли, настоящий ли писатель Цинциннат? Однозначного ответа на этот вопрос нет. «Сюжет писательства в романе – это исчезновение надежд на возможность адекватно выразить себя в тексте»², – считает Е. Полева. К такому выводу приходит исследовательница, проанализировав эволюцию самооценки набоковского героя – от эйфории первых шагов, когда он видит в своих «Записках» средство оставить о себе память в сознании своих будущих читателей, до полного разочарования в своем писательском даре.

Действительно, если все начиналось одушевленным страстным желанием оставить в памяти людей свой истинный образ, то оканчивается, как может показаться, отчаянием: «Кто-нибудь когда-нибудь прочтет и станет весь как первое утро в незнакомой стране. То есть я хочу сказать, что я бы его заставил вдруг залиться слезами счастья, растаяли бы глаза, – и, когда он пройдет через это, мир будет чище, омыт, освежен <...>. Я не простой... я тот, который жив среди вас... Не только мои глаза другие, и слух, и вкус, – не только обоняние, как у оленя, а осязание, как у нетопыря, – но главное: дар сочетать все это в одной точке... Нет, тайна еще не раскрыта, – даже это – только огниво, – и я не заикнулся еще о зарождении огня, о нем самом. Моя жизнь <...>. Сохраните эти листы, – не знаю, кого прошу, – но: сохраните эти листы <...>. Мне необходима хотя бы теоретическая возможность иметь читателя, а то, право, лучше разорвать <...>. Мои бумаги вы уничтожите, сор выметете, бабочка ночью улетит в выбитое окно, – так что ничего не останется от меня в этих четырех стенах, уже сейчас готовых завалиться» (Н., 4: 74, 167, 178–179).

Анализируя эти отрывки, Е. Полева не учитывает одно важное обстоятельство: самооценка автора чрезвычайно редко бывает адекватна. Графоманы мнят себя великими, а действительно талантливые художники часто мучаются несовершенством своих творений. А.С. Пушкин и В. Набоков в этом контексте – счастливое исключение: из всех мне известных только им Бог даровал редчайшую способность адекватно высокой оценки своих произведений. Муки «невыразимости» себя в слове – скорее знак истинного дарования. К тому же, ведь Цинциннат Ц. – писатель начинающий, и отсутствие мастерства в его случае вполне легко объяснимо и простительно.

Есть и еще одно важное обстоятельство, объясняющее отчаяние героя в финале: если вначале слова Цинцинната обращены к воображаемому будущему читателю – alter ego автора, того единственного и замечательного человека, который ожидает хорошего писателя в конце его великого пути и о котором мечтал сам Набоков³, то предсмертный возглас – к м-сье Пьеру и тюремщикам. Но зачем, собственно, Цинциннату оставлять память о себе своим тюремщикам? Тем более что и сама тюрьма рушится. А вот бабочка спаслась и вылетела на свободу, как вскоре это сделает сам герой В. Сирина. Так что последний пассаж – вовсе не об экзистенциальном отчаянии, – напротив, он об освобождении души из тюрьмы

¹ Александров В.Е. *Op. cit.* С. 112.

² Полева Е. *Op. cit.* С. 141.

³ См.: Набоков В.В. О хороших читателях и хороших писателях // Набоков В.В. Лекции по зарубежной литературе. М., 1998. С. 23–25.

физического бытия, которое герой бессознательно предчувствует, но не замечает, ибо все его физическое тело корчится от страха.

А между тем этот начинающий, еще неумелый писатель чрезвычайно остро чувствует слово, и ему доступно понимание глубинных тайн творения. «Вот опять чувствую, что сейчас выскажусь по-настоящему, затравлю слово. Увы, никто не учил меня этой ловитве, и давно забыто древнее врожденное искусство писать, когда оно в школе не нуждалось, а разгоралось и бежало как пожар, – и теперь оно кажется таким же невозможным, как музыка, некогда извлекаемая из чудовищной рояли, которая проворно журчала или вдруг раскалывала мир на огромные, сверкающие, цельные куски, – я-то сам так отчетливо представляю себе все это, но вы – не я, вот в чем непоправимое несчастье. Не умея писать, но преступным чутьем догадываясь о том, как складывают слова, как должно поступить, чтобы слово обыкновенное оживало, чтобы оно заимствовало у своего соседа его блеск, жар, тень, само отражаясь в нем и его тоже обновляя этим отражением, – так что вся строка – живой перелив; догадываясь о таком соседстве слов, я, однако, добиться его не могу, а мне это необходимо для несегодняшней и нетутошной моей задачи» (Н., 4: 100–101).

Под видимой оболочкой размышлений о слове прочитывается предчувствие бегства в «потусторонность». Мысль автора «Записок» устремлена, хотя и бессознательно, к реальности «не тутошной», а инобытийной – к бессмертию.

Замечательно, что и трагедию своей радикальной несовместимости с окружающими его «прозрачными» призраками и пародиями Цинциннат видит сквозь призму проблем бытия слова: «Окружающие понимали друг друга с полуслова, – ибо не было у них таких слов, которые бы кончались как-нибудь неожиданно, на ижицу, что ли, обращаясь в пращу или птицу, с удивительными последствиями» (Н., 4: 56–57).

Перед нами, бесспорно, мышление художника слова.

Более того, в процессе сочинительства, Цинциннат, как всякий настоящий писатель, постигает тайны ирреально-трансцендентного подтекста «жизни действительной». Вот, например, известное иррациональное прозрение героя: «Я обнаружил дырочку в жизни, – там, где она отломилась, где была спаяна некогда с чем-то другим, по-настоящему живым, значительным и огромным, – какие мне нужны объемистые эпитеты, чтобы их налить хрустальным смыслом... – лучше не договаривать, а то опять спутаюсь. В этой непоправимой дырочке завелась гниль» (Н., 4: 175).

Что же это за загадочная «дырочка»? С. Давыдов полагает, что это «дырочка» между двумя мирами – автора и героя, и именно сквозь нее герой прозревает своего Творца¹. Г. Барабтарло видит в ней отверстие между иными мирами – земным и «потусторонностью». Оба автора будто нарочно игнорируют «гниль», которая завелась между двумя половинками мироздания: миром материальным и инобытийным. Е. Полева, напротив, на этой «гнили» внимание акцентирует, считая, что именно из-за нее для Цинцинната «исчезла надежда на переход в иной мир, ибо связи с ним нет»².

Однако текст ясно говорит совсем о другом: некогда была «спайка» между двумя мирами: физическим и трансцендентным. Благодаря ей, энергия жизни питала плоть, одухотворяя ее. Недаром в своих снах Цинциннат видел жизнь совсем иную: «В снах моих мир был облагорожен, одухотворен; люди, которых я наяву так боялся, появлялись там в трепетном преломлении, словно пропитанные и окруженные той игрой воздуха, которая в зной дает жизнь самим очертаниям предметов; их голоса, поступь, выражение глаз и даже выражение одежды – при-

¹ См.: Давыдов С. *Op. cit.* С. 117.

² Полева Е. *Op. cit.* С. 140.

обретали волнующую значительность; проще говоря: в моих снах мир оживал, становясь таким пленительно важным, вольным и воздушным, что потом мне уже бывало тесно дышать прахом нарисованной жизни» (Н., 4: 99–100).

Теперь «спайка», некогда соединявшая обе половинки мироздания и благодаря которой духовная энергия питала плоть жизнью, «отломилась» – и «в этой непоправимой дырочке завелась гниль». Фантомы плоти остались без живительной подпитки¹.

И, однако, хотя «гниль» в «дырочке» препятствует проникновению духовной энергии в физический мир, это вовсе не означает, что для таких духовных индивидуальностей, как Цинциннат, обладающих внутренним неделимым и неистребимым, целостным ядром, невозможен выход в потустороннюю реальность, ведь осталась еще воздушная щель, сквозь которую человек духовный может выскользнуть из грубой физической реальности в природную ему стихию.

Причем, что чрезвычайно важно, этот переход Цинциннат Ц. совершил усилием собственной воли, а отнюдь не по воле своих мучителей. Как только он задал себе вопрос: «Зачем я тут?» (Н., 4: 186) – герой оказался в природной ему стихии прекрасной «потусторонности».

Этот вопрос стал закономерным неизбежным итогом процесса творчества Цинцинната Ц. – его самопостижения-самосозидания: «Все обмануло, сойдясь, все. Вот тупик тутошней жизни, – и не в ее тесных пределах надо было искать спасения» (Н., 4: 175).

Собственно, мотив тотального обмана появляется еще в начале романа. Там прозвучала подсказка Автора своему герою, что все его попытки каким-то образом убежать от ужаса жизни, оставшись в ней, иллюзорны: «Двое мужчин тихо беседовали во мраке сквера на подразумеваемой скамейке. “А ведь он ошибается”, – сказал один» (Н., 4: 53).

Цинциннат пришел к пониманию своей ошибки ценой собственных страданий лишь в конце своей жизни-текста.

Результатом сочинительства стала четко сложившаяся в индивидуальном сознании картина собственной жизни и личности. И она явилась тотальным отрицанием всего своего существования в физическом теле-тюрьме. Только освободившись ото всех приманок-обманок, которыми материальный мир привязывал его к себе, Цинциннат Ц. смог перейти в иную реальность, где «все поражает своей чарующей очевидностью, простотой совершенного блага; там все потешает душу, все проникнуто той забавностью, которую знают дети» (Н., 4: 101–102).

И все же, несмотря на то что Цинциннат Ц. – первый у Набокова герой-писатель, проблемы сочинительства лишь часть его жизни. Да, «Записки» для него – способ запечатлеть свою личность и оставить память о себе в сознании будущего читателя и таким образом обрести бессмертие. Волнуют его такие чисто творческие проблемы, как невыразимость и звукопись. И все же «Записки» для Цинцинната лишь средство убить время до казни: «Он пожалел, что поторопился сдать все книги, и от нечего делать сел писать» (Н., 4: 174).

И здесь необходимо учесть одну особенность нарративной модели набоковских романов: дело в том, что герои, типологически близкие автору – в интеллектуальном, моральном и духовном плане (Годунов-Чердынцев, Адам Круг, Себастьян

¹ Данная интерпретация остается корректной и при прочтении романа как антиутопии, в аспекте социально-политическом: советский строй, основанный на философии сугубо материалистической, которую В. Сирин назвал в «Истреблении тиранов» «шелухой <...> истины», вычитанной «у каких-то площадных софистов» (Н., 5: 355), – обрывал связь человека с духовной реальностью, а личностей, противящихся такой вивисекции, уничтожал.

Найт, Пнин), обычно включены в кругозор объективного (и сочувствующего) повествования. Напротив, субъективизированное повествование используется для «освоения» изнутри «чужого» сознания, цель его – исследование психологии личности с иным, чем у автора, типом сознания – Смуров («Соглядатай») или маргинально-криминальным – Герман («Отчаяние»), Гумберт Г. («Лолита»). «Некоторые мои персонажи, – так объяснял сей парадокс писатель, – без сомнения, люди прегадкие, но... они вне моего Я, как мрачные монстры на фасаде собора – демоны, помещенные там, только чтобы показать, что изнутри их выставили» (Н1., 2: 577).

Повествование о Цинциннате Ц. представляет собой органичный симбиоз: авторское слово в форме косвенно-прямой речи словно wpłyвает в текст героя, на ходу переплавляясь в него. Как, например, в этом отрывке: «Какая тоска. Цинциннат, какая тоска! Какая каменная тоска, Цинциннат, – и безжалостный бой часов, и жирный паук, и желтые стены, и шершавость черного шерстяного одеяла. Пенка на шоколаде. Взять в самом центре двумя пальцами и сдернуть целиком с поверхности – уже не плоский покров, а сморщенную коричневую юбочку. Он едва тепл под ней, – сладковатый, стоячий. Три гренка в черепаховых подпалинах. Кружок масла с тисненым вензелем директора. Какая тоска, Цинциннат, сколько крошек в постели» (Н., 4: 71–72).

Судя по нарративной модели «Приглашения на казнь», Цинциннат Ц. занимает среднее положение между героями близкими и чуждыми авторскому сознанию.

И все же это первый из набоковских героев, вполне осознанно и по собственной воле не совершающий самоубийства (как Лужин или Смуров) или убийства (как Герман из «Отчаяния»), не идущий сознательно на смерть, отправившись в Россию через границу (как Мартын Эдельвейс в романе «Подвиг»), но сделавший спасительный для себя выбор в сторону свободы и бессмертия.

В художественном мире Набокова не стирается, но превращается в некую расплывчатую, прерывистую линию непреодолимая в «обычном» произведении граница между его «внутренним миром», где обитают исключительно вымышленные персонажи, и миром «внешним» – Автора, человека и сочинителя, и его читателя. В момент своей «смерти» набоковский герой совершает переход из «внутреннего мира» романа на уровень «внешний» – бытия сознания Автора и читателя. И, присоединившись к подобным ему «любимым» героям своего Творца, обретает бессмертие в искусстве.

Автор же в финале окончательно утверждает себя в позиции Демиурга своего художественного мира.

В «Приглашении на казнь» в аллегорической форме воссоздана модель бытия индивидуального сознания в центре трехчастной картины мира: в фокусе сплетения эмпирической – трансцендентной – металитературной реальностей. Набоковский герой оказывается не жертвой, не безвольной игрушкой трех сил мироздания, но сам порывает с миром материальной иллюзии и переходит на уровень «действительного» металитературного инобытия.

ЛИТЕРАТУРА

Александров В.Е. Набоков и потусторонность. Метафизика, этика, эстетика. СПб.: Алетей, 1999. 312 с.

Ащеулова И.В. Тема писания и слова в романе В. Набокова «Приглашение на казнь» и в романах С. Соколова // В. Набоков в контексте русской литературы XX века. Томск: Изд-во Томского государственного университета, 2000. С. 84–93.

- Барабтарло Г.* Сочинение Набокова. СПб.: Изд-во Ивана Лимбиха, 2011. 457 с.
- Бабинов А.* «Событие» и самое главное в драматической концепции В.В. Набокова // В.В. Набоков: Pro et contra. Т. 2. СПб.: Российский христианский гуманитарный институт, 2001. С. 558–586.
- Бабинов А.* Изобретение театра // Набоков В. Трагедия господина Морна. Пьесы. Лекции о драме. СПб.: Азбука-классика, 2008. С. 5–42.
- Бицилли П.* Возрождение аллегории // Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве Владимира Набокова. М.: Новое литературное обозрение, 2000. С. 208–219.
- Бойд Б.* Владимир Набоков. Русские годы. Биография. М.: Независимая газета; СПб.: Симпозиум, 2001. 695 с.
- Букс Н.* Эшафот в хрустальном дворце. О русских романах Владимира Набокова. М.: Новое литературное обозрение, 1998. 199 с.
- Гессе Г.* Собр. соч.: В 4 т. СПб.: Северо-Запад, 1994.
- Давыдов С.* «Тексты-матрешки» Владимира Набокова. СПб.: Кирцидели, 2004. 157 с.
- Джонсон Д.Б.* Миры и антимирy Владимира Набокова. СПб.: Симпозиум, 2011. 352 с.
- Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
- Злочевская А.В.* Драматургия русского зарубежья в контексте литературного процесса XX в. // Русская литература. 2004. № 3. С. 86–109.
- Злочевская А.В.* «Оптическая» образность в романах Е. Замятина «Мы» и В. Набокова «Приглашение на казнь» // Литература. 2009. № 15. С. 18–22.
- Злочевская А.В.* Три лика мистической метапрозы XX века: Г. Гессе – В. Набоков – М. Булгаков. СПб.: Super Издательство, 2016. 552 с.
- Литаврину М.Г.* Драматическая хроника Н.Н. Евреинова «Шаги Немезиды» (К вопросу о мифологеме театра в российской истории) // Бюллетень UNESCO. «Театральность в жизни и искусстве». Вып. 27. М., 1993. С. 22–34.
- Медведев А.* Перехитрить Набокова // Иностранная литература. 1999. № 12. С. 217–229.
- Набоков В.В.* Антон Чехов // Набоков В.В. Лекции по русской литературе. М.: Независимая газета, 1996. С. 319–370.
- Набоков В.В.* Пошляки и пошлость // Набоков В.В. Лекции по русской литературе. М.: Независимая газета, 1996. С. 384–388.
- Набоков В.В.* Собр. соч. американского периода: В 5 т. СПб.: Симпозиум, 1997.
- Набоков В.В.* Собр. соч. русского периода: В 5 т. СПб.: Симпозиум, 2001–2004.
- Полева Е.* Функции писательства в самоопределении героя романа В. Набокова «Приглашение на казнь» // Литература русской эмиграции. Olomouc: Univerzita Palackého, 2016. С. 137–142.
- Сендерович С., Шварц Е.* Вербная штучка. Набоков и популярная культура: статья вторая // Новое литературное обозрение. 1997. № 26. С. 201–222.
- Сендерович С., Шварц Е.* Набоковский парадокс о евреях // Парадоксы русской литературы. СПб.: ИНАПресс, 2001. С. 299–317.
- Символы, знаки, эмблемы. Энциклопедия. М.: ЛОКИД – ПРЕСС, 2005. 494 с.
- Толстой Ив.* Набоков и его театральное наследие // Набоков В. Пьесы. М.: Искусство, 1990. С. 5–42.
- Фрейденберг О.М.* Поэтика сюжета и жанра. М.: Лабиринт, 1997. 454 с.
- Ходасевич В.* О Сирине // В.В. Набоков: pro et contra. Т. 1. СПб.: Российский христианский гуманитарный институт, 1997. С. 244–250.

REFERENCES

- Alexandrov V.E. (1991) Nabokov's Otherworld. Princeton: Princeton Univ. Press. 270 p.
- Ascheulova I.V. The Theme of Writing and the Word in V. Nabokov's Novel "Invitation to a Beheading" and in S. Sokolov's novels. In: V. Nabokov in the Context of Russian Literature of the 20th century. Tomsk. Tomsk University Press. 2000, pp. 84–93.
- Barabtarlo G. (2011) Nabokov's Works. St.-Petersburg. Simposium Publ. 457 p.
- Babikov A. "Event" and the Most Important in V.V. Nabokov Dramatic Concept. In: V.V. Nabokov: Pro et contra. Vol. 2. St.-Petersburg. 2001, pp. 558–586.
- Babikov A. The Invention of a Theater. In: Nabokov V. The Tragedy of Mr. Morn. Plays. Lectures on Drama. St.-Petersburg. Azbuka-Klassika Publ. 2008, pp. 5–42.
- Bicilli P. Rebirth of Allegory. In: Writer without Retouching. Literary World about the Work of Vladimir Nabokov. Moscow. Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ. 2000, pp. 208–219.
- Boyd B. (1990) Vladimir Nabokov. The Russian Years. Princeton: Princeton Univ. Press. 695 p.
- Books N. (1998) The Scaffold in the Crystal Palace. On the Russian Novels of Vladimir Nabokov. Moscow. Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ. 199 p.
- Davydov S. "Teksty-Matreški" Vladimira Nabokova. München: Otto Sagner, 1982. 252 S.
- Dostoyevskij F.M. The Complete Works: In 30 vols. Leningrad. Nauka Publ. 1972–1990.
- Hesse H. The Selected Works: In 4 vols. St.-Petersburg. Severo-Zapad Publ. 1994.
- Hodasevich V. About Sirin. In: V.V. Nabokov: pro et contra. St.-Petersburg. Simposium Publ. 1997, pp. 244–250.
- Jonson D.B. (1985) Worlds in Regression: Some Novels of Vladimir Nabokov. Ann Arbor: Ardis. 352 p.
- Litavrina M.G. Dramatic Chronicle of N.N. Evreinov "Steps of Nemesis" (To the Question of the Mythology of the Theater in Russian History). *The UNESCO Bulletin. "Theatricality in Life and Art"*. Moscow. 1993. Issue 27, pp. 22–34.
- Medvedev A. To Outwit Nabokov. *Inostrannaya Literatura*. 1999. No 12, pp. 217–229.
- Nabokov V.V. Anton Chehov. In: Nabokov V.V. Lectures on Russian Literature. Moscow. Independent Journal Publ. 1996, pp. 319–370.
- Nabokov V.V. Vulgar People and Vulgarly. In: Nabokov V.V. Lectures on Russian Literature. Moscow. Independent Journal Publ. 1996, pp. 384–388.
- Nabokov V.V. The Works of American years: In 5 vols. St.-Petersburg. Simposium Publ. 1997–1999.
- Nabokov V.V. The Works of Russian years: In 5 vols. St.-Petersburg. Simposium Publ. 2001–2004.
- Poleva E. Functions of Writing in the Self-Determination of the Hero of V. Nabokov's "Invitation to a Beheading". In: Russian Emigree Literature. Olomouc. Univerzita Palackého. 2016, pp. 137–142.
- Senderovich S., Schwartz E. Verbnaya Shtuchka. Nabokov and Popular Culture: Article Two. *Novoe Literaturnoe Obozrenie*. 1997. No 26, pp. 201–222.
- Senderovich S., Schwartz E. Nabokov's Paradox about the Jew. In: Paradoxes of Russian Literature. St.-Petersburg. INAPress. 2001, pp. 299–317.
- Symbols, Signs, Emblems. Encyclopedia. Moscow. LOKID – PRESS. 2005. 494 p.

Tolstoy Iv. (1990) Nabokov and His Theatrical Heritage. In: Nabokov V. Plays. Moscow. Iskusstvo Publ., pp. 5–42.

Zlochevskaya A.V. Russian Emigree Dramatic Art in the Context of the Literary Process of the 20th century. Russkaya Literatura. 2004. No 3, pp. 86–109.

Zlochevskaya A.V. “Optical” Imagery in E. Zamyatin’s Novel “We” and V. Nabokov’s “Invitation to a Beheading”. Literatura. 2009. No 15, pp. 18–22.

Zlochevskaya A.V. (2016) Three Faces of Mystical Metaproze of the 20th century: H. Hesse – V. Nabokov – M. Bulgakov. St.-Petersburg. Super Izdatelstvo Publ. 552 p.

Сведения об авторе:

Алла Владимировна Злочевская,
докт. филол. наук
ст. науч. сотрудник
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Alla V. Zlochevskaya,
Doctor of Philology
Senior Researcher
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
zlochevskaya@mail.ru

Н.Я. Марр

*О.А. Волошина
(Москва, Россия)*

«Яфетические переживания» Н.Я. Марра

Аннотация: В статье рассматривается роль учения Н.Я. Марра о языке в контексте развития отечественной лингвистики XX века. Автор анализирует принципы «нового учения об языке» Н.Я. Марра, предложенный им метод этимологического и семантического анализа, новую концепцию классификации языков. Автор рассматривает разрушительное влияние теории Марра на отечественную лингвистику первой половины XX века.

Ключевые слова: Н.Я. Марр и его «новое учение об языке», язык и мышление, яфетические языки

*О.А. Voloshina
(Moscow, Russia)*

“Japhetic Experiences” of Nikolay Marr

Abstract: The article deals with the role of Marr’s linguistic theory in the context of the development of Russian linguistics in the 20th century. The author analyzes the principles of the “new doctrine about language” by Marr, his method of etymological and semantic analysis, new concept of classification of languages. The author considers the negative influence of Marr’s theory on the development of Russian linguistics in the first half of the 20th century.

Key words: Nikolay Marr, “new doctrine about language”, language and thought, japhetic languages

Имя академика Николая Яковлевича Марра, – по словам его ученика В.И. Аббаева, «если не самое знаменитое, то самое шумное имя в истории советской науки», – по моим наблюдениям, неизвестно студентам филологического факультета. Если кто-то и слышал о Марре, то лишь как о шарлатане, об авантюристе в науке, деятельность которого можно оценить как ряд бесконечных ошибок и чудовищных заблуждений. Что именно «плохого» сделал Марр отечественной науке, студенты не знают, самые начитанные добавляют, что идеи Марра были фан-

тастическими, нелепыми и вряд ли могли прийти в голову нормальному человеку. Почему же тогда эти идеи существенно повлияли на отечественное языкознание, получили необыкновенный резонанс, были подхвачены сторонниками (среди которых было немало серьезных ученых), почему Марру удалось перевернуть отечественное языкознание, зачеркнув старую науку и провозгласив единственно правильным свое «новое учение об языке», которому суждено было главенствовать несколько десятилетий, – период, определенный как мрачная страница в истории отечественной науки о языке – «марризм» или «сумерки лингвистики».

Писать о Н.Я. Марре трудно, ведь триумф учения и шумное его разоблачение давно стали достоянием истории, участники тех далеких событий свидетельствуют, что понять феномен Марра можно только в контексте революционной эпохи – времени масштабных преобразований, поистине грандиозных надежд и фантастических гипотез. Нам же, далеким от тех событий, остается лишь читать работы самого Н.Я. Марра¹, выступления его последователей и оппонентов², воспоминания современников³ и учитывать оценку его деятельности в трудах историков языкознания⁴.

Неправильно думать, что Марр был выскочкой, получившим признание невежественной толпы лишь после революции: звание академика было присвоено Марру вполне заслуженно по инициативе выдающихся ученых-востоковедов Академии Наук Российской империи, однако заслуги Марра относились не к области лингвистики (лингвистического образования Марр не получил), а к области филологии и археологии. Достаточно упомянуть, что именно Марр возглавлял раскопки Ани – древней столицы Армении. В результате масштабной археологической деятельности Марру стали доступны некоторые редкие памятники древнеармянской письменности, которые сам Марр прокомментировал, подготовил к изданию и опубликовал. Результатом его путешествий на Афон и Синай стала публикация обнаруженных в армяно-григорианских и православных монастырях неизвестных науке древнегрузинских рукописей, анализ которых позволил Марру сделать несколько важных наблюдений относительно древнеармянской и древнегрузинской филологии. И первые лингвистические работы Марра были весьма удачными, ведь ученый не выходил за рамки хорошо известного ему лингвисти-

¹ Чтение работ Марра вызывает двойственное впечатление: удивляет грандиозность поставленных задач и незначительность (зачастую полное отсутствие) доказательств, тех фактов, на которых базируются утверждения и целые гипотезы. Непонятно, как можно было верить его словам, но и не поверить, кажется, было невозможно, так как масштабность заявленной цели поражает воображение, завораживает. Зачаровывает способность Марра оперировать самыми разными фактами многочисленных языков, соединять несоединимое (например, пытаться объяснить строение языка через общественно-экономические формации и т. п.), возникает аналогия с пламенной речью Остапа Бендера «Стремитесь в Васюки!», произнесенной в шахматном клубе перед «любителями острых шахматных ощущений». Современники Марра, его ученики и коллеги говорили о чудовищной разнице между устными выступлениями Марра и его печатными работами: живая речь Марра завораживала, сама фигура воодушевленного оратора убеждала, магнетически действовала на слушателей, а письменные тексты теряли это свойство, предполагаемая структурированность письменного текста выявляла отсутствие логики, доказательной базы, последовательности изложения и убедительной силы выводов.

² Например, выступление Е.Д. Поливанова «Проблема марксистского языкознания и яфетическая теория» в Коммунистической академии в 1929 г.

³ См. замечательную статью В.И. Абаева, воспоминания О. Фрейденберг и К.Д. Дондуа (список работ в конце нашей статьи).

⁴ Например, статья В.М. Алпатова «Громовержец (Н.Я. Марр)» (см.: *Алпатов В.М. Языковеды, востоковеды, историки. М.: Языки славянских культур. 2012. С. 9–30).*

ческого материала и работал в той области, где практически не имел конкурентов, – исследование кавказских языков (например, Марру принадлежит первая грамматика родственного грузинскому лазского языка, грамматика древнеармянского языка и др.). Однако очень скоро Марру стало тесно в рамках армяно-грузинской филологии и кавказоведения, его широкая натура жаждала грандиозных теоретических построений, обобщения необъятного фактического материала. А в русле общественно-политической ситуации начала XX в. – революционных преобразований и переворотов в общественной жизни и в науке – новаторские идеи Марра-борца получили огромный резонанс.

Поверхностно знакомый с современной ему лингвистикой, Марр обладал талантом замечать недостатки и пробелы в лингвистических учениях, понимал ограниченность применения методов, разработанных на конкретном языковом материале. Кипучая натура Марра требовала решительной перестройки (одно из любимых слов Марра) старой науки. Поскольку лингвистика не могла дать ответа на многие вопросы, интересовавшие Марра, он предложил со свойственной ему решимостью комплексно подходить к решению вопроса, привлекая данные других наук: археологии, фольклористики, литературоведения, культурологии и др. В результате такого подхода некоторые лингвистические выводы приходилось подгонять или «увязывать» (еще одно любимое слово Марра) с данными других наук. Все это рождало произвол научных построений, потому что при желании «увязать» можно что угодно с чем угодно, а по части «увязки» и убеждения в истинности такой «архитектоники» появлялись причудливые научные гипотезы, зачаровывавшие своей масштабностью, смелостью и бездоказательностью.

Как известно, основной лингвистической парадигмой конца XIX – начала XX в. было сравнительно-историческое языкознание, в центре внимания которого изучение исторического развития родственных языков. Это развитие рассматривалось как результат дивергенции (дробления) некогда единого праязыка. Важным достижением сравнительно-исторического языкознания был метод реконструкции общего языкового состояния (праязыка), метод фиксации постепенных языковых изменений, признание их регулярного и обязательного характера, т. е. формулировка языковых законов. Однако подобного рода закономерные изменения четко были сформулированы на материале фонетики (речь идет о звуковых или фонетических законах¹), а вот семантика или синтаксис были той областью, где трудно (или даже невозможно) было сформулировать законы развития, которые были справедливы только для определенной семьи языков. Ведь семантика и синтаксис опираются на законы человеческого мышления, психологии говорящих, поэтому часто универсальны, справедливы для любого языка независимо от его генетической принадлежности². Получалось, таким образом, что главным достижением сравнительно-исторического языкознания было выявление методики доказательства языкового родства на материале фонетических законов (регулярных изменений звуков родственных языков). Критикуя индоевропейскую компаративистику, Марр писал: «От нового сравнительного метода остались рожки да ножки, преимущественно его техника, выработанная наблюдениями над внешностью явлений, что привело к бессмыслице, исключительному

¹ Например, известный закон Раска-Гримма о германском передвижении согласных, закон о палатализации задненебных согласных в языках *satəm* и т. п.

² Безусловно, закономерности развития синтаксических структур родственных языков могут быть установлены, однако эта работа требует нового материала (сопоставления с синтаксическими структурами языков других семей), новых методов и более глубокого анализа материала.

развитию учения о формальной стороне речи» [Марр 1936: 179]. В центре внимания лингвистов оказывалась фонетика, а именно изменения звуков. Это была та область, в которой языкознание как наука могло доказать свои положения, однако самые главные для человеческой коммуникации области – семантика и синтаксис – оказывались вне поля зрения науки о языке. Марр был далеко не первый, кто заговорил об ограниченности рассматриваемого материала, методов и выводов современной науки. Сами компаративисты (тем более их оппоненты) неоднократно подчеркивали ограниченность и метода, и поставленных задач. В частности, Н. Крушевский, ученик И.А. Бодуэна де Куртенэ, писал о том, что лингвистика конца XIX – начала XX в. не есть наука о языке, поскольку не изучает язык, его происхождение, законы развития и функционирования, – она лишь «стремится вскрыть взаимное родство языков ариоевропейской семьи и восстановить как ариоевропейский праязык, так и праязыки отдельных семейств (славянской, германской...)» [Крушевский 1998: 71].

Пытаясь найти выход из создавшегося положения, некоторые лингвисты, такие как И.А. Бодуэн де Куртенэ, Г. Шухардт и др., выдвинули формулировку законов, касающихся морфологии или семантики (например, закон Бодуэна о переразложении основ в пользу окончаний), однако подобного рода наблюдения требовали включения в лингвистический аппарат методов других наук, в частности психологии. У Марра идея о совместной работе самых разных наук о человеке, о комплексном подходе к решению сугубо лингвистических задач приобретет колоссальный размах. С одной стороны, это, конечно, важно и справедливо, однако при таком подходе нужно четко понимать сферу действия и доказательную базу каждой науки и не пытаться объяснить тип языка определенной культурой керамики или захоронений, т. е. грубо «увязать» лингвистику и археологию.

Другой важной идеей Марра явилась та, что языки развиваются не только путем дивергенции, но и конвергенции, т. е. помимо дробления некогда общего праязыка языки путем взаимного влияния друг на друга могут объединяться в новый общий язык. Эта идея опять не была новой для науки о языке: о языковом смешении писали и И.А. Бодуэн де Куртенэ¹, и Г. Шухардт², и Н.С. Трубецкой³ и мн. др. Однако Марр (как часто случалось) заявил о «перевороте» в науке, превратив свою идею о непрерывном и глубоком смешении самых разных языков в движущую силу глоттогонического процесса и важнейший принцип языковой эволюции.

Традиционная компаративистика не устраивала Марра не только признанием исключительно дивергентного языкового развития, но и по другим пунктам. В частности, исторически сложилось так, что в центре изысканий специалистов по сравнительно-историческому языкознанию с самого начала была индоевропейская (или, как говорили в начале XIX в., индогерманская) семья языков. В этом не было созна-

¹ В результате языкового смешения, т. е. сильного влияния языков друг на друга, по мнению Бодуэна де Куртенэ, язык может не только приобретать огромное количество заимствованной лексики, но и кардинально менять свою грамматику, приобретать некоторые черты несвойственного ему языкового типа. Этому процессу была посвящена диссертация Бодуэна де Куртенэ «Опыт фонетики резьянских говоров» и мн. др. работы.

² Знаменитый диссидент индоевропеистики австрийский лингвист Гуго Шухардт также рассматривал языковое влияние как мощный стимул развития языка. Он одним из первых в мировой науке о языке специально занимался креольскими языками, считая этот материал ярким примером языкового смешения.

³ В статье «Мысли об индоевропейской проблеме» Н.С. Трубецкой прямо заявлял о том, что языки мира являются результатом не только дивергентного, но и конвергентного развития, что активно влияют друг на друга не только родственные языки (входящие в одну языковую семью), но и неродственные, образуя в результате языковой союз.

тельного ущемления языков других семей или отсутствия к ним интереса; дело в том, что в то время именно индоевропейские языки оказались наиболее хорошо изучены и представлены огромным количеством письменных памятников, что позволяло проследить историю развития этих языков (речь идет в первую очередь о классических древних языках – латинском и греческом, о германских и романских языках, о санскрите и т. п.). Методика, сформулированная на материале одной языковой семьи, легко могла быть перенесена на другой лингвистический материал, в этом смысле индоевропейские языки были как бы опытной площадкой, на которой разрабатывались методика и теория сравнительно-исторического языкознания в целом. Однако Марр усмотрел в пристрастии ученых к индоевропейской семье попытку игнорировать языки других языковых семей, своего рода дискриминацию якобы «неудобных» компаративистам-индоевропеистам языков. Марр стал горячо протестовать против «расовой дискриминации», обвиняя буржуазных ученых (и вся компаративистика стала рассматриваться им как буржуазная наука в противоположность новому учению о языке, возникшему и торжествовавшему в Советской России) в расизме, поскольку, по его мнению, ученые напрямую связывали индоевропейские языки с «высшей» расой индоевропейцев. На самом деле ни один ученый-компаративист не признавал расового характера языкового типа и языковой семьи.

Отличительной чертой характера Марра была страстность, ревность и бескомпромиссность, что влияло и на профессиональную деятельность ученого. Замечая «несправедливость», Марр тут же кидался на защиту совершенно фантастических предположений. Например, еще будучи студентом, Марр попытался доказать родство родного ему грузинского языка с семитскими языками. Эта тема касалась давнего спора компаративистов о родстве семитских языков с другими языками, в частности, с индоевропейской семьей. В рамках традиционной компаративистики грузинский язык не принимался во внимание, так как его родство с индоевропейскими языками было отвергнуто наукой еще после неудачной работы Франца Боппа об индоевропейско-картвельском родстве. Таким образом, грузинский язык выпал из поля зрения серьезных ученых, ведь все внимание было приковано к языкам индоевропейским. Марра глубоко оскорбляло такое положение вещей, он стремился найти родному языку «приличного» (т. е. знатного и известного) родственника. Таким родственником он предложил считать семитские языки – языки богатой и древней культурной традиции. Доказательством своей гипотезы Марр не был особенно озабочен, поэтому большинству ученых высказанное предположение не показалось убедительным.

В дальнейшем Марр продолжал подбирать «родственников» родному грузинскому языку по принципу «что плохо лежит» – объединял в одну семью с грузинским те языки, родственные связи которых представляли проблему для ученых: баскский язык, нерасшифрованный язык этрусков, малоизвестный пеласгский язык и т. п. Нужно было придумать название новой семье языков, причем такое, чтобы сразу определить место этой семьи в генеалогической классификации языков мира. Марр выбрал название «яфетические языки». Вот как пишет о выборе термина сам Марр: «Раз имена Сима и Хама были закреплены за определенными группами языков, Хама за хамитическими языками, родство которых с семитическими в науке уже признавалось и тогда, то из имен трех братьев, Сима, Хама и Яфета, оставалось лишь одно, чтобы именовать новых кавказских родственников семитической семьи, и они были названы по Яфету» [Марр 1936: 182]. Однако яфетических языков было найдено мало, и все они не шли ни в какое сравнение с индоевропейскими и семит-

скими языками – языками великой культуры, многовековой письменной традиции. Чтобы «поднять престиж» любимых яфетических языков, Марр обращается к доисторическим временам, к глубокому прошлому, отстаивая главенствующее положение яфетических языков до прихода индоевропейцев в Евразию. Яфетические языки как свидетельство о великом прошлом нашей цивилизации – эта идея становится важной для теории Марра, который именно в туманном прошлом чувствует себя теперь как рыба в воде: это то пространство, где он может выдвигать любые теории, жонглировать огромным количеством фактов, подгоняя их под уже готовые теоретические схемы, не опасаясь разоблачения, потому что наука часто оказывается бессильной в темноте минувших тысячелетий.

Стоит заметить, что, выдвигая гипотезу о яфетических языках как особой семье, Марр оставался еще в рамках традиционного сравнительно-исторического языкознания: он пытался доказывать родство яфетических языков, опираясь на фонетические законы (скорее, на вольную интерпретацию этих законов). Хотя, вопреки всем правилам и методам строгой компаративистики, Марр не утруждал себя созданием исторической грамматики яфетических языков, формулировкой строгих фонетических законов, вместо которых предлагались лишь произвольные указания перехода звуков и изменения семантики слов.

Однако вскоре и этого Марру оказывается мало – на смену яфетической семье приходит «новое учение об языке»¹.

Воодушевленный масштабными преобразованиями политической, социальной и экономической жизни нашей страны после революции 1917 г., Марр предлагает считать яфетические языки определенной стадией общезыкового развития. Так возникает знаменитая стадильная гипотеза языкового развития², согласно которой все языки мира проходят в своем развитии определенные стадии, одна из первых, восходящая к глубокой древности, – яфетическая. Марр пишет: «Как в мире растительном существуют пережиточные виды, открываемые натуралистами в отброшенных от культурных районов или центров горных местах, так в ущельях и у склонов трех горных стран: 1) с юга Памира, 2) на Кавказе, 3) у Пиренеев – сохранились реликтовые виды человеческой речи, представляющие пережитки языков доисторического населения Европы, более того – с известных эпох, весьма древних – языков населения всей Афреватии. Это в Средней Азии на Памире – вершицкий язык, заброшенный среди иранских, на Западе у Пиренеев... – баски, на Кавказе же во множестве сохранившиеся народы и племена, не относимые ни к индоевропейской, ни к семитической, ни к турецкой семье» [Марр 1936: 182].

Поскольку яфетические языки – предшествующая стадия развития всех мировых языков, в любом языке (и семитском, и индоевропейским, и тюркском и т. п.) можно найти архаические яфетические черты. В работах Марра начинается лихорадочный поиск яфетических элементов в словах любого языка, в этом Марру нет равных: обладая силой убеждения, он, как фокусник, может найти яфетический элемент в любом слове любого языка.

¹ По словам В.И. Абаева: «Впечатление слабой аргументированности и произвольности от построений Марра все более возрастает, по мере того как ученый все дальше отходит от той области, где он был суверенным хозяином: грузинской и армянской филологии. Если там все строилось на фактическом материале, то с течением времени мы все меньше видим упрямых фактов и все больше – упрямого автора» [Абаев 2006: 91].

² И здесь Марр также не является пионером: стадильная теория языкового развития была предложена в середине XIX в. еще Августом Шлейхером, горячо обсуждалась и была отвергнута учеными как бездоказательная и, следовательно, ненаучная.

Марр предполагает наличие в древнейшем языке «диффузных звуков» – нерасчлененных звуковых комплексов. Отдельные членораздельные звуки – гласные и согласные – позднее явление, первоначально существовали «диффузные комплексы» – фонетические и семантические первоэлементы, получившие позднее различное звуковое выражение в разных языках мира. Марр пишет: «Элементов всего-навсего четыре. Объяснение их числа приходится искать в среде возникновения, технике входившего в состав коллективного магического действия пения. Первичное диффузное произношение¹ каждого из четырех элементов, как единого цельного диффузного звука, пока не выяснено. Нам эти четыре элемента доступны в многочисленных закономерных разновидностях, их которых для четырех элементов выбраны как условное наименование четыре их формы, по одной для каждого элемента: сал, бер, йон, рош, что указывается латинскими буквами в порядке их перечня А = сал, В = бер, С = йон, D = рош. Выбор сделан по созвучию с известными племенными названиями, в состав которых они входят без изменения или с позднейшим частичным перерождением, именно «сар-мат» – сал (А), «и-бер» – бер (В), «ион-яне» – йон (С), «эт-руск» – рош (D)» [Марр 2001: 181]. Эти элементы могли выступать в различной огласовке: «Примером разновидностей элемента А является: sal, or, ur, tal, dor, dal и т. п.» (цит. по [Быковский 1933: 33]). Разнообразные фонетические варианты предлагались и для других элементов. Никаких обоснований того, почему именно такие звуковые формы характерны для тех или иных элементов, не приводилось. Поэтому любое слово могло «разлагаться» посредством «палеонтологического анализа» на части, произвольно связываемые с исходными элементами. Таким образом, любой текст на любом языке представляет собой различные комбинации этих четырех элементов – именно эта структурная общность и обуславливает единство глоттогонического процесса.

Очевидно, что обосновать наличие именно четырех элементов Марр не мог; доказать существование подобных «диффузных» комплексов, из которых впоследствии были созданы ВСЕ слова ВСЕХ языков мира, тоже не было возможности. Как говорил критик Марра, известный лингвист Е.Д. Поливанов, основы этого учения нельзя доказать и проверить, их нужно было принять на веру.

Итак, по мнению Марра, в любом языке существуют «одноэлементные» слова, которые представляют собой довольно свободную фонетическую и семантическую модификацию исходных элементов, позднее образуются «скрещенные, двухэлементные» слова. Задача лингвиста – при помощи «палеонтологического анализа» вскрыть состав любого слова, возведя его к четырем элементам, установив, как считал Марр, исходную семантику этого слова. Чтобы «палеонтологический анализ» выглядел более научно, не возникало впечатления произвольного изменения звуков, Марр предлагает собственные «звуковые законы», вводя технические обозначения звуковых переходов: «↗ подъем, → становление тем, что у острия» и т. п. Например, ш → j значит: ш переходит в j; однако введение технических символов неспособно было избавить «фонетические законы» Марра

¹ Диффузное произношение – это значит не дифференцированное, не отчетливое. Диффузные звуки «не произносились с достаточной ясностью, звучали неопределенно. Следы древнейших первоначальных диффузных звуков еще до сих пор сохранились в качестве пережитков в языках некоторых народов, стоящих на относительно низкой ступени развития. К ним относятся щелкающие, каркающие и цокающие звуки, например, готтентотского языка... Переходной ступенью являются так называемые аффрикаты, которые не представляют собой еще вполне дифференцированных звуков, но относятся уже к членораздельной речи» (цит. по [Быковский 1933: 32–33]). Создается впечатление, что звуки готтентотского языка не относятся к членораздельной речи.

от полного произвола, так как это всего лишь способ технического обозначения изменений звуков, целиком порожденных фантазией их автора. Звуковые переходы проходили по-разному в различных группах яфетических языков. Марр писал: «Языки яфетические делятся на ветви сибилянтную и спирантную, в свою очередь, сибилянтная ветвь – на группы свистящую и шипящую, а спирантная – на группы длительную и прерывистую» [Марр 2001: 182]. Никаких пояснений относительно данной классификации дано не было – это положение также нужно было принять на веру. В результате такого подхода Марр порождал огромное количество «новых» фантастических этимологий. Например: «При таких перспективах, вскрытых новым учением благодаря палеонтологии речи, углубляется сама сравнительная грамматика, формальный сравнительный метод осложняется учетом истории материальной культуры; так, например, греч. *balan-os* «желудь» и лат. *pan-is* «хлеб», восходящий формально к архетипу **palan*, оказываются родственными, причем оба слова являются скрещенными из двух элементов В (*pal-bal*) и С (*-an*); в значении же «хлеба» сохраняется один первый элемент по закономерным разновидностям окающей (шипящей) группы *rig* у грузин и экающей (спирантной) ветви *ber + l-b* у готтентотов» [Марр 2001: 183].

Этимологии Марра всегда фантастичны, но некоторые поражают воображение попыткой сопоставить несопоставимое, «увязать» этимологии с культурой, фольклором, мифологией, социально-экономическим укладом конкретного народа. Например, в работе «Яфетические зори на украинском хуторе (Бабушкины сказки о Свинье Красном Солнышке)» Марр «увязывает» в палеонтологическом анализе слова «Бог» и «свинья» (!): «Ведь русский “бог” (←*bor-g* – основа грузинского глагола *bor + g-va* “бесноваться” **bor-d*) одно и то же слово, но различных эпох стадияльного осмысления, и с нем. “*Bro-d*” “хлеб” (сюда же брет. *bar-a* ←**bar-han* и франц. “*ble*” с его характерным эканием), и с лат. “*por + c-us*” “свинья”» [Марр 2001: 243]. Такую же связь Марр демонстрирует другой этимологией, «вскрытой палеонтологическим анализом»: «связь “свинья”, как культового существа, в увязке тотемных предметов одного и того же «племени», точнее, определенной производственно-социальной группировки, уже не скифско-кельтского, а рошского объединения, выплывает в укр. “роха” “свинья” (отсюда “рох” “хрюканье свиньи”, “рохкати” “хрюкать”, “рохкания” “хрюкание”), а *gor* (←*rok*) →*rok* ведь это означало “солнце”, resp. “небесенок”» [Марр 2001: 232]. В контексте идеи Марра об обожествлении тотемных животных¹ эта «увязка» может показаться оправданной, однако сам Марр понимает, что наука еще не готова к принятию такого «революционного учения». Он пишет: «Ясно, что нам в самом деле ничего не остается, как прервать наши бабушкины сказки о Свинье Красном Солнышке в ожидании более зрелой аудитории. Но придет ли она? Конечно, да, однако едва ли из академических Назаретов; только бы терпения... Яфетическая теория со всем ее страшилищем, новым учением об языке, не зверь, в лес не убежит» [Марр 2001: 272].

Затем Марр идет еще дальше – он пытается «увязать» стадии языкового развития с определенными этапами социального и экономического устройства общества. Эту «органическую увязку языка с материальной культурой» Марр демонстрировал анализом значений слов, именно семантику поставив в центр лингвистических изыска-

¹ Палеонтологический анализ слова «Русь», по мнению Марра, указывает на формальное и семантическое тождество со словом «конь», что дает возможность утверждать, что «в национальном имени русских мы имеем след давнего прошлого, эпохи тотемизма, когда в числе других тотемных объединений была группа “коня”».

ний. Четыре элемента, представляющие собой диффузные выкрики, – это названия древних племен, другие важнейшие слова – названия обожествлявшихся тотемных животных и т. п. Яфетическая стадия «увязывалась» с доисторическим прошлым человечества, а индоевропейские языки (прометеидские¹) – это эпоха обработки металла. Однако подобные рассуждения у Марра носили фрагментарный характер, полной картины последовательной смены исторических периодов и свойственной им системы языка Марр не предложил. «С эпохами, для которых фактов имелось достаточно, ему всегда было трудно; он, например, связывая стадии с формациями, сумел ни разу ничего не сказать, чему в строе языка соответствует феодализм и капитализм. Зато в “доистории” было, где разгуляться» [Алпатов 2012: 20].

Отрицая традиционную компаративистику и предлагая взамен совершенно новое «учение об языке», Марр постоянно полемизирует с буржуазными учеными-компаративистами. Это касается не только представления о родстве языков, которое для Марра есть не генеалогическая общность, а «социальное схождение», не только звуковых законов, но и картинки родословного древа родственных языков. Поскольку родословное древо А. Шлейхера представляло развитие родственных языков как процесс постоянной дивергенции (дробления), Марр его принять не мог. Для Марра, как уже было сказано, скрещение, взаимное влияние языков друг на друга представлялись более существенным для языкового развития процессом. Кроме того, Марр

замахнулся на отражение в виде древа не отдельной языковой семьи, а всех языков мира. Поэтому древо Марра выросло в гигантское, и не очень понятное самому автору образование. Именно поэтому Марр постоянно дерево перерисовывал и комментировал. В работе «О происхождении языка» оно выглядит так:

Корни древа, разрастающиеся и уходящие в землю, – это множество племенных языков, еще не звуковых, а «ручных» или «линейных». Далее не очень понятно выделяются три стадии на стволе древа: синтетическая стадия, продолжением которой является ветвь дальневосточных языков, и агглютинативная стадия, параллельно которой расположены яфетические языки.

Правомерно ли отнести яфетические языки к агглютинативной стадии, остается непонятным. Выше идет флективная стадия, параллельная индоевропейским языкам. Армянскому и албанскому языкам на древе отводится особое место: Марр считает их «гибридными», т. е. переходными от яфетического типа к индоевропейскому. Чувашский также, по его мнению, является переходным от яфетического типа к тюркским языкам. «Вершина, теоретически имеющая венчать все предшествующие стадии развития языка, – единая речь, общечеловеческая» [Марр

¹ «Горячая ковка металла обусловила, по мысли Н.Я. Марра, крутой хозяйственный переворот в истории соответствующих обществ, перестроилась вся структура их. На почве этих изменений и возникла индоевропейская система языков. По связи, согласно древнему мифу, имени легендарного Прометея с огнем, который играл выдающуюся роль при ковке металлов, Н.Я. Марр дал индоевропейской системе языков второе название – прометеидской» (цит. по [Быковский 1933: 26]).

1936: 195]. Однако изображать этот единый мировой язык Марр не стал, так как эта картинка уже не имела бы ничего общего с деревом: невозможно представить себе дерево, все ветви которого вновь срастаются в единый ствол. Древо Марра вызывает множество вопросов, например, современный французский язык, утративший разветвленную систему флексий, Марр располагает ближе к яфетическим языкам, чем к древним индоевропейским¹ и т. п.

Выступая против «формализма» сравнительно-исторического языкознания, Марр предложил рассматривать язык в неразрывной связи с мышлением: «Мышление и язык неразлучны». Справедливости ради надо отметить, что о неразрывной связи языка и мышления говорили лингвисты еще со времен В. фон Гумбольда, поэтому Марр и здесь не выступил новатором, но он поставил задачу выяснения связи языка и мышления со всей свойственной ему решимостью, пытался обнаружить особенности мышления в структуре значений слов, особое внимание уделив выяснению развития значений слов, изменению семантики и т. п.² Пытаясь определить степень влияния социальных преобразований на развитие языка, лингвисты изучали язык революционной эпохи, язык периода социальных потрясений, экономических реформ и т. п. Причем основным предметом изучения становилась лексика, поскольку именно словарный состав наиболее чутко реагирует на подобного рода изменения. Достаточно назвать работы А.М. Селищева, Л.П. Якубинского, С.И. Карцевского и др. Однако и здесь Марр провозгласил свою идею как новаторскую, идущую вразрез с буржуазной наукой. Он писал: «По сей день индоевропейская лингвистика работает формальным методом и, сосредотачивая свое внимание на фонетике и морфологии, отводит словарь на второстепенное место, абсолютно не учитывает явлений семантики, учения о значениях слов, закономерно вытекающих из связи языка с этапами развития хозяйственно-общественной жизни» [Марр 2001: 179]. Марр «указал на классовую сущность языка и мышления в классовом обществе» [Быковский 1933: 40]. Он утверждал, что язык грузинских крестьян ближе к языку баскских крестьян, чем к языку грузинской аристократии. Понятно, что подобного рода заявления были подкрепляемы эмоциями и восторженными речами, а не языковыми фактами.

Марра невозможно обвинить в консерватизме и косности, яркой особенностью его творчества была постоянная изменчивость. Марр непрерывно перестраивал не только чужие, но и свои гипотезы, зачастую новые заявления противоречили старым, иногда мэтр сам забывал, какое именно мнение он высказал относительно фактов того или иного языка, предлагал совершенно различные, отрицающие друг друга этимологии и интерпретации значения слов и т. п.³ Излагать учение Марра трудно было даже его последователям и преданным ученикам; методички, предлагаемые студентам филологических факультетов, приходилось постоянно переиздавать: уче-

¹ Впрочем, Марр вообще не считает, что французский язык утратил флексии; согласно Марру, он их вообще не имел, поэтому как язык простой структуры стоит ближе к яфетическим языкам, а латинский уже отошел от яфетических, превратившись в индоевропейский язык, принадлежащий уже следующей стадии.

² Опять нельзя сказать, что Марр был пионером в этом направлении, достаточно назвать работы М.М. Покровского, Г. Пауля, Г. Шухардта и др. по исторической семантике.

³ К.Д. Дондуа, ученик Марра, вспоминает, как однажды Марр предложил этимологию одного слова. «Я напоминаю ему, как еще недавно это же самое слово он анализировал иначе. Николай Яковлевич весело смеется и, почесав по привычке затылок, каким-то особенным, таинственным голосом говорит: “Торшечник с какой стороны захочет, с той стороны и приделает ушко к горшку”. Это грузинская пословица» [Дондуа 1975: 253].

ние Марра постоянно меняло свой облик, переливаясь новыми идеями и фактами, потому что было основано на богатой фантазии автора. «Палеонтологией вскрыто, что значения слов возникли не по каким-либо физическим или иным свойствам предмета, а по его функции. На термин “хлеб” перешло название “дуба” или “желудя”, служившего раньше в роли хлеба. На “лошадь” перешло название “собаки”, службу которой в роли животного для передвижения стала отправлять “лошадь”. Также “дом” получил свое название не по материалу, не по форме, а по функции служить “покровом”, “защитой”, т. е. по слову, значившему прежде всего “небо”, “верх”, “крышка”, “покрышка”, “покров”, “сень” и т. п.» [Марр 2001: 183]¹. И далее «форма без учета смысла в палеонтологическом освещении неизбежно вводит в заблуждение... Лишь учет значимости в палеонтологическом освещении вскрывает подлинное положение вещей, скрытое за семью печатями при одном формальном подходе. Так, в терминах космического круга у русского с немецким, казалось бы, нет ничего общего, ибо, например, “земля” по-немецки Erde, а “небо” Himmel, но по палеонтологии речи первоначально не только “небо” и “земля”, но и “море”, как три космические предмета, носили одно и тоже название: “небо” означало и “небо” (“небо¹”), и “землю” (“небо²”), и “море” (“небо³”). Поэтому нем. “Himmel” и русск. “земля”, в архетипе на почве языков яфетической системы одинаково двухэлементные, одинаков из АВ элементов (hi-mel ze-mel), лишь разновидности – сибилантная (ze-mel) и спилантная (hi-mel) – одного и того же слова, означавшие каждая и “небо”, и “землю”, и “море”» [Марр 2001: 186].

Марр писал не только о семантических законах, но и о развитии грамматического строя языка. «Марр разъяснил ряд грамматических категорий в качестве отражения общественных отношений, различных их исторических состояний... Так, например, выводы о возникновении местоимений в связи с зачатием частной собственности, выводы о возникновении единственного числа после формального образования множественного числа и т. д. – служат к обоснованию на лингвистическом материале теории первобытного коммунизма» [Быковский 1933: 70].

Итак, кипучая натура Марра требовала грандиозных теоретических построений вплоть до отрицания всего старого языкознания и создания «нового учения об языке». Не владея методом лингвистического анализа, будучи скорее филологом и культурологом, а не лингвистом, он не стремился к строгому доказательству своих гипотез при помощи точных методов лингвистического анализа, более того, сами аксиомы – исходные положения его учения – были абсолютно произвольны и недоказуемы, и вот на этом шатком фундаменте Марр пытался воздвигнуть здание новой лингвистики. Не удивительно, что его теоретические построения рассыпались, как картонный домик. Но сила и обаяние его личности, пылкая убежденность в правоте своих слов, стремление перестроить старую науку и поставить перед языкознанием новые важные задачи – все это привлекало многочисленных сторонников и учеников.

Яркая и страстная натура ученого оживает в воспоминаниях его учеников. Вот как характеризовала Марра О. Фрейденберг: «Марр не объективен; он весь – пристрастие и страсть, и отдается порыву, бурно бросаясь с головой без остатка в стихию борьбы...» [Фрейденберг 2001: 428]. И далее «Это был человек великой умственной страсти. Он весь, с совершенно исчерпывающей силой, был отдан еди-

¹ О смелости семантических сопоставлений свидетельствуют названия статей Марра: «О “небе” как гнезде празначений», «“Смерть” ← “преисподняя” в месопотамско-эгейском мире», «“Зима” || “смерть” (из палеонтологии речи)», «О полигении семантики (“брат” и “кровь”)), «Яфетические перживания в классических языках и «вера» в семантическом кругу “неба”» и т. п.

ной творческой мысли – только одной своей теории. Бодрствование – была стихия Марра... Его голова всегда была полна языковыми материалами, и он ошарашивал встреченного знакомого, вываливая ему прямо и без подготовки пригоршню слов и только за секунду перед тем их вскрытых значений» [Фрейденберг 2001: 436–437].

Ученики вспоминали, что у Марра «не было и не могло быть застывших курсов, в его лекциях всегда чувствовался трепет жизни, трепет создающейся науки (со всеми ее удачами и неудачами)» [Дондуа 1975: 247].

Грандиозность поставленных Марром задач поражала и вдохновляла современников: это и проблема связи языка и мышления, вопрос о происхождении языка и об общих законах языкового развития, об изменении значений слов в ответ на социально-экономические изменения общества и т. п. Конечно, на многие вопросы Марр давал совершенно фантастические ответы, но некоторые наблюдения Марра и сейчас поражают прозорливостью, чутьем великого ученого.

Отдавая дань полету научной мысли, энергии и страстности своего учителя – Марра, В.И. Абаев писал: «Вероятно, “осторожные” крохоборы, не совершающие ошибок, тоже нужны в науке, как нужен балласт для аэростата, слишком стремительно рвущегося ввысь. Но в перспективе времени мятежные творческие натуры, как Марр, со всеми их ошибками, займут более высокое место в истории науки» [Абаев 2006: 98]¹.

ЛИТЕРАТУРА

Абаев В.И. Н.Я.Марр (1864–1934). К 25-летию со дня смерти // Абаев В.И. Статьи по теории и истории языка. М.: Наука, 2006. С. 87–98.

Алпатов В.М. Громовержец (Н.Я. Марр) // Алпатов В.М. Языковеды, востоковеды, историки. М.: Языки славянских культур. 2012. С. 9–30.

Быковский С.Н. Марр и его теория. М.; Л. 1933. 99 с.; 1 л. портр.

Гамкрелидзе Т.В. Об одной лингвистической парадигме // Вопросы языкознания. М., 2005. № 2. С. 3–6.

Дондуа К.Д. Николай Яковлевич Марр. К 15-й годовщине со дня смерти // Дондуа К.Д. Статьи по общему и кавказскому языкознанию. Л.: Наука, 1975. С. 247–253.

Крушевский Н. К вопросу о гуне. Исследование в области старославянского вокализма // Крушевский Н. Избранные работы по языкознанию. М. 1998. С. 71–95.

Марр Н.Я. О происхождении языка // Марр Н.Я. Избранные работы: В 5 т. Т. 2: Основные вопросы языкознания. Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1936. С. 179–209.

Марр Н.Я. Язык // Сумерки лингвистики. Из истории отечественного языкознания: Антология / Отд-ние лит. и языка Рос. акад. наук, О-во любителей рос. словесности; Сост. В.Н. Базылев и В.П. Нерознак; Под общ. ред. В.П. Нерознака. М.: Academia, 2001. С. 177–187.

¹ Современные лингвисты говорят о Марре как об ученом, обладавшем «тончайшей научной интуицией, доходившей порой до гениальности» [Гамкрелидзе 2005: 5]. А палеонтологический анализ Марра, выявляющий структуру языкового механизма, сравнивают с генетическим кодом, передающим информацию о наследственности в молекулярной биологии. «Глоттогоническая теория Н.Я. Марра не имеет под собой никаких рациональных оснований. Она противоречит и логике современной теоретической лингвистики, и языковой эмпирии, и в этом смысле она иррациональна. Но теория эта, представляющая своеобразную структурную модель некоей семиотической системы, весьма близкой к генетическому коду, не иррелевантна для науки и может служить иллюстрацией проявления в ученом интуитивных и неосознанных представлений о структуре генетического кода, очевидно, подсознательно скопированных им при создании оригинальной модели языка» [Гамкрелидзе 2005: 5].

Март Н.Я. Яфетические зори на украинском хуторе // Сумерки лингвистики. Из истории отечественного языкознания: Антология / Отд-ние лит. и языка Рос. акад. наук, О-во любителей рос. словесности; Сост. В.Н. Базылев и В.П. Нерознак; Под общ. ред. В.П. Нерознака. М.: Academia, 2001. С. 22–272.

Фрейденберг О.М. Воспоминания о Марте // Сумерки лингвистики. Из истории отечественного языкознания: Антология / Отд-ние лит. и языка Рос. акад. наук, О-во любителей рос. словесности; Сост. В.Н. Базылев и В.П. Нерознак; Под общ. ред. В.П. Нерознака.. М.: Academia, 2001. С. 425–442.

REFERENCES

Abaev V.I. N.Ya. Marr (1864–1934). To the 25th Anniversary of the Death. In: Abaev V.I. The Articles on the Theory and History of Language. Moscow. Nauka Publ. 2006, pp. 87–98.

Alpatov V.M. Zeus (N.Ya. Marr). In: Alpatov V.M. Linguists, Orientalists, Historians. Moscow. Yazyki Slavyanskikh Kultur Publ. 2012, pp. 9–30.

Bykovsky S.N. Marr and His Theory. Moscow; Leningrad. 1933. 99 p.; 1 il.

Gamkrelidze T.V. About One Linguistic Paradigm. *Voprosy Jazykoznanija (Topics in the Study of Language)*. Moscow. 2005. No 2, pp. 3–6.

Dondua K.D. Nikolay Yakovlevich Marr. To the 15th Anniversary of the Death. In: Dondua K.D. The Articles on General and Caucasian Linguistics. Leningrad. Nauka Publ. 1975, pp. 247–253.

Frejdenberg O.M. Memories of Marr. In: Twilight of Linguistics. From the History of Russian Linguistics: Anthology / Eds.: V.N. Bazylev, V.P. Neroznak. Moscow. Academia Publ. 2001, pp. 425–442.

Krushevsky N. On the Question of Guna. Research in Old Slavic Vocalism. In: Krushevsky N. The Selected Works on Linguistics. Moscow. 1998, pp. 71–95.

Marr N.Ya. On the Origin of Language. In: Marr N.Ya. The Selected Works: In 5 vols. Vol. 2: The Main Questions of Linguistics. Leningrad. 1936, pp. 179–209.

Marr N.Ya. A Language. In: Twilight of Linguistics. From the History of Russian Linguistics: Anthology / Eds.: V.N. Bazylev, V.P. Neroznak. Moscow. Academia Publ. 2001, pp. 177–187.

Март Н.Я. Japhetic Dawns at Ukrainian Khutor. In: Twilight of Linguistics. From the History of Russian Linguistics: Anthology / Eds.: V.N. Bazylev, V.P. Neroznak. Moscow. Academia Publ. 2001, pp. 22–272.

Сведения об авторе:

Оксана Анатольевна Волошина,
канд. филол. наук
доцент
кафедра общего
и сравнительно-исторического языкознания
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Oksana A. Voloshina,
PhD
Associate Professor
Department of General
and Comparative-Historical Linguistics
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
oxanav2005@mail.ru

*А.А. Коростелева
(Москва, Россия)*

**Идея адекватности – неадекватности
как основа коммуникативной композиции фильма**

Аннотация: В работе, выполненной методом семантического коммуникативного анализа, ставится вопрос о распознавании коммуникативных примет адекватности либо неадекватности собеседника. Автор использует материал художественного фильма «Парень с нашего кладбища» (2015) и детально рассматривает особенности функционирования русских коммуникативных единиц (как вербальных, так и кинесических) у персонажей с адекватным либо неадекватным ситуационным коммуникативным поведением. Затронута также проблема эстетической нагрузки используемого в фильме арсенала коммуникативных средств и образуемая ими коммуникативная композиция.

Ключевые слова: эстетическая функция коммуникативных средств, коммуникативная семантика, звучащий кинодиалог, типы речевой личности, индивидуальные коммуникативные стратегии

*A.A. Korosteleva
(Moscow, Russia)*

**The Idea of “Adequacy – Inadequacy”
as a Basis of a Movie’s Communicative Composition**

Abstract: The research, made with the help of the semantics communicative analysis method, raises the question of recognition of interlocutor’s adequacy or inadequacy communicative signs. The author uses the material from “The Guy from Our Cemetery” (2015) movie and examines in detail the functional peculiarities of Russian communicative units (both verbal and kinesic) of the characters distinguished by an adequate or inadequate communicative behavior. The problem of aesthetic charge of the movie’s arsenal of communication tools and the communicative composition, formed by them, is also mentioned.

Keywords: aesthetic function of communicative means, communicative semantics, spoken film dialogue, types of speech personality, individual communicative strategies

Метод семантического коммуникативного анализа, предложенный М.Г. Безяевой [Безяева 2002; 2005; 2006; 2008а, б; 2010а, б; 2012, 2013а, б; 2014; 2015а, б; 2016а, б], прежде всего подразумевает выделение в рамках системы языка *коммуникативного уровня*, противопоставленного *номинативному*. Семантика коммуникативного уровня языка связана с соотношением позиции говорящего, позиции слушающего и оцениваемой и квалифицируемой ими ситуации, тогда как семантика единиц номинативного уровня связана с передачей информации о действительности, преломленной в языковом сознании говорящего.

Коммуникативный уровень русского языка включает в себя чрезвычайно разнородные единицы – от *собственно коммуникативных* (наклонения, частицы, междометия, интонация, другие средства звучания, синтаксические приемы) до *средств, способных выполнять наряду с коммуникативной и номинативную функцию* (словоформы полнозначных лексических единиц, части речи, грамматические категории). Важной особенностью коммуникативных средств является *несознаваемость естественными носителями языка их семантических параметров* [Безяева 2014: 102].

Организующими понятиями для коммуникативного уровня являются понятия *целеустановки*, *вариативного ряда конструкций*, ее обслуживающих, и *инвариантных параметров средств*, входящих в эти конструкции. Под целеустановкой понимается *языковой тип воздействия говорящего на слушающего, говорящего на говорящего, говорящего на ситуацию – либо фиксация типа воздействия слушающего или ситуации на говорящего*. Коммуникативная конструкция объединяет в себе конкретные реализации инвариантных параметров единиц, подчиняющиеся *особому алгоритму развертывания семантических параметров*. *Почти все инварианты русских коммуникативных единиц способны к антонимическому развертыванию*. Помимо этого, сами параметры и их реализации могут относиться к позиции говорящего, к позиции слушающего или к ситуации, быть распределены между ними и т. д. Возможно также варьирование по отнесенности к различным временным планам и по аспекту реальности-ирреальности¹.

Средства, объединенные единством коммуникативного параметра, при возможном различии других, называются коммуникативным полем (например, *поле нормы*, *поле личной сферы*, *поле бенефактивности* и др.). Поле является одним из способов существования коммуникативных единиц в тексте. Под *коммуникативным текстом* понимается «совокупность последовательно вводимых коммуникативных единиц, отражающих определенную логику соотношения позиций говорящего, слушающего и ситуации» [Безяева 2014: 104].

В основе анализа интонационных средств языка в работе лежит описание системы русской интонации, принадлежащее Е.А. Брызгуновой, а также разработанная ею усложненная интонационная транскрипция [Брызгунова 1980, 1982].

Обращаясь к материалу звучащего кинодиалога, мы видим, что коммуникативная дорожка фильма играет ключевую роль в создании отдельных образов и в построении системы персонажей [Безяева 2010а; 2013б; 2014; Коростелева

¹ Семантические инвариантные параметры русских вербальных коммуникативных средств содержатся в публикациях [Безяева 2002; 2005а; 2005б; 2008а, б; 2010а, б; 2012; 2013а, б; 2015 а, б; 2016а, б и др.], а также в спецкурсах, читавшихся М.Г. Безяевой на филологическом факультете МГУ в 2006–2016 гг. («Инвариантные параметры средств коммуникативного уровня русского языка», «Анализ коммуникативной семантики звучащего текста» и др.). Трактовки кинесических средств принадлежат автору данной работы.

2004; 2007; Чалова 2007; 2014; 2016]. Определенная коммуникативная задача заставляет стягиваться в текст средства, обладающие нужными коммуникативными параметрами, способные передать заданный тип квалификации ситуации, взаимоотношений говорящего и слушающего и т. п. [Безяева 2014]. Таким образом, говоря о художественном произведении, мы можем рассуждать о его коммуникативной композиции, описывать закономерности появления тех или иных коммуникативных единиц в диалогах, «переключки» средств, их «симметричное» либо «несимметричное» распределение между персонажами и др.

Кинофильм «Парень с нашего кладбища» (Россия, 2015) является примером произведения, где сам принцип конструирования системы персонажей удачно описывается в терминах коммуникативной семантики. Особенность этой комедии в том, что непрерывное достраивание системы персонажей происходит в течение всего фильма, вплоть до самого конца, и оказывается едва ли не важнее событийной канвы. Общая картина вырисовывается постепенно, обнаруживая на новых этапах всё большую и большую симметричность.

Перед нами выстраивается ряд героев, интересы которых так или иначе связаны с кладбищем (они стремятся попасть на территорию кладбища, пронести что-нибудь туда либо вынести оттуда, получить некую связанную с кладбищем информацию и т. п.). Эта череда персонажей довольно отчетливо делится на две группы – людей адекватных и людей неадекватных. Кладбище с запретом прохода на его территорию для посторонних, с определенными правилами, введенными администрацией, представляет собой в данном случае ту самую ситуацию, относительно которой выявляется адекватность либо неадекватность каждого посетителя. Точкой отсчета в этой системе служит охранник Коля – честный парень, образец добросовестности и глубокой внутренней «правильности» (не случайно название фильма, «Парень с нашего кладбища», переключается с названием фильма 1942 г. по пьесе К. Симонова «Парень из нашего города»). Именно позиция кладбищенского охранника в этой ситуации делает Колю с его здоровыми реакциями своеобразной «лакмусовой бумажкой» для зрителей: Колино отношение к очередному визитеру четко обозначает место того в системе. Такое распределение героев зритель проводит невольно и даже, может быть, не вполне осознанно в течение всего фильма, до тех пор, пока открытие, ожидающее его в конце, не придает этой галерее образов абсолютную завершенность (про всех несомненно адекватных людей выясняется, что это были мертвые, в то время как неадекватны были живые). Рассмотрим, за счет каких языковых средств образуются описанная коммуникативная композиция.

В сцене прибытия Коли в город в самом начале фильма сразу же закладывается идея необходимости оценивать всё и вся по параметру адекватности – неадекватности, а также идея некоторой амбивалентности происходящего. Достигается это взаимодействием номинативных и коммуникативных средств языка.

Коля: Дядя Вася⁶, / здра⁴сьте.

Дядя Вася: Здорово.² (*Пожимают друг другу руки*).

Коля: Бабушка.² (*Передаёт телефон*).

Дядя Вася (в телефон): Да?² // Ну, я сказал – устрою.^{2 3} // Нормально⁴ будет получать. // Нор-маль-но! (Коле) На, ещё чего-то хочет.

Коля: Да. // Не очень доволен, / да. // (Дядя Вася сигналиит ему из машины). Нам
 пора, ба // Парковка платная. // Позже наберу, / давай. // (Улыбается) Как дела,
 дядя Вася ?

Дядя Вася: Значит, / первое. // Если приехал ко мне работать... / я тебе не дядя
 Вася, / а Василий Иванович. (Коля продолжает широко улыбаться. Дядя Вася без
 улыбки фиксирует на нем взгляд, затем кивает). У тебя удостоверение охранника
 с собой?

Коля: Ага. // А что за объект?

Дядя Вася (кивает): Нормальный объект, (качнув головой) прекрасный. (Коля
 улыбается). Воздух, / тишина, / и мёртвые с косами стоят.

В репликах Василия Ивановича привлекает к себе внимание настойчивая экс-
 пликация соответствия предмета речи норме, при том что само появление слова
нормально за пределами фатики, как правило, маркирует наличие фонового от-
 клонения от нормы. Дополнительное ощущение неоднозначности происходяще-
 го обеспечивается интонационным оформлением этих реплик. Размещение цен-
 тров ИК-4 и ИК-2 с удлинением гласного на слове *нормально* трактуется двояко.
 С одной стороны, такому звучанию можно подобрать «благовидное» объяснение:
 ИК-4 с параметром соотношения означает ‘говорящий соотносит размеры буду-
 щей Колиной зарплаты со средним заработком и определяет его как нормальный’,
 ИК-2 с удлинением гласного выступает в значении ‘говорящий хочет запечат-
 леть вводимый им вариант в сознании слушающего (так как по телефону плохо
 слышно)’. Той же цели – докричаться до собеседника при плохой связи – служит
 и обособление последнего слога. Но параллельно с этим напрашивается вторая
 трактовка, не менее явственная: ИК-4 формирует оттенок вызова, внося значе-
 ние соотношения говорящим его собственной позиции с позицией слушающего
 и подчеркивания дистанции между ними (‘ты подозреваешь, что Коля будет по-
 лучать недостаточно, я же далек от этого мнения’). Использование здесь ИК-2
 обеспечило бы значение ‘реализован именно этот вариант: Коля будет получать
 нормально, и никак иначе’, и это было бы наиболее нейтральным в данном случае
 ответом. При повторе звучащие средства порождают значение ‘я хочу запечатлеть
 в твоём сознании свою позицию и свою волю (удлинение гласного) относитель-
 но реализованного варианта (ИК-2)’. В данном случае для зрителей важно то,
 что, эксплицитно утверждая соответствие некоего нейтрального объекта норме,
 Василий Иванович держится при этом отнюдь не нормально. (Ср.: «Какая там
 погода?» – «Нормальная там погода! // Нормаль-на-я!» /РР/). Само по себе упор-
 ное маркирование фонового отклонения от нормы можно списать на раздражение
 говорящего, но затем в диалоге появляется характеристика кладбища:

Коля: А что за объект?

Дядя Вася (кивает): Но рма льный объект, (качнув головой) прекрасный.

Здесь, помимо удлинения гласного, связанного с желанием говорящего вну-
 шить собеседнику правильность своей позиции, мы видим также модальную ре-
 ализацию ИК-2 со всплеском тона в предцентре: ‘говорящий указывает на макси-
 мально полное сходство на фоне сходства предполагаемого (ты и так предполагал,
 что я подберу тебе достойный объект, но он даже превзойдёт твои ожидания)’. На

значение солидаризации говорящего с приписываемым слушающему представлением работает и кивок: ‘ты, вероятно, догадываешься, что я плохого объекта тебе не предложу, и я солидаризуюсь с этой позицией’. Однако эта же модальная реализация ИК-2 может маркировать и сходство на фоне расхождения (‘несмотря на то, что некоторые такой объект нормальным не сочли бы, я провозглашаю его нормальность’). Слово прекрасный при этом, вопреки логике языка, не выделяется в особую синтагму, и ожидаемый интонационный центр на нем отсутствует, т. е. оно подается «смазанно», как лишенное всякой значимости. В связи с этим и кинема *качать головой* (‘разрыв между нашими представлениями о свойствах объекта и его реальными свойствами: я / ты и не предполагал, как этот объект хорош’) воспринимается как фатический элемент.

Таким образом, сбалансированно-безмятежный настрой Коли, с которым он прибывает к месту новой службы, сразу оказывается в контрасте с местным настроением – постоянной настораживающей готовностью указать на отклонение от нормы и постоянным фоновым присутствием неких туманно обрисованных отклонений. Далее этот первый тревожный сигнал перейдет в картину разнообразной, многоплановой неадекватности, разворачивающуюся в полной красе.

Отметим, что при этом почти все коммуникативные средства, используемые Колей в этом маленьком эпизоде, связаны по своей семантике с параметром адекватности либо нормы: *да* – подтверждение адекватности позиции слушающего ситуации, *давай* (в прощании) – знание говорящим бенефактивной нормы развития ситуации (пора прощаться), *ага* – фиксация соответствия предположения адресата действительной ситуации, *что* – незнание говорящим характеристик нового объекта, который предстоит охранять, при знании им сложившейся нормы ситуации, то есть какими бывают объекты (а что за объект?).

Сыгранная Александром Палем роль Коли в совокупности с ролью Попова в к/ф «Тряпичный союз» (2015) наводит на мысль, что одно из «коммуникативных амплуа» этого актера – образ человека принципиально адекватного, сталкивающегося с высокой степенью неадекватности других лиц / обстоятельств. Другие роли А.В. Паля (Алёша Карамазов в фильме-спектакле «Нелепая поэмка», Саня Мачульский в к/ф «Страна чудес», брат Сергей в короткометражном фильме «Нечаянно» и др.) указывают на то, что идея адекватности – неадекватности, по всей видимости, составляет суть его индивидуальной коммуникативной стратегии, коррелирующей с эстетической темой. В зависимости от роли это могут быть колебания между адекватностью и неадекватностью, глубинная адекватность при внешней неадекватности, локальная адекватность на фоне глобальной неадекватности и т. д.

Далее, эпизод за эпизодом, начинает выстраиваться ряд разнообразных героев, цели и интересы которых приводят их к контактам с кладбищенским охранником. Первый визитер – девушка Ира – попадает в нашем представлении в группу людей адекватных с точки зрения социального взаимодействия.

Ира: Простите,² / а вы наш новый сторож?³

Коля: Я охранник. // А вы сокращаете¹ дорогу через кладбище?³²

Ира (улыбается): Наоборот, / я домо¹ й иду. // Н-ну... я бы с радостью жила бы в другом месте.

Коля: М. // И как вы теперь пойдёте?²

Ира: Придётся обходить.¹ // Извините, если что.² // До свиданья.²

Коля: Подождите!² // Я всё равно буду делать обход,⁶ / поэтому мы можем вме-
сте... вместе веселей.²

Ира: Спасибо.² // А чем отличается... сторож / от охранника?^{6 2}

Коля: Сторож спит,³ / а охранник бдит.^{6 1²}

Ира (улыбается): Что?

Коля: Глаголы вроде похожи,⁶ / а действия разные.¹

Ира (смеётся): Тогда вы наш... первый охранник.^{6 1}

Коля (улыбается): Приятно.^{1²}

Ира: Предыдущие все были сторожа.¹ // Пойдёмте?³ // Вам самому тут не страшно?³

Коля: А кого бояться-то?²

Ира: Привидений.⁴

Коля: Привидений?^{3²}

Ира: Ну да.²

Коля: Привидениям цветные металлы не нужны.¹ // Вот людям – другое дело.²

Ира: Значит, вы мёртвых... / охраняете от живых.^{6 1}

Коля: Получается, что так.¹

Ира: И если украдут,⁶ / вы заметите?^{2³}

Коля: Фотографическая память. (Ира смеётся. Они доходят до другого конца
кладбища, и Коля отпирает для Иры вторые ворота).⁴

Ира: Спасибо.

Коля: Да... я бы проводил вас дальше, но не могу: // служба. // А вы приходите
ещё. // Я тут... чебуреки сделаю.^{2 6}

Ира (улыбается): Завтра. // Я приду.^{2 2}

Коля: Хорошо. // Я буду ждать! // Здесь.^{2 2}

Ира: Значит... ночью / тут кто-то бродит, // а вам не страшно?^{6 1²}

Коля: Такая работа.¹

Ира: А вы-ы... / знаете, / кто это?^{6 3 2}

Коля: Вот поймаю... / познакомимся.^{3 1}

Ира: Но зачем вам его ловить?²

Коля: А зачем ему тут бегать?⁴

Ира: Ну... ночь, / кладбище, / а вы один.^{4 3}

Коля: Так, / всё. // Страшно стало.^{2 1²}

Ира (смеётся): Да ну вас.²

Адекватность Иры, поскольку мы смотрим на нее через призму Колиной работы и его задач охранника, уже в самом том, что ее интересы не подразумевают никакого вреда для кладбища как объекта охраны.

Сразу следует отметить, что Ира не скрывает того, что кладбище – это и есть ее дом, что она мертва. Сюда относится использование ею единиц *мы / наши* (Тогда ⁶*вы наши... первый охранник*), *тут* (Вам самому тут не страшно?), маркирующее включенность кладбища в ее личную сферу, в область неотчуждаемой принадлежности. К высказыванию *Наоборот, / я домой иду* с однозначным смыслом (т. е. ‘не срезаю дорогу через кладбище, а именно на кладбище и направляюсь и именно его называю своим домом’) практически невозможно подобрать другую, безобидную интерпретацию. Почему же эта правдивость мертвых ни разу за весь фильм не настораживает собеседника? Если говорить об Ире, ее «настораживающие» высказывания, как это ни удивительно, прекрасно скомпенсированы простой вежливостью и доброжелательностью; идеальное следование речевому этикету отвлекает от них внимание. Даже включение в речь простейших этикетных реплик (*Простите*; *Извините, если что*; *До свиданья*; *Спасибо*; *Спасибо*) уже выделяет Иру на фоне множества неадекватных живых (пьяница, цветочница, телевизионщик и др.), речь которых напрочь лишена этой составляющей. Причем если *простите* обусловлено законами использования фатик и просто необходимо для установления контакта перед вопросом, то высказывание *Извините, если что* – это уже штрих к коммуникативному портрету говорящего (использование *если* показывает, что говорящий рассматривает варианты развития ситуации, вычленив тот вариант – *что*, при котором его визит чем-то помешал слушающему).

Кроме того, в речи Иры отдельные коммуникативные средства, не обязательно традиционно связываемые с идеей вежливости, выдают ее чуткость и «настроенность» на собеседника. Таковы начальное *а* (*а вы наши новый сторож?*) в значении ‘ввожу вас в новую ситуацию’, улыбка в значении ‘развитие ситуации бенефактивно для меня (так как я беседую с вами)’, ну (*Н-ну... я бы с радостью жила бы в другом месте*) – ‘я говорю это, реагируя на ваши ожидания (делаю свой ответ более развернутым специально ради вас)’, ИК-3 (*Пойдёмте?*) – ‘я ориентирован на вашу позицию’. Есть у Иры также «ориентирующая» ИК-3 (*Ну... ночь, / кладбище, / а вы один*): здесь сформировано значение ‘сориентируйтесь на реализованную ситуацию’. Целеустановка данного высказывания – возражение с оттенком беспокойства; понятно, что способность побеспокоиться о собеседнике, о его безопасности есть признак адекватности, а в данном случае и симпатии.

В интонировании есть также показатели доверия к собеседнику: в репликах «И ⁶если украдут, / ²³вы заметите?» и «Значит... ⁶ночью / тут кто-то бродит, // ¹²а вам не страшно?» выбор в пользу ИК-2³ и ИК-1² уводит целеустановку от вопроса о неизвестном в сторону выражения уверенности (ИК-2 вносит смысл ‘реализован именно этот вариант’, ИК-1 – ‘ввод информации, лежащей в пределах нормы’). Таким образом возникает оттенок смысла ‘я-то уверена, что вы заметите’; ‘я вижу

и верю, что вам не страшно'. Это также должно располагать к человеку. Обещая на завтра снова прийти, Ира использует очень простые средства, формирующие надежное обещание (лишенное кокетства и т.п.) – ИК-2 в значении 'будет реализован именно этот вариант' и будущее время, с помощью которого акцентируется обязательность реализации ситуации (*Завтра. // Я приду*).

Значимой чертой оказывается способность Иры понимать шутки:

Ира: Ну...^х ⁴ночь, / ⁴кладбище, / а вы ³один.

Коля: Так, / всё.² // Страшно¹² стало.

Ира (смеется): Да ну вас.²

Коммуникативная семантика Колиной реплики «Так, / всё» при буквальной трактовке раскрывается следующим образом: 'говорящий отмечает, что ситуация начинает расходиться с его представлениями о норме, поэтому, чтобы избежать небенефактивных следствий, т. е. чтобы совсем не испугаться (*так*), он объявляет, что бенефактивным для обоих собеседников будет сделать данный вариант последним в ряду имеющихся вариантов-стадий (больше эту тему не развивать) и каузирует именно такое поведение слушающего (*всё*), полагая его единственно правильным (ИК-2)'. Отметим, что это шутка такого рода, что безошибочно уловить здесь юмор означает увидеть «двойное дно», почувствовать иронический сдвиг в этой реплике (формально являющейся каузацией прекращения действия и сообщением о факте – 'стало страшно'). Мгновенная реакция Иры на шутку, вероятно, обладает для героя особой ценностью, так как в конце фильма, описывая в письме бабушке появившуюся у него невесту Галю, Коля отмечает как одну из важных черт девушки (наряду с «она красивая» и «с московской пропиской»): «Я шучу – она смеется».

В ответе Иры *да* – шутливое указание на неадекватность такого поведения собеседника ('нельзя так людей смешить'), *ну* – соответствие развития ситуации ожидаемой норме в оппозиции к попыткам слушающего от этой нормы отклониться.

Таким образом, тот факт, что поведение Иры воспринимается зрителем как исключительно адекватное ситуации, неразрывно связан с ее чуткостью и настроенностью на собеседника.

Коля застаёт нарушителя, когда тот собирается выпить стопку водки с могилы.

Коля (с улыбкой): Ку-ку!²³

Нарушитель: Ой.²

Коля: Через забор³ перелез?

Нарушитель: Ага.¹

Коля (кивает на блокнотик в руках у нарушителя): А это что?⁴

Нарушитель: А тут... все даты, / когда родились, / помёрли, / а к ним...¹ родственники¹ приходят...

Коля: Не понял.⁴

Нарушитель: Ну... ²рюмку... / ⁶оставляют, / ⁶а я...³-за помин души, / ⁴с уважени-
ем. // К ⁶этому / почти каждый ⁴день приходят. // (²Разводит руками) Ну... что мне
делать, / я тут ²рядом живу, / (³кивает) другое кладбище искать?

Коля: Полчаса.

Нарушитель: <ух?>

Коля: Чтоб на обратном пути ²отметиться зашёл.

Нарушитель (²улыбается): Начальник! // Каждая ⁶вторая – / за твоё ²здоровье!

Коля оценивает поведение адресата и само его пребывание на территории кладбища как отклонение от нормы ситуации, отсюда и выбор в качестве приветствия единицы *ку-ку*, связанной с идеей интимизации регистра общения (интимизация оправдана тем фактом, что говорящий застал собеседника за неблагоприятным делом). Визитер же своей первой репликой выражает неготовность к появлению перед ним охранника по причине невозможности предположить такое развитие событий (семантика междометия *ой*). Указание на собственную неготовность к контакту в ответ на приветствие в данном случае равносильно признанию говорящим неадекватности своего поведения.

Приняв установку собеседника на интимизацию регистра, посетитель продолжает разговор в том же ключе: единица *ага*, использованная здесь в значении соответствия предположения адресата и ситуации, понимания слушающим истинного положения дел, относится к неофициальному регистру общения (в отличие от *да*). Коля вводит ИК-4, создающую эффект официального дистанцирования (⁴*А это что?; Не понял*), однако пьяница-нарушитель предпочитает откровенный, ⁴задушевный разговор: услужливое встречное *а* (⁴*А это что? – А тут... все даты...*) в значении 'ты пытаешься войти в новую ситуацию, так вот я и ввожу тебя в эту новую для тебя ситуацию', тут – 'говорящий маркирует глубокую затронутость своей личной сферы – блокнотик служит самым насущным его целям'.

При этом посетитель испытывает явные затруднения с изложением подоплеки своего визита на кладбище, о чем свидетельствуют паузы, запинки, дробление простых высказываний на мелкие синтагмы, начальное *ну* в значении 'я ввожу более развернутое объяснение, что соответствует твоим ожиданиям' (²*Ну... рюмку... / оставляют, / а я...³-за помин души, / с уважением*). Сначала он выделяет с помощью ИК-2 главное для себя (²рюмку), – он и рад бы здесь остановиться, для него объяснение этим исчерпывается, – но видя, что для слушающего этого недостаточно, продолжает, с трудом подбирая слова, указывая при помощи ИК-6 на неизвестную слушающему информацию, которую он сейчас попытается сформулировать. Единица *а* (⁶*а я...³-за помин души*) предназначена для введения слушающего в новую для него ситуацию, которая, несомненно, осознается самим говорящим как отличная от нормы, что подтверждается паузой и запинкой. В конце же высказывания внезапно появляется ИК-4 со значением сопоставления, т. е. говорящий сопоставляет тот факт, что он пьет водку с могил не просто так, а «с уважением», с другими возможностями и с тем, что мог подумать о нем слушающий, обозначает дистанцию между реальностью и предположениями и

тем самым как бы укрепляется, утверждается на минуту в своем праве заниматься и дальше этим промыслом.

Примечательны также жесты, использованные пьяницей в разъяснении и оправдании: *развести руками* – ‘говорящий демонстрирует отсутствие у него ресурса (в данном случае – отсутствие у него другого источника спиртного, кроме кладбища), кивок (Ну... что мне делать, / я тут рядом живу, / (*кивает*) другое кладбище искать?) в значении ‘я формулирую позицию, с которой сам не солидаризуюсь’. В этом оправдании с оттенком отчаяния *ну* передает значение ‘соответствуй моим ожиданиям (т. е. войди в мое положение, посуди сам)’; что указывает на незнание говорящим нормы поведения для него в сложившейся ситуации; *тут* подразумевает включение говорящим кладбища в его личную сферу, так сказать, подчеркивает «жизнеобеспечивающую» его функцию.

Отметим, что речь нарушителя содержит постоянные указания на понимание и признание им собственной неадекватности, что можно назвать отличительной особенностью данного персонажа.

Цветочница: Молодой человек! // Сторож! // Гришка мой где?

Коля: Какой Гришка?

Цветочница: Муж мой. // Рюмки здесь положет. (*Упирает руку в бок*). // Я его через забор видела.

Коля: Муж?

Цветочница: Да. // (*С улыбкой*) Ну иди сюда. // Пusti меня, / а?

Коля: Сейчас, / я его позову.

Цветочница: ↑ Лучше я сама! // Я быстренько. // (*Улыбается*) Открой, / а? // Ведь нажрётся же. // Стыдно перед людьми. // Дай Бог тебе здоровья.

[В дальнейшем *Коля*, узнав, что она ворует цветы, громит ее лоток у ворот кладбища и заставляет вернуть цветы на могилы].

В поведении цветочницы прежде всего бросается в глаза грубейший контраст, фактически две несовместимых коммуникативных тактики с резким, необъяснимым «перескоком» между ними: требовательное и напористое поведение и сразу же вслед за этим – робко-заискивающее. К первой тактике относятся уверенное обращение на ИК-2 (*Молодой человек! // Сторож!*) – ‘говорящий вычленяет именно этот вариант и требует от адресата безоговорочного внимания’ (при этом выбор обращения не вполне удачен: мы уже знаем, как относится *Коля* к «сторожам»), вопрос на ИК-2 с вынесением вопросительного местоимения в конец синтагмы (*Гришка мой где?*), что в целом формирует значение ‘я требую назвать мне тот единственный вариант, который меня интересует, – местонахождение Гришки (ИК-2), причем предполагаю, что оно тебе известно (сдвиг местоимения на конец синтагмы)’, введение кинемы *упереть руку в бок*.

Через считанные мгновения пускается в ход вторая тактика – подобострастное упрощение (момент перелома – появление на лице говорящей заискивающей улыбки): *ну* – ‘говорящий обозначает свое ожидание и просит слушающего

ему соответствовать', многочисленные ИК-3 и ИК-2, склонная к 3 (*Ну иди сюда; Пусти меня, / а?; Открой, / а?*) – 'говорящий целиком ориентирован на позицию слушающего (учитывает все возможные препятствия для исполнения своей просьбы), но все же просит сориентироваться и на его позицию', а – 'я осознаю, что новая ситуация, в которую я пытаюсь тебя ввести, представляет собой отклонение от нормы'. При этом сохраняется настойчивое воздействие на адресата при помощи императивов ('говорящий хочет стать причиной совершения слушающим определенных действий'), однако это воздействие смягчено оттенком ИК-3 в интонации. Появляются диминутив (*быстренько*), привносящий идею бенефактивности для слушающего планируемых говорящим действий, *ведь (Ведь нажрётся же)* в значении указания на общую для говорящего и слушающего базу знаний и представлений ('мы оба знаем, как быстро он напьется'), *же* в значении указания на недолжное, имеющее место ('ты должен понять это, войти в мое положение, но ты как будто не понимаешь'), сохраняется улыбка в чисто этикетной реализации. Так формируется типичное упрашивание с элементами самоуничижения, завершающееся сакральной формулой благого пожелания, когда адресат выполняет просьбу (*Дай Бог тебе здоровья*). Очевидно, что с грубым требованием это никак не сочетается; поведение цветочницы в диалоге выглядит так, как будто перед нами два разных человека или две разных маски. Сама контрастность коммуникативного поведения может служить в данном случае маркером неадекватности¹.

Образы различных посетителей кладбища иногда оказываются парными, «дополняющими» друг друга. Так, пьяница нарушает принятые в быту нормы морали, забирая дары, предназначенные покойным, но не лжет; цветочница нарушает таким же образом нормы морали и лжет. К отдельной группе можно отнести персонажей агрессивно-неадекватных: это сын цветочницы (агрессия физическая) и телевизионщик (агрессия ментальная).

Сын цветочницы: Эй, урод! // Ты на мою мать дубину поднял? // Я те за мамку голову оторву! // Ты знаешь, / чё я тебе за мамку сделаю, / ты?

Коля: Голову оторвёшь.

Сын цветочницы: Ну да. // Очень умный? // Тебе конец, / ты понял? // Эй, / Алёша! // Сюда иди!

Коля: А ничего, / что она цветы с могил ворует?

Сын цветочницы: А кому от этого плохо? // Это мой район! // Я тут хозяин! // Понял?

Коля: Твой, / понял. (Кивает).

Сын цветочницы: Да я тебя за ма... (*Нападает на Колю, получает дубиной по голове*).

За 40 секунд диалога этот посетитель формулирует четыре угрозы, а также требование и вопрос с оттенком угрозы. Он использует *эй* с семантикой приведения

¹ О смене коммуникативных масок см. также [Коростелева 2016б].

ситуации к норме (э в составе эй) сначала для первичного установления контакта, а затем как средство привлечения внимания.

Наиболее активно используемые им единицы – *ты* и ИК-3. Большая частотность *ты* (*те, тебе, тебя*) связана с его агрессивной «нацеленностью» на собеседника, ИК-3 же выступает как в значении ‘сориентируй меня на имеющееся положение дел’ (*Ты знаешь, / чё я тебе за мамку сделаю?; Очень умный?; ты понял?; Понял?*), так и в значении ‘сориентируйся на норму поведения в данной ситуации’ (*Сюда иди!*). В последнем случае посетитель агрессивно подает свою позицию как норму, что коррелирует и с употреблением *эй*.

Выделение *ты* в самостоятельную синтагму с интонационным центром на нем (*Ты знаешь, / чё я тебе за мамку сделаю, / ты?*) вносит в высказывание отрицательную оценку слушающего и способствует формированию угрозы, осложненной презрением.

Для хулигана характерно использование двуцентральной ИК-2 (‘реализован именно данный вариант’) при утверждении собственной значимости (*Это мой район! // Я тут хозяин!*). Да (*Да я тебя за ма...*) – ‘представление адресата о возможностях говорящего неадекватно реальному положению дел, а именно – занижено’, ИК-6 при этом формирует значение указания на неизвестную пока адресату, но хорошо известную говорящему закадровую информацию о том, каким будет его возмездие.

В целом основой для агрессивно-неадекватной позиции становится афишируемое столкновение норм и «приведение к норме» позиции собеседника.

Манера, в которой общается с хулиганом Коля, дополнительно подчеркивает неадекватность визитера:

1) – Я те за мамку голову оторву! // Ты знаешь, / чё я тебе за мамку сделаю, / ты?
– Голову оторвёшь.

(Здесь Коля отвечает на угрозу как на вопрос, то есть производит своеобразный «сброс» целеустановки. От этого создается впечатление, что в последовательности высказываний хулигана отсутствует логика).

2) – Это мой район! // Я тут хозяин! // Понял?
– Твой, / понял. (*Кивает*).

Мирные по виду ответы Коли (кивок возникает здесь в значении солидаризации с позицией адресата) попутно дают понять, что угрозы не достигают цели. ИК-4 в его речи сигнализирует о том, что он сопоставляет все сказанное сыном цветочницы с собственным представлением о норме.

Тележурналист, ведущий мистической передачи, и оператор подходят к воротам кладбища.

Ведущий: Давай здесь. // И с неё начнём. (*Указывает на табличку «Проход закрыт»*).

Оператор: Мг.

Ведущий: Работаем?

Оператор: Да.

Ведущий: Пять... охранников / за последние две недели / с у-/жа-сом / убежали отсюда, / с этого... зловещего старинного кладбища, / и у нашей программы только один вопрос: // почему, / что стоит за этим / и как это прекратить? // Что там? (Приветствует Колю взмахом руки) Здравствуйте! // (Оператору) Продолжаем.

Коля: Эй, ребят, / вы кто такие?

Ведущий: Телевидение! // У нас буквально / два вопроса. // Как вас зовут?

Коля: Коля.

Ведущий: Николай... // Николай, / мы очень быстро, / буквально в двух словах / опишите ужас, который вы испытываете.

Коля: < Какой ужас?

Ведущий: Ну, э-э... как влияет на вашу жизнь тот факт, что вы постоянно чувствуете / присутствие какой-то странной энергии?

Коля: Никак не влияет.

Ведущий: Ладно. // Прямо сейчас у вас есть уникальная возможность: / вы можете обратиться через нашу программу к той зловещей / потусторонней энергии, / которая мешает вам жить, / и сказать ей всё, что вы хотели. // Пожалуйста. // И-и, / начали! // Ну, если вам нечего сказать, / давайте... поговорим про некрофилию. // Не бойтесь быть непонятым! // Я свой! // Николай! // Ну что ж. // Вы сами... / всё видели. // Эта ситуация / не требует объяснений. // Тут явно замешано что-то... / не из этого мира. (Оператору) Снимай! // ↑ Возможно, / в теле этого парня / ↑ живёт ↓ потусторонняя энергия, / и сейчас она завладела его телом! // Злым духам / мы хотим сказать: // покиньте тело этого парня!

В отличие от пьяницы, цветочницы и хулигана, тележурналист пользуется литературным языком, обращается к собеседнику на «вы», и способы каузации действия, используемые им, отличаются разнообразием: это императив (*опишите*) – ‘говорящий хотел бы явиться причиной изменения действий слушающего, воздействуя на его позицию’, *давайте* – ‘говорящему известна бенефактивная логика развития ситуации, в соответствии с которой он каузирует действие при учете позиции собеседника’ (*давайте поговорим про некрофилию*), *пожалуйста* – ‘говорящий позитивно оценивает такое развитие ситуации, при котором слушающий выполнит каузируемое действие’ и др.

Проблема в том, что тележурналист исходит из нормы минисоциума «посвященных», которую он не считает нужным разъяснять собеседнику, включая адресата по умолчанию в этот минисоциум, когда ему это удобно. На это указывает, в частности, ИК-3 в примере: «Ну, э-э... как влияет на вашу жизнь тот факт, что вы постоянно чувствуете / присутствие какой-то странной энергии?», значение которой трактуется как ‘сориентируйтесь на реальное положение дел (мы оба знаем

о присутствии странной энергии как о чем-то безусловно реальном)¹. У него есть непоколебимое сложившееся представление о ситуации, о норме развития данной ситуации; при этом вербально выраженная позиция собеседника им полностью игнорируется, направленные же против него физические действия осмысляются и истолковываются им в русле вышеупомянутых представлений (реакция на Колино нападение на него с дубинкой: «↑ Возможно, / в теле этого парня / ↑ живёт ↓ потусторонняя энергия, / и сейчас она завладела его телом!»).

С одной стороны, тележурналист держит этикетную дистанцию, например используя полную форму имени (Как вас зовут? – Коля. – Николай... // Николай, / мы очень быстро...), с другой стороны, он постоянно грубейшим образом нарушает личные границы собеседника, что ярко выражено номинативными средствами (буквально в двух словах / опишите ужас, который вы испытываете; Вы можете обратиться через нашу программу к той зловещей / потусторонней энергии, / которая мешает вам жить, / и сказать ей всё, что вы хотели; Ну, если вам нечего сказать, / давайте... поговорим про некрофилию. // Не бойтесь быть непонятым!). Формальным оправданием для его ментальной агрессии служит как раз опора на закадровую норму минисоциума (видимо, контингента зрителей телепередачи). Можно понять и то, что кладбищенский охранник изначально включен в его представлении в число людей, осведомленных о глубокой мистической подоплеке всего происходящего на старом кладбище. В полной мере неадекватность телеведущего проявляется тогда, когда Коля недвусмысленно дает понять, что не включен в этот минисоциум (*Какой ужас?* – где *какой* указывает на отсутствие у говорящего представления о реализованном варианте). Становится ясно, что телевизионщик неспособен перестроиться: он продолжает движение по тем же рельсам, игнорируя ответы «интервьюируемого»¹.

Рассмотрим далее два эпизода контактов с адекватными посетителями – мальчиком в матроске и оперативниками из угрозыска.

Коля: Ты чего тут делаешь?

Мальчик: ↑ Пиковую даму вызываю.

Коля: Понятно. // А чего плачешь?

Мальчик: Не вызывается.

Коля: И кто тебя этому научил?

Мальчик: Брат. // Он уже пять раз вызывал.

Коля: Дебил твой брат.

Мальчик: Знаю.

¹ Интересно, что у пациентов с психопатологией, как показывает наш материал, выбор коммуникативной стратегии игнорирования позиции собеседника предположительно связан с наиболее тяжелыми состояниями. С этой точки зрения образованный и формально вежливый тележурналист оказывается, если можно так выразиться, даже еще более неадекватен, чем хулиган с монтировкой.

Коля: На кладбище через забор перелезли?

Мальчик: Да. // Через дыру.

Коля: Давай иди. // Иди, я сказал. (Мальчик отходит от забора кладбища, но оборачивается). Иди, / сейчас шишкой кину. // Кричи, если что.

Мальчик для зрителей адекватен ситуации уже потому, что никакой угрозы кладбищенскому имуществу и т. п. его присутствие на кладбище не несет (напротив, он сам воспринимается нами как жертва подшутившего над ним, вероятно, старшего брата). Но кроме того, и используемые им в речи коммуникативные средства характеризуют его как адекватного собеседника. Так, он дважды вводит ИК-П1 со всплеском тона в предцентре (Не вызывается; Знаю), первый раз в значении 'расхождения на фоне сходства (налицо неудача, как я ни стараюсь делать все по инструкции)', второй – в значении 'сходства на фоне расхождения (полностью согласен, хотя это знание пришло слишком поздно и теперь уже ничего мне не даст)'. Это говорит о том, что мальчик сам анализирует происходящее, делает выводы и готов перейти с дикредитировавшей себя позиции на более разумную, предлагаемую собеседником.

Оперативник 1: Э, э, э! // Только в глаза-то не свети.

Коля: Кладбище закрыто.

Оперативник 1: Ты собак убери.

Оперативник 2: Чё-то ты неласково встречаешь. (Показывают удостоверения). В сторожке.

Оперативник 1: А отчего хромаешь-то?

Коля: Издежки профессии. // Какого-то придурка полночи гонял.

Оперативник 2: Уверен, что придурка?

Коля: Умные по ночам не бродят. // Вор, наверное. (Первый оперативник хмыкает).

Оперативник 2: Про маньяка... / слышал? // Восемь трупов... за месяц.

Коля: Про какого... м-маньяка?

Оперативник 1: Где вы тут носились-то?

На кладбище.

Оперативник 1: А в сторожке фотография – это отец твой?

Коля: Погиб на службе.

Оперативник 1: М-г. // У нас бывает.

Коля: Странно, / зачем он сюда повернул? // Напрямую до ворот ближе.

Оперативник 1: А ты посвети.

Оперативник 2: Слушай, / а может быть, он... к себе в берлогу шёл? // А тут ты с этой... / зубочисткой. // Вот он и припустил.

Коля: А вы думаете, он тут живёт?

Оперативник 1: Фонарик погаси.

Коля (показывает пальцем в сторону склепа): Вот тут подвал замурованный. // А там дыра.

Оперативник 1: М-м-г. (Достает пистолет, передергивает затвор).

Коля: Макаров?

Оперативник 1: Мг.

Коля: Модернизированный?

Оперативник 1: А[γ]а.

Коля: Двенадцать патронов, / да?

Оперативник 1: Двенадцать, / да.

Коля: (показывает на пистолет второго оперативника): Тоже Макаров, / да? (Второй оперативник, на секунду молча обернувшись на него, следует за первым).

Очень знаменателен способ вступления оперативников в контакт. Используется кратное э – прекращение действия, нарушающего норму развития ситуации; ИК-3 в просьбе-распоряжении (Только в глаза-то не свети; Ты собачек убери) в значении ‘сориентируйся на мою позицию и одновременно – на норму социума’; -то (в глаза-то), говорящее о несоответствии реализованной ситуации представлению говорящего о норме при нарушении его личных интересов (не стоит светить в глаза), только – ‘можешь продолжать реализовать одну ситуацию – выяснять личность визитеров, присматриваться к ним и т. п., прекратив при этом реализовать другую, небенефактивную для говорящего (направлять свет в глаза)’. В дальнейшем та же реализация ИК-3 и те же императивы, используемые как средство прямого, бесхитростного воздействия, появятся у них еще не раз (А ты посвети; Фонарик погаси). Просьба смыкается с распоряжением, так как ИК-3 соседствует с ИК-2 на императиве (не свети), передающая смысл ‘реализуй именно введенный мною вариант’. Диминутив (собачки) дает понять, что говорящий оценивает наличие у охранника собак как бенефактивный фактор. Таким образом, выражая просьбу, оперативник как бы между строк дает положительную оценку бдительности охранника и подготовленности его к внештатным ситуациям. Обратим также внимание на «профессиональную» ИК-6, оформляющую вопрос: «А отчего хромаешь-то?» Здесь ИК-6 указывает на якобы имеющееся у говорящего закадровое знание (‘я практически знаю, откуда у тебя хромота, только немного забыл, напомни’), -то – на неполное соответствие реализованной ситуации представлению говорящего о норме (‘вот все помню, только эту мелочь – отчего ты хромаешь – забыл’). Вероятно, это манера, оправдывающая себя при ведении допроса и ставшая уже въевшейся привычкой. Все это – элементы отчетливо профессионального поведения (и действительно, позднее мы поймем, что перед нами – высококлассные

профессионалы, которые даже после своей гибели, в виде призраков, ведут розыск непойманного преступника, продолжающего убивать людей).

Отметим ИК-1 в реакции на сообщение Коли о том, что отец погиб на службе: «У нас бывает»¹. Мы объединяет посетителей и Колиного отца в минисоциум людей, знающих и понимающих, что такое служба, а ИК-1 маркирует вводимую информацию как лежащую в пределах нормы. Действительно, кому как не людям, также погибшим при исполнении, оценивать такое развитие событий как вариант нормы.

Ты в устах оперативников не содержит ничего оскорбительного (в отличие от «тыканья» хулигана), напротив, здесь интимизация – это способ «поднять» Колю до уровня профессиональных борцов с преступностью, «включить в команду». Обеспечивается это тем, что оперативники сами находятся в данный момент на службе; обращаясь на ты, они переводят Колю из разряда обычных граждан в разряд помощников следствия.

Интересно, что оперативники находятся в такой идеальной гармонии с ситуацией, что к концу общения с ними Коля, до сих пор служивший зрителю «эталонном адекватности», начинает сам выглядеть не вполне адекватным (когда адресует им вопросы про пистолет):

Коля: Макаров?

Оперативник 1: Мг.⁶

Коля: Модернизированный?

Оперативник 1: А[γ]а.⁶

Коля: Двенадцать патронов, / да?^{2 3}

Оперативник 1: Двенадцать, / да.^{2\ 2}

Коля: (показывает на пистолет второго оперативника): Тоже Макаров, / да?^{2 3}

Коля, фанатично интересующийся оружием, однако не имеющий собственного пистолета, узнает пистолет Макарова, виденный им в каталогах, и демонстрирует все свои познания разом; отсюда – ИК-1 и ИК-1² в вопросах (смысл ‘я ввожу информацию, лежащую в пределах нормы’ и ‘реализован именно данный вариант’), повышающие степень уверенности до того, что вопрос начинает граничить с утверждением, с констатацией. В ответах оперативника ИК-6 вводит идею знания, известного, маркируется известность введенной слушающим информации для всех участников ситуации (т. е. ничего нового, интересного), мг – пропуск сказанного через свою систему представлений и констатация понимания (‘вижу, что ты в теме’), ага – параметр соответствия знаний слушающего реальному положению дел и вновь идея понимания. Когда неуместные вопросы продолжаются, возникает оттенок раздражения в преувеличенном, излишне развернутом подтверждении (Двенадцать, / да)^{2\ 2}, где ИК-2 с резким падением тона сообщает, что реализован именно данный вариант, а да указывает на полное соответствие имеющейся у слушающего информации действительности. Второй оперативник на вопрос о Макарове отвечает взглядом без слов: редуцируя потенциальный раз-

говор до установления и немедленного размыкания визуального контакта, он дает понять, что длительной беседы про пистолет Макарова не будет.

Наконец, наиболее значимый в этой системе персонаж, как бы объединяющий мир мертвых и мир живых, посетителей адекватных и неадекватных, совмещающий оба типа поведения, – это пожилой отец Саши, одного из погибших год назад оперативников.

Старик: Извините! // ^{2 3}Есть кто живой? // ²О-о-о! // Тут у вас... ³проблемы?

Коля: Бывает всякое. // ¹А вы... ²чего?

Старик: Э-э... понимаете, / ²у меня тут сын, / и я бы хотел / ⁶поставить надгробие. ¹

Коля (мотает головой): Нельзя. // ²Администрация не разрешает.

Старик: У них такие ^{2 3}цены... // *(Мотает головой)* У меня... / ⁶столько ²нет. // ⁶А сын....

Коля: Нет. // ²Меня уволят... если я разрешу.

Старик: Й...й... я искусственно состарю! // ^{2 3}Никто [\]ничего [\]не ^{2 3}заметит!

Коля: ²Слушайте, / ²ну это смешно.

Старик: Да, / ²правда. // Это смешно. // ¹Когда Саша погиб при исполнении, / ⁶такие громкие / ⁶произносились слова, / ¹по телевидению показывали. // ²А Саша уже ⁶год / ⁶зарыл, / ²как собака. // ¹Только холм земли.

Говоря про кладбище, старичок использует единицу *тут*, т. е. как бы включает это место в свою личную сферу (однако, в отличие от пьяницы, который прикипел душой к кладбищу, так как оно обеспечивает его алкоголем, у старика здесь похоронен сын). Причина, по которой фигура старичка занимает особое место в системе, образует связующее звено между живыми и мертвыми, ясна: у него погиб сын, сам же он продолжает жить – и это неправильный, недолжный жизненный расклад (молодые не должны уходить раньше стариков). До того, как мы узнаём обстоятельства дела, старичок выглядит для нас как типичный представитель «галереи неадекватных лиц»: он появляется у ворот кладбища в качестве просителя, просит охранника о чем-то запрещенном, за что того могут уволить. Но сразу же оказывается, что в данном случае нормы морали нарушает именно администрация кладбища (после чего Коля, ни слова не говоря, сам помогает посетителю установить надгробие).

Мимолетное сходство старика с пьяницей и цветочницей заключается в способе изложения просьбы: он держится неуверенно, мнетя, оправдывается, упрямится. Однако его визит – это тот переломный момент, когда мы понимаем: не всегда можно сразу, с первых секунд, оценить, к какой группе персонажей относится очередной герой.

Проследим работу коммуникативных средств в тот момент, когда старик становится в наших глазах безусловно, несомненно адекватен – значительно адекватнее лиц, издающих бесчеловечные административные запреты:

– Да², / правда². // Это смешно¹. // Когда Саша погиб при исполнении⁶, / такие⁶ громкие / произносились слова¹, / по телевидению показывали. // А Саша уже⁶ год / зарыт, / как собака². // Только холм земли¹.

Да здесь совмещает антонимичные реализации: ‘говорящий якобы признает адекватность оценки собеседником ситуации («это смешно»), хотя в действительности вовсе не признает’. Правда – ‘говорящий констатирует, что в действительности реализован небенефактивный для него вариант при неучете его позиции’. ИК-1 (Это смешно), как ранее единица да, демонстрирует одновременное развертывание по антонимическим параметрам: говорящий формально подает информацию как лежащую в пределах нормы, однако на более глубоком уровне он как раз считает ее трагически выходящей за пределы норм человеческой этики. Такой с ИК-6 (такие громкие / произносились слова) указывает на то, что ситуация не соответствовала представлениям говорящего о норме, далеко эту норму превосходя («громкие слова» были даже слишком громкими и пафосными), при этом актуализируется отсутствие следствий из этого (такие слова – и все обернулось пшиком) и фоновый параметр небенефактивности этого для говорящего. ИК-6 при этом отсылает к неизвестной слушающему за кадровой информации (‘вы и представить себе не можете, какие речи здесь гремели’). Затем начальное а вводит нас в новую, небенефактивную ситуацию (А Саша уже год / зарыт, / как собака). Только (Только холм земли) сообщает о реализованности одной ситуации на фоне нереализованности другой (нет нормального надгробия), а также о небенефактивности, о нарушении интересов говорящего.

В фильме представлено некоторое количество типажей, воплощающих собой различные виды неадекватности в области социального взаимодействия. Для каждого из них дан образец коммуникативного поведения, с типичными особенностями поддержания диалога, характерными коммуникативными тактиками: это 1) признание говорящим отклонения его поведения от нормы социума при актуализации параметра личной сферы; 2) мена несовместимых коммуникативных масок (ложь); 3) агрессивное навязывание собственного представления о норме с попытками приведения к норме позиции слушающего; 4) апелляция к за кадровой норме минисоциума «посвященных» в сочетании с игнорированием позиции собеседника.

В то же время рядом с образцами неадекватности ставится ряд героев адекватных, с иным коммуникативным поведением, другими способами реагирования и поддержания контакта. Вполне предсказуемой чертой коммуникативного поведения лиц адекватных оказывается их способность к учету позиции собеседника, значительно превышающая ту же способность у социально неадекватных персонажей. Коммуникативные стратегии адекватных персонажей также разнообразны: выбор их чрезвычайно зависит от нюансов ситуации. Как показывает анализ, этикетный аспект в них может актуализироваться в определенных условиях, а именно – при отсутствии у собеседников общего дела, общей задачи. Востребованность этикетной составляющей пропорционально снижается по мере роста непосредственной вовлеченности говорящего и слушающего в общее дело.

В этих условиях этикетная составляющая общения уступает место коммуникативным показателям включенности собеседников в единый минисоциум. Одна из ключевых характеристик всех диалогов с участием адекватных лиц в фильме – совпадение базовых представлений о норме у говорящего и слушающего.

Наряду с ожидаемыми здесь средствами из поля нормы, в диалогах активно работают единицы, принадлежащие другим коммуникативным семантическим полям – *личной сферы, бенефактивности, воздействия* и т. д. Одни и те же средства (*ты*, ИК-3, ИК-6, императив и др.) служат приметой как адекватности, так и неадекватности, в зависимости от того, в каких реализациях и в рамках каких стратегий они работают.

Анализ данного материала выводит нас на более широкую проблему – на задачу распознавания людей, чье коммуникативное поведение неадекватно ситуации, оценки собеседников с точки зрения их адекватности либо неадекватности (ситуативной, профессиональной и др.) с опорой на специфику использования ими коммуникативных средств языка. Результаты такого исследования могут служить материалом для подготовки лингвокриминалистов, для преподавания в театральных вузах и т. п., а также могут быть полезны изучающим русский язык иностранцам.

ЛИТЕРАТУРА

Безяева 2013а – *Безяева М.Г.* Инвариантные коммуникативные параметры русского *вон* (материалы к словарю коммуникативных средств) // *Язык, культура, коммуникация*. М., 2013а. С. 58–73.

Безяева 2016а – *Безяева М.Г.* Инварианты коммуникативных параметров русского «нет» // *Слово. Грамматика. Речь*. Вып. XVII. М., 2016а. С. 128–155.

Безяева 2015а – *Безяева М.Г.* К вопросу о коммуникативных параметрах вводных слов *главное* и *между прочим* // *Язык, литература, культура: Актуальные проблемы изучения и преподавания*. Сборник научных и научно-методических статей. Вып. 11. М., 2015а. С. 18–41.

Безяева 2010а – *Безяева М.Г.* Коммуникативная семантика звучащего художественного текста // *Русский язык: исторические судьбы и современность*. IV Международный конгресс исследователей русского языка. Труды и материалы. М.: Изд-во МГУ, 2010а. С. 751.

Безяева 2012 – *Безяева М.Г.* Коммуникативная семантика как объект филологического исследования // *Филология вечная и молодая*. М., 2012. С. 63–78.

Безяева 2014 – *Безяева М.Г.* Коммуникативное поле как единица языка и текста // *Слово. Грамматика. Речь*. Вып. XV. М., 2014. С. 101–118.

Безяева 2008а – *Безяева М.Г.* О коммуникативных параметрах сакральных единиц русского языка (*Господи, Боже*). Материалы к словарю коммуникативных средств // *Слово, Грамматика Речь*. Вып. 10. М., 2008а. С. 10–27.

Безяева 2008б – *Безяева М.Г.* О номинативном и коммуникативном в значении слова. На примере русского «тут» // *Язык, культура, человек*. М., 2008б. С. 11–38.

Безяева 2010б – *Безяева М.Г.* О семантических основаниях коммуникативной моды // *Вопросы русского языкознания*. Вып. 13. Фонетика и грамматика. Настоящее, прошедшее, будущее. М., 2010б. С. 159–170.

Безяева 2013б – *Безяева М.Г.* О специфике коммуникативной интерпретации текста (на материале соотношения письменной основы и звучащего варианта) // *Вестник Московского университета*. Серия 9, Филология. 2013б. № 2. С. 19–36.

Безяева 201636 – *Безяева М.Г.* Русский повтор как средство коммуникативного уровня языка (материалы к словарю коммуникативных средств) // *Stephanos*. 2016б. № 6(20), С. 83–115.

Безяева 2002 – *Безяева М.Г.* Семантика коммуникативного уровня звучащего языка. М., 2002. 752 с.

Безяева 2005 – *Безяева М.Г.* Семантическое устройство коммуникативного уровня языка (теоретические основы и методические следствия) // *Слово. Грамматика. Речь*. Вып. VII. М., 2005. С. 105–129.

Безяева 2015б – *Безяева М.Г.* Слово *правда* как средство коммуникативного уровня русского языка // *Stephanos*. 2015б. № 6(14). С. 35–59.

Брызгунова 1982 – *Брызгунова Е.А.* Интонация // *Русская грамматика*. Т. 1. М., 1980; Т. 2. М., 1982. 1492 с.

Брызгунова 1984 – *Брызгунова Е.А.* Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи. М., 1984. 116 с.

Коростелева 2016б – *Коростелева А.А.* К проблеме отображения речевых характеристик исторической личности в кино (Л.И. Лемке в к/ф «Враг народа – Бухарин») // *Stephanos*. 2016а. № 6(20). С. 116–139.

Коростелева 2010 – *Коростелева А.А.* Коммуникативная стратегия актера при формировании образа (Л.И. Лемке в к/ф «Блуждающие звезды») // *Художественный текст: Восприятие. Анализ. Интерпретация. Сборник научных статей*. Вильнюс, 2010. С. 83–91.

Коростелева 2013 – *Коростелева А.А.* О возможностях русских коммуникативных средств при создании принципиально противоположных образов в кино (коммуникативное противопоставление персонажей в к/с «Небесный суд») // *Слово. Грамматика. Речь*. Вып. XIV. М., 2013. С. 103–121.

Коростелева 2009б – *Коростелева А.А.* О реализации коммуникативной стратегии актера при создании отдельного образа (Л. Лемке в к/ф «Обратной дороги нет») // *Слово. Грамматика. Речь*. Вып. XI. М., 2009а. С. 55–75.

Коростелева 2009б – *Коростелева А.А.* О роли коммуникативных средств в формировании характеристики 'ум – глупость' в кинодиалоге (на материале ролей Л.И. Лемке) // *Язык, литература, культура: Актуальные проблемы изучения и преподавания. Сборник научных и научно-методических статей*. Вып. 5. М., 2009б. С. 171–191.

Коростелева 2016б – *Коростелева А.А.* Смена коммуникативных масок как основа стратегии актера при создании образа (К. Хабенский в «Деле о “мертвых душах”») // *Структуры и функции: исследования по русистике. Structures and Functions: Studies in Russian Linguistics. Publishing house Pushkin Institute, Tallinn, Estonia*. Т. II. Вып. 2. 2016б. С. 87–118.

Чалова 2016 – *Чалова О.В.* Коммуникативные средства создания актерского ансамбля Табакова – Богатырева в к/ф «Несколько дней из жизни Ильи Ильича Обломова» (1979) // *Мир русского слова*. 2016ю № 3. С. 72–79.

Чалова 2014 – *Чалова О.В.* Функциональная роль средств коммуникативного уровня русского языка при создании образа главного героя в художественном фильме «Михайло Ломоносов» (1955) // *Язык, литература, культура: Актуальные проблемы изучения и преподавания. Сборник научных и научно-методических статей*. Вып. 10. М., 2014. С. 167–178.

Чалова 2007 – *Чалова О.В.* Эстетическая нагрузка средств коммуникативного уровня русского языка (на материале классической и современной художественной литературы) // *Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов. Материалы Второй Международной научной конференции*. Т. I. Волгоград, 2007. С. 351–357.

REFERENCES

- Bezyaeva M.G. The Invariant Communicative Parameters of Russian 'von' (materials for the Communicative Means Dictionary). In: Language, Culture, Communication. Moscow. 2013a, pp. 58–73.
- Bezyaeva M.G. The Invariant Communicative Parameters of Russian 'net' (materials for the Communicative Means Dictionary). In: Word. Grammar. Speech. Vol. XVII. Moscow, 2016a, pp. 128–155.
- Bezyaeva M.G. Towards Communicative Characteristics of the Words *главное* (*glavnoe*) and *между прочим* (*mezhdû prochim*). In: Language, Literature, Culture. In: Actual Problems of Learning and Teaching: Collection of Scientific and Methodological Articles. Vol. 11. Moscow. 2015a, pp. 18–41.
- Bezyaeva M.G. Communicative Semantics of the Sounding Literary Text. In: The Fourth International Congress "Russian Language: Its Historical Destiny and Present State". Moscow, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philology. March 20–23, 2010. Moscow University Press. 2010a, p. 751
- Bezyaeva M.G. Communicative Semantics as an Object of Philological Research. In: Philology: Everlasting and Young. Collected Articles for Prof. Marina L. Remnyova's Anniversary. Moscow University Press. 2012, pp. 63–78.
- Bezyaeva M.G. Communicative Field as a Unit of Language and Text. In: Word. Grammar. Speech. Vol. XV. Moscow. 2014, pp. 101–118.
- Bezyaeva M.G. On Communicative Parametres of Sacred Units of the Russian Language (*Lord, God*). Materials for the Communicative Means Dictionary. In: Word. Grammar. Speech. Vol. X. Moscow. 2008a, pp. 10–27.
- Bezyaeva M.G. On Nominative and Communicative in a Meaning of a Word (Russian 'tut'). In: Language, Culture, Person. Moscow. 2008b, pp. 11–38.
- Bezyaeva M.G. On the Semantic Basis of Communicative Fashion. In: Questions of Russian Linguistics. Phonetics and Grammar. Present, Past, Future. Moscow. 2010b. Vol. 13, pp. 159–170.
- Bezyaeva M.G. On the Specifics of the Communicative Interpretation of the Text (On a Material of Correlation of the Written and Sounding Versions). *Moscow State University Bulletin. Series 9, Philology*. 2013b. No 2, pp. 19–36.
- Bezyaeva M.G. Repetitions of Words in Russian as a Communicative Means (Materials for the Communicative Means Dictionary). *Stephanos*. 2016b. No 6(20), pp. 83–115.
- Bezyaeva M.G. (2002) Semantics of Communicative Level of Sounding Language. Moscow. 752 p.
- Bezyaeva M.G. The Semantic Device of Communicative Level of Language (Theoretical and Methodological Foundations of the Investigation). In: Word. Grammar. Speech. Vol. VII. Moscow. 2005, pp. 105–129.
- Bezyaeva M.G. The Word 'pravda' as a Unit of Communicative Level of Russian Language. *Stephanos*. 2015b. No 6(14), pp. 35–59.
- Bryzgunova E.A. Intonation. In: Russian Grammar. Vol. 1. Moscow. 1980; Vol. 2. Moscow. 1982.
- Bryzgunova E.A. (1984) Emotional and Stylistic Differences of Russian Sounding Speech. Moscow. 116 p.
- Korosteleva A.A. To the Problem of Displaying Speech Characteristics of a Historic Personality in Cinema (L. Lemke in "Vrag naroda – Bukharin", 1991). *Stephanos*. 2016a. No 6(20), pp. 116–139.

Korosteleva A.A. An Actor's Communicative Strategy while Forming a Character (L. Lemke in "Wandering Stars"). In: An Artistic Text: Perception. Analysis. Interpretation. Collection of Scientific Articles. Vilnius. 2010, pp. 83–91.

Korosteleva A.A. The Russian Communicative Means' Potential Creating the Fundamentally Opposed Movie Personages (Communicative Contrast of the Personages from "The Celestial Court Movie"). In: Word. Grammar. Speech. Vol. XIV. Moscow. 2013, pp. 103–121.

Korosteleva A.A. On Realization of Actor's Communicative Strategy Creating a Single Given Character (L. Lemke in "Obratnoy dorogi net"). In: Word. Grammar. Speech. Vol. XI. Moscow. 2009a, pp. 55–75.

Korosteleva A.A. Communicative Means' Role in Forming the Characteristics "wit – stupidity" in Movie Dialogues (based on L. Lemke roles). In: Language, Literature, Culture. Actual problems of Learning and Teaching: Collection of Scientific and Methodological Articles. Vol. 5. Moscow. 2009b, pp. 171–191.

Korosteleva A. A. Communicative Mask Changing as an Actor's Strategy Base for Creating a Character (K. Khabensky in "Dead Souls' Case" Movie). In: Structures and Functions: Studies in Russian Linguistics. Publishing house Pushkin Institute. Vol. II. No 2. Tallinn, Estonia. 2016b, pp. 87–118.

Chalova O.V. The Communicative Means of Forming the Tabakov – Bogatyryov Actors' Ensemble in "Oblomov" (1979). *The World of Russian Word*. 2016. No 3, pp. 72–79.

Chalova O.V. The Functional Role of Communicative Level of the Russian Language's Means Creating the Protagonist Character in the Film "Mikhailo Lomonosov" (1955). In: Language, Literature, Culture. Actual Problems of Learning and Teaching: Collection of Scientific and Methodological Articles. Vol. 10. Moscow. 2014, pp. 167–178.

Chalova O.V. Aesthetic Charge of Communicative Level of the Russian Language's Means (on the Material Taken from Classic and Modern Fiction). In: Russian Literature in the Context of Modern Integration Processes. From the materials of the 2nd International Scientific Conference. T. I. Volgograd. 2007, pp. 351–357.

Сведения об авторе:

Анна Александровна Коростелева,
канд. филол. наук
доцент
кафедра русского языка для иностранных
учащихся естественных факультетов
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Anna A. Korosteleva
PhD
Associate Professor
Department of the Russian Language
for Foreign Students of Natural Sciences
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
korosteleva.a@gmail.com

Е.В. Потёмкина
(Москва, Россия)

‘Секрет’ и ‘тайна’ у Достоевского: лексикографический аспект¹

Аннотация: В статье анализируются дефиниции слова ‘секрет’ в различных словарях; рассмотрен фрагмент словарной статьи слова ‘секрет’ из «Словаря языка Достоевского», приведено аналогичное лексикографическое описание слова ‘тайна’: функционирование слов ‘секрет’, ‘тайна’ и ‘загадка’ в произведениях Ф.М. Достоевского разных жанров и периодов творчества, делается предположение о том, что эти слова обладают у Достоевского статусом идиоглоссы, т. е. характеризуют определенные особенности авторского идиостиля и мировоззрения. Автор обращается к вопросу о жанровом своеобразии произведений Достоевского, привлекает к анализу результаты лингвистических и литературоведческих исследований, связанных с изучением семантики слов ‘секрет’ и ‘тайна’. В статье рассмотрена дефиниция слова ‘секрет’ в различных словарях, в том числе использован фрагмент словарной статьи из «Словаря языка Достоевского», и приведено аналогичное лексикографическое описание слова ‘тайна’: систематизированы подчинительные, сочинительные и ассоциативные связи слова, обнаружены точки пересечения нескольких текстовых ассоциативных полей. Кроме того, проведен сравнительный лексикографический анализ контекстов употребления слов ‘секрет’ и ‘тайна’ с целью экспликации компонентов их значения в текстах Достоевского. В результате формулируется дефиниция слова ‘тайна’ и выявляются дополнительные оттенки значения слова ‘секрет’ в контексте описания идиостиля Достоевского. Таким образом, в статье реконструируется значимый фрагмент авторского тезауруса.

Ключевые слова: Словарь языка Достоевского, тезаурус, идиоглосса, секрет, тайна, контекстный анализ, текстовое ассоциативное поле

E.V. Potemkina
(Moscow, Russia)

‘Secret’ and ‘Mystery’ in Dostoevsky Creative Works: The Lexicographic Aspect

Abstract: The article discusses the words ‘secret’, ‘mystery’ and ‘riddle’ functioning in Fyodor Dostoevsky’s creative works of different genres and periods of creativity, makes the assumption that these words have the status of idioglosses, i. e. they charac-

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанных РФФИ научных проектов (грант № 15-04-00135).

terize specific features of the author's idiosyncrasy and worldview. Contains the reasoning about the genre features of Dostoevsky's creative works and the results of linguistic and literary research related to the study of the words 'secret' and 'mystery' semantics. Analyzes the definition of the word 'secret' in various dictionaries including a fragment of the dictionary entry from the Dostoevsky's Language Dictionary, gives a similar lexicographic description of the word 'mystery': subordinate, coordinative and associative links of the word are systematized, junctions of several textual associative fields are found out. The article contains comparative lexicographic analysis of the contexts of the words 'secret' and 'mystery' using in order to explicate the components of their meaning in Dostoevsky's texts. As a result in the context of Dostoevsky's idiosyncrasy description the definition of the word 'mystery' is formulated and additional shades of the word 'secret' meaning are revealed. Thus, a significant fragment of the author's thesaurus is reconstructed in the article.

Keywords: Dostoevsky's Language Dictionary, thesaurus, idioglossa, secret, mystery, contextual analysis, textual associative field

Человек есть тайна. Ее надо разгадать, и ежели будешь ее разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком.

Ф.М. Достоевский. Письма

Слово 'секрет' и семантически близкие ему 'тайна' и 'загадка' занимают в тезаурусе Достоевского особое место и в контексте создания Словаря языка писателя имеют статус идиоглосс, т. е. единиц, выполняющих роль ключевых слов, «вбирающих в себя специфику авторского стиля», формирующих таким образом, наряду с другими идиоглоссами, «алфавит» авторский идей и образов [Караулов, Ружицкий 2015: 17]. Данные слова отвечают всем требованиям, которые предъявляются к идиоглоссам, т. е. 1) были выделены при коллективной экспертной оценке как значимые для творчества Достоевского; 2) входят в круг исследовательских интересов в области литературоведения, лингвистики, психологии и других наук (см. [Голосовкер 1963; Юнг 1994]); 3) входят в названия произведения или в название какой-либо его части; 4) входят в состав высказывания, обладающего свойствами афоризма, используются в игровом контексте, заключаются в кавычки и др.; 5) имеют частотное употребление в разных жанрах и в разные периоды творчества; 6) верифицируются путем пилотажного опроса (см. [Ружицкий 2015: 48]). При этом в случае со словами 'секрет', 'тайна' и 'загадка' читатель прежде всего обращает внимание на частотность и концентрированность употребления их (а также семантически близких им слов) Достоевским. Приведем несколько примеров:

[Голядкин] Господи боже! ведь как это скоро может пойти человек, как подумаешь, и «найти» во всех людях! И пойдет человек, клятву даю, что пойдет далеко, шельмец, доберется, — везет шельмецу! Желал бы я еще узнать, что именно такое он всем им нашептывает? Какие **тайны** у него со всем этим народом заводятся и про какие **секреты** они говорят? (Дв 200¹)

¹ Здесь и далее нумерация страниц дается по [Достоевский 1972–1990]; используются следующие сокращения названий произведений: Бб – «Бобок», БЛ – «Бедные люди», БН – «Белые ночи», БрК – «Братья Карамазовы» Кн. 1–10, БКа – «Братья Карамазовы» Кн. 11–12, Бс – «Бесы», ВМ – «Вечный муж», ГП – «Господин Прохарчин», Дв – «Двойник», ДС – «Дядюшкин сон», ЗЗ – «Зимние заметки о летних впечатлениях», ЗМ – «Записки из Мертвого дома», ЗП – «Записки из подполья», Иг – «Игрок», Ид – «Идиот», МГ – «Маленький герой», НН – «Нечотка Незванова», Пд – «Подросток», ПН – «Пре-

[Парадоксалист] А сперва-то, вначале-то, сколько я муки вытерпел в этой борьбе! Я не верил, чтоб так бывало с другими, и потому всю жизнь **таил** это про себя как **секрет**. Я стыдился (даже, может быть, и теперь стыжусь); до того доходил, что ощущал какое-то **тайное**, ненормальное, подленькое наслаждение возвращаться, бывало, в иную гадчайшую петербургскую ночь к себе в угол и усиленно сознавать, что вот и сегодня сделал опять гадость, что сделанного опять-таки никак неворотишь, и внутренне, **тайно**, грызть, грызть себя за это зубами, пилить и сосать себя до того, что горечь обращалась наконец в какую-то позорную, проклятую сладость и наконец – в решительное, серьезное наслаждение! (ЗП 102)

[И. Карамазов] Красота – это страшная и ужасная вещь! Страшная, потому что неопределимая, а определить нельзя потому, что бог задал одни **загадки**. Тут берега сходятся, тут все противоречия вместе живут. Я, брат, очень необразован, но я много об этом думал. Страшно много **тайн**! Слишком много **загадок** угнетают на земле человека. Разгадывай как знаешь и вылезай сух из воды. <...> Нет, широк человек, слишком даже широк, я бы сузил. Черт знает что такое даже, вот что! Что уму представляется позором, то сердцу сплошь красотой. В содоме ли красота? Верь, что в содоме-то она и сидит для огромного большинства людей, – знал ты эту **тайну** или нет? Ужасно то, что красота есть не только страшная, но и **таинственная** вещь. Тут дьявол с богом борется, а поле битвы – сердца людей. (БрК 100)

[А. Карамазов] Никакого у них нет такого ума, и никаких таких **тайн** и **секретов**... Одно только разве безбожие, вот и весь их **секрет**. Инквизитор твой не верует в бога, вот и весь его **секрет**! [И. Карамазов] Хотя бы и так! Наконец-то ты догадался. И действительно так, действительно только в этом и весь **секрет**, но разве это не страдание, хотя бы для такого как он человека, который всю жизнь свою убил на подвиг в пустыне и не излечился от любви к человечеству? (БрК 238)

Использованные во многих произведениях Достоевского с высокой частотой и формирующие вокруг себя широкое тематическое и ассоциативное поле, слова ‘секрет’, ‘тайна’ и ‘загадка’ приобретают индивидуальный авторский смысл, выходящий за пределы традиционного словарного описания. Целью данной статьи является сравнительное лексикографическое описание слов ‘секрет’ и ‘тайна’, которое позволит выявить некоторые значимые особенности идиостиля Достоевского. Однако, прежде чем провести лексикографический анализ, обратимся к литературоведческим источникам, посвященным жанровому своеобразие произведений Достоевского (см., например, [Гроссман 1963; Кирпотин 1978; Фридлендер 1964] и др.), которые являются косвенным подтверждением того, что слова ‘секрет’, ‘тайна’ и ‘загадка’ занимают важное место в тезаурусе Достоевского.

Под косвенным подтверждением мы подразумеваем мотив преступления, выделяемый в литературоведении как один из отличительных признаков произведений Достоевского, позволяющий обнаружить в них черты детективного жанра. Как отмечает Л.П. Гроссман, Достоевский – автор «больших романов с уголовными фабулами и катастрофическими финалами» или, по-другому, «философских романов на уголовной основе» [Гроссман 1963: 50, 166], тогда как уголовная фабула всегда предполагает обнаружение скрытых фактов и мотивов, объяснение происшествия, разгадывание тайны. Сравнивая «Преступление и наказание» с детективным романом, В.Я. Кирпотин писал: «Во всех детективах на этом и сосредотачивается интерес: преступник замечает следы, следователь распутывает

ступление и наказание», СС – «Село Степанчиково и его обитатели», УО – «Униженные и оскорбленные», Хз – «Хозяйка», ЧЖ – «Чужая жена и муж под кроватью»; ДК – Деловая корреспонденция, ДП – Статьи из «Дневника писателя» (1873–1881 гг.), Пб – Статьи 1845–1864 гг., 1873–1878 гг., Пс – Личная переписка.

скрытую нить и настигает виновного» [Кирпотин 1970: 277]. Скажем немного подробнее о жанре детектива.

В самом широком понимании *детектив* (от лат. *detego* – ‘раскрываю, разоблачаю’) – литературный жанр, в котором описывается процесс исследования загадочного происшествия для выяснения его обстоятельств и раскрытия загадки. Детективная интрига сводится к простейшей схеме: преступление, следствие, разгадка тайны, правосудие. Н.Н. Вольский дает следующее определение детективному жанру: «Детектив – это литературное произведение, в котором на доступном широкому кругу читателей бытовом материале демонстрируется акт диалектического снятия логического противоречия (решения детективной загадки). Необходимостью наличия в детективе логического противоречия, тезис и антитезис которого одинаково истинны, обусловлены некоторые характерные особенности детективного жанра <...>» [Вольский 2006: 2]. Интересно также отметить, что основным «героем» детективного жанра в литературоведении признается не сыщик или преступник, а логическое мышление.

Анализируя творческий метод Достоевского в контексте жанровых признаков детектива, читатель, с одной стороны, сразу же ощущает противоречие, поскольку автор не скрывает интригу произведения, но, наоборот, часто заранее сообщает о мотивах каждого из героев и указывает на преступника, нарушая тем самым самый главный закон детективного жанра. Так, в повести «Дядюшкин сон» с самого начала известно намерение обмануть князя, и неизвестно лишь то, как разрешится нравственное противоречие Зины; в «Неточке Незвановой»¹ сначала появляется «секретное» письмо, а потом уже героиня скрывает то, что она уже «знает»; в «Преступлении и наказании» мы «видим» убийство и т. д. С другой стороны, наряду с внешним секретом (загадкой преступления, которая и не является загадкой), до последних строк произведений Достоевского остается неразгаданной внутренняя пружина повествования; то самое логическое, вернее сказать – диалектическое, мышление продолжает *разгадывать*, какой из тезисов в произведении оказался истинным, а какой ложным, каков исход борьбы тезиса и антитезиса. Другими словами, так же как и в детективе, задача автора в романе-трагедии состоит в том, чтобы привести мир своих героев к равновесию, разрешить логическое противоречие, особенностью же текстов Достоевского является предмет такого противоречия – человек. И именно с этой стороны следует рассматривать ‘секреты’, ‘тайны’ и ‘загадки’ героев Достоевского, не только как сюжетообразующие компоненты, но и как маркеры полифонии: у каждого героя есть свои явные и неявные ‘секреты’, ‘тайны’, ‘загадки’, которые дополняются ‘идеями’, ‘вопросами’, ‘тезисами’ и другими рефлексивными категориями. «Достоевский сделал своих героев, начиная с Раскольникова, *преступниками* <...> в философском смысле слова. Преступник становился интересен Достоевскому тогда, когда обнаруживалась историко-философская или нравственная идея, когда преступление становилось признаком исканий, заблуждений, болезни или кризиса поколения» [Кирпотин 1978: 457].

Отметим, что в языкознании, напротив, на настоящий момент тема, связанная с концептуальным разделением семантической пары ‘секрет’ / ‘тайна’ практически не исследована. Это, в частности, связано с тем, что данные слова, на первый взгляд, не имеют культурно специфических черт. При этом слова ‘секрет’ и ‘тай-

¹ При первой публикации в «Отечественных записках» «Неточка Незванова» включала в себя три части-новеллы, каждая из которых имела особое заглавие («Детство», «Новая жизнь» и «Тайна») (см. [Фридлендер 1964: 87]).

на' в русских толковых словарях имеют тавтологические дефиниции, хотя в обыденной языковой картине мира обладают четкими семантическими различиями: 'секрет' – информация, которую человек или группа людей пытается скрыть по собственной инициативе и чаще всего в корыстных целях, из страха, что «все узнают», а 'тайна' – личное переживание, направленное на поиск истинного смысла чего-либо. Именно поэтому, например, в известном высказывании Достоевского «Человек есть *тайна*» слово *секрет* не может быть использовано. Однако в толковых словарях находим:

СЕКРЕТ, -а, м.

1. То, что не подлежит разглашению, что скрывается от других; тайна. *Держать что-л. в секрете. Выдать секрет.* <...> || *чего*. Скрытая причина. *Секрет успеха.* <...> || Прием, способ, не известный непосвященным или еще не открытый, не найденный. *Производственный секрет.* <...>
2. Потайное устройство в механизмах, предметах обихода, мебели и т. п. *Замок с секретом.* <...>
3. Воен. Дополнительный сторожевой пост, располагаемый скрытно со стороны противника. [*Казаки*] *прошли вдоль по Тереку на место, назначенное для секрета.* Л. Толстой, *Казаки.* <...>

ТАЙНА, -ы, ж.

1. То, что скрывается от других, что известно не всем; секрет. <...> *Военная тайна. Тайна переписки.* <...> || *чего*. Скрытая причина, скрытая внутренняя сущность чего-л. *Тайна успеха.* || *чего*. Сведения, знания, приемы, не известные непосвященным. *Шеф отдела увлеченно вводил его в самые глубочайшие тайны своего ремесла.* Павленко, *Баррикады.* <...>
2. То, что еще не познано, не разгадано, не стало известным или еще не доступно познанию. *Тайны природы. Тайны космоса. Тайна наследственности.* <...> (см. [Словарь русского языка 1999]).

Как видно из контекстов, слова **секрет 1** и **тайна 1** взаимозаменяемы (Ср.: *держат что-либо в секрете / тайне; секрет / тайна успеха; производственный секрет / тайна*). Особо стоит отметить, что авторами словаря не различаются случаи употребления данных слов в ед. и мн. числе (например, *тайна / тайны природы; секрет / секреты от родителей*). Основываясь на подобном контекстом неразличении пары *секрет / тайна*, В.В. Безрукова, исследуя концепт *тайна / mystère* в русской и французской лингвокультурах (на материале произведений В. Крестовского «Петербургские трущобы» и Э. Сю «Парижские тайны»), лишь приходит к выводу о том, что «рассмотренный концепт имеет довольно сложную структуру и состоит из ряда ключевых “категорий”: прогностичность, секретность, шифровка, запутанность, загадка, поиск, исплицитность. <...> Отдельные компоненты раскрывают одновременно несколько категорий, составляющих периферию исследуемого концепта, а именно понятия “секрет” / “secret” <...> и “загадка” / “devinette = enigme”» [Безрукова 2015: 100]. Однако по отношению к текстам Достоевского данного заключения оказывается недостаточно. Так, в книге «Достоевский и Кант» Я.Э. Голосовкер неслучайно концептуально разделяет «словечки» 'тайна' и 'секрет', подтверждая свое предположение контекстным анализом и интерпретируя это следующим образом: «Среди слов и словечек особого значения есть у Достоевского в романе одно слово-специфум, непрерывно дразнящее читателя своим своемыслием и двусмыслием, въедающееся в созна-

ние как-то особенно ядовито и иронически, так сказать, до крови, как тончайший волосок иного растения, и при этом светящееся, как гнилушка во тьме, – слово *секрет*. И хотя рядом с ним стоят и его синонимы – *загадка* и *тайна*, но смысл у слова *загадка* нейтральный, а у слова *тайна* – обычно противоположный смыслу слова *секрет*, т. е. положительный, глубокий, утверждающий смысл, в то время как в слове *секрет* как будто таится нечто негативное, предостерегающее, нечто подмигивающее, интригующее и злокозненное. <...> А если по отношению к одному и тому же факту говорится и *секрет* и *тайна*, значит, есть в этом факте обычно некое двумыслие: и нечто положительное, и нечто отрицательное» [Голосовкер 1963: 27]. В текстах Достоевского находим:

[Разумихин] Итак, черт с вами со всеми, потому что тут какая-то **тайна**, какой-то **секрет**; а я над вашими **секретами** ломать головы не намерен. (ПН 339)

[Раскольников] А я именно хотел тебе прибавить, да ты перебил, что ты это очень хорошо давеча рассудил, чтобы **тайны** и **секреты** эти не узнавать. Оставь до времени, не беспокойся. Все в свое время узнаешь, именно тогда, когда надо будет. (ПН 339)

[Аркадий] Я прямо положил их не знать никогда. Я – трус, я боюсь, что ваши **тайны** вырвут вас из моего сердца уже совсем, а я не хочу этого. А коли так, то зачем бы и вам знать мои **секреты**? Пусть бы и вам все равно, куда бы я ни пошел! Не так ли? (Пд 332)

– Вы очень болтаете, Липутин, – пробормотал тот гневно. – **Тайны, секреты!** Откуда у нас вдруг столько **тайн** и **секретов** явилось! – не сдерживая себя, восклицал Степан Трофимович. (Бс 79)

[П. Верховенский] Но теперь все останавливаются в недоумении: никто не верит, чтоб это было так первоначально глупо. «Не может быть, чтоб тут ничего больше не было», – говорит себе всякий и ищет **секрета**, видит **тайну**, хочет прочесть между строчками – эффект достигнут! (Бс 372) и др.

Отметим также использование слова ‘секрет’ в названии одной из глав «Братьев Карамазовых» – «Гимн и *секрет*», в котором противопоставляются подземный, воскресший человек, открывший в себе *тайну* Бога, и Бернар презренный, человек с «хвостиками». Несмотря на довольно отвлеченные рассуждения о «двумыслии» Достоевского, читатель также интуитивно чувствует, что разница в употреблении писателем слов ‘секрет’ и ‘тайна’ не случайна и отражает авторское отношение к действительности, т. е. реализуется прагматический компонент их значения. Чтобы выявить прагматическую составляющую «словечка» ‘секрет’, для начала приведем его лексикографическое описание, которое дается в «Словаре языка Достоевского» (см. [Словарь языка Достоевского. Лексический строй идиолекта. Вып. III 2003]):

Общее количество употреблений – 238, из них 169 в художественной прозе, 18 – в публицистике, 51 – в личных письмах. Выделяемые значения во многом повторяют данные толковых словарей русского языка:

СЕКРЕТ

1. Скрываемые сведения, тайна.

[Хроникер] Я знал вперед, что он [Липутин] ни одному слову моему не поверит, непременно вообразит себе, что тут **секрет**, который собственно от него одного хотят скрыть, и только что я выйду от него, тотчас же пустится по всему городу разузнавать и сплетничать. (Бс 68) – Алеша, голубчик, сходи, выведай: какой это такой у них **секрет**, да и при-

ди мне сказать, – вскинулась и взмолилась вдруг Грушенька, – пореши ты меня, бедную, чтоб уж знала я мою участь проклятую! (БКа 11)¹

2. *чего*. Прием, способ, не известный другим.

[Аркадий] Раз заведя [костюм], я был уверен, что проношу долго; я два с половиной года нарочно учился носить платье и открыл даже **секрет**: чтобы платье было всегда ново и не изнашивалось, надо чистить его щеткой сколь возможно чаще, раз по пяти и шести в день. (Пд 69)

3. Загадка, вопрос, требующий разрешения.

Дело в том, что вопрос «Кто именно основал Трою?» – решительно обратился во всех классах в **секрет**, и чтобы проникнуть его, надо было прочесть у Смарагова. (БрК 497)

4. Скрытый источник, причина чего-л.

[Хроникер] Надо отдать справедливость Степану Трофимовичу, он умел привязать к себе своего воспитанника. Весь **секрет** его заключался в том, что он и сам был ребенок. (Бс 35)

5. Расположенный скрытно сторожевой пост.

[Д. Карамазов А. Карамазову, прячась в саду] Я здесь на **секрете** и стерегу секрет. (БрК 95)

От себя заметим, что в первом значении слово ‘секрет’ имеет негативную коннотацию в обоих контекстах, о чем свидетельствуют парадигматические связи слова. В первом случае описывается безосновательность беспокойства и страха Липутина, не допущенного к *секрету* (*непрерывно вообразит себе; пустится разуживать и сплетничать*). Во втором контексте ‘секрет’ предполагает получение знания, которое может изменить жизнь говорящего в худшую сторону (*узнаю секрет... узнаю свою участь*).

Гипотаксис и паратаксис (зоны словаря **СЧТ1** и **СЧТ2** [Словарь языка Достоевского 2003, Вып. I: 47–63]) слова ‘секрет’ в текстах Достоевского представлен следующим образом:

СЧТ1 секрет / секреты большой Ид 488 ВМ 17 Пд 59 Пс 28.1: 204 Пс 28.1: 210 Пс 29.1: 93 величайший ДС 377, 377, 377 Бс 26 БрК 112 Пс 28.2: 57, 93 верный ДП 22: 86 военные ДП 25: 177 вчерашний Пд 253 глубочайший ПН 235 Ид 312 Пс 28.1: 166 Пс 29.1: 60, 60 полный ЗМ 222 Пс 28.2: 93 ужасный Ид 206 БрК 110 Пс 28.2: 314 всем известный ДП 23: 94 интересный Бс 43 крепкий Пд 177 крошечный Пд 154 полнейший Пс 28.2: 48; **секрет** сохранить Ид 312, 315 Пд 254 Бс 82 БрК 103, 236 Пс 28.2: 80 Пс 28.2: 92 Пс 29.1: 60 открыть (кому-либо) ПН 307, 377 Ид 227, 488 ВМ 17 Бс 35 БКа 34, 34, 82 знать Пс 28.2: 40 сказать ДС 364 Пс 28.1: 204 сообщить Ид 199, 199 узнать ПН 339 ДП 22: 12; **секрета** просить Бс 82 Пд 452 попросить Пс 28.1: 215 **секреты** подразумевать Бс 20 заказывать Пд 254 **о секрете** не любопытствовать БрК 276.

СЧТ2 тут какая-то тайна, какой-то **секрет** ПН 339 тайны и **секреты** эти не узнавать ПН 339 тайны, **секреты**! Бс 79 столько тайн и **секретов** явилось Бс 79 эти книжки имеют большею частию вид обнаружения тайн и ужасных **секретов** России Пс 28.2: 314 Опять тайны, опять вечные **секреты** <...> Пс 30.1: 119 а от мужа все еще тайны и **секреты** Пс 30.1: 119. Примечания. Представляет интерес воспроизведение отдельных семантических составляющих существительного **секрет**: «Я [Парадоксалист] не верил, чтоб так бывало с другими, и потому всю жизнь таил это про себя как **секрет** ЗП 102 [М.А. Поливановой] <...> ведь если я и знаю Ваш **секрет**, то сколько бы Вы мне об этом ни написали – все-таки останется целое море невысказанного и которого Вы и сами не в силах высказать, а я понять Пс 30.1: 221 на ухо и под секретом Пб 21: 163

¹ Здесь и далее в статье для краткости приводятся лишь некоторые контексты, которые даны в [Словарь языка Достоевского 2003].

Словообразовательное гнездо включает в себя слова *секретики, секретный, секретно, секретничал, секретен, секретнейший*.

Анализ семантических связей слова ‘секрет’, включающий в себя его гипотаксис и паратаксис, позволяет реконструировать текстовое ассоциативное поле, ядром которого оно является:

АССЦ беспокойство, Бог, бояться, верить, волнение, деньги, женитьба, жених, загадка, знак, знание, знать, известие, компрометирующее письмо, лгать, любопытство, маска, молчалива, не верить, невысказанное, объяснить, открыть, разузнавать, свидания, связь, скрыть, сообщать, сохранить, сплетничать, страх, стыдиться, таить, тайна, убийство, унижительное положение, черт, шептать, щекотливые недоумения, этикет.

Чтобы подтвердить предположение о некоторой антиномии ‘секрета’ и ‘тайны’, приведем результаты контекстного анализа употребления слова ‘тайна’ в корпусе текстов Достоевского, систематизированные по модели словарной статьи в Словаре языка писателя.

Общее количество употреблений – 318, из них 262 в художественной прозе, 28 – в публицистике, 28 – в личных письмах (что численно значительно превышает частотность слова ‘секрет’).

Гипотаксис и паратаксис слова ‘тайна’ у Достоевского включают следующие связи:

СЧТ1 тайна божия Пд 287, 289 ЗП 158 БрК 267, 289 большая НН 244 важная ДС 379 БКа 34 великая Бс 444, 452 БрК 228, 267, 440 всех бóльшая Пд 287 вчерашняя СС 128 главная Бс 66 глубокая ЗЗ 50 БрК 357 глубочайшая СС 95, 112 душевная Пд 245 звездная БрК 328 земная БрК 328 какая-нибудь БЛ 38 МГ 274 ЗМ 6 Бс 37 какая-то своя особая БрК 274 какая-то УО 242 НН 226, 228 ПН 339 Ид 292, 323 Бс 232 Бб 53 Пд 173 любопытная ПН 375 между нами НН 232 милая ДС 379 настоящая и уже давнишняя ПН 250 некоторая Пд 389 необъяснимая Бс 452 необычайная БрК 442 обидная Бс 282 основная БрК 229 разрешенная и откровенная БрК 265 роковая Бс 37, 211, 232 своя Ид 170 семейная ДС 379 Бс 232 БрК 293 чрезвычайная ЗМ 160 Ид 292 чужая НН 244 Пд 413; **тайны** «Брюссельские...» СС 70 важнейшие Бс 299 здешние Бс 380 какие-то ПН 396 Бс 97 Бс 352 Пд 389 мучительные БрК 236 парижские УО 335 петербургские Бс 97 свои ПН 396 святые Бс 504 семейные ПН 364 Иг 213, 220 Бс 380 Пд 323 тайны между Стебельковым и мною Пд 188; **тайну** видеть Бс 372 восполнивши Пд 287 выпытать ЗМ 6 вырвать из сердца ДС 379 высказать ДС 379 держащая в руках БрК 236 допытываться МГ 274 жаждала Пд 323 заключавший в себе Ид 77 знать ДС 379 УО 231, 371, 393 Ид 380 БрК 86, 100 знающие УО 388 иметь Ид 170 нарушать ПН 269 не знал никто в мире БрК 351 не исследую БрК 293 не мог не знать БрК 229 не узнавать ПН 339 объявить Бс 403 БрК 442 объяснить ЗМ 34 открыть Ид 464 Бс 352 Пд 16 БКа 34, 78 поверить ДС 379 ЧЖ 57 подслушивать Пд 413 полюбить Пд 73 постигнуть БрК 289 проповедовать БрК 228 разгласить СС 128 разоблачать Пд 103 разрешил Бс 372 разъяснил ПН 410 разыщут Пд 289 распространить СС 139 рассказать ПН 364 Пд 394 с угрозами опубликовать Бс 211 свидетельствовать БрК 267 сказать Бс 234 скрыть БрК 234 сообщать ЗМ 160 БКа 137 составлять ПН 250 сохранить ДС 365 ЗП 158 сохранить СС 98, 101, 112 схоронить БН 135; **тайны** угадать Бс 66 узнав ПН 354 Бс 94 узнать ПН 354 умру и унесу Ид 257 хочу открыть УО 362 хочу сообщить УО 335 хранящие БрК 236; **тайна** в мудрости божией БрК 61 в руках моих НН 244 все есть Пд 287 всякая муха Бс 452 заключается Ид 323 заключена в каждой былинке Пд 287 известна Бс 414, 419 кончится Бс 216 лежит на всем этом НН 228 много для меня НН 233 находится совершенно в моих руках ПН 375 начинает обнаруживаться Ид 292 необходима ДС 349 объяснилась бы МГ 290 оставалась НН 232 Пд 173 разрешилась НН 188 связывает существование НН 244 соприкасалась БрК 328 тут Ид 323 Бс 260, 322, 373 Пд 287 БрК 265; **тайны** игры Иг 269; **тайны** воспроизведены Бс 380 вырвут из сердца Пд 332 давно открыты Пд 287 завелись ПН 396 известны Бс 299; **тайны** друг от друга не будет ЗП 158 знание БрК 28 начало НН 240 не знаю МГ 291 не сделаю из этого БрК 415 нет никакой Бс 452

носители БрК 237 обладатель Пд 422 обнаружение МГ 291 ДС 379 Бс 66 участник МГ 277 хранение БрК 239 часть Иг 220 что-нибудь в роде этой же БрК 239; **тайн** вдруг столько явилось Бс 79 не будет никаких БрК 236 не допустить Бс 73 не хотеть Бс 73 не хочу знать Хз 316 нет никаких ПН 396 нет от него Ид 380 страшно много БрК 100; **тайна** бытия БрК 229 возлюбленного брата ПН 375 времен и сроков БрК 61 дела БрК 411 души моей БрК 293 жизни БрК 265 заклада ПН 410 искусства НН 188 матери Пд 103 мира сего БрК 228 Мити БрК 440 нашего прибытия УО 407 новых судов Бс 234 нравиться Ид 77 обмана Бс 94 обновления БрК 29 отношений УО 354 появлении нового существа Бс 444, 452 природы УО 362 БрК229 репутации БрК 134 своего к ней родства Бс 282 сети Бс 419 слога высокого Дв 129 совести БрК 236 Ставрогина Бс 414 того мира БрК 228 чувств Пд 389 **тайне** не измените СС 95; **в тайне** остаться ДС 394 СС 95 ЗМ 38 Пд 283 заключаться МГ 291 БрК 351 сохранить СС 101 нацарапал БрК 111 мыслью БрК 293; **в тайны** посвятить Дв 157; **в тайну** проникнуть УО 407 Иг 269; **в тайны** посвящен УО 364 Иг 213БрК 338, 411; **тайной** обладать Дв 129 ЗЗ 93 Пд 325 дорожить Пд 326; **тайною** оставаться Бс 494 было Пд 307; **тайнами** напичкано Бс 97 оправдать УО 362; за **тайну** похвалить Пд 219; на **тайне** основать БрК 234; с **тайны** началось Пд 245; с **тайной** сопрягать БрК 442.

СЧТ2 посвятил своего гостя в некоторые секреты и **тайны** Дв 157 смерть срывает завесу со всех наших **тайн**, интриг, проволочек ГП 262 желание вакханки, гордое и радостное силой своей, без покрова, без тайны Хз 303 достаточно было первого припадка болезни, припадка ее всегдашнего горя, а затем опять отчуждения, **тайны**, недоверчивости и, может быть, даже ожесточения НН 236 сердце как будто вызывает будущее, со всей его **тайной**, со всей неизвестностью НН 239 нахмутив брови и как будто разом нарушая все **тайны** и двусмысленности ПН 269 тут какая-то **тайна**, какой-то секрет ПН 339 чтобы **тайны** и секреты эти не узнавать ПН 339 **тайн** и любовных... стремлений УО 362 окончательно не знал всех средств и **тайн** этой игры Иг 269 в звере заключается что-то роковое и какая-то **тайна** Ид 323 я не хочу тайн, я не допущу тайн в этом деле ни тайны, ни опасности – ничего не оказалось из всей фантазмагии ВМ 18 Бс 73 **Тайны**, секреты! Откуда у нас вдруг столько **тайн** и секретов явилось! Бс 79 какой-то роман, какую-то роковую семейную **тайну** Бс 232 тут **тайна**, тут женщина Бс 360 всякий и ищет секрета, видит **тайну**, хочет прочесть между строчками Бс 272 Вся **тайна** тут, вся история тут! Бс 373 **Тайна** появления нового существа, великая **тайна** и необъяснимая Бс 452 ничего тут нет, никакой **тайны** Бс 452 похвалить тебя за скромность и **тайну** <...> Скромность, **тайна**! Пд 219 открыли бы в природе такие явления и **тайны**, каких и не предполагали прежде Пд 379 выступали их какие-то **тайны** и глупости и что эти люди, видимо, не могли обойтись без **тайн** и без хитростей Пд 389 сам нацарапал, в тишине и в **тайне** БрК 111 потихоньку, в величайшей **тайне** БрК 114 три силы, единственные три силы на земле, могущие навеки победить и пленить совесть этих слабосильных бунтовщиков, для их счастья, – эти силы: чудо, **тайна** и авторитет БрК 234 не свободное решение сердец их важно и не любовь, а **тайна**, которой они повиноваться должны слепо БрК 234 исправили подвиг твой и основали его на чуде, **тайне** и авторитете БрК 234 поставят пред такими чудами и неразрешимыми **тайнами** БрК 235 вот их идеал, но безо всяких **тайн** и возвышенной грусти... БрК 237.

В словообразовательное гнездо входят слова *тайный, тайное, тайно, таить, утаивать, таинственный, таинственно, втайне, тайник, тайно-революционный, без утайки; потайной.*

Текстовое ассоциативное поле слова ‘тайна’ включает в себя ассоциаты:

АССЦ авторитет, безнравственность, божий, важный, великий, грусть, двусмысленность, жизнь, истина, история, красота, любить, мир, муха, не хочу лгать, небесный, неизвестность, новый, нравственность, подноготная, решение, решить, роковой, секрет, совесть, средство, стремление, существо, существование, тишина, уединение, ум, человек, человеческий, чудо, явление.

Сопоставление двух приведенных выше лексикографических «портретов» позволяет заметить некоторые особенности использования Достоевским слов ‘секрет’ и ‘тайн’.

В списке подчинительных связей слова ‘секрет’ прежде всего обращают на себя внимание:

1) большое количество прилагательных, обозначающих ‘степень и интенсивность проявления признака’ (всего 26: большой – 6, величайший – 7, глубочайший – 5, полный – 2, ужасный – 3, крепкий – 1, крошечный – 1, полнейший – 1).

2) употребление слова секрет «без зависимого существительного, называющего содержание скрываемого сообщения» (см. [Словарь языка Достоевского 2003]). Исключение:

[Князь Мышкин] Но меня поразило ужасно, что этот сын [Павлищева] так легко, то есть, я хочу сказать, так публично выдает **секрет** своего рождения и, главное, позорит свою мать. (Ид 227)

В свою очередь гипотаксис слова ‘тайна’ обладает следующими особенностями:

1) большое количество слов с семантикой ‘неопределенность’ (всего 20: *какая-нибудь, какая-то своя особая, какая-то, какие-то, некоторая, что-нибудь*);

2) в роли прямого объекта тайна выступает по отношению к предикатам, которые объединены семой ‘постижение, познание’ + ‘интенсивность’ (всего 7: **тайну постигнуть, разрешить, разъяснить, жаждать, исследовать; тайны не мог не знать, допытываться);**

3) употребление в контексте со словами, в которых актуализирована сема ‘решение, объяснение’ (всего 2: *необъяснимая, разрешенная*);

4) сочетаемость с прилагательными, определяющими ‘иерархию значимости’ тайны (всего 7: *звездная / земная, главная, основная, мира сего / того мира, роковая*);

5) многочисленные употребления с отрицанием (всего 14: **тайну не знал никто в мире, не исследую, не мог не знать, не узнавать; тайны друг от друга не будет, не знаю, не сделаю из этого, нет никакой; тайн не будет никаких, не допустить, не хотеть, не хочу знать, нет никаких, нет от него – тогда как слово ‘секрет’ встречается с отрицанием лишь 1 раз: *у нас нет секретов*);**

6) употребление в сочетании с зависимым существительным, называющим содержание сообщения, которое можно подразделить на (1) абстрактное и (2) конкретное: (1) **тайна бытия, времен и сроков, жизни, искусства, мира сего / того мира, нравиться, обмана, обновления, отношений, появлении нового существа, природы, совести, чувств**; (2) **тайна дела, души моей, заклада, нашего прибытия, новых судов, репутации, своего к ней родства, сети, слога высокого**.

Анализ ассоциативного окружения слова ‘секрет’ показывает, что если распределить выявленные ассоциаты в соответствии с выделением в тезаурусе Достоевского архиконцепта ЧЕЛОВЕК и связанных с ним шести концептуальных полей ЖИЗНЬ ↔ СМЕРТЬ, ЛЮБОВЬ ↔ СТРАХ, СМЕХ ↔ БОЛЕЗНЬ (см. [Караулов, Ружицкий 2015: 20–21]), то получится, что большим по объему окажется поле СТРАХ. При этом анализ контекстного употребления показывает, что зонами пересечения текстового ассоциативного поля секрет у Достоевского являются поля *любопытство, маска*¹, *черт, тайна, убийство*, каждый из которых так или иначе пересекает-

¹ См. подробнее о словах ‘маска’ и ‘маскарад’ у Достоевского [Ружицкий 2015(а)].

ся с ассоциативным полем *преступление*, что в совокупности детерминирует прагматическую составляющую значения слова ‘секрет’ как резко негативную.

Как следует из зоны словаря, описывающей паратаксисты (**СЧТ2 секрет** и **СЧТ2 тайна**), в лексическом строе идиолекта Достоевского слова ‘секрет’ и ‘тайна’, с одной стороны, когда встречаются в одном контексте, выполняют функцию амплификаторов (под амплификацией мы понимаем использование близких по значению слов в одном синонимическом ряду). Важно отметить, что в этом случае чаще используется форма мн. ч. обоих слов:

[А.Г. Достоевской] Милая Аня, сейчас получил твое письмо, писанное карандашом, из Рязани от 18-го августа, и опять повержен в беспокойство и сомнения. Опять **тайны**, опять вечные **секреты**. Не можешь ты никак удостоить меня полной откровенности. Списываешься и соглашаешься с червонными валетами, а от мужа все еще **тайны** и **секреты**. И к чему эта таинственность, если уж решилась исполнить задуманное? Неужели ты рассудить не можешь, что, видя **тайну**, не могу же я не быть расстроен, вечно предугадывая, сомневаясь и разгадывая здесь, за 2500 верст: что бы это было такое. (ПС 30.1: 119)

С другой стороны, можно привести большое количество контекстов со словом ‘тайна’, в которых у Достоевского не может быть использовано слово ‘секрет’ в силу антонимичного ему ассоциативного окружения:

И так хочется **жить**, так просится **жить** весь ваш состав, и, воспламеняясь самой **горячей**, самой **слепой надеждой**, **сердце** как будто вызывает **будущее**, со всей его **тайной**, со всей **неизвестностью**, хотя бы с **бурями**, с **грозами**, но только бы с **жизнью**. (НН 239)

[Кириллов] Всякий, кто хочет **главной свободы**, тот должен **сметь убить** себя. Кто **смеет убить** себя, тот **тайну обмана** узнал. (Бс 94)

[Макар Иванович] Трудно **человеку** знать про всякий грех, что грешно, а что нет: **тайна** тут, **превосходящая ум человеческий**. (Пд 287)

[Великий Инквизитор] Ибо **тайна бытия человеческого** не в том, чтобы только **жить**, а в том, для чего **жить**. (БрК 232)

– Я тебе всю нашу **тайну** открою! – зашептал спеша Митя. – Хотел потом открыть, потому что без тебя разве могу на что **решиться**? Ты у меня все. Я хоть и говорю, что Иван над нами **высший**, но ты у меня херувим. Только твое **решение** **решит**. Может ты-то и есть **высший человек**, а не Иван. Видишь, тут **дело совести**, **дело высшей совести**, – **тайна** столь **важная**, что я справлюсь сам не смогу и все отложил до тебя. (БКа 34)

Несовпадение ассоциатов происходит потому, что текстовое ассоциативное поле ‘тайна’ (в противоположность концептуальному полю СТРАХ в случае со словом ‘секрет’), находит наибольшее количество точек пересечения с концептуальным полем ЖИЗНЬ.

Названные особенности употребления слов ‘секрет’ и ‘тайна’ позволили выявить некоторые дифференциальные семы, в том числе и прагматического характера. С учетом этого постараемся сформулировать дефиницию значения слова ‘тайна’, реализуемого в текстах Достоевского:

ТАЙНА

1.1. Некоторое (1) противоречивое (2) вневременное знание, (3) важность которого определяет каждый человек самостоятельно, (4) которое он всеми силами в течение своей жизни стремится понять до конца (чтобы *тайны* не было), окончательно приняв или не приняв ее, что однако оказывается метафизически невозможно, поскольку (5) такое знание включает в себе оба начала, и в этом заключается целостность человека (часто в сочетании с абстрактными существительными, при пересказе сна, в богословском контексте и с неопределенно личными местоимениями).

[Валковский Ивану Петровичу] Вот что, мой поэт, хочу я вам открыть одну **тайну** природы, которая, кажется, вам совсем неизвестна. Я уверен, что вы меня называете в эту минуту грешником, может быть, даже подлецом, чудовищем разврата и порока. Но вот что я вам скажу! Если б только могло быть (чего, впрочем, по человеческой натуре никогда быть не может), если б могло быть, чтоб каждый из нас описал всю свою подноготную, но так, чтоб не побоялся изложить не только то, что он боится сказать и ни за что не скажет людям, не только то, что он боится сказать своим лучшим друзьям, но даже и то, в чем боится подчас признаться самому себе, – то ведь на свете поднялся бы тогда такой смрад, что нам бы всем надо было задохнуться. (УО 362) [Парадоксалист] Любовь – **тайна** божия и от всех глаз чужих должна быть закрыта, что бы там ни произошло. <...> Там душой сойдутся, все дела свои сообща положут; **тайны** друг от друга не будет. (ЗП 158) Она, стало быть, тоже предчувствует, как и я, что в звере заключается что-то роковое и какая-то **тайна**. Она медленно отодвигалась назад перед гадом, тихо и осторожно ползшим на нее; он, кажется, хотел вдруг на нее броситься и ужалить. (Ид 323) Одних особенно прельщало, что на душе его есть, может быть, какая-нибудь роковая **тайна**; другим положительно нравилось, что он [Ставрогин] убийца. (Бс 37) [Шатов] **Тайна** появления нового существа, великая **тайна** и необъяснимая, Арина Прохоровна, и как жаль, что вы этого не понимаете! <...> | – Эх напорол! Просто дальнейшее развитие организма, и ничего тут нет, никакой **тайны**, – искренно и весело хохотала Арина Прохоровна. – Этак всякая муха **тайна**. (Бс 452) [Макар Иванович] Трудно человеку знать про всякий грех, что грешно, а что нет: **тайна** тут¹, превосходящая ум человеческий. (Пд 287) [Д. Карамазов А. Карамазову] Я, брат, очень необразован, но я много об этом думал. Страшно много **тайн**! Слишком много загадок угнетают на земле человека. (БрК 100)

1.2. Некоторое знание, которое человек не может постичь в силу противоречивости окружающей действительности или себя самого, но над которым он активно рефлексирует, что может вызывать в нем разные чувства (грусть, негодование, возмущение и др.); часто при передаче размышлений героев:

[Доброселова] До сих пор для меня **тайна**, зачем именно она [Анна Федоровна] приглашала нас к себе? Сначала она была с нами довольно ласкова, – а потом уж и выказала свой настоящий характер вполне, как увидела, что мы совершенно беспомощны и что нам идти некуда. (БЛ 30) [Неточка] [Неточка] Какая-то **тайна** была в судьбе ее [Александры Михайловны]; по крайней мере я начала подозревать с первой минуты... (НН 226) [Неточка] Для этого достаточно было первого припадка болезни, припадка ее [Александры Михайловны] всегданнего горя, а затем опять отчуждения, **тайны**, недоверчивости и, может быть, даже ожесточения. (НН 236) [Алеша Наташе] Одно еще я заметил: в ней [Кате] много грусти, точно **тайны** какой-то; она неговорлива; в доме почти всегда молчит, точно запугана... Она как будто что-то обдумывает. (УО 242) [Иван Петрович о Нелли] Теперь все прошло, уж все известно, а до сих пор я не знаю всей **тайны** этого больного, измученного и оскорбленного маленького сердца. (УО 371) Он [Раскольников] слишком хорошо понимал, как тяжело было ей [Соне] теперь выдавать и обличать все свое. Он понял, что чувства эти действительно как бы составляли настоящую и уже давнишнюю, может быть, **тайну** ее, может быть еще с самого отрочества, еще в семье, подле несчастного отца и сумасшедшей от горя мачехи, среди голодных детей, безобразных криков и попреков. (ПН 250)

1.3. То же, что СЕКРЕТ 1.1

[Валковский Ивану Петровичу] Одним словом – я был ее [«одной барыни»] тайным и таинственным любовником. Сношения были устроены до того ловко, до того мастерски, что даже никто из ее домашних не мог иметь ни малейшего подозрения; только одна ее прехорошенькая камеристка, француженка, была посвящена во все ее **тайны**. (УО 364) [Алексей Иванович] Скажите, – отвечал я вопросом, – наш маркиз, кажется, тоже посвящен во все семейные **тайны**? (Иг 213) [Разумихин] Итак, черт с вами со

¹ Говоря об идиоглоссе 'тайна' нельзя не отметить у Достоевского частотное употребление ее в сочетании с местоимением *тут*. Ид 323 Бс 260, 322, 373 Пд 287 БрК 265

всеми, потому что тут какая-то **тайна**, какой-то секрет; а я над вашими секретами ломать головы не намерен. (ПН 339) А если теперь, узнав его [Раскольникова] **тайну** и таким образом получив над ним власть, он захочет употребить ее как оружие против Дуни? Мысль эта иногда, даже во сне, мучила его, но в первый еще раз она явилась ему так сознательно ярко, как теперь, когда он шел к Свидригайлову. Одна уже мысль эта приводила его в мрачную ярость. Во-первых, тогда уже все изменится, даже в его собственном положении: следует тотчас же открыть **тайну** Дунечке. (ПН 354) [Лиза Ставрогину] <...> все пишет [Лебядкин] неприличные письма и в них жалуется на вас, предлагая мне открыть какие-то про вас **тайны**. (Бс 352)

1.4. То же что СЕКРЕТ 1.2

[Маслобоев Ивану Петровичу] А ты уж и подумал, что я тебе бог знает какие парижские **тайны** хочу сообщить. И видно, что романист! (УО 335)

Для сравнения отметим, что Н.Ю. Шведова в словаре-тезаурусе включает слова ‘секрет’ и ‘тайна’ в условное объединение слов, именующих прагматически не нагруженные категории: ДУХОВНЫЙ МИР: СОЗНАНИЕ. МОРАЛЬ. ЧУВСТВА → СОЗНАНИЕ. РАЗУМ. ЗНАНИЕ. ПОНИМАНИЕ. МЫСЛЬ. ОБРАЗ МЫСЛЕЙ → ЗАДАЧА. ЗАМЫСЕЛ → ЗАДАЧА, ЕЕ РЕШЕНИЕ. ИСКОМОЕ И НАЙДЕННОЕ – со следующими значениями:

СЕКРЕТ, -а, м. 1. Хранимая кем-н. тайна. *Держать в секрете что-н. Сказать под большим секретом.*

ТАЙНА, -ы, ж. 1. То, что не разгадано, непознанные обстоятельства. *Тайны бытия. Тайны происхождения Вселенной. Тайны океана. Тайна исчезновения рукописи.* 2. Нечто скрываемое от других, известное не всем. *Тайна переписки. Сердечные тайны. Тайна вклада. Хранить тайну. Держать в тайне* [Русский семантический словарь 2003: 160].

В контексте же Достоевского идиоглоссы ‘секрет’ и ‘тайна’ находятся на пересечении когнитивного и прагматического уровней языковой личности автора, поэтому словарную статью слова ‘секрет’ в первом значении (см. выше) правомерно, на наш взгляд, дополнить следующими уточнениями. В отличие от статьи ТАЙНА:

СЕКРЕТ

1.1. Скрываемые сведения, которые имеют под собой, как правило, преступные мотивы и раскрытие которых может повести за собой моральное обличение героя:

[Голядкин] Зачем же это он других в **секрет** замешал? – подумал герой наш. – Экие варвары! святого у них ничего не имеется! (Дв 192) [Разумихин Раскольникову] Эх ведь наладит! Уж не за **секрет** ли какой боишься? Не беспокойся: о графине ничего не было сказано. (ПН 98) – Сами изволите видеть, Авдотья Романовна, – сказал он [Лужин], – возможно ли тут соглашение? Надеюсь теперь, что дело это кончено и разъяснено, раз навсегда. Я же удалюсь, чтобы не мешать дальнейшей приятности родственного свидания и сообщению **секретов** (он встал со стула и взял шляпу). (ПН 232) Он [Лужин] с упоением помышлял, в глубочайшем **секрете**, о девице благонаправной и бедной (непременно бедной), очень молоденькой, очень хорошенькой, благородной и образованной, очень запуганной, чрезвычайно много испытавшей несчастий и вполне перед ним приникшей, такой, которая бы всю жизнь считала его спасением своим, благоговела перед ним, подчинялась, удивлялась ему, и только ему одному. (ПН 235)

В таком значении, употребляясь с отрицанием (*у нас нет секретов*), у говорящего, наоборот, появляется стремление увести от себя подозрение в преступных мотивах, что, однако, у Достоевского встречается крайне редко:

– Вот что, вот какое у меня до тебя дело... – сказал Раскольников, отводя Разумихина к окошку <...>. Сейчас, Софья Семеновна, у нас нет **секретов**, вы не мешаете... Я бы хотел вам еще два слова сказать... (ПН 186)

1.2. Сведения, часто не имеющие под собой морально-этической основы и потому не являющиеся ценными (часто в ироническом контексте):

[Князь Мозглякову] А вот ты и узнал теперь мой **секрет**! Я ведь говорил, что надо дверь за-пи-рать. Ну, мой друг, ты должен не-мед-ленно дать мне свое честное сло-во, что не воспользуешься моим **секретом** и никому не скажешь, что у меня волосы нак-лад-ные. (ДС 364) [Ежевикин Сереже] Сахару, сахару-то побольше во все подсыпайте, так оно и здоровее будет. Это я вам, батюшка, по **секрету** говорю; может, и вам понадобится. (СС 51) [Разумихин] Родька... Видишь... Ну... Ах, черт! А ты-то куда хочешь отпра-виться? Видишь: если все это **секрет**, то пусть! Но я... я узнаю **секрет**... И уверен, что непременно какой-нибудь вздор и страшные пустяки и что ты один все и затеял. (ПН 339) [Ганя] Не возьметесь ли вы, князь, передать Аглае Ивановне, сейчас, но только одной Аглае Ивановне, так то есть, чтоб никто не увидал, понимаете? Это не бог знает какой **секрет**, тут нет ничего такого... но... сделаете? | Мне это не совсем приятно, – отвечал князь. (Ид 67) [Лизавета Прокофьевна] У нас, видите ли, князь, здесь теперь все **секреты**. Все **секреты**! Так требуется, этикет какой-то, глупо. И это в таком деле, в котором требуется наиболее откровенности, ясности, честности. Начинаются браки, не нравятся мне эти браки... (Ид 69) [Коля читает газетную статью про князя Мышкина и Павлищева] Один из таких тунеядцев, приближаясь к старости, объявил сам собою и без всякого принуждения, что он в продолжение долгой и скудной жизни своей умертвил и съел лично и в глубочайшем **секрете** шестьдесят монахов и несколько светских младенцев, – штук шесть, но не более, то есть необыкновенно мало сравнительно с количеством съеденного им духовенства. (Ид 312) Ипполит желал помириться, заплакал и после слез, разумеется, еще пуще озлобился, но только трусил выказать злобу. Он был очень плох, и по всему было видно, что теперь уже умрет скоро. **Секрета** не было никакого, кроме одних чрезвычайных, так сказать задыхающихся от волнения (может быть, выделанного), просьб «беречься Рогожина». (Ид 489) Все они [литераторы Петербурга] чем-то гордились до странности. На всех лицах было написано, что они сей-час только открыли какой-то чрезвычайно важный **секрет**. Они бранились, вменяя себе это в честь. (Бс 21) – Клянусь же вам и пари держу, – говорил он [С.Т. Верховенский] мне [Хроникеру] сам (но только мне и по **секрету**), – что никто-то изо всей этой публи-ки знать не знал о мне ровнешенько ничего! (Бс 22)

Именно такое прагматическое наполнение позволяет использовать слово ‘секрет’ в сочетании с прилагательным крошечный Пд 154, с глаголом ‘любопытствовать’ БрК 276, с использованием уменьшительно-ласкательного суффикса секретики Бс 83.

ЛИТЕРАТУРА

Безрукова В.В. Концепт «Тайна» / «Mystère» в русской и французской лингвокуль-турах (на материале произведений В. Крестовского «Петербургские трущобы» и Э. Сю «Парижские тайны»). www.cyberleninka.ru (дата обращения: 11.09.2017).

Вольский Н.Н. Загадочная логика. Детектив как модель диалектического мышления. Новгород: Изд-во НГПУ. 2006. 280 с.

Голосовкер Я.Э. Достоевский и Кант. М.: Изд-во Академии наук СССР. 1963. 102 с.

Гроссман Л. Достоевский. М.: Молодая гвардия, 1963. 544 с.

Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

Караулов Ю.Н., Ружицкий Е.В. От словаря языка писателя к познанию его мира: о некоторых базовых концептах в творчестве Ф.М. Достоевского // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 4(045). С. 16–22.

Кирпотин В.Я. Разочарование и крушение Родиона Раскольникова. М.: Советский писатель, 1970. 445 с.

Ружицкий И.В. Маска и маскарад у Ф.М. Достоевского // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2015(а). № 5(27). С. 38–46.

Ружицкий И.В. Язык Достоевского: идиоглоссарий, тезаурус, эйдос: Монография. М.: ЛЕКСРУС, 2015(б). 543 с.

Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Под общ. ред. Н.Ю. Шведовой; РАН. Ин-т рус. яз. Т. 3. М.: Азбуковник, 2003. 720 с.

Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой; РАН, Ин-т лингвистич. исследований. 4-е изд., стереотип. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.

Словарь языка Достоевского: лексический строй идиолекта / Под ред. Ю.Н. Караулова. М.: Азбуковник, 2003. Вып. I. 442 с.; вып. II. 510 с.; вып. III. 559 с.; Словарь языка Достоевского: Идиоглоссарий (А–В) / Под ред. Ю.Н. Караулова. М.: Азбуковник, 2008. 962 с.; Словарь языка Достоевского: Идиоглоссарий (Г–З) / Под ред. Ю.Н. Караулова. М.: Азбуковник, 2010. 1049 с.; Словарь языка Достоевского: Идиоглоссарий (И–М) / Под ред. Ю.Н. Караулова. М.: Азбуковник, 2012. 847 с.

Фридлендер Г.М. Реализм Достоевского. М.; Л.: Наука, 1964. 404 с.

Юнг К.-Г. Воспоминания, сновидения, размышления. Киев, 1994. С. 322–349.

REFERENCES

Bezrukova V.V. The Concept “Tayna” / “Mystère” in Russian and French Linguocultures (on the material of V. Krestovsky’s works “The St.Petersburg slums” and E. Syu “The Mysteries of Paris”). www.cyberleninka.ru (reference date: 09.11.2017).

Dostoevsky F.M. The Complete Works: In 30 vols. Leningrad. Nauka Publ. 1972–1990.

Dostoyevsky’s Language Dictionary. The Lexical Order of Idiolect / Ed. by Yu.N. Karaulov. Moscow. 2003. Vol. I. 442 p.; Vol. II. 559 p.; Vol. III. 559 p.; Dostoyevsky’s Language Dictionary. Idioglossary (A–V) / Ed. by Yu.N. Karaulov. Moscow. Azbukovnik Publ. 2008. 962 p.; Dostoyevsky’s Language Dictionary. Idioglossary (G–Z) / Ed. by Yu.N. Karaulov. Moscow. Azbukovnik Publ. 2010. 1049 p.; Dostoyevsky’s Language Dictionary. Idioglossary (I–M) / Ed. by Yu.N. Karaulov. Moscow. Azbukovnik Publ. 2012. 847 p.

Fridlander G.M. (1964) The Realism of Dostoevsky. Moscow; Leningrad. 404 p.

Golosovker Ya.E. (1963) Dostoevsky and Kant. Moscow. The Academy of Sciences of the USSR Publ. 102 p.

Jung K.-G. Memories, Dreams, Reflections. Kiev. 1994, pp. 322–349.

Grossman L. (1963) Dostoyevsky. Moscow. Molodaya Gvardiya Publ. 544 p.

Karaulov Yu.N., Ruzhitsky E.V. From The Writer’s Language Dictionary to The Cognition of The Writers’s World: On Some Basic Concepts in Dostoyevsky’s Creative Works. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki [Linguistics Questions of Cognitive]*. 2015. No 4(045), pp. 16–22.

Kirpotin V.Ya. (1970) The Disappointment and The Collapse of Rodion Raskolnikov. Moscow. Sovetskiy Pisatel Publ. 445 p.

Russian Language Dictionary: In 4 vols. / Ed. A.P. Evgenieva; RAS. The Institute of Linguistics research. 4th ed. Moscow. Russkiy Yazyk Publ.; Poligraf Resursy Publ. 1999.

Ruzhitsky I.V. Mask and masquerade in Feodor Dostoevsky’s creative works. *Bulletin of the Novosibirsk State Pedagogical University*. 2015(a). No 5(27), pp. 38–46.

Ruzhitskiy I.V. (2015(6)) The Language of Dostoevsky: Idioglossary, Thesaurus, Eidos: Monograph. Moscow. LEKSRUS Publ. 543 p.

Ruzhitskiy I.V. Possible Worlds in The Semantic Space of Dostoevsky. *Stephanos*. 2017. No 1(21), pp. 9–21.

Russian Semantic Dictionary. The Explanatory Dictionary arranged according to word and meaning classes / Ed. by N.Yu. Shvedova; RAS. The Institute of the Russian Language. Vol. 3. Moscow. Azbukovnik Publ. 2003. 720 p.

Volsky N.N. (2006) Mysterious Logic. Detective as a Model of Dialectical Thinking. Novosibirsk. Novosibirsk State Pedagogical University Press. 280 p.

Сведения об авторе:

Екатерина Владимировна Потёмкина,
канд. пед. наук
преподаватель
кафедра русского языка
для иностранных учащихся
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Ekaterina V. Potemkina,
PhD
Lecturer
Department of Russian Language
for Foreign Students
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
kpisareva@yandex.ru

А.В. Вавулина, Е.Ю. Николenco
(Москва, Россия)

Методические особенности использования технологии веб-квест при обучении РКИ на разных уровнях

Аннотация: В статье рассматривается методический аспект применения технологии веб-квест при обучении русскому языку иностранных учащихся. Авторы анализируют особенности использования данной технологии и дают рекомендации по ее применению в практике преподавания РКИ на разных уровнях: от Базового до III сертификационного (от А2 до С1).

Ключевые слова: технология веб-квест, просмотровое чтение, изучающее чтение, метод проектов

A.V. Vavulina, E.Yu. Nikolenko
(Moscow, Russia)

The Application of Web Technology in Teaching Russian to Foreign Students at Different Levels

Abstract: The article deals with the methodological aspect of applying of web quest technology in teaching Russian to foreign students. The authors think that the usage of web quest technology depends directly on the level of the learning skills: either it determines the impossibility of work with this technology and the maximum adjustment of the work under the teacher's supervision or on the contrary the maximum efficiency of the unsupervised work of the students with the technology. The purpose of the article is the analysis of the peculiarities of the work with the mentioned technology at the basic levels of teaching Russian to foreign students from A1 to C1. The application of this technology is impossible at level A1 owing to the limited lexical and informative (the topics for communication) minimum of the students. At level A2 the web guest technology can be used under the leading governance of the teacher. It's advantageous to use web quest technology for the students to select independently the visual material in internet (pictures, photos, goods, clothes, famous places, people, price lists, maps, metro maps, traffic schedules) in accordance with the given task.

In the authors' opinion it is especially effective to utilize web quest technology in the teaching process with the students of Level B1. The goal of this level is to teach the perception of producing the unadapted Russian discourse in the frequently used situations of the communication in social, routine and social-cultural spheres. It is in these spheres

of the communication that native speakers of their own language can fully use the information of media texts, materials of different internet resources the genre specificity of which (informative notes, news, information of the events, interview, texts of historical and culturological character) and lexical and grammar material coincides with their skills of learning Russian. This can make the work with the given contingent of students using the method of educational web quest maximally organic.

At level B2 it's advisable to utilize web-quest to raise the efficiency and optimization in forming subject competency of the students of different specialties. As for level C1 it is expected to employ the theme of web quest that is connected with the stylistics and rhetoric as the students of this level should master completely set phrases and emotional, expressive means of the language of all the stylistic subsystems. You can find here the scripts of the web quests for different levels of the learning skills of the Russian language for foreigners as the examples.

Key words: web-quest, project method, throughout reading, learning reading

Целью обучения иностранных учащихся, как известно, является усвоение языка, овладение языковым материалом с последующим выходом в устную и письменную речь. При этом важнейшую роль играют навыки по работе с текстом. Современные учащиеся зачастую «запрограммированы» информационной средой на клиповое сознание, просмотровое чтение. Это негативно влияет на сохранность навыков аналитического, изучающего чтения, способность глубокого восприятия информации, приводит к ослаблению восприятия причинно-следственных связей между фактами, событиями. Обучающие технологии являются особым интернет-инструментом, позволяющим учащимся при направляющей роли преподавателя закреплять и совершенствовать навыки аналитической работы с текстом, овладевать языковым материалом и корректировать языковые и речевые ошибки. При этом использование обучающих технологий не лишает их самостоятельности, погруженности в привычную информационную среду и вносит в занятия игровой элемент.

Среди новых образовательных технологий одной из наиболее продуктивных, по нашему мнению, является технология веб-квест, в которой учебная деятельность студентов представляет собой выполнение некоего совместного проекта, а это предполагает получение конкретного (практического) результата и его публичного предъявления перед учащимися и преподавателем группы [2: 146]. По утверждению Е.С. Полат, «метод проектов – суть развивающего обучения. Он может использоваться на любой ступени обучения» [5: 5]. Здесь мы не можем согласиться с мнением Е.С. Полат. Хотелось бы конкретизировать, что использование технологии веб-квест как одной из модификаций проектной методики напрямую зависит от уровня владения языком. Более того, именно уровень владения языком определяет либо невозможность работы с данной технологией, либо максимальную скорректированность ее использования преподавателем, либо, наоборот, максимальную эффективность работы с ней. Нам представляется, что веб-квест технология как один из вариантов метода проектов наиболее эффективно использовать на уровнях B1, B2 и на более высоких уровнях. Что касается уровней A1 и A2, то, несомненно, не рекомендуется использовать эту технологию на уровне A1, а на уровне A2 – при ведущей роли преподавателя. Более подробно рассмотрим эту проблему далее.

Основой проектной деятельности является развитие когнитивных умений учащихся, навыков конструирования знаний, использования их на практике, самостоятельного и инициативного решения задач и проблем, поставленных перед ними в том или ином проекте. Использование метода проектов изучалось в работах И.Л. Бим, И.А. Зимней, О.М. Моисеевой, П.И. Образцова, Е.С. Полат, Т.Е. Сахаровой, И.Д. Чечель и др.

Как уже было сказано, технология веб-квест представляет собой один из вариантов применения метода проектов.

Слово «квест» от англ. quest – поиски, приключение. Квест – эта игра, подразумевающая достижение игроком какой-то определенной цели, а именно – выполнить задание или собственно «квест», используя собственные знания и опыт, а также советуясь с участниками квеста.

Под веб-квестом мы понимаем сценарий проектной деятельности студентов по изучаемой теме с использованием ресурсов Интернета, который предполагает групповую работу учащихся.

Веб-квест технология как любая современная технология обучения ориентирована не только на приобретение знаний, но и на технологии их усвоения, на образцы и способы мышления и деятельности, на развитие когнитивных навыков и творческих возможностей учащихся. Кроме того, она развивает навыки самообразования благодаря решению практических задач или проблем, которые требуют интеграции знаний из различных предметных областей. В то же время данная технология предполагает трансформацию схемы взаимодействия в процессе обучения. Как отмечает И.А. Зимняя, «вместо широко распространенной схемы субъект-объектного взаимодействия (преподаватель – учащийся), должна иметь место схема субъект-субъектного равно партнерского учебного сотрудничества» [3: 71]. Веб-квест позволяет моделировать реальное многостороннее общение, подразумевает работу с реальной практической ситуацией, проблемой, требующей исследования либо в индивидуальной, либо в групповой форме. Для обучения РКИ предпочтительнее групповая форма данной технологии. Как было сказано выше, применение веб-квест технологии возможно на всех уровнях, начиная с середины базового (А2). Но наибольший эффект данная технология может дать на первом и втором сертификационных уровнях (B1, B2).

Занятия по проектной методике проходят в комфортной, активизирующей интересы обучаемого атмосфере, что делает студента интерактивным участником учебного процесса. Вследствие этого работа приобретает творческий характер, требующий самостоятельного переноса знаний, умений и навыков в новый контекст их применения. Использование русского языка становится естественным, учащийся обращает внимание, прежде всего, на содержание высказывания, а затем уже на языковую форму. В процессе проектной деятельности студент активен, самостоятелен. А упомянутый выше переход от субъектно-объектной схемы обучения к схеме субъектно-субъектного равнопартнерского учебного сотрудничества позволяет добиться максимальной эффективности процесса обучения. Именно общегрупповое взаимодействие повышает эффективность усвоения материала более чем на 15%.

Таким образом, информационно-коммуникационная веб-квест технология учитывает потребности, возможности и склонности учащихся, когда они сами становятся активными субъектами учебной деятельности.

Отметим другие преимущества информационно-коммуникативной веб-квест технологии.

Интерес к выполнению веб-квеста со стороны всех его участников является важным условием его качественной реализации и обучающего эффекта. Найти тему проекта, значимую и интересную для всех ее участников, – важная задача для преподавателя.

Самоорганизация и ответственное отношение участников к выполнению веб-проекта. Отметим, что планирование стратегии проектной реализации проходит в два этапа. Первый этап – совместное планирование (преподаватель и все участники проекта): планирование отдельных этапов работы и последовательности их выполнения, определение количества участников в микрогруппах и заданий для каждой микрогруппы, сроков выполнения. Второй этап – самоорганизация студентами работы в микрогруппе. Чем выше уровень личной ответственности участников, тем выше качество итогового продукта.

Нацеленность на создание конечного проектного продукта, который отличается от традиционного результата обучения связью с реальной деятельностью и самостоятельностью изготовления.

Меньшая степень регламентации деятельности педагогом: а) на подготовительном этапе преподаватель выполняет регулятивно-организационную функцию: предлагает идеи проекта, распределяет роли участников проекта в зависимости от уровня владения языком и типов личности, б) на этапе реализации проекта педагог выполняет консультационно-координирующую функцию, выступая в роли помощника, консультанта, источника дополнительной информации. Именно преподаватель подбирает основную информацию по квесту в Интернете, предлагая учащимся систему основных ссылок по тому или иному вопросу, причем это могут быть как ссылки на тексты, так и на иллюстрации, видеоматериалы и пр. Кроме того, преподаватель помогает учащимся в составлении письменных текстов того или иного жанра; в) на заключительном этапе преподаватель выполняет контрольно-оценочную функцию, подводя итоги работы в качестве независимого эксперта. Он выражает благодарность всем участникам квеста за интересные результаты работы, в то же время проводит анализ ошибок, составляет задания на исправление ошибок.

Остановимся более подробно на том, как максимально эффективно использовать обучающую веб-квест технологию на разных уровнях владения языком учащимися.

На Базовом уровне возможно обращение к использованию веб-квеста для подбора учащимися визуального материала: изображений, фотографий продуктов, одежды, известных мест, людей, ценников, карт, схем метро, расписаний транспорта. При промежуточном контроле после максимальной отработки лексического и грамматического материала, а также необходимых для проверяемой темы интенций найденные в Интернете наглядные материалы могут быть использованы в общегрупповом проекте. В проекте учащиеся подбирают визуальные материалы в зависимости от роли и полученного задания. В частности, в групповом проекте «День в Москве» учащийся, играющий роль туриста, ищет схему метро и готовит рассказ, как лучше доехать от гостиницы до зоопарка; учащийся, играющий роль официанта, ищет фотографии блюд и составляет меню; учащийся, играющий роль экскурсовода, ищет фотографии одной из достопримечательностей (например, спорткомплекса «Лужники», парка «Музеон») и готовит рассказ-презентацию (слайд-шоу) на основе пройденных материалов; учащиеся, исполняющие роли продавца в магазине одежды и покупателя, ищут фотографии товаров с ценниками и готовят диалог. Учащиеся, исполняющие роли «москвича» и «иностранца», ищут карту определенного района или улицы и готовят диалог, как добраться от метро до нужного места, ориентируясь по карте. Стоит отме-

тить, что темы и ситуации, представленные в проекте, соответствуют требованиям Базового уровня. При этом важно, что самостоятельная работа учащихся и аутентичность ситуации, в которых они оказываются, повышают эффективность закрепления пройденного материала.

При окончательном достижении Базового уровня владения языком расширяется круг ситуаций общения в социо-культурной сфере (общение в университете, на работе, в административных службах), расширяется и тематика общения (рассказ о работе, учебе, месте, где родился, интересах и др.). Это способствует расширению необходимого для решения новых задач лексического минимума. И что особенно важно для возможности использования веб-квеста, учащиеся этого уровня могут читать и понимать тексты на русском языке разных жанров: рекламу, вывеску, объявление, записку, короткую информационную заметку в газете, новости, рассказ о событии, интересном человеке, описание события, биографию человека, занимательные истории, тексты исторического характера (история города, места, предмета и др.), небольшое интервью. Все это позволяет учащимся читать определенную информацию в Интернете. Также учащиеся, владеющие языком в рамках Базового уровня, могут осуществлять коммуникацию на русском языке в письменной форме: писать письма, записки, объявления, поздравления, общаться в соцсетях и чатах. Однако необходимо отметить важнейшую роль преподавателя на всех этапах работы с данной технологией на Базовом уровне. В данном случае роль преподавателя не сводима к роли медиатора и консультанта, так как круг аутентичных материалов, с которыми предстоит работать учащимся, либо ограничен, либо требует значительной предтекстовой работы, доречевой тренировки. Так, на диагностическом этапе [1] следует не только выбрать соответствующую уровню тему, четко определить роли, функции участников, но и выполнить лексико-грамматические задания на основе предлагаемого в веб-квесте материала. На моделирующем этапе, когда учащиеся переходят к работе с интернет-ресурсами, отобранными преподавателем, полезно будет обращение к послетекстовым заданиям в тестовой форме, позволяющим проверить понимание главной и дополнительной информации текстов. Задания, связанные с репродукцией материала, гарантируют успех учащихся в работе над творческим коммуникативным заданием веб-квеста на проектном этапе, где им будет необходимо отбирать и компилировать нужную информацию самостоятельно. Именно на этом этапе преподаватель в большей степени выступает как консультант, только направляющий деятельность учащегося. Стоит отметить, что использование технологии веб-квест в рамках данного уровня обучения видится и как форма промежуточного или итогового контроля. Тематика веб-квеста на данном уровне также должна соответствовать уровню учащихся (например «Экскурсия по Москве»), но при этом значительно расширяется круг жанров и типов проектов, создаваемых учащимися.

Главная цель первого сертификационного уровня – научить восприятию и продуцированию неадаптированного русского дискурса. Чтобы выразить мысль на чужом языке, недостаточно знания грамматических правил. Необходим лексический запас, умение ориентироваться в функциональных стилях, умение переключаться с одного стиля на другой. Чем сложнее мысли, тем более богатый словарь необходим, чтобы их адекватно выразить. Поэтому первоочередной задачей мы считаем расширение словаря. Таким образом, происходит не поступательное, постепенное движение, медленное расширение словарного запаса, а скачок от построенного текста к оригинальной художественной и публицистической литера-

туре. Это принципиально другой объем словаря, другой уровень языка, выход в реальный дискурс [4: 41–42].

На первом сертификационном уровне (B1) ситуации общения связаны, прежде всего, с социально-бытовой и социально-культурной сферами общения, а также частично с официально-деловой и профессиональной. Именно в социально-бытовой и социально-культурной сферах общения инофоны могут максимально полно использовать материалы различных интернет-ресурсов (информационные заметки, новости, интервью, сообщения о событиях, занимательные рассказы, тексты исторического и культурологического характера и др.) при работе по методике образовательного веб-квеста.

Информативный минимум уровня B1 (включающий такие темы, как «История моего города», «Моя любимая книга», «Моя любимая музыкальная группа», «Система образования в моей стране», «Мой любимый актер» и др.), а также диапазон жанров медиатекстов устной и письменной речи, доступных учащимся данного уровня, определяют большой дидактический и социокультурный потенциал тематики и сценариев возможных веб-квестов.

Так, учащимся может быть предложен обучающий веб-квест, участники которого готовят выпуск интернет-журнала «Наша Москва» для иностранцев, живущих в Москве и изучающих русский язык. Они выступают в следующих ролях: в роли корреспондента-искусствоведа, который делает видео-репортаж о музее на улице «Музеон»; спорт-корреспондента, который готовит небольшую статью о школах танца в Москве; журналиста-социолога, который готовит обзор-инфографику «Москва – город мечты» о плюсах жизни в столице, а также в роли журналиста-музыковеда, который готовит небольшой видеоролик-рецензию о концерте Земфиры в Москве, и медиакулинара – журналиста, который готовит плейкаст о еде с изображением и рецептами трех популярных у москвичей блюд. Созданные учащимися материалы могут быть представлены как жанрами устной (видеорепортаж, видеоролик-рецензия), так и письменной речи (обзор-инфографика, небольшая статья, плейкаст). Таким образом, учащиеся не только используют материал определенных жанров из интернет-ресурсов, но и создают самостоятельно тексты актуальной аналогичной жанровой специфики. Понятно, что такая модель может быть реализована на примере любого другого города.

Необходимо отметить, что медиатексты, которые готовят участники веб-квеста, должны быть не только интересны, но и доступны другим учащимся их уровня. В силу этого учащиеся должны компилировать и реферировать материалы предложенных ресурсов, адаптируя их в соответствии с уровнем группы. Безусловно, для успешной реализации проекта учащиеся должны регулярно на занятиях работать с текстами необходимых для веб-квеста жанров при обучении всем видам речевой деятельности (чтение, письмо, аудирование, говорение). Вместо сайта квеста учащиеся могут использовать возможности соцсети «ВКонтакте». Они могут оформить страницу для размещения заданий группового проекта как своеобразную новостийно-информационную ленту. Если веб-квест планируется как многоэтапный, каждый из участников может выступить как автор своей рубрики. Работа иностранных учащихся в подобной аутентичной интернет-среде имеет ряд достоинств. В соцсети существует обширная база материалов, которые могут быть использованы в качестве рекомендованных ресурсов помимо ресурсов из Интернета. В частности, сообщения новостийной ленты «Интересная Москва», статьи интернет-версии газеты «Комсомольская правда», журналов «Большой город»,

«Афиша», инфографика со страниц ВЦИОМ и ТАСС. При успешной реализации проекта учащимися информация, размещенная на странице соцсети, может иметь практическое применение: быть полезной для студентов-иностранцев, недавно приехавших в Москву или планирующих приехать сюда. Также учащиеся имеют возможность вступать в онлайн-коммуникацию с носителями языка, создателями и участниками информационных групп, чьи материалы нужны им в работе. Возможность дальнейшей реальной кросс-культурной коммуникации создает особую мотивацию у учащихся при выполнении заданий веб-квеста.

Исходя из теоретических основ, была разработана методическая модель обучения письменной речи с помощью технологии веб-квест для учащихся I сертификационного уровня, которая состояла из нескольких блоков: целевого, теоретического, оценочного и результативного.

ТЕМА ВЕБ-КВЕСТА «ПРИКЛЮЧЕНИЕ ИНОСТРАНЦЕВ В РОССИИ»

Цель веб-квеста – выработать навыки письменной речи и реферирования разных жанров (эссе, сочинение, диалог) с последующим выходом в устную речь, аудирование, чтение, узнать как можно больше о русской культуре, составить буклет или видео-презентацию по материалам веб-квеста. Одним из основных заданий веб-квеста являлась разработка группового проекта и его представление. Дополнительные задания – создание списка тематических ссылок, видео- и фотоотчетов и др. Каждому студенту группы предлагалась одна из пяти ролей: экскурсовод, иностранный студент, русский друг, член семьи русского друга, консультант в сувенирном магазине. При распределении ролей учитывался уровень владения языком каждого из учащихся. Учащийся, получивший одну из пяти ролей, представлял ее перед остальными членами группы, предварительно составив письменный текст своего выступления. Например: «экскурсоводы» провели экскурсию для «иностранцев» (при этом они составили письменный план и текст экскурсии; приготовили буклеты и презентацию). «Иностранные студенты» составили небольшой словарь необходимых слов и фраз, приготовили в письменной форме вопросы «экскурсоводам», а затем написали эссе об экскурсии, проведенной их товарищами. «Русские друзья», развенчивая мифы о России, написали оригинальные сочинения. «Член семьи русского друга» написал мини-книгу (инструкцию по приготовлению русских блюд, рецепты блюд и этапы их приготовления). «Консультанты» составили текст и презентацию о сувенирах. И «консультанты», и «иностранцы» написали диалоги, используя типовые фразы (ситуация «продавец – покупатель»). Апробация квеста была проведена в группе корейских и китайских студентов, уровень владения русским языком которых можно описать как конец базового уровня – начало первого уровня. Проведенная апробация доказала эффективность применения данной технологии.

1. Квест позволил отработать различные жанры письменных текстов: тезисный план, рассказ по плану (подготовка и текст экскурсии, изложение со слуха – эссе (после прослушанного текста экскурсии учащиеся написали изложения), сочинения на темы развенчания мифов о России, тексты-инструкции, диалоги (продавец – покупатель). Все эти жанры письменной речи необходимы для усвоения как на уровне А2, так и В1 и В2.

2. Кроме того, в процессе работы над квестом развивались различные виды чтения: просмотровое, поисковое, ознакомительное, изучающее.

3. Параллельно развивалось аудирование в тесной связи с письменной речью, когда студенты сначала слушают экскурсии, которые проводят их товарищи, а затем пишут изложение по прослушанному. Такое направление в обучении при тесной связи аудирования и письменной речи, как известно, даёт очень эффективные результаты.

4. И, наконец, развивалось говорение, так как все письменные тексты, которые учащиеся создали, они затем представили перед своими одноклассниками и преподавателем в виде презентаций-выступлений.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что технология веб-квест позволяет равно эффективно развивать умения во всех видах речевой деятельности при сохранении высокой мотивации.

Когда учащиеся достигают II уровня владения языком, их знания и умения позволяют преподавателю использовать веб-квест максимально эффективно не только как способ текущего, промежуточного и итогового контроля, но, в первую очередь, как способ самостоятельного обучения учащихся. Именно на этом уровне веб-квест обеспечивает повышение эффективности и оптимизации в формировании предметной компетенции иностранных учащихся-гуманитариев, будущих специалистов в области филологии, экономики, юриспруденции, политологии и др. При создании веб-квестов, позволяющих работать с языком специальности, виды проектных заданий могут быть максимально широко представлены. Согласно классификации разработчика веб-квеста как учебного задания Б. Дожда, это могут быть и научное исследование, и журналистское расследование, и убеждение (склонение на свою сторону оппонентов), достижение консенсуса и различные творческие разработки (видеоролик, инфографика и др.). Однако даже при работе с учащимися продвинутого этапа обучения следует уделить внимание языковым и речевым заданиям, максимально снимающим трудности перед работой над коммуникативными творческими заданиями, а также закрепляющим материал, необходимый для овладения языком специальности.

Остановимся более подробно на примере использования веб-квест технологии при работе с иностранными студентами-экономистами. Обращение к веб-квесту оказывается особенно продуктивным для работы с языком специальности, когда аутентичные материалы для темы веб-квеста можно найти в первую очередь в интернет-ресурсах. Это касается таких актуальных для экономистов тем, как «Система налогообложения в РФ» и «Бизнес-планирование». В частности, выполняя задание веб-квеста – выбрать наиболее выгодную систему налогообложения для предприятия, учащиеся, играющие роли «руководителя предприятия», «ведущего экономиста», «юриста» и «бухгалтера», ищут материалы на ресурсе base.garant.ru.51791/ компании «Гарант». На этом сайте постоянно обновляется информация о действующих в России типах налогов, налоговых ставок и акцизов. Он является важнейшим источником информации в работе профессиональных юристов и экономистов, имеющих полный доступ к данному ресурсу.

Поиск материалов для такой новой и аутентичной темы, как «Бизнес-планирование», также требует обращения к интернет-ресурсам. Важно, что, как и в предыдущем веб-квесте, роли и задачи участников ориентированы на их будущую практическую деятельность. В частности, в данном веб-квесте могут принимать участие «специалист по бизнес-планированию», готовящий выступление-презентацию об ошибках при составлении бизнес-плана; «будущий владелец цветочного магазина»,

«создатель стартапа по трудоустройству инвалидов», «директор онлайн-магазина детской одежды», представляющие свои бизнес-планы; «юрист» и «инвестор», собирающие информацию о подобного типа бизнесе и объясняющие причины, по которым отказывают в кредитовании проекта или предоставляют кредит.

В качестве предтекстовых языковых заданий для экономистов II уровня обучения очень полезна работа над управлением глаголов, существительных, частотных для представленных тем, а также с многочисленными аббревиатурами: ОСНО (общая система налогообложения), НДС (налог на добавленную стоимость), ИП (индивидуальный предприниматель), ООО (общество с ограниченной ответственностью). Создание подобных заданий в тестовой форме в Power Point позволяет учащимся оставаться в единой для веб-квеста познавательной-игровой атмосфере. Перед выполнением самостоятельных творческих заданий веб-квеста учащимся необходимо предложить ряд заданий в тестовой форме или в виде таблицы, которую они должны заполнить самостоятельно для проверки профессиональных знаний, необходимых всем участникам. Для веб-квеста «Налоги РФ» могут быть даны задания на знание систем налогообложения в России, для веб-квестов «Бизнес-планирование» – задания на структуру и содержание основных пунктов бизнес-плана. Также возможна работа с инфографикой, предполагающая создание короткого письменного сообщения с опорой на вопросный план (например, «Особенности использования ЕНВД»), которое объединяет материал графически представленной информации о виде налога и прочитанного о нем на занятии. В веб-квесте для экономистов, имеющем характер научного исследования (например, «Типы экономических систем», «Национальные модели смешанной экономики»), возможно обсуждение представленных проектов в форме научной конференции.

Необходимо отметить важность роли веб-квеста в формировании навыков и развитии умений учащихся по участию в полилогах-дискуссиях в разных сферах общения, которые являются ключевыми жанрами устной речи II сертификационного уровня.

Особенно актуально будет обращение к веб-квест технологии для формирования предметной компетенции у иностранных учащихся филологического профиля обучения, владеющих РКИ в рамках II уровня. Так, возможно создание совместного научного проекта в форме веб-квеста по актуальной для учащихся этого уровня теме «Использование фразеологизмов в различных семиотических сферах». В нем участники могут выступать в роли лингвиста, создающего словарь устойчивых предикативных словосочетаний, характерных для языка экономики; в роли переводчика-культуролога, пишущего статью о переводе русских фразеологизмов, не имеющих аналогов в других языках; журналиста, готовящего очерк о новых фразеологизмах, появившихся в рекламе; литературоведа, пишущего тезисы о роли фразеологизмов в публицистических текстах З. Прилепина; и искусствоведа, готовящего доклад для конференции о библейских фразеологизмах в русской живописи. Для поиска материалов учащимся могут быть рекомендованы такие аутентичные интернет-ресурсы, как Национальный корпус русского языка, cyberleninka и т. д. Подобный тип веб-квеста особенно эффективен для будущей научной деятельности учащихся.

Иностранец, владеющий русским языком в рамках третьего уровня, может работать журналистом, переводчиком, редактором в русскоязычном коллективе. Подобное знание языка предполагает не только умение анализировать и продуцировать устные и письменные тексты самой разнообразной жанровой принадлеж-

ности в диапазоне публицистического, официально-делового и научного стилей, но и полное владение штампами, характерными для названных стилей, различными риторическими приемами, эмоционально-экспрессивными средствами языка.

Для учащихся филологического профиля III уровня владения РКИ и учащихся СНГ очень актуальным является веб-квест по развитию дискурсивной и коммуникативной компетенции на тему «Приемы ораторского искусства». В нем учащиеся могут выступать в роли директора курсов ораторского мастерства; специалиста по технике речи; лингвиста, специалиста в области морфологических норм; психолога, специалиста по невербалике; лингвиста, специалиста по стилистике; культуролога, специалиста по межкультурной коммуникации. Созданные участниками веб-квеста проекты позволяют закрепить и усовершенствовать навыки, необходимые для написания статей и публичных выступлений.

Итак, можно сделать вывод, что технология веб-квест при обучении русскому языку как иностранному позволяет равно эффективно развивать умения во всех видах речевой деятельности при сохранении высокой мотивации. Использование данной технологии на уровне А2 возможно только при условии, что важнейшую роль на всех этапах работы с данной технологией играет преподаватель. Его роль не сводима к роли медиатора и консультанта, так как круг аутентичных материалов, с которыми предстоит работать учащимся, либо ограничен, либо требует значительной предтекстовой работы, доречевой тренировки, а также послетекстовой работы.

На более высоких уровнях владения языком учащимися возможно использовать веб-квест максимально эффективно не только как способ текущего, промежуточного и итогового контроля, но, в первую очередь, как способ самостоятельного обучения. На уровне В2 и С1 веб-квест обеспечивает повышение эффективности обучения и оптимизации в формировании предметной компетенции иностранных учащихся-гуманитариев, будущих специалистов в области филологии, юриспруденции, политологии и др.

ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волкова О.В. Подготовка будущего специалиста к межкультурной коммуникации с использованием технологии веб-квестов: Автореферат дисс. ... канд. пед. наук. Белгород, 2010. 24 с., ил.
2. Казакова Н. Письменная речь в онлайн-эпоху: зеркало культуры. www.lych.ru/35-2009-07-17-14-09-57/-s62008/177html
3. Лазаренко К.А. Психолингвистическая природа письменной коммуникации и функциональная нагрузка некоторых ее моделей: Дисс. ... канд. филол. наук. Киев, 1975. 217 с.
4. Лёвина Г.М., Николенко Е.Ю. Разница в методических подходах на базовом и первом сертификационном уровнях // Мир русского слова. М., 2004. № 2. С. 41–45.
5. Сысоев П.В. Информатизация языкового образования: основные направления и перспективы (окончание) // Иностранные языки в школе. 2012. № 3. С. 2–9.

REFERENCES

1. Volkova O.V. (2010) The Training of a Future Specialist for Intercultural Communication Using Web Quest Technology. Synopsis. PhD. Belgorod. 24 p., il.
2. Kazakova N. Writing in the Online Era in the Mirror of Culture. www.lych.ru/35-2009-07-17-14-09-57/-s62008/177html

3. Lazarenko K.A. (1975) Psycholinguistic Nature of Written Communication and Functional Load of Some of Its Models. PhD Thesis. Kiev. 217 p.
4. Lyevina G.M., Nikolenko E.Yu. The Difference in Methodological Approaches at the Basic and First Certification Levels. *Mir Russkogo Slova*. Moscow. 2004. No 2, pp. 41–45.
5. Sysoev P.V. Informatization of Language Education: Main Directions and Perspectives (ending). *Inostrannye Yazyki v Shkole [Foreign Languages]*. 2012. No 3, pp. 2–9.

Сведения об авторах:

Анастасия Владимировна Вавулина,
канд. филол. наук
доцент
Кафедра русского языка для иностранных
учащихся гуманитарных факультетов
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Anastasia V. Vavulina,
PhD
Associate Professor
Department of the Russian Language for Foreign
Students of Humanitarian Faculties
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

Елена Юрьевна Николенко,
канд. пед. наук
доцент
кафедра русского языка для иностранных
учащихся
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Elena Yu. Nikolenko,
PhD
Associate Professor
Department of the Russian Language for Foreign
Students
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
nikolenko.e.yu@gmail.com

*Марија Ѓорѓиева-Димова
(Скопје, Македонија)*

Палимпсестна трансверзала: текстуалните трансценденции во циклусот песни за Марко Крале на Блаже Конески

Анстракт: Текстот елаборира една артикулација на односот традиција – индивидуален талент, фокусирајќи ја палимпсестната врска помеѓу (фолклорната) традиција и авторскиот текст во рамки на македонската литература, конкретно во поезијата на Блаже Конески. Во македонската уметничка литература, во континуитет, се одржува врската со фолклорната традиција, иако таа релација варира во зависност од функциите што ги има во поширокиот поетички и културен контекст. Оваа палимпсестна релација има пошироки импликации и врз македонската литература, но и врз литературата воопшто, упатувајќи на: конверзијата автор – читател (авторот и како читател на традицијата); прагматските аспекти (улогата на поширокиот аудиториум во актуализацијата на интертекстуално-палимпсестното присуство на традицијата во авторскиот текст); мнемонички аспекти на палимпсестната трансверзала (обезбедувањето континуитет во македонската уметничка литература); метатекстуално – автореференцијалните импликации во однос на книжевноста, воопшто.

Клучни зборови: транстекстуалност, интертекстуалност, метатекстуалност, македонска книжевност

*Maria Gjorgjieva-Dimova
(Skopje, Macedonia)*

A Palimpsestic Transversal: Textual Transcendences in the Poetry Cycle “King Marko” by Blazhe Koneski

Abstract: This text elaborates an articulation of the relationship between the tradition and the individual talent, focussing on the palimpsestic link between folklore tradition and the authored text in Macedonian literature, specifically in the poetry of Blazhe Koneski. In Macedonian literature, there has been a continually maintained relationship with folklore tradition, even though it varies, depending on its functions within the broader poetic and cultural context. This palimpsestic relationship has broader implications in Macedonian literature, as well as in literature in general, indicating: the conversion of the author into reader (the author as a reader of tradition); the pragmatic aspects (the role of the wider audience in actualising the intertextual / palimpsestic presence of tradition

in the authored text); the mnemonic aspects of the palimpsestic transversal (securing the continuity in Macedonian artistic literature); the metatextual / self-referential implications for literature, generally.

Key words: transtextuality, intertextuality, metatextuality, Macedonian literature

ТЕОРИСКИ КОНТЕКСТУАЛИЗАЦИИ

Секое толкување е делумно. Нема толкување кое може да го исцрпи значењето на еден текст. Затоа во онаа мера во којашто различните толкувања изнесуваат на виделина различни страни на текстуалното значење, би требало разновидноста на толкувањето да биде добредојдена; сите тие придонесуваат кон разбирање. Колку повеќе толкувања се знаат, толку разбирањето ќе биде попотполно.

Ерик Доналд Хирш

Поаѓајќи од премисата дека секој интерпретативен пристап кон книжевниот текст е во функција на негово што «потполно разбирање» (Хирш 1983: 149) и значенско (пре)обликување, недвосмислено, се наметнува заклучокот дека отсечката текст – контекст е основниот услов за обезбедување и за одржување на семантичкиот виталитет на текстот, но и за оправдување на потребата од перманентност на интерпретативните процеси, како и на потребата од интерпретативно навраќање кон постојните, веќе толкувани книжевни текстови. Текстот и контекстот, сфатени како два пола на толкувачката отсечка и како базичен херменевтички параметар, се сугерирани и во дистинкцијата што Ерик Д. Хирш ја повлекува помеѓу значењето (meaning) и смислата (significance). «Значењето е она што текстот претставува, она што го означил авторот, користејќи се со одредена низа знаци» (Хирш 1983: 26). Смислата се именува како значење кое е поврзано со нешто друго, како «однос помеѓу значењето и некоја личност, сфаќање или ситуација или, пак, стварност, сето она што може да се замисли»¹, што ќе рече дека смислата секогаш е «значење за», никогаш «значење во» (Хирш 2003: 78). Според тоа, ако смислата го воспоставува односот меѓу она што се наоѓа во нечие вербално значење и она што е надвор од него, тогаш таа му е сопоставена на значењето кое, пак, го означува постојаниот, непроменлив пол на тој однос. Ваквата аналитичка дистинкција го имплицира значењето како «начело на стабилност» на интерпретацијата, додека, пак, смислата го овозможува «начелото на промена». Во согласност со овие разграничувања, значењето за толкувачот може да остане непроменето, додека, пак, смислата на тоа значење е варијабилна во зависност од променливиот контекст во којшто се актуелизира значењето. Релевантноста на односот текст – контекст ја елаборира и Јуриј М. Лотман, кој во студијата *Структурата на уметничкиот текст* (1970), упатува на корелацијата текст – вонтекстовни структури, евидентирани на две рамништа: на ниво на уметнички јазик (односот на текстот спрема жанрот, авторскиот опус, стилот, епохата, метричкиот систем итн., т. е. спрема мноштвото хиерархиски поставени уметнички јазици / кодови) и на ниво на уметничка порака (т. н. «минус-постапки» кои индицираат семантичко отсуство). «Вонтекстовните врски на делото може да се опишат како однос на множеството елементи што се фиксирани во текстот наспрема множеството елементи од кои е избран дадениот употребен елемент» (Лотман 2005: 85–

¹ Хирш има предвид поширок комплекс од историски, јазични, психолошки, физички, метафизички, лични, семејни и национални контексти.

86). Следствено, вонтекстовните релации ја насочуваат контекстуалната втемеленост на текстот и насоката на конкретниот интерпретативен чин и, на тој начин, активираат одреден број кодови кои го генерираат значенскиот аспект на текстот.

Една импликација на теориските промислувања на односот текст – контекст е тезата за латентното присуство на контекстот како своевидна апстракција: «Контекстот на дадениот текст е сочинет од мноштвото реални и асоцијативни врски кои создаваат спирално организиран систем што го вовлекува текстот во различни контекстуални односи, а коишто во различен степен дивергираат од текстот – предмет на толкување» (Стерјопулу 2003: 133). Во теоријата веќе е оперативен поимот «тотален контекст», сфатен како «комплекс од реални и потенцијални контексти» (Стерјопулу 2003: 68), при што актуализацијата на врските текст – контекст зависи од компетенцијата на читателот / толкувачот којшто треба да ги конкретизира и да ги активира релациите на текстот со даден контекст. Констатацијата на Џонатан Калер дека «значењето на текстот е врзано за контекстот, а контекстот е безграничен, секогаш отворен за мутации под притисокот на теориските размисли» (Калер 2012: 105), не само што ја заговара спрегата текст – контекст, туку и го специфицира интерпретативниот контекст, конкретизирајќи го во теориско – методолошките парадигми кои токму во и преку интерпретативниот чин се доведуваат во однос на симултанитет – било комплементарен, било компетитивен.

Интерпретативните контекстуализации на текстот врз фонот на теориските концепции се двојно индикативни и продуктивни: од една страна, тие упатуваат на можноста текстот да се (ре)семантизира во зависност од теориско – методолошките контексти во коишто се промислува; од друга страна, секој теориско – методолошки контекст во којшто интерпретативно се ситуира дадениот текст е верификација на функционалноста и на продуктивноста на книжевно – научната парадигма. Во крајна линија, секоја интерпретативна контекстуализација на текстот подразбира паралелен процес на негова реконтекстуализација и трансконтекстуализација: тоа значи не само ситуирање на текстот во нов, поинаков интерпретативен контекст којшто треба да ефектуира со смисловно дополнување и збогатување на текстот – предмет на толкување и со неопходната интерпретативна дистанца во однос на претходните контексти, туку и со (трансконтекстуализирачко) одржување на семантичкиот виталитет на текстот преку имплицитното поништување на конечното на постојните, претходните интерпретативни контексти во коишто тој бил ситуиран.

ИНТЕРПРЕТАТИВНИ (ТРАНС)КОНТЕКСТУАЛИЗАЦИИ

Во еден индивидуален опит се воспоставува интимна врска со традицијата.

Блаже Конески

Релевантноста на херменевтичкиот параметар текст – контекст ќе ја илустрираме врз циклусот песни за Марко Крале од македонскиот поет Блаже Конески (1921–1993), којшто е парадигматичен дотолку повеќе што станува збор за довршен поетски опус што во децениски континутет бил толкуван во мноштво хетерогени контексти. Во принцип, овој циклус може да се ситуира во неколку толкувачки контексти: контекстот на народното творештво за Марко Крале, коешто е актуелно во поширокиот јужнословенски и балкански контекст; контекстот на есеистичките промислувања на Конески на поезијата и на нејзиниот интертекстуален однос кон народната традиција (конкретно есеите *Еден опит, За традицијата и иновациите, За откривањето на песната, Иднината на поезијата*);

контекстот на теориско – интерпретативните модели коишто се афирмирани пред и по создавањето на овој циклус.

Интерпретативниот контекст во којшто ќе го ситуираме циклусот на Конески е интертекстуалната теорија на Жерар Женет. Тој е застапник на рестриктивните концепции на интертекстуалноста, а неговата студија *Palimpsestes: La littérature au second degré* (1982) е најобемната монографија за интертекстуалноста сфатена во потесна смисла. Рестриктивната позиција на Женет ја занемарува текстуалната продуктивност, на којашто инсистираат радикалните концепции на Јулија Кристева и на Ролан Барт, па неговиот структуралистички инспириран фокус (неговата теорија се именува како вид «отворен структурализам») е поставен врз затвореното, полуавтономното поле на книжевноста, втемелувајќи една прагматска и детерминирачка интертекстуална релација меѓу специфичните елементи на индивидуалните текстови, но и олеснувајќи ја практичната, интерпретативната операционализација на интертекстуалноста. Женет, меѓу другото, прави и терминолошка рокада поставувајќи ја транстекстуалноста како генерички поим, а интертекстуалноста како една од петте варијанти на текстуална трансценденција. «Предмет на поетиката е транстекстуалноста или текстуалната трансцендентност на текстот... сето она кое го става текстот во релација, видлива или прикриена, со другите текстови» (Женет 2003: 63). Прегледот на транстекстуалните релации резултира со типологизацијата на пет видови транстекстуалност.

1. Интертекстуалноста означува релација на «коприсуство на два или повеќе текста, преку ефективното присуство на еден текст во некој друг» (Женет 2003: 64). Таа ги опфаќа традиционалната практика на цитирање (со и без наводници, со и без прецизна референца), плагијатот, алузијата.
2. Паратекстуалноста означува релација меѓу текстот и паратекстовите кои го врамуваат, го коментираат, го осветлуваат текстот и ја подготвуваат неговата рецепција. Паратекстовите се комплекс од перитекстови (наслов, поднаслов, меѓунаслов, увод, поговор, напомена, предговор, белешки на маргини, епиграфи, корици, автографи, алографи, посвети, инскрипции, епиграфи) и епитекстови (интервјуа, јавни изјави, критички прегледи, приватни писма и други авторски или редакторски дискусии надвор од дадениот текст).
3. Метатекстуалноста, сфатена како «коментар кој го поврзува текстот со друг текст за кој зборува без нужно да го цитира (конвокација), а што претставува критички однос пар екселанс» (Женет 2003: 67).
4. Архитекстуалноста, најапстрактната, најимплицитната, «нема» транстекстуална форма, како индикатор на жанровските релации на текстот: «иако текстот не мора да го открие својот жанровски статус, препуштајќи ја таа детекција на читателот или на критичарот, сепак, тој однос може да се сигнализира низ паратекстуални белешки – наслови и поднаслови (Поезија, Есеи, Роман)» (Женет 2003: 67).
5. «Хипертекстуалноста, како релација што обединува еден текст Б (хипертекст) со претходен текст А (хипотекст) врз којшто се накалемува на начин кој не е како во коментарот, а се реализира низ операцијата на трансформација» (Женет 2003: 69): едноставна или директна (*Одисеја – Уликс*) и сложена или индиректна (*Одисеја – Ајнеида*). Типолошки таа ги опфаќа официјалните хипертекстуални жанрови – пародијата, травестијата и пастишот, а Женет во студијата разгледува неколку подтипови од двата вида трансформација: трансмотивација, трансвалоризација, трансдиегетизација, трансстилизација, трансметризација.

Според Женет, петте типа транстекстуалност не се херметички затворени класи на текстови, туку се посматраат како аспект на текстуалноста, односно секој тип е еден универзален аспект на литерарноста, при што тие се наоѓаат и во меѓусебна функционална поставеност.

Тезата на Женет за палимпсестната природа на книжевноста, сочинета од слови на пишување, што го индицира постоењето на книжевноста на втор степен, како перманентен процес на (пре)пишување на веќе напишаното, е илустрирана во циклусот песни за Марко Крале на Блаже Конески. Имено, циклусот воспоставува препознатливо палимпсестна врска помеѓу фолклорната традиција и авторскиот текст, што е своевидна константа во македонската уметничка литература, иако таа варира во зависност од функциите што ги има оваа релација во поширокиот поетички и културен контекст. Генерално, може да се детектираат фазите (авторите и текстовите) коишто илустрираат афирмативен однос на континуитет (традицијата како *thesaurus* со којшто се воспоставува интертекстуално-цитатен дијалог) и односот на трансгресија (критичко интерпретативна дистанца од традицијата, со цел избегнување на фолклорните клишеа). Транстекстуалните релации на текстот со палимпсестен предзнак имаат дополнителни импликации, упатувајќи на:

1. Конверзијата автор – читател: авторот, првенствено, како читател на текстуалниот опус на традицијата, на туѓите, но и на сопствените текстови, чиешто читателско искуство потоа конвертира во авторска креација. «Овие опсервации ми дадоа можност да предложам посебен модел при објаснувањето на појавите сврзани со традицијата и подновувањето, во кое се вклучуваат како три страни на еден триаголник, овие фактори: традицијата, колективот и авторот... Имено, иновациите ги внесува авторот со санкција на колективот (се претполага дека тие настануваат и во самиот колектив), при постојано сооднесување на тие два фактора со факторот на традицијата. Не може да се мине и без таа санкција, зашто традицијата е жива и во колективот, како и во самиот автор» (Конески 2008: 340).
2. Прагматските аспекти: улогата на поширокиот аудиториум во актуализацијата на традицијата во рамки на авторскиот текст. Релевантноста на овие аспекти ја потенцира и Конески: «Традиционалните мотиви, бидејќи се веќе присутни во свеста на колективот, авторот преку нив стапува полесно во врска со својот аудиториум, наоѓа спонтан одглас во него, а едновременно на самиот колектив му дава можност да одмери во колкав обем и со каков успех е извршена иновацијата» (Конески 2008: 339).
3. Мнемоничките аспекти на палимпсестната трансверзала, во смисла на обезбедувањето континуитет во дисконтинуитетот на македонската уметничка литература. Поезијата на Конески се појавува во специфичен историски момент (првите децении по Втората светска војна), со оглед на тоа дека станува збор за периодот на оформување на македонската независна држава и, во таа смисла, на македонската национална книжевност. Наспроти влијанијата од советската и од англосаксонската книжевност Конески, преку примерот на дел од сопствената поезија, ги демонстрира можните и неопходните интертекстуални релации со фолклорната традиција. «Зошто кај нас, како и другаде, спонтано се почна од народната поезија?» (Конески 1981: 193). «Во конкретните историски ситуации може да се оценува односот спрема традицијата и обновувањето и на потесниот план на изразот. Таков е случајот со современата македонска поезија која не така одамна почна да се одделува од својата, условно да ја наречеме, фолклорна фаза, во која сè уште беше многу тесно поврзана со изразот на македонската народна поезија. Бидејќи традиционалниот орален поетски јазик се разликува по ред особености од современиот македонски јазик во споменатата фаза многу од тие особености, ако не и сите, се репродуцирани и во македонската уметничка поезија» (Конески 2008: 339).
4. Метатекстуално – автореференцијалните импликации во однос на фолклорната традиција, но и во однос на книжевноста, потврдувајќи дека таа не е само референцијално поставена во однос на стварноста, туку дека воспоставува и метатекстуално-коментаторски и интертекстуално – креативен однос кон традицијата (фолклорната и книжевно-уметничката). Во поширока смисла, текстуалните трансценденции на секој конкретен книжевен текст потврдуваат дека книжевноста е уметност на ресемантизација, таа се обновува и создава илузија на «оригиналност», дури и кога повторува, цитира или алутира на традицијата, «книжевноста е уметност на ефектот: на очудување, на

реконтекстуализација, реактуализација, демитологизација на традицијата филтрирана низ авторскиот поглед на свет и поетика, низ книжевните конвенции и постапки» (Кулавкова 2001:297). Токму во таа смисла е и констатацијата на Конески дека «песната повеќе ја откриваме отколку што ја пишуваме» (Конески 2008: 341).

Циклусот за Марко Крале на Конески е сочинет од пет песни (*Одземање на силата, Стерна, Кале, Марков манастир, Песјо брдце*)¹ во коишто на различни нивоа се афирмираат текстуалните трансценденции за коишто говори Женет. Во истовреме, циклусот ја илустрира и функционалната поврзаност помеѓу петте видови транстекстуалност од типологијата на Женет. Интертекстуалноста, како «ефективно присуство на еден текст во друг» (Женет 2003: 64), индицирано преку цитирањето со и без наводници и преку алузиите е присутно во сите песни од циклусот. Во мотоцитатите на песните експлицитно се наведува интертекстот, било преку означување на неговата жанровска припадност, било преку наведување на насловот на изворникот или преку именување на авторот / редакторот, односно според т. н. «вистински или надворешни цитатни сигнали» (Ораиќ 1990: 16)². Во песните *Одземање на силата, Кале, Марковиот манастир* и *Песјо брдце* како извор на мотоцитатите се наведува народната легенда, но без да се именува конкретниот наслов, додека во песната *Стерна* под мотоцитатот се наведува и авторот на изворот, Марко Цепенков, познатиот собирач на народни умотворби (конкретно, станува збор *Преданието за Охридското и Пелистерското езеро и Марковата Стерна*). Интересно е што во песната *Одземање на силата* мотоцитатот ја воспоставува интертекстуалната врска со народната легенда, макар што содржината на песната многу повеќе ја афирмира интертекстуалната врска со народната епска песна *Марко Крале ја губи јунаштината*. Конечно, во дел од песните е препознатлива и интертекстуалната врска со библиските предлошки, главно, посредувана преку библиската лексика и топка и сигнализирани преку т. н. «шифрирани или скриени цитатни сигнали» (Ораиќ 1990: 16). «Најрадикалниот облик на внатрешна сигнализација ги преминува границите на даден текст и се остварува на рамниште на целиот поетски идиолект» (Ораиќ 1990: 16), односно, во случајот на Конески, таа цитатна сигнализација се остварува на рамниште на целиот поетски циклус. На пример, во песната *Одземање на силата* библиската лексика и христијанско-библиските мотиви, како шифрирани цитатни сигнали, се во функција на потенцирање на интертекстуалната релација со архетипскиот бунт против создавачот (бунтот на Марко Крале против бога, но и на детето кон таткото, како што е сугерирано во стиховите «јас ти приоѓав во мислите како на родител што му / се приоѓа») (Конески 2008: 71), макар што оваа релација не е во насока на афирмирање на имитативниот однос кон интертекстот, туку повеќе се интонира како проблематизирачко – коментаторски однос.

Понатаму, внатре во самите песни се цитираат делови од мотоцитатите, односно делови од интертекстовите на коишто тие припаѓаат. На пример, во стихот «ковајте ми коња наопаку, / клајте барабани на ветар да бијат» од песната *Песјо брдце* (Конески 2008: 84) евидентна е интертекстуално – цитатната врска со дел од мотоцитатот, додека во песната *Кале* рефренски се повторува и инверзивно се варира синтагмата

¹ Песните од циклусот се скицирани во Париз, во 1956-тата година. *Стерна* е напишана 1957-та, *Одземање на силата* во 1958-та година, *Марковиот манастир* во 1965-тата, а *Кале* и *Песјо брдце* во 1979-тата година. Сите интегрално се објавени во книгата *Стари и нови песни* (1979).

² Станува збор за типологија направена според сигналите со коишто сопствениот текст се надоградува или со помош на кои упатува на постоењето на туѓ текст во рамки на сопствениот (Ораиќ 1990: 16).

од мотоцитатот – «мажи и жени, големо и мало». Алузивно – цитатното упатување на интертекстот е присутно и во насловите (*Стерна, Песја брдце*), како и во содржината на песните. Алузиите, како вид интертекстуални сигнали, односно како вид «интертекстуална ексклузија» (Ораиќ 1990: 13), подразбираат интертекстуална релација во којашто «туѓиот знаковен материјал нема допир со сопствениот текст, па врската се остварува преку ‘минус-сигнали’ кои реципиентот, во склоп на сопственото културно искуство ги остварува како плус-сигнали» (Ораиќ 1990: 140). Следствено бројните алузии во циклусот на Конески нужно, го подразбираат упатениот читател / толкувач којшто ќе ја контекстуализира алузивната интертекстуална врска на песните врз фонот на сопственото знаење на фолклорниот интертекст за Марко Крале. Оттаму, секое толкување на овој циклус го вклучува компаративниот пристап, којшто подразбира истражување на фолклорните интертекстови како предуслов за интерпретативното разбирање на циклусот на Конески, што во крајна линија упатува на тезата на Ролан Барт за интертекстуалноста како претпоставка за текстуалноста, т. е. «интертекстот е услов за секој текст» (Барт 1986: 1104).

(Мото)цитатите и алузиите, како индикатори на «ефективното присуство на еден текст во друг», типолошки припаѓаат на т. н. надворешни интертекстуални сигнали (Ораиќ 1990: 16), особено мотоцитатите како «најрадикален облик на надворешна сигнализација што се остварува на надворешните рабови на текстот, т. е. на маргините» (Ораиќ 1990: 16). Впрочем, освестениот интертекстуален однос кон традицијата како еден креативен облик на нејзина иновација го признава и самиот Конески во есејот *За традицијата и иновациите*: «Легендите што подопна ќе најдат обработка во некои мои текстови јас не сум ги запознавал од книги, ами сум ги слушал од старите во својата селска куќа. Тука се воспоставува веќе во еден индивидуален опит интимна врска со традицијата» (Конески 2008: 338).

Паратекстуалната улога во циклусот им е доделена на насловите (и на поднасловот епilog во последната песна *Песја брдце*) коишто имаат метонимиска функција во однос на целината на песната, со оглед на тоа дека тие го најавуваат лирскиот објект во песните. Дополнително, паратекстовите може да се земат и како надворешни интертекстуални сигнали бидејќи тие ја сигнализираат интертекстуалната врска со фолклорните предлошки, експлицитно именувајќи ги. Во таа смисла, паратекстовите ја исполнуваат својата функција во однос на «прагматичката димензија на текстот», недвосмислено насочувајќи ја интерпретативната рецепција на текстот врз фонот на интертекстовите.

Во циклусот на Конески може да се препознае архитектстуалната, «имплицитната, немата» врска со најмалку три архитектста – со фолклорниот, со епскиот и со лирскиот архитект. Оваа релација којашто исто така се актуализира во согласност со «интертекстуалната енциклопедија» на читателот / толкувачот во песните на Конески го илустрира палимпсестниот трансфер на митските и епските топоси за кралот Марко во нов, различен жанровски контекст. Архитекстуалноста, како имплицитна транстекстуална релација, станува «видлива» во циклусот, т. е. се реализира на мотивско – тематско и на јазично – лексичко рамниште, како и на рамниште на жанровските конвенции: епските композициски постапки (наративноста, епската исцрпност, ретардациите, стилските и метричките обрасци) се нивелирани, а изворниот фолклорно – епски топос е интегриран и трансформиран во типично лирска песна и, следствено, модифициран, т. е. «лиризиран» во согласност со конвенциите на лирската поезија. Интерпретативната координација на овие три архитектста е неопходна за да се следи трансформацијата на којашто се подложени фолк-

лорно – епските интертекстови и жанровските архитектсови. Токму тој трансфер го сигнализира присуството на уште еден транстекстуален вид – хипертекстуалноста. Според класификацијата на Женет во циклусот на Конески доминира директната трансформација на фолклорно – епските хипотекстови, што се подразбира со оглед на нивното прекодирање во еден сосема поинаков жанровски контекст – лирскиот. Хиперболизираниот епски јунак не само што добива структурна функција на лирски субјект, специфициран како лирско јас (прво туѓо лично лице), со што се трансформира наративното трето лице во епскиот интертекст, туку се нагласува и неговата антропоморфизација во циклусот на Конески (Марко Крале е фокусиран како смртник, соочен со сите земски искушенија, со елементарните човечки стравови, дилеми, предизвици, што се сугерира како една универзална антрополошка состојба), што, пак, е во функција на трансформативен однос кон познатата епска слика за него. Следствено, хипертекстуалната лиризација на епскиот хипотекст интенционано ги трансформира предлошките и тоа во насока на деепизација и демитологизација на хиперболизираниот и митологизиран епски јунак. На пример, во песната *Марко Крале ја губи силата* особено е видлива директната трансформација на ликовите и на епската приказната кои се преземени од хипотекстот *Марко Крале ја губи јунаштината*: во автоописот на Марко «да растам мускулесто како даб, на глуждови, / да се израдувам, млад, со своето чаталење / и листење» (Конески 2008: 71), со што се алудира на самоувереноста на епскиот јунак, за да во следните стихови Конески ја трансформира епската хипербола, додавајќи му ја на лирскиот субјект «простата верба на дете», т. е. наивноста и невиноста.

Во сите песни од циклусот Марко Крале ја задржува позицијата на лирски субјект, додека се варира позицијата на неговиот структурен корелат – лирскиот објект којшто е дел од регистарот перенијални тематски концепти или т.н. лирски прагми, па во согласност со лирските конвенции во петте песни го следиме процесот на надиндивидуализација и универзализација, како дел од она што Џонатан Калер го именува како лирска конвенција на «дистанца и деикса» (Калер 1990: 246). «Извесно е дека лирскиот предмет не е идентичен со предметите, ситуациите појвите лицата и структурите вон лирската песна. Можноста за споредба со нив не е и доказ за идентичноста на песната и поетскиот предмет со вонпоетските референцијални корелати... Се работи за еден меѓупредмет или двоен предмет: за амбигвитетно и амбивалентно значење, за несводливо симболично метафорично мноштво предмети, содржини и значења. Тој во основа тргнува од конкретни слики, субјективно или колективно конкретни, доживевани или приопштени сензации и искуства, но гравитира кон метафизичките квалитети, емотивно и фигуративно пресликани и естетско-јазично структурирани односи и светови» (Ќулавкова 1983: 266). Оттаму, алузивно-цитатно одржувајќи ја врската со историскиот и со епскиот фон, Конески го поставува кралот Марко на повисоко трансиндивидуално и трансисториско рамниште, фиксирајќи ја универзалната димензија на човековата вознемиреност од мноштвото предизвици и искушенија кои, во поголем дел од песните, се тематизирани како различни персонификации на злото, како, на пример, во песните *Кале* и *Песјо брдце*: «Јас бев и роден за да го направам ова кале / за штит и заштита пред лошотијата. / И тука треба да се пречека злото, / да се превари неговиот наум, / да не стапи понатаму» (Конески 2008: 77). «Но навечер кога се враќам постанат/пак се составува сè по мене / како што било, / божем сум орал гнасна вода, / и само се умножило злото / како бурјан по плевене. / Наслушувам: / приидува лошотијата / како матна вода што поклопува» (Конески 2008: 85). Транскон-

текстуализациите и трансформациите на хипотекстот што ги демонстрира Конески во своите песни како авторска интенција за воспоставување креативен однос кон традицијата ќе бидат објаснети и во неговиот есеј за *За традицијата и иновациите*: «Старите мотиви во оралната традиција. Јас сум ги користел тие мотиви во своите песни *Болен Дојчин*, *Одземање на силата*, *Стерна*, *Марковиот манастир* и др. Се разбира, со тоа сум нашол начин да ја искажам својата животна филозофија, своите дилеми, своите возбуди и огорченија. Јас вршев иновација, ги вклопував старите пораки во современиот израз и ги варирав по начин што му одговара на интересот на современиот човек» (Конески 2008: 338).

Посочените транстекстуални варијанти во циклусот за Марко Крале се во функција на детектирање на метатекстуалната релација којашто Женет ја дефинира како релација на коментар, без оглед на експлицитната или имплицитната упатеност кон одреден прототекст. Интертекстуалните, архитектстуалните и хипертекстуалните релации во песните на Конески се постапки преку коишто се воспоставува освестен коментаторски однос кон традицијата – не само фолклорната, туку и книжевно – уметничката. Метатекстуалноста се исчитува на ниво на целиот циклус, односно таа е посредувана преку останатите транстекстуални релации, со што се потврдува тезата на Женет за функционалната поставеност на поединечните транстекстуални видови. Имено, во пресекот транстекстуални трансценденции на петте поетски текста се создава еден смисловен надтекст или «надциклусен смисловен контекст» (Стерјопулу 2003: 139) кој произлегува од линеарно – синтагматската и од радијално – смисловната интратекстуална врска на одделните песни во циклусот¹. «Лирскиот циклус сам по себе е текст (надтекст) исто така ориентиран кон универзалниот контекст (тотален контекст), така што поетските значења на циклусот не настануваат од збирот поетски значења на секој поединечен текст» (Стерјопулу 2003: 75). Значи, интертекстуалните односи кон глобалниот фолклорен хипотекст ја посредуваат и интратекстуалната релација помеѓу петте песни и токму тој интратекстуално – интертекстуален паралелизам го генерира комплексниот смисловен метатекст, кој воспоставува реинтерпретативен однос кон митските слики (архетиповите на стерната, привиденијата, паганските верувања, персонификациите на смртта, злото, осаменоста), кон историско – легендарните колективни и култни паметења, но и кон облиците на нивно интегрирање во уметничката книжевност, со што се илустрира тезата на Конески за нужната актуализација на традицијата. «Силата на актуализацијата објаснува зошто тие мотиви, од Хомера па до денеска, ни звучат секогаш како нови и жизнени... Поезијата може да се споредува адекватно само со другите дејности што произлегуваат од силата на актуализацијата» (Конески 2008: 351). Метатекстуалниот слој во песните не само што го индицира реинтерпретативниот однос кон традицијата, туку го индицира и автопоететичкиот статус на книжевноста, вклучително и на поезијата, којашто е нужно и автореференцијално поставена и се (пре)создава од своето сопствено минато.

¹ Надциклусниот контекст е потврден и со интратекстуалната релација меѓу одделните песни во циклусот: на пример, дел од стиховите во *Одземање на силата* «да бидам како пресушена подземна река / во која темнината уште не е успокоена од / татнежот на брановите... / да крепам, да спасувам / а матната вода поклопува» (Конески 2008: 72–73) алутираат на дел од стиховите во песната *Стерна*.

ЗАКЛУЧОК

Песната повеќе ја откриваме отколку што ја пишуваме.

Блаже Конески

Циклусот песни за Марко Крале на Блаже Конески, палимпсестно надоврзувајќи се на фолклорните, митските и историските предлошки, создава еден поетско - лирски контекст на нивна (ре)интерпретација, еднакво како што нашето толкување на циклусот низ призма на теоријата на Женет значи (ре)интерпретативно поместување на циклусот во однос на постојните интерпретации. Ова толкување е двојно индикативно: не само што обезбедува интерпретативна реактуализација на еден поетски книжевен текст (циклусот Марко Крале), туку имплицира и врз теориските премиси на толкувањето, но и на поимањето на книжевноста, воопшто. Од една страна, текстуалната трансценденталност на песните во циклусот на Конески ја потврдува отвореноста на книжевноста кон традицијата, т. е. кон постојниот текстуален опус, еднакво како што транстекстуалните релации покажаа дека секогаш станува збор за извесен авторски и (авто)поетички поглед кон традицијата. Толкувањето на циклусот низ призма на теоријата на транстекстуалноста потврдува дека транстекстуалните релации и постапки се во функција на изнаоѓање креативен модус на актуализација и на иновација на постоечкиот мотивско – тематски корпус на традицијата (легендите, преданијата, епски народни песни), но и на нејзината семантичка трансценденција. Од друга страна, се сугерира палимпсестната природа на книжевноста за којашто говорат Женет, упатувајќи на книжевноста на втор степен, односно на перманентниот процес на (пре)пишување на веќе напишаното, но и Ренате Лахман кога го елаборира интертекстуалниот модел на партиципација како «дијалошко учество во текстовите на културата кое се одвива во пишувањето», учество кое се сфаќа како «повторување, како повторно пишување» (Лахман 2002: 211).

Конечно, транстекстуалните трансценденции на текстот ги демонстрираат и мнемоничките импликации на овие процеси. «Интертекстуалноста на текстовите покажува на кој начин културата секогаш одново самата се испишува и препишува, како култура на книгата и на знакот кој секогаш одново се дефинира со своите знаци. Пишувањето е активност на паметење и нова интерпретација на културата (книгата) во едно. Секој конкретен текст, како создаден простор на паметење, го конотира макропросторот кој или ја претставува културата или со чијашто помош културата се појавува. Меморијата на текстот е интертекстуалноста на неговите односи која се создава во чинот на пишување како премерување на просторот помеѓу текстовите» (Лахман 2002: 209). Ако конечната импликација на транстекстуалните трансценденции на текстот е да го демонстрираат процесот на перманентна семантичка (ре)конституција, на правење на книжевноста од книжевност, тогаш секое индивидуално, авторско, креативно навраќање кон ризниците на традицијата е еден облик на нејзина семантичка евакуација, било да се работи за варијантите на «комплексија, сумирање на смислата (потенцирање на смислата)», било да се работи за «распрснување, дифузија на смислата» (Лахман 1988: 106). Во таа смисла, циклусот на Конески не само што го демонстрира креативниот однос кон опусот на традицијата која перманентно палимпсестно се допишува, туку ја демонстрира и интертекстуалната премиса за неможноста од *creatio ex nihilo*, што, во крајна линија, е уште една потврда на постојаните конверзивни поместувања меѓу авторот и читателот, во смисла на авторот како примарно читател чиешто читателско искуство се преточува

во авторска креација. «Затоа и своето откривање на песната јас требаше да го објаснам со еден посебно изострен слух кај поетите за она што се случува во речевата дејност на колективот којшто заедно со нив ги памети старите песни, но приготвува со секој ден материјал за новите» (Конески 2008: 342).

ЛИТЕРАТУРА

- Калер Џонатан (1990). Структуралистичка поетика. Београд. СКЗ. 392 с.
- Калер Џонатан (2012). Мала книжевна теорија: сосема краток увод. Скопје. Поетики. 225 с.
- Конески Блаже (1981). За литературата и културата. Скопје. Култура / Македонска книга / Мисла / Наша книга. 374 с.
- Конески Блаже (2008). Послание. Битола. НИД Микена. 354 с.
- Женет Жерар. Палимпсести. Во: Теорија на интертекстуалноста / Катица Ќулавкова (Прир.). Скопје. Култура. 2003. стр. 63–75.
- Лотман Јуриј М. (2005) Структура на уметничкиот текст. Скопје. Македонска реч. 485 с.
- Стерјопулу Елени Апостолос (2003). Поетика лирског циклуса. Београд. Народна књига. 152 с.
- Ќулавкова Катица (1989). Одлики на лириката. Скопје. Наша книга. 320 с.
- Ќулавкова Катица (2001). Мала книжевна теорија. Скопје. Три. 335 с.
- Хирш Ерик. Три димензии на толкувањето. Во: Херменевтика и поетика / Катица Ќулавкова (Прир.). Скопје. Култура. 2003, стр. 73–90.
- ***
- Bart Rolan. Teorija o tekstu. *Republika*. 1986. br. 9–10, str.1098–1120.
- Genette Gérard (1997). Palimpsests: Literature in the Second Degree. University of Nebraska Press. London / Lincoln. 475 p.
- Hirš Erik D. (1983) Načela tumačenja. Beograd. Nolit. 313 с.
- Lachmann Renate. Intertekstualnost kao konstitucija smisla. In: Intertekstualnost&Intermedijalnost / Ur. Zvonko Maković et al. Zagreb. Zavod za znanost o književnosti Filozofskoga fakulteta Sveučilišta u Zagrebu. 1988, str. 75–107.
- Lachmann Renate (1997). Memory and Literature: Intertextuality in Russian Modernism. Minneapolis / London. University of Minnesota Press. 417 p.
- Lachmann Renate (2002). Phantasia / Memoria / Rhetorica. Zagreb. Matica hrvatska. 464 с.
- Oraić-Tolić Dubravka (1990). Teorija citatnosti. Zagreb. GZH. 234 с.

Сведения об авторе:

Marija Gjorgjieva-Dimova,
PhD
Associate Professor
Department of General and Comparative Literature
Faculty of Philology Blazhe Koneski
Sts. Cyril and Methodius University in Skopje
(Macedonia)

Мария Джорджиева-Димова,
PhD
доцент
кафедра общей и сравнительной литературы
факультет филологии Блаже Конески
Университет свв. Кирилла и Мефодия в Скопье
(Македония)

marija.gorgieva@gmail.com

*С. Здравкова-Џепароска
(Скопје, Македонија)*

Работата на руските кореографи во Македонија. Зачувување на балетското наследство

Апстракт: Генезата на балетската уметност во Македонија ја поврзуваме со првите форми на сценаски изведби, во дионисиските празнувања и првите театарски претстави за што потврда ни се откриените археолошки артефакти и локалитети. Но вистински проектиран развој балетот во Македонија бележи кон средината на XX век, поточно од 1949 до денес. Тогаш се поставени темелите на оваа уметност преку формирање на труппа, едукативни институции, репертоар. Голем удел за професионалниот раст на труппата имале руските уметници кои во различни периоди работеле во Македонија. Од нив би издвоиле тројца кореографи Нина Кирсанова, Јуриј Мјачин и Михаил Крапивин. Нивната работа е поврзана со неколку сегменти – кореографија, балетска репетиција, едукација. Овој текст се бави со анализа на едена специфична група која припаѓа на класичното балетско наследство. Тоа се дела кои ја задржале својата кореографија во речиси непроменета форма и припаѓаат на постановките од XIX век, но едновременно претставуваат синоним на балетската уметност – ‘Лебедово езеро’, ‘Заспаната убавица’, ‘Рајмонда’, ‘Жизел’ и др. Тие се мерило за зрелоста и квалитетот на една труппа. Македонскиот балет посветува особено внимание и ги вградува во својот репертоар од самите почетоци. Најзалужни за нивниот пренос и адекватна подготовка се имено тројцата кореографи кои беа споменати. Тие на македонска сцена ги пренеле ‘Заспаната убавица’, ‘Дон Кихот’, ‘Рајмонда’, ‘Оревокршачка’, ‘Копелија’, ‘Есмералда’. Нивната работа ја карактеризира високопрофесионален однос, посветеност и многу љубов. Резултат тоа се претстави кои го одбележале Македонскиот балет и останале десетици години на репертоарот.

Клучни зборови: танц, балет, класично наследство, кореографија, Македонија

*Sonja Zdravkova Djeparoska
(Skopje, Macedonia)*

The Work of Russian Choreographers in Macedonia. Preserving the Ballet Legacy

Abstract: The genesis of ballet art in Macedonia is associated with the initial forms of stage performances such as Dionysias festivals and the first theater plays, what is confirmed by the discovered archaeological localities and artefacts. But the actual projected development of the ballet in Macedonia started only in the middle of the 20th

century, more precisely after 1949 and continues to the present. The foundation of this art was laid due to the formation of a ballet ensemble, educational institutions and the new repertoire. The Russian artists, who worked in Macedonia at different times, were the major contributors to the professional growth of the troupe. Three choreographers must be especially emphasize: Nina Kirsanova, Yuri Mjachin and Mikhail Krapivin, and their work in Macedonia is analized. It is connected with several segments – choreography, ballet repetition, education. This text deals with the analysis of a specific group that belongs to the classical ballet legacy. These are masterpieces that have kept their choreography almost unchanged form since the 19th century, but at the same time they represent a synonym of the ballet art – “Swan Lake”, “Sleeping Beauty”, “Raymonda”, “Giselle” and others. They are a measure of the maturity and quality of a ballet troupe. The Macedonian ballet pays special attention and embeds it in its repertoire from the very beginning. The three mentioned choreographers are the most important in the staging and adequate preparation of the ballets of the group. They staged the “Sleeping Beauty”, “Don Quixote”, “Raymonda”, “Nutcracker”, “Copellia”, “Esmeralda” on the Macedonian scene. Their work was characterized by a high professionalism and a devotion to their work. The result are the performances that have marked the Macedonian ballet and remained for dozens of years on the repertoire.

Key words: dance, ballet, classical ballet legacy, choreography, Macedonia

*С. Здравкова-Джепароска
(Скопье, Македония)*

Работа русских хореографов в Македонии. Сохранение наследия балета

Аннотация: Генезис танцевального искусства в Македонии связан с первоначальными древними формами театральных действ, таких как дионисийские празднества. Подтверждают это найденные на территории Македонии археологические артефакты, в том числе и архитектурных. Однако фактическое развитие балета в Македонии началось лишь в середине XX века (с 1949 года) и продолжается до сегодняшнего дня. В этот период были заложены основы балетного искусства благодаря созданию учебных заведений, театральной балетной труппы и формированию репертуара. Серьезное влияние на профессиональное развитие македонского балета оказали русские артисты, в разное время работавшие в Македонии. Среди них в первую очередь следует упомянуть трех хореографов: Нину Кирсанову, Юрия Мячина и Михаила Крапивина. Их деятельность была связана с хореографическим образованием, репетиционной и постановочной работой. В статье анализируются спектакли, принадлежащие к классическому балетному наследию и сохранившие сценическую хореографию практически неизменной с конца XIX века. Это такие шедевры балета, как «Лебединое озеро», «Спящая красавица», «Раймонда», «Жизель» и другие. Постановки балетной классики являются мерой зрелости и профессионального уровня балетной труппы. Македонская балетная труппа уделяет особое внимание этим произведениям, которые были включены в репертуар с самого начала ее создания. Огромная заслуга в их подготовке и воплощении на сцене принадлежит упомянутым выше русским хореографам. В македонском театре они осуществили постановки «Спящей красавицы», «Дон Кихо-

та», «Раймонды», «Щелкунчика», «Эсмеральды», в которых проявились высокий профессионализм, тщательность работы с танцовщиками и преданное отношение к делу. Благодаря этому хореографам удалось создать спектакли, которые не только остаются в репертуаре труппы на протяжении десятилетий, но и служат «визитной карточкой» македонского балета.

Ключевые слова: танец, балет, классическое наследие, хореография, Македония

КУЛТУРОЛОШКА РЕТРОСПЕКТИВА

Еден од првите автори на пораката за танцот што ја испраќа ИТИ (Интернационалниот театарски институт) секој 29 април по повод Меѓународниот ден на танцот, беше еминентната руска балерина Маја Плисецкаја. Таа во својата порака напиша: «На почетокот не беше зборот, туку движењето! На почетокот беше танцот. Во тоа сум уверена!» Со ова Плисецкаја реактуализира еден поглед кон развојот на човештвото во кој движењето има особено место. Германскиот теоретичар Курт Сакс во својата книга *Светска историја на танцот*, својата анализа на историјата на танцот ја започнува со тоа што нотира одредени форми на танц кај животните. Танцот (движењето) во својата еволутивна траекторија исполнува повеќе функции – една од првите е неговиот комуникациски капацитет (кој патем се забележува во овие «форми на танц» кај животните), кој бил користен пред да се развијат јазичните структури. Танцот секако е/бил составен дел од ритуалните дејства со кои човекот се обидува да воспостави врски со трансценденталното, натприродното, божественото. Во оваа долга развојна линија денес танцот ја има функцијата да претставува естетско уживање, врвно визуелно доживување, пат кон најпрефинетите страуси на уметничкото изразување. Поради ефемерноста на овој изведувачки дискурс, најдобар показател за формата, намената, моделот, ни се сведоштвата кои директно или индиректно се поврзуваат со танцовата интерпретација.

На самиот почеток неопходно е да се даде мал вовед, односно да се лоцираат првичните сведоштва за танцот во однос на Македонија и тоа што ни останало како археолошко наследство. Еден од најзначајните артефакти пронајдени на овие простори е бронзената статуетка Менада, пронајдена во гробница во градот Тетово во 1933 година. Поради местото на пронаоѓање, таа многу често е нарекувана и тетовска Менада. Датира од VI век пр. н. е., фигурата е 9 см долга и 4 см широка. Менадите биле придружнички на богот Дионис. Генезата на европскиот театар е поврзана со дионисиските култови и ова е првиот доказ дека на просторот на Македонија се развивала синкретична форма во која песната и танцот земале централно место. Од нив произлегле формите на театарската уметност. Статуетката прикажува жена во момент на танц, екстензивниот чекор со кревање на едната нога, поставеноста на рацете, позицијата на главата – сето тоа укажува на движечко / танцово тело. Македонската Менада е можеби една од првите танцови фигури зачувани до денес на овие простори, а кои според третираната тематика се раритетни и во пошироки светски рамки. Прикази на Дионис со нимфи, музи или менади се среќаваат повеќекратно во артефактите пронајдени на почвата на Македонија. Како најрепрезентативни би ги споменале и црвенофигуралната хидрија од Демир Капија и мермерните плочи од театарот во Охрид. Како прилог кон тезата за постоење жива и мошне

Тетовска Менада.
Музеј на град
Скопје

развиена дејност во однос на театарот имплицитно и танцот, можеме да ги посочиме и објектите во кои се одвивала сценската активност. Томе Јанакиевски во својот текст Античкиот театар на почвата на Македонија забележува: «Покрај многубројните движни споменици со театарска тематика од самиот почеток на овој вид уметност, па сè до гладијаторските борби и циркуските претстави, на подрачјето на Република Македонија досега се откриени и четири театри во античките градови Lychnidos, Scupi, Stobi и Heraclea Lyncestis» [Јанакиевски 2004: 72]. На територијата на Македонија¹ се откриени театарот во Лихнидос, Охрид. Покрај овој, постојат и три театри од римскиот период во Стоби во близина на градот Велес, Хераклеја Линкестис, во близина на Битола, Скупи, во околината на Скопје, кои потекнуваат од II век. Сето ова ни говори за еден развиен културен живот, кој се одвивал на територијата на денешна Македонија.

Исмевањето на Христа. Фреска.
црква «Св. Ѓорѓи». Старо Нагоричане

Форми на театарско дејствување следиме и во периодот на средниот век. Иако црквата ги забранувала народните претстави, игри, сепак бележиме специфични форми на изведувачка практика. Најдоминантно тоа се реализира преку активностите на скомрахите, кои биле патувачки актери и изведувачи. Можеби најдобра потврда за ова е една мошне раритетна фреска што се наоѓа во средновековната црква «Св. Ѓорѓи» во Старо Нагоричане, Кумановско. Фреската е наречена «Исмевањето Христово» и на неа се претставени Христос пред распнувањето и околу него се поставени изведувачи-скомрахи кои го исмеваат. Мошне е тешко да се заклучи точно кој од оваа композиција е актер, а кој изведува танц. Сепак, скомрахите соединувале повеќе уметности во својата изведба. «Првиот заклучок што може да се изведе од фреската е дека скомрахите биле комплетни изведувачи. Тие и свиреле, и играле, и пееле и ‘глумеле’» [Павловски 2004: 93]. Танцот во

¹ Република Македонија зафаќа вкупно 25.713 квадратни километри на кои живеат речиси 2.114.550 жители.

македонското општество заземал значајно место следено низ вековите. Фолклорните форми до кои дошле до денес претставуваат богата, разновидна, уникатна и значајна сфера на македонскиот културен идентитет.

Духот на народот се отсликуваше во фолклорното творештво, но не и во актуелните во Европа форми на театрализирани дејства, маска, балет. Доколку направиме историско подредување на појавата на првите претстави во кои имало танцови сегменти, ја добиваме следната листа: 1489 год. Бергонцо ди Ботаго прикажал првото театрализирано дејство со танци во Тортоне, Италија. Во соседна Франција во 1573 год. бил изведен *Балет на полските амбасадори*. Речиси едновременно под терминот маска во Англија се изведувале претстави што по форма се идентични со францускиот и италијанскиот балет. *Црната маска* била изведена 1605 година во Лондон. На другата страна од Европа, во подмосковското село Преображенское, Русија, во 1673 год. бил изведен *Балетот за Орфеј*, додека 1786 год. била изведена претставата *Чудата на Купидон* и кореографот во Копенхаген, Данска. За разлика од овој повеќевековен и континуиран развој, Македонија правите балетски настапи ги проследила во периодот на Кралството Југославија кога многу уметници кои емигрирале од Русија, имале свои настапи и во Скопје¹. Непосредно пред Втората светска војна, во Скопје работело и првото балетско студио раководено од Соња Михољик-Цветичанин. Студиото организирано настапи на своите членови, но сето ова било поставено како дополнителна активност без претензии за создавање професионален кадар и дејност.

ОСНОВАЊЕ И РАЗВОЈ НА МАКЕДОНСКИОТ БАЛЕТ

За вистински проектиран, континуиран развој на балетот во Македонија можеме да говориме по 1949 кога се изведени танцовиот сегмент *Валтургиска ноќ* во операта *Фауст* и подоцна балетската претстава *Бахчисарајска фонтана*. Тоа ја поставува појдовната кота за развој на овој уметнички израз. Иако со огромно задоцнување, Македонија успеа да воспостави високи стандарди во оваа сфера и да продуцира високопрофесионални кадри кои ќе бидат синоним на одредени фази од македонската, но и југословенската балетска историја. За квалитетот кој го постигна/постигнува македонскиот балет потврда се мноштвото добиени награди и признанија, остварени гостувања, позитивни рецензии, но просторот нè ограничува поради што нема да се задржиме повеќе на овој сегмент на валоризација и евалуација. Се поставува прашањето на кој начин македонската балетска уметност успеа да го преброди јазот што ја делеше од развиените балетски центри? Одговорот е комплексен и нееднозначен. Пред сè тоа бил афинитетот кон танцот кој можеби не во еден дефиниран уметничка формат, но постојано бил присутен на овие простори. Предиспозицијата која како културен код од минатото трансгенерациски се пренесувала, придонела за лесно и брзо прифаќање на оваа високоартифициелна форма на игра. Освен тоа, во овој поглед би издвоиле уште неколку битни елементи: едукација и адекватно избраниот репертоар, но едновремено културната клима што го поддржувала, афирмирала и актуализирала овој уметнички вид. Особено е значајно да се истакне дека во однос на македонскиот балет се забележуваат неколку вектори на развојни стилски концепти. Една од главните задачи на македонскиот балетски колектив било воспоставување континуитет на

¹ Јелена Полјакова настапила во Скопје во 1923, што е забележано во весникот «Привреден гласник». Нина Кирсанова настапува на 14.05.1935 во «Балетско-пејачката вечер» на 21.12.1939 год на концертот под наслов «Балетска вечер на Нина Кирсанова и Анатолиј Жуковски» итн.

танцовата база која постоела – претставена преку исклучително богатата фолклорна ризница. Во овој правец не се прибегнало кон креирање хибридни танцови форми (кои во СССР како модел постоеле) на симбиоза на традиционалната игра со артифициелната, односно балетот, туку напоредно со активностите на ансамблот «Танец», кој бил задолжен за презервација, презентација и промоција на народната игра се формирал автохтон жанр на т. н. «национални балети». Во нив преку либретото, музиката и стилизираната кореографија, но доминантно поставена на балетска лексика се креирал нов стилски израз. Во оваа група би ги вброиле балетите *Македонска повест*, *Охридска легенда*, *Лабин и Дојрана*, *Одблесок* и др. Паралелно со овој мошне автентичен жанровски конструкт, се прибегнало кон градење изведувачки блок составен од т.н. «железен репертоар», во кој спаѓа светската класика (*Лебедово езеро*, *Заспаната убавица*, *Дон Кихот*, *Жизел*, *Бајадерка* и многу други). И покрај социополитичката позиционираност на Југославија (по раскинувањето со СССР и Информбирото во 1948 и градењето независна политика) сепак се остваруваат мошне тесни врски со руската култура, особено во делот на балетската уметност. Реномирани кореографи и педагози биле перманентно присутни во сите позначајни центри во Југославија, во тој дел и во Македонија и особено придонеле во делот на класичниот балетски репертоар за кој стана збор погоре. Како трет сепаратен корпус ги бележиме авторските кореографии кои во овој конститутивен период осцилирале од карактерни и деми-карактерни, неокласични, па сè до современи. Во оваа групација се афирмирале македонски, југословенски, но и кореографи кои доаѓале од Русија, Чешка, САД итн. Врз овие темели бил поставен македонскиот балет во првите десетлетија на неговиот развој и оваа ориентација овозможила тој да се развива осмислено, квалитетно и да создава конкурентна продукција.

Во самото формирање на ансамблот и паралелно едукативниот пласт бил ангажирани Ѓорѓи Македонски, кој едновременно ја извршува задачата на кореограф, едукатор, но и изведувач. Тој е првиот Македонец што се здобил со балетска едукација во студиото на Јелена Полјакова¹, потоа продолжил во средното училиште на Музичката академија и станал дел од трупата во Белград. Македонски бил одблизу запознаен и ја практикувал руската школа, која како изведувачки стил ја пренел и во Скопје. Првите години во периодот на етаблирање на балетската уметност во Македонија се под силно влијание на Ѓорѓи Македонски, тој се јавува како автор на кореографиите на *Валпургиска ноќ* (1949, 1952), *Бахчисарајска фонтана* (1949), *Лебедово езеро* (1957, 1958), *Охридска легенда* (1966) и др. Особена заслуга за подигнување на квалитетот на образованието имале и Нина Кирсанова и Александар Доброхотов, кои исто така водеle свои класи во Скопје. Следен квалитативен скок во однос на образованието се забележува со дејноста на Јуриј Мјачин кој во текот на 70-тите години работи како репетитор и кореограф во Македонскиот народен театар, но и како педагог во училиштето. Неговата работа е особено значајна бидејќи претставува директен контакт со моделитетите на едукација кои ги практикува руската школа. Подоцна и неколку македонски педагози (Елисавета Кушовска, Снежана Филиповска и авторот на овој текст) го добиле своето образование во еден од најреферентните институции за балетска педагогија ГИТИС во Москва, со што се

¹ Руската балерина Јелена Полјакова има особена заслуга за развојот на српскиот балет. Таа во периодот 1922–1942 година во Белград води сопствено балетско студио низ кое минуваат генерација еминентни балетски изведувачи како Наташа Бошковиќ, Вера Костиќ, Анатолиј Жуковски, но и Ѓорѓи Македонски.

постигнал континуитет во едукативната практика и перманентно кревање на квалитетот во балетската наобразба. Освен секторот на образование, особено значајни за еден ансамбл се репертоарските политики за кои стана збор погоре.

ОДНОСОТ КОН КЛАСИЧНОТО БАЛЕТСКО НАСЛЕДСТВО

Театарскиот режисер Питер Брук во својата книга *Празен простор* дефинира четири типа театар. Првиот, во кој ја вбројува операта, го споменува балетот, и секако дел од драмската продукција е именуван како – «мртвовечки театар». Овој вид Брук го критикува поради обидот за петрификација, хибернација, односно дефинирање на стилско-изведувачки нормативи што според Брук е контраиндицирано со концептот на сценските уметности. Тој од претставите бара иновативност, истражувачки процес, уникатност. Но во овој не можеме целосно да се согласиме со Брук бидејќи особено кога станува збор за балетската уметност, овој вид фиксација на кореографскиот текст на големите балетски дела ни овозможува поставување одредени стандарди на изведбата и тоа придонесува за «културна глобализација» на оваа продукција. «Стремежот за заштита на балетското наследство (од кое во репертоарот останала само дваесетина претстави) е присутен кај многу практичари што се залагаат за негова апсолутна непроменливост» [Ванслов 1980: 107]. Овој аспект на зачувување на деловите кои им припаѓаат на танцовите целини наметнал унификација на текстот на одредени балети во текот на повеќе од едно столетие во зависност од датумот на поставување на делата. Но тоа не подразбира «музејска конзервација» на комплетната кореографска партитура, туку на нејзините танцови корпуси. Балетската претстава според својата градбена конструкција е составена од танцови и дејствени¹ (*pas d'action*) партикули. Танцовите делови се формирани преку кодифицираниот систем на движења и елементи кој е ексклузивитет на оваа уметничка стилистика. «Колку изразните средства се поблиску до чистиот танц, толку е постабилна организацијата на формата» [Jovanović 1999: 63]. Непроменливоста на овие дела не е апсолутна, туку како што забележува и авторот Јовановиќ тоа се однесува на танцовите сегменти – суити, *pas de deux*, *pas de trois*, варијации итн. Модификација се врши во делот на дејствените сцени. За разлика од XIX век кога најголемиот број на овие дела се поставени, тенденциите на балетот од средината на XX век се потиснување на паралелните изразни сфери и нивна конверзија во чисто танцов состав. Имено овој вид интервенции се најзабележителни во новите редакции на делата од «железниот репертоар». «Новата постановка (70-тите год. на XX век. – *S.Z.*) на 'Лебедово езеро' поставена во ГАБТ (Државниот академски Большој театар во Москва. – *S.Z.*) е практично зачувување на класичното наследство. Основна цел е зачувување на најдоброто од постановката од 1895 год. и отстранување на се што е застарено: пантомимните делови кои совршено ја обесмислуваат, обременуваат романтичната приказна» [Асафьев 1974: 189]. На речиси идентична позиција стои и балетскиот теоретичар Виктор Ванслов. Тој во својот есеј *Класиката и современоста* ја излага тезата за односот кон класичното наследство, дека интервенциите во одредени делови не значат уништување, туку осовременување и продолжување на актуелноста на овие претстави. «Зачувувањето на кореографското наследство треба да се претстави на нашата сцената во сета своја убавина – во тоа всушност се пројавува духот

¹ Деталната разработка на структурата на балетската претстава и нејзината музичка, сижејна и кореографска драматургија на материјалот на балетите *Жизел*, *Лебедово езеро* и *Ромео и Јулија* е изложена во книгата *Балетска драматургија*.

на современоста. Но тие треба да бидат живи, а не мртви, проткаени со духот на времето, со потреба од творечко репродуцирање, а не занаетчиско копирање» [Ванслов 1980: 107]. Скелет на овие балетски претстави всушност се фиксирани-те кореографски делови, додека е оставен простор за варијабилност во останатите делови што ѝ дава квалитет на мобилност, приспособливост и свежина на оваа продукција. Оваа потреба од екстрахирање, трансформирање на одредени делови за да се одговори на вкусовите на современиот аудиториум ја забележува и критичарот Борис Петковски во однос на македонската поставка од 1968 на балетот *Рајмонда*: «Со фино чувство за корекција на одредени делови од содржината на балетот, што денес ќе изгледаат премногу наивно и несоодветно за современиот вкус, Мјачин успешно скрати и оддели музички и балетски партии» [Јовановска 2008: 246]. За да не се доведе читателот на оваа статија во заблуда, мора да се нотираат и постоечките тенденции (особено актуелни од 80-тите години на XX век, па до денес) за создавање нови авторски толкувања на овие дела. Би го издвоиле можеби најреферентниот пример на поставка на комплетно нова верзија на балетот *Лебедово езеро* од страна на англискиот кореограф Метју Борн од 1995 год. (точно едно столетие по создавањето на редакцијата која се третира како класично балетско наследство). Кореографот Борн ја искористи музичката предлошка, но направи сосема ново сценарио и кореографско решение. Овој негов потег на супституција на женскиот носечки лик (аналогно нејзината мултипликација во ансамбловиот дел) со машки резултира со нов естетски и формативен дискурс на изведбата. Вакви примери на создавање автентични «читања» на постојните балети има многу, но главната разлика се состои во опсегот на нивната изведба. Додека варијата на Борн беше поврзана за театарот Садлерс Велс, односно подоцна трупата на Борн, редакцијата на Мариус Петипа и Лев Иванов се изведува во илјадници театри на сите континенти. Затоа овој вид продукција претставува особен интерес за сите што се занимаваат со овој вид уметност.

Класичното наследство е провокација за публиката, која иако однапред го знае форматот на претставата, повторно и повторно се враќа да ја проследи. Тоа е како навраќањето кон одредни класици на литературата или платна и скулптури на големите мајстори каде што љубителите на уметноста имаа потреба повторно да го преживеат уметничкото искуство. Освен тоа, овој репертоар е алатка за одржување на «професионалната кондиција» на еден ансамбл. Квалитетот и реномето се мери доминантно преку овој вид репертоар поставена на класичното балетско наследство.

КЛАСИЧНОТО НАСЛЕДСТВО ВО МАКЕДОНСКИОТ БАЛЕТ И УЛОГАТА НА РУСКИТЕ КОРЕОГРАФИ ВО НЕГОВИОТ ПРЕНОС

Ориентиран кон искуствата добиени од развиените балетски средини, македонскиот балет уште на самиот почеток се определи за поставување на балетската класика на македонската сцена. Тоа беше услов за правилен, рапиден развој на младиот ансамбл. Балерината од првата генерација, денес еминентен балетски рецензент Емилија Ципунова, за овој аспект пишува: «Патот кон целта води преку правилната едукација и осмислената репертоарска програма со големите дела од класичната балетска литература: ‘Копелија’ од Лео Делиб (27 февруари 1954), ‘Заспаната убавица’ од П.И. Чајковски (29 јануари 1955), ‘Жизел’ од Адолф Адам и ‘Штраусијада’ од Јохан Јозеф и Едвард Штраус (7 ноември 1956) во кореографија на Нина Кирсанова, ‘Половетски логор’ од Александар Бородин, ‘Рапсодија’ од Франц Лист (3 декември 1952) ‘Шехерезада’ од Римски Корсаков, ‘Балерина и

Бандит' од В.А. Моцарт, 'Покана за танц' од Карл Маријафон Вебер (4 ноември 1953) во кореографија на Александар Доброхотов» [Ципунова 2011: 42]. Од особено значење беше оригиналното пренесување на кореографиите кои се дел од оваа група. За оваа цел доминантно беа ангажирани кадри што имаат директна поврзаност со изворот на создавање и негување на овие претстави. Од нив би ги издвоила Нина Кирсанова, Јуриј Мјачин и Михаил Крапивин, кои со својата работа над повеќе преноси на класични дела оставија траен печат врз македонскиот балет. Секој од нив одбележа еден период и поради тоа ќе се осврнеме врз нивната дејност одделно. Нина Кирсанова е поврзана со почетоките на македонскиот балет и нејзината работа е повеќенасочна – педагошка, изведувачка¹, репетиторска, кореографска. Во текот на 70-тите во Скопје престојува Јуриј Мјачин, кој исто како и Кирсанова работеше со ансамблот, поставува авторски кореографии, изврши преноси на класичните дела (што е и интерес на овој текст) и реализира педагошка дејност во балетското училиште. Михаил Крапивин е име кое е поврзано со периодот на осамостојување на Р. Македонија и тој освен преносот на неколку претстави од класичниот репертоар, се претстави и кореографски. Иако во сосем различни периоди, секој од овие луѓе силно влијаел на македонскиот балет и овозможил еден континуитет во однос на присуство на претставите од класичното наследство, односно нивните осовременети верзии.

НИНА КИРСАНОВА – КЛУЧЕН ФАКТОР ЗА ОСНОВАЧКИОТ ПЕРИОД

Балерината, педагог и кореограф Нина Кирсанова претставува особен интерес за проследувачите на македонскиот балет². Нејзиниот бурен животен пат ја носи од родната Русија преку Полска до Југославија. Кирсанова ги изведувала првите улоги во театарот во Вороњеж, настапувала во Бољшој театарот во времето кога во него работел Александар Горски. Потоа Кирсанова била дел од трупите на Бронислава Нижинска и легендарната Ана Павлова сè до нејзината смрт. Тоа ѝ дава можност одблизу да биде запознаена со класичното наследство од XIX век во изворна форма, како и да ги проследи иновациите направени од Горски, Павлова, Нижинска. Кирсанова за разлика од повеќето руски емигранти кои престојувале во Југославија и потоа ја напуштиле, својот животен пат целосно го поврзува со југословенскиот балет, каде што работи до крајот на својот долг живот. Нејзината сигнификантна заслуга не е само преносот на балетското наследство, туку утврдувањето на професионалните стандарди. Ова го забележуваат сите претставници на првата генерација македонски балетски играчи кои имале среќа да работат со неа. Балерината Елпиди Паковска пишува: «Суптилноста на балетската техника и сето тоа што балетот го прави високоценета уметност кај нас дојде со знаменитата Нина Кирсанова. Не само во нашиот македонски балет туку и во целата наша земја (текстот е издаден во време кога Македонија беше дел од СФР Југославија. – S.Z.), таа остави траги што никогаш нема да бидат заведени» [Паковска 1985: 96]. Кирсанова неуморно работела на едукативниот и репродуктивниот дел. Таа, како што и

¹ Освен во периодот на Кралството Југославија, во свој текст по повод 40-годишниот јубилеј на МНТ, таа споменува дека настапувала во улогата на Зарема во балетот *Бахчисарајска фонтана*.

² Повеќе за Нина Кирсанова во текстовите «Улогата на руската кореографија во конституирањето и развојот на македонскиот балет» во зборникот «Руско-македонско јазични, литературни и културни врски» (Филолошки факултет Скопје) и «The Russia-Serbia-Macedonia Route: Intercultural Communicationsin» in the book «BEYOND THE EAST – WEST DIVIDE Balkan music and its poles of attraction» (Institute of Musicology, Serbian Academy of Sciences and Arts (SASA), Department of Fine Arts and Music SASA).

самата забележува, доаѓа периодично, но овие нејзини престои се клучни за моделирање на ансамлот и перманентно професионално унапредување.

«Заспаната убавица», 1955. МНТ

Кирсанова на македонската сцена во периодот 1954–1956 ги постави *Копелија*, *Заспаната убавица*, *Жизел* и *Шопенијана*. Иако последниот балет му припаѓа на продукцијата на Дјагиљевските руски сезони, сепак овој балет успеа да се наметне како дел од класичното балетско наследство. Идејата за пренос на ваков широк опфат на изведби кои претставуваат

драгоцености на балетската литература, не само што зборувааше за амбициозноста на младиот колектив, туку и за неговиот потенцијал. Мошне е значајно што во овој почетен период културната политика генерално се стремела кон фундирање на високите уметнички жанрови, односно сериозно ја поддржуваше тенденцијата на развој на високата уметност и сето тоа што ја претставува. Поставените дела имаа одличен одек кај публиката и критиката. За значењето на овие поставени претстави и ефектот што тие го иницирале, можеби најдобро е да се наведе извадок од критиката на Иван Шулентик по повод *Заспаната убавица*, во весникот «Нова Македонија»: «Премиерата и репризата сосема јасно покажаа дека ансамлот на Македонскиот балет е веќе во таков стадиум на својот развој, кога е во состојба да ни прикаже еден сосема сериозен уметнички колектив... Сосема е возможно, ако ансамлот продолжи со вака сериозна работа, да го заземе местото веднаш зад белградскиот» [Јовановска 2008: 159].

Македонската млада креативна енергија се брусела преку делата пренесени и сценски подготвени од Нина Кирсанова.

ЈУРИЈ МЈАЧИН – НОВ ИМПУЛС ВО РАЗВОЈОТ

Со сосема поинаков животен бекграунд, Јуриј Мјачин беше дел од културната соработката што се реализира помеѓу СССР и Југославија. Едуциран во најзначајниот балетски центар, балетското училиште во Ленинград, Мјачин беше дел од Кировскиот (денес познат како Маринскиот) театар, но се занимаваше и со педагошка и кореографска дејност. Во Македонија доаѓаше во повеќе наврати остварувајќи најдолг престој во почетокот на седумдесеттите години (1968–1972). Самата Кирсанова истакнува: «За успехот на балетскиот ансамбл, заслуга има и советскиот балет-мајстор Мјачин. Тој не беше долго, но за негово време скопскиот балет многу напредуваше» [Кирсанова 1985: 48]. Долгогодишниот директор на Балетот на МНТ, Тони Баталаков ќе забележи: «Соработката со Јуриј Мјачин донесе нов момент во размислувањето и воопшто во приодот кон работата, кон создавањето кадар, кон размислувањето за неговиот напредок, внесувајќи ги сите новини од тогашниот степен на развој на советската класична школа» [Баталаков 1985: 9].

Прва професионална задача за Мјачин беше Балетскиот концерт составен од фрагменти од *Лебедово езеро*, *Заспаната убавица*, *Оревокршачка*, *Гајане* и *Пламенот на Париз* премиерно изведен 18.05.1968. Во овој период настана транзиција во кадровската поставеност на ансамбот и дел од кадрите што беа дел од класата на Мјачин во училиштето станаа достојна замена на првата генерација македонски изведувачи. Следеше македонската премиера на *Рајмонда*. Рецензен-

тот Тихомир Титизов ја издвојува постановката: «‘Рајмонда’ претставува успех, афирмација и потврда дека ансамблот заживеа како целина со оформена физиономија, надраснувајќи ги моментните слабости, подмладувајќи се, созревајќи и израснувајќи во творечки колектив во чија изведба, ‘Рајмонда’ може да биде тоа што во својата суштина и е – бисер на романтичниот балет» [Јовановска 2008: 250]. Последен во низата преноси направени од Јуриј Мјачин е мошне популарниот балет *Дон Кихот* поставен на 18.01.1972 година. Ова дело е едно од централните во репертоарот на големите театри. Базирано на романот на Сервантес, сценариото поплатно ги претставува ликовите на Дон Кихот и на Санчо Панса. Тие во претставата се решени пантомимно, додека главната опора е ставена на носечките ликови, Китри и Базил. Колоритноста на самата претстава, мошне адиктивните музички созвучја, извонредните кореографски решенија ја прават оваа претстава особено популарна. Македонскиот балет првпат ја изведе дваесет и три години по своето основање.

Интересно е да се спомене дека сите дела што беа пренесени на скопската сцена од страна на Јуриј Мјачин, го носат авторскиот потпис на Мариус Петипа. Самиот Мјачин во својата книга *Сонот и јавето на балетот*, за кореографијата на Петипа ќе забележи: «Гледано генерално ниту едно танцово движење кај Петипа не е случајно. Тие се раѓаат за секој персонаж или за ансамблот во склад со развојот на сижето на претставата и според сликовитиот концепт на кореографот» [Мјачин 2003: 10]. Почитувајќи го внимателно креативниот формат Мјачин ги разработи и ги акцентира најсуптилните стилски нијанси на кореографијата. Тоа резултира со долг сценски живот на овие дела и нивно широко прифаќање од публиката.

МИХАИЛ КРАПИВИН– ПРОДОЛЖУВАЧ НА ТРАДИЦИЈАТА НА РУСКАТА КОРЕОГРАФИЈА

Михаил Крапивин ја поврзува својата едукација и дејност со Москва. Воспитаник на Московското кореографско училиште во класата на Л. Жданов, по завршувањето станува еден од водечките солисти на Московскиот академски музички театар К.С. Станиславски и Вл.И. Немирович-Данченко. По завршувањето на кариерата се занимава со репетиторска работа доминантно во својот матичен театар. Во Скопје Крапивин доаѓа повеќепати пренесувајќи ги балетите *Оревокршачка* 2001 и *Есмералда* 2005 година, како и поставувајќи ја детската претстава *Д-р Офболи* во 2009. Интересен е фактот дека сите преноси направени од Крапивин се сè уште на репертоарот на МОБ. *Оревокршачка* бележи шеснаесет години сценски живот, додека *Есмералда* дванаесет перманентен изведувачки период, што е раритет во однос на другите дела. *Д-р Офболи* исто така е една од најизведуваните престапи во групата дела наменети за најмладата популација. Додека имињата на Кирсанова и особено Мјачин се поврзуваа со кореографијата на најзначајниот кореограф на сите времиња Мариус Петипа, Крапивин во Македонија ја донесе кореографијата која ѝ припаѓа на советскиот период, односно нејзините најзначајни креации кои станаа светско балетско наследство (особено редакцијата на *Оревокршачка*).

За разлика од другите постановки на делата на Чајковски, Глазунов, Пуни поставени во деведесеттите години на XIX век кои дошле до денешнината во петрифицирана форма, кореографијата на *Оревокршачка* е сосем изгубена. Овој балет поради тоа има мноштво редакции и кореографски визии. Но едно од најдобрите поставки е верзијата на Василиј Вајнонен поставена 1934 во Кировски театарот, Ленинград (односно 1939 во Большој театарот во Москва). Конкретната верзија е

пренесена од Крапивин на македонската сцена. Оваа претстава е особено популарна и е неизоставен дел од репертоарот особено во периодот пред новогодишните и божиќните празници поради тематиката што ја обработува. Податокот дека единствено во рамките на *Балетскиот концерт* од 1968 и *Вечер на танцот* 1986 е изведено *pas de deux* од *Оревокршачка* ни наметнува мисла дека и покрај тенденцијата за етаблирање класичен репертоар, сепак ова дело било заобиколено. Неговата македонска премиера е дочекана со особена возбуда и лавина од позитивни реакции. Изложуваме фрагменти од рецензијата на Емилија Ципунова за оваа премиера: «Станува збор за бајка според сижето и драматуршката компонента, но и врвна уметност според кореографската... Со многу пластика и уметничко зрачење во кореографска смисла Василиј Вајнонен, преку богатата класична балетска лексика, мајсторски го прави танцот на снегулките, розовиот валцер, завршното *pas de deux* на главните протагонисти...» [Ципунова 2011: 164]. Вториот пренос направен од Крапивин е балетот *Есмералда*, работен според романот на Виктор Иго, во кореографско видување на Владимир Бурмејстер. Претстава која со својата силна емоционална компонента иницирана од сижето, доминантно танцова концепција, стилско-формативните контрасти, како и капацитет за афирмација на индивидуалните карактеристики на интерпретаторот ја воодушеви македонската публика.

Ивана Коцевска и Дојчин Дочев во балетот «Оревокршачка», 2017. МОБ

Михаил Крапивин преносот на двете дела го направи со извонредна прецизност, наметнувајќи високи барање пред самиот ансамбл во однос не само на техничката туку и на уметничката креација. Сето тоа резултира со квалитет кој беше препознаен од реципиентот. Секако во оваа категорија преноси не се споменати кореографите што со по еден пренос биле присутни на македонска сцена, особе-

но по периодот на осамостојувањето, но нивната работа ќе биде анализирана во некој друг текст.

Македонскиот балет својот рапиден развоен квалитет го црпи од танцовата традиција која е дел од културниот код на македонскиот народ. Но едновременно особен удел во подемот имаа кореографите-репетитори, кои работеле врз преносот и подготовката на класичните балети од «железниот репертоар». Нивната работа го донесе ансамблот на ново рамниште и влијаеше на неговото уметничко созревање. Поради сите овие компоненти може да констатираме дека македонскиот балет бележи куса, но мошне квалитетна динамика на развој. «Значењето на танцот, во поширока смисла, е дека тоа е едноставен генерален симбол на општиот ритам, ритам што го означува не само животот, туку и универзумот...» [Havelock 1992: 7]. Овој универзален ритам кој ја поттикнува човековата потреба од танц (независно дали поединецот е директно вклучен или е само негов проследувач) ја забележуваме од најстарите периоди во Македонија, таа потреба од канализирање на емотивните, естетските, културните потреби го постави балетот како еден од најзначајните уметнички изрази на овие простори. Плејадата уметници за кои стана збор во овој текст само помогнаа овој ансамбл да ја добие својата автентична, препознатлива физиономија.

БИБЛИОГРАФИЈА

Асафјев 1974 – *Асафјев Б.* О балете. Л.: Музыка, 1974. 296 с. / Asafyev B. (1974) About the Ballet. Leningrad. Muzyka Publ. 296 p.

Баталаков 1985 – Баталаков Тони во Македонски народен театар 1945–1985 / Ристо Стефановски (главен уредник). Скопје: МНТ, 1985. 167 стр.

Bruck 1995 – *Bruck P.* Prazan prostor. Beograd: Lapis, 1995. 167 str.

Ванслов 1980 – *Ванслов В.* Статии о балете. Л.: Музыка, 1980. 190 стр. / Vanslov V. (1980) Articles about Ballet. Moscow. Muzyka Publ. 190 p.

Здравкова-Џепароска 2003 – *Здравкова-Џепароска С.* Балетска драматургија. Скопје: Факултет за драмски уметности, 2003. 248 стр.

Здравкова-Џепароска 2014 – *Здравкова-Џепароска С.* Улогата на руската кореографија во конституирањето и развојот на македонскиот балет // Руско-македонско јазични, литературни и културни врски / Филолошки факултет. Скопје, 2014. Стр. 393–409.

Zdravkova-Djeparoska 2015 – *Zdravkova-Djeparoska S.* The Russia-Serbia-Macedonia Route: Intercultural Communications // Beyond The East-West Divide Balkan Music and Its Poles of Attraction / Institute of Musicology, Serbian Academy of Sciences and Arts (SASA) Department of Fine Arts and Music SASA. Belgrade, 2015. P. 135–152.

Јанакиевски 2004 – *Јанакиевски Т.* Античкиот театар на почвата на Македонија // Театарот на почва на Македонија од антиката до денес Георги Старделов / Јелена Лузина, Иван Џепароски (уред.). Скопје: МАНУ, 2004. Стр. 57–86.

Jovanović 1999 – *Jovanović M.* Balet. Od igre do scenske umetnosti. Beograd: CLIO, 1999. 354 str.

Јовановска 2008 – *Јовановска Ѓ.* Монографски студии за балетската уметност во македонија 1948–2007. Скопје: Кома, 2008. 535 стр.

Кирсанова Нина 1985 – Нина Кирсанова // Македонски народен театар 1945–1985 / Ристо Стефановски (главен уредник). Скопје: МНТ, 1985. Стр. 47–48.

Маринковиќ Славимир, Виолета Андреевска, Марија Нешковска 1999 – Балет 50 години. Скопје: МНТ, 1999. 235 стр.

Мячин Юрий 2003 – *Мячин Ю.* Сон и явь балета. СПб., 2003. 160 с. / Myachin Yu. (2003) *The Dream and the Reality of Ballet.* St.-Petersburg. 160 p.

Павловски 2004 – *Павловски М.* Средновековниот театар на почнва на Македонија // Театарот на почва на Македонија од антиката до денес / Георги Старделов, Јелена Лукина, Иван Џепароски (уред.). Скопје: МАНУ, 2004. Стр. 87–109.

Паковска 1985 – Елпида Паковска // Македонски народен театар 1945–1985 / Ристо Стефановски (главен уредник). Скопје: МНТ, 1985. Стр. 167.

Sachs Curt 1937 – *World History of the Dance.* N.Y., 1937. 469 p.

Havelock 1992 – *Havelock E.* The Dance of Life // *Ballet and Modern Dance.* 2nd ed. New Jersey, 1992. 287 p.

Џипунова 2011 – *Џипунова Е.* Македонска балетска сцена. Скопје: Панили. 2011. 401 стр.

Сведения об авторе:

Д-р. Соња Здравкова-Џепароска,	Д-р Соња Здравкова-Џепароска,	Dr. Sonja Zdravkova Djeparoska,
Вонреден професор	доцент	Associate Professor
на катедрата за балетска педагогија	кафедра балетной педагогики	Department of Ballet Pedagogy
Факултет за музичка уметност	факультет музыкального искусства	Faculty of Music
Универзитет «Св. Кирил и Методиј»	Университет Свв. Кирила и Мефодия	Ss. Cyril and Methodius University of Skopje
Скопје, Македонија	Скопје, Македония	Skopje, Macedonia
		z.djeparoska@gmail.com

Материалы и сообщения

Communications and Materials

С.В. Алпатов
(Москва, Россия)

Адинатон: объем понятия в литературоведении и фольклористике¹

Аннотация: В статье обсуждаются методологические различия в определении термина адинатон в литературоведении и фольклористике.

Ключевые слова: адинатон, теория литературы, фольклор

S. V. Alpatov
(Moscow, Russia)

Adynaton: Borders of the Term in the Theory of Literature and Folkloristics

Abstract: The article discusses the methodological differences in definitions of the term adynaton in the classical theory of literature and special folkloristic studies.

Key words: adynaton, theory of literature, folklore

Известная со времен античной литературы «формула невозможного» (греч. ἀδύνατον, лат. impossibilia) традиционно определяется как риторический прием либо фигура поэтической речи, построенные на сопоставлении двух частей высказывания таким образом, что возможность одного из называемых (либо подразумеваемых) событий ставится в зависимость от осуществления второго заведомо невозможного события. Данное определение, как правило, иллюстрируется стереотипным рядом синтаксических конструкций *когда X, тогда Y* и *скорее X, чем Y*:

Когда рак на горе свистнет.

Когда на вербе родятся груши.

Когда Пасха и Троица будут в один день.

Скорее Дунай потечет вспять и небо упадет на землю, чем сдастся Измаил.

В круг адинатонов закономерно включают «формулы неисчислимого», например:

какъ вазговорятъ два загоньщичка,

а по рускаму два краульщичка:

не можно ету силу сметити

и оком окинути –

нетъ столько древа стоячева,

¹ В основе статьи доклад, прочтенный на Ломоносовских чтениях 24 апреля 2017 г. (филологический факультет, пленарное заседание).

нетъ столько сучия висячева,
нетъ столько листу падучева,
нетъ столько гаду пользучева,
нетъ столько зверя борзучева,
што пришло къ намъ силы неверныя,
неверныя некрещеныя [Алпатов 2012: 3].

Нередко формулы невозможного входят в состав сложного высказывания как прецедентная сентенция (своего рода озвученная пресуппозиция развертываемого тезиса):

Яблок на сосне не бывает, но все по своей природе рождает.
Такое дитя родится, будете на него веселится.
Будет он доброго нрава и всему вашему роду слава
(Рукописная гадательная книга сер. XVIII в. НИОР РГБ, ф. 733, ед. хр. 3, л. 75).

Поскольку адинатон стандартно интерпретируется теоретиками литературы как разновидность пословичного жанра [Rowe 1965: 390–393], вне зоны исследовательского внимания остаются вопросы внутритекстовых, интертекстуальных и гипертекстуальных связей конкретной формулы невозможного.

Так, выявленные филологами-классиками случаи употребления адинатона в греческой и латинской поэзии [Canter 1930] зачастую не могут рассматриваться как изолированные контексты буколического, сатирического или драматического рода. Например, самостоятельные описания благ *утраченного* и *ожидаемого* «золотого века» в «Буколиках» Вергилия (I и IV эклоги соответственно) несомненно коррелируют в поэтическом замысле целого. Равно как и в XVI эподе Горация констатация невозможности возвращения в гибнущий Рим непосредственно переходит в предвкушение невероятных наград беглецам в грядущем:

Но поклянемся мы все: пока не заплавают скалы,
Утратив вес, – невместно возвращение!
К дому направить корабль да будет не стыдно тогда лишь,
Когда омоет Пад Матина макушку
Или когда Аппенин высокий низвергнется в море, –
30 Когда животных спарит неестественно
Дивная страсть, и олень сочетается с злою тигрицей,
Блудить голубка станет с хищным коршуном,
С кротким доверием львов подпустят стада без боязни.
Козла ж заманит моря глубь соленая!
Верные клятве такой, возбранившей соблазн возвращенья – бежим!
...Манит нас всех Океан, омывающий землю блаженных.
Найдем же землю, острова богатые,
Где урожаи дает ежегодно земля без распашки,
Где без ухода вечно виноград цветет,
Завязь приносят всегда без отказа все ветви маслины
И сизым плодом убрана смоковница;
Мед где обильно течет из дубов дуплистых, – где с горных
Сбегают высей вод струи гремучие.
Без понуждения там к дойникам устремляются козы,
50 Спешат коровы к дому с полным выменем;
С ревом не бродит медведь там вечерней порой у овчарни,
Земля весной там не кишит гадюками.
Многих чудес благодать нас ждет: не смывает там землю
Мочливый Евр дождями непрестанными,

И плодородных семян не губит иссохшая почва:
Все умеряет там Царь Небожителей:
Не угрожают скоту в той стране никакие заразы,
И не томится он от солнца знойного.
Зевс уготовил брега те для рода людей благочестных [Гораций 1970: 237–238].

В свою очередь, европейское средневековье не просто эксплуатирует наследие античности, перепевая образцовые *impossibilia* Вергилия или Овидия, но конструирует собственные модели утопии и дистопии типа ATU 1930 *Schlaraffenland* [Cocchiara 1963; Hansen 2002: 378–392], суммирующие отдельные формулы невозможного в целые каталоги адинатонов – как визуальные вроде «Нидерландских пословиц» П. Брейгеля, так и словесные в духе XXX главы II книги «Гаргантюа и Пантагрюэля» Ф. Рабле, где «Александр Великий чинит старые штаны, Ксеркс торгует на улице горчицей, Лукреция – хозяйка постоянного двора, а Диоген, в пурпуровой тоге и со скипетром в правой руке, своим великолепием пускает пыль в глаза Александру Великому и колотит его палкой за то, что тот плохо вычинил ему штаны» [Рабле 1973: 261–266].

Сходным образом и в корпусе текстов древнерусской книжности прием адинатона регулярно опознается не только в пословичном формате, например, в известном договоре Владимира с болгарами (985 г.): «и клятву дали друг другу, и сказали болгары: тогда не будет между нами мира, когда камень станет плавать, а хмель – тонуть» [БЛДР, 1: 133] или в эсхатологических пророчествах волхвов (1071 г.): «пришел волхв, обольщенный бесом; придя в Киев, он рассказывал людям, что на пятый год Днепр потечет вспять и что земли начнут перемещаться, что Греческая земля станет на место Русской, а Русская на место Греческой, и прочие земли переместятся» [БЛДР, 1: 133], но и в развернутом описании «страны роскошного жития и веселия» в жанре сатиры-небылицы:

Да там же есть едина горка не добре велика, а около ея будетъ 90 миль полских. А около тоя горки испоставлено преукрашенных столов множество, со скатертми и с убрусами и с ручниками, и на них ключи и мисы златыя и сребренныя, хрустальныя и стеклянныя, и различных яств с мясными и с рыбными, с поеными и скоромными, ставцы, и сковороды, и сквородки, лошки и плошки. А на них колобы и колачи, пироги и блины, мясныя части и кисель, рыбныя звены и ухи, гуси жареныи журавли, лебеди и чапли и индейския куры, и курята и утята, кокоши и чирята, кулики и тетеревы, воробьи и цыплята, хлебы ситныя и пирожки, и сосуды с разными напитками. Стоят велики чаны меду, сороковыя бочки вина, стоновыя делвы ренскова и рамонеи, балсамов и тентиннов, и иных заморских драгоценных питий множество много. И браги, и бузы, и квасу столь множество, что и глядеть не хочется.

А кто-либо охотник и пьян напьется, ино ему спать довольно никто не помешает: там усланы постели многия, перины мяккия пуховыя, изголовья, подушки и одеяла. А похмельным людям также готово похмельных ядей соленых, капусты великия чаны, огурцов и рыжиков, и грушей, и редки, и чесноку, луку и всякия похмельныя яствы.

Да там же есть озеро не добре велико, исполненно вина двойнова. И кто хочет, испивай, не бойся, хотя вдруг по две чаши. Да тут же близко пруд меду. И тут всяк пришед – хотя ковшем или ставцом, припадкою или горьстью, – бог в помощь, напивайся. Да близко ж тово целое болото пива. И ту всяк пришед пей да и на голову лей, коня своего мой да и сам купайся, и никто не оговорит, ни слова молвит. Там бо того много, а все самородно. Всяк там пей и ежь в свою волю, и спи довольно, и прохлаждайся любовно. А там берут пошлины небольшие: за мыты, за мосты и за перевозы – з дуги по лошади, с шапки по человеку и со всево обозу по людям. А там хто побывает, и тот таких роскошей век свой не забывает [БЛДР, 16: 409–411].

Характерно, что употребление адинатона в русской поэзии XVIII века также варьируется от отдельных цитат античных и новоевропейских топосов до развернутых поэтических произведений (ср. стихотворения Г.Р. Державина «Если б милые девицы» и И.И. Дмитриева «Я москвой быть желаю») и построения объемной картины «мира вверх тормашками» в рамках сатирического жанра в целом [Schroeder 1963; Щеглов 2004: 410–421].

Тезис о регулярном функционировании адинатона не только в пословичном формате, но и в виде развернутых поэтических образов «невозможного», а также в форме полноценных нарративов обретает особое значение при обращении к фольклорному материалу.

Изначально описание формул невозможного А.А. Потебней, А.Н. Веселовским, П.Г. Богатыревым, Б.П. Кирданом базировалось на (общем с современной им теорией литературы) понимании адинатона как отдельной поэтической формулы в структуре форм бытового красноречия, текстов лирических песен, баллад, сказок и небылиц [Богатырев 1962].

Однако разыскания последних десятилетий в области поэтики заговоров [Агапкина 2010: 171–183], свадебных приговоров, похоронных причитаний, а также демонологических рассказов [Котельникова 2015] позволили выявить в фольклоре славян и их европейских соседей, с одной стороны, существенное число новых синтаксических конструкций и образных компонентов формул невозможного (в том числе, таких редких, как «прилетел без крыл, укусил без рыл» [Агапкина 2010: 184–189]), а, с другой стороны – систематический характер сюжетного воплощения такого рода формул в жанрах фольклорной прозы.

Так, в быличках о бродячих покойниках известие (ложное) о свадьбе брата и сестры позволяет изгнать демона («Где это видано, чтоб брат на сестре женился?» – «А где это видано, чтоб мертвый к живым приходил?»), а в рассказах о заветных кладях, где разбойники кладут зарок: «клад возьмет тот, кто положит сто голов», подслушивающий их герой кладет сто рыбьих голов либо сто осиновых колов и достает сокровище [Котельникова 2015: 198–199].

К числу фольклорных нарративов, построенных на чудесном разрешении невозможно трудной задачи, относятся волшебные сказки АТУ 465С «Поди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что», легенды об оклеветанном святом (изгнанный из монастыря герой плывет на мантии / камне против течения), о великом грешнике (послушание «поливать головешку, пока не расцветет»), о царе Аггее, не поверившем евангельской формуле «Последние станут первыми, а первые последними», и старце, просившем руки царской дочери – в качестве проверки евангельских слов «Просите и дастся вам».

Системный характер реализации формул невозможного в разных фольклорных жанрах (но в едином перцептивном и генеративном поле устной народной традиции) позволяет по-новому взглянуть на указанные выше интертекстуальные взаимосвязи разных типов адинатона в литературе античности и средних веков.

Так, очевидным образом восходящие к польским «новинам» и западноевропейским карнавальным «утопиям», адинатоны «Сказания о роскошном житии и веселии» имеют и близкие отечественные параллели в сказочных образах небывалых «молочных рек с кисельными берегами». В том же контексте общеславянского фонда формул невозможного следует рассматривать и известный эпизод из «Чешской хроники» Козьмы Пражского:

Тогда старший, за которым остальные шли как за своим господином, обратился, между прочим, к своим спутникам с такими словами:

«О друзья [мои], не раз переносившие со мной тяжелые труды средь необитаемых чаш, остановитесь и принесите жертву, угодную вашим пенатам. С чудодейственной помощью их мы прибыли, наконец, в отечество, предопределенное нам судьбою. **Это та, именно та страна, которую я, как помню, часто обещал вам: никому не подвластная, полная зверя и птиц, меда и молока;** воздух [в ней], как вы сами убедитесь, приятный для жительства. Со всех сторон много воды, изобилующей рыбой. Здесь у вас ни в чем не будет недостатка, так как никто не будет вам мешать. Но поскольку в ваших руках будет столь прекрасная и столь большая страна, то подумайте, какое название будет наиболее подходящим для нее». Сопровождающие, словно под воздействием оракула, сказали: «Разве сможем мы найти лучшее или более подходящее название, чем [назвать её] по имени, которое ты, о, отец, носишь; и если твое имя Чех, то пусть и страна будет названа Чехией». Тогда старший, тронутый словами друзей, стал целовать землю, обрадованный тем, что страна названа его именем; встав и протянув обе руки к небу, он сказал: «Здравствуй, **страна обетованная, желанная и искомая тысячи раз, лишенная людей со времени потопа.** Приюти теперь нас и, памятуя о людях, сохрани нас невредимыми, умножая наше потомство из поколения в поколение [Козьма Пращский 1962: 33–34].

В одном ряду с высоким мифопоэтическим (одновременно парабиблейским и парафольклорным) образом земли обетованной стоит и его анекдотическая реализация в сюжете древнерусского предания о белгородском киселе:

В год 6505 (997). Пошел Владимир к Новгороду за северными воинами против печенегов, так как была в это время непрерывная великая война.

Узнали печенеги, что нет князя, пришли и стали под Белгородом. И не давали выйти из города, и был в городе голод сильный, и не мог Владимир помочь, так как не было у него воинов, а печенегов было многое множество. И затянулась осада города, и был сильный голод. И собрали вече в городе, и сказали: «Вот уже скоро умрем от голода, а помощи нет от князя. Разве лучше нам так умереть? Сдадимся печенегам – кого оставят в живых, а кого умертвят; все равно помираем от голода».

Был же один старец, который не был на том вече, и послал он за городскими старейшинами и сказал им: «Слышал, что хотите сдаться печенегам». Они же ответили: «Не стерпят люди голода». И сказал им: «Послушайте меня, не сдавайтесь еще три дня и сделайте то, что я вам велю». Они же с радостью обещали послушаться. И сказал им: «Соберите хоть по горсти овса, пшеницы или отрубей». Они же радостно пошли и собрали. И повелел женщинам сделать болтушку, на чем кисель варят, и велел выкопать колодец и вставить в него кадь, и налить ее болтушкой. И велел выкопать другой колодец и вставить в него кадь, и повелел поискать меду. Они же пошли и взяли лукошко меду, которое было спрятано в княжеской медуше. И приказал сделать из него пресладкую сыту и вылить в кадь в другом колодце.

На следующий же день повелел он послать за печенегами. И сказали горожане, придя к печенегам: «Возьмите от нас заложников, а сами войдите человек с десять в город, чтобы посмотреть, что творится в городе нашем». Печенеги же обрадовались, подумав, что хотят им сдать, взяли заложников, а сами выбрали лучших мужей в своих родах и послали в город, чтобы проведали, что делается в городе. И пришли они в город, и сказали им люди: «Зачем губите себя? Разве можете перестоять нас? Если будете стоять и 10 лет, то что сделаете нам? Ибо имеем мы пищу от земли. Если не верите, то посмотрите своими глазами». И привели их к колодцу, где была болтушка для киселя, и почерпнули ведром, и вылили в латки. И когда сварили кисель, взяли его, и пришли с ними к другому колодцу, и почерпнули сыты из колодца, и стали есть сперва сами, а потом и печенеги.

И удивились те и сказали: «Не поверят нам князи наши, если не отведают сами». Люди же налили им корчагу кисельного раствора и сыты из колодца и дали печенегам. Они же, вернувшись, поведали все, что было. И, сварив, ели князя печенежские и подиви-

лись. И взяв своих заложников, а белгородских пустив, поднялись и пошли от города восвояси [БЛДР, 1: 171–173].

Суммируя сказанное, укажем на следующие перспективные векторы разработки обсуждаемой в данной статье проблемы формального и содержательного определения объема термина адинатон.

С одной стороны, очевидна потребность в комплексном междисциплинарном (фольклористическом и историко-литературном), ориентированном на этнолингвистическую специфику материала и одновременно компаративном исследовании исторической поэтики формул невозможного.

С другой стороны, результаты комплексного исследования функционирования адинатона в общем фольклорно-литературном поле античной и средневековой словесности позволят адекватно описать и проинтерпретировать процессы взаимодействия устной, рукописной и собственно литературной традиций Нового времени, когда общеевропейские топосы «мира вверх тормашками» получают в авторской сатире XVIII–XIX столетий (Кантемир, Горчаков, Сумароков и др.) характерный отечественный образно-стилевой колорит, а в собственно фольклорной традиции укореняются импортные формулы невозможного (типа «Грех скончался, правда сгорела, истина охромела...»), привлекающие своей экзотичностью и вместе с тем успешно встраиваемые в жанровую, сюжетно-тематическую и стилевую парадигму традиционной культуры [Алпатов 2014].

ЛИТЕРАТУРА

Агапкина 2010 – *Агапкина Т.А.* Восточнославянские лечебные заговоры в сравнительном освещении. М.: Индрик, 2010. 824 с.

Алпатов 2012 – *Алпатов С.В.* «Иерусалимская история»: духовный стих-былина XVIII века // Живая старина. 2012. № 1. С. 2–4.

Алпатов 2014 – *Алпатов С.В.* «Ведомость из ада»: Судьбы европейской сатиры в отечественных религиозных субкультурах XVIII–XX вв. // Вестник церковной истории. 2014. Т. 33. № 1. С. 149–175.

Богатырев 1962 – *Богатырев П.Г.* «Формула невозможного» в славянском фольклоре // Славянский филологический сборник. Уфа: БГУ, 1962. С. 347–363.

БЛДР – Библиотека литературы Древней Руси: В 19 т. СПб.: Наука, 1997–2015.

Гораций 1970 – *Квинт Гораций Флакк.* Оды. Эподы. Сатиры. Послания. М.: Художественная литература, 1970. 480 с.

Козьма Пражский 1962 – *Козьма Пражский.* Чешская хроника. М.: АН СССР, 1962. 282 с.

Котельникова 2015 – *Котельникова Н.Е.* Формула невозможного в русских фольклорных рассказах о кладах // Функционально-структуральный метод П.Г. Богатырева в современных исследованиях фольклора. М.: ГИИ, 2015. С. 190–198.

Рабле 1973 – *Рабле Ф.* Гаргантюа и Пантагрюэль. М.: Художественная литература, 1973. 784 с.

Щеглов 2004 – *Щеглов Ю.К.* Антиох Кантемир и стихотворная сатира. СПб.: Гиперион. 2004. 720 с.

ATU – *Uther H.-J.* The Types of International Folktales. Part 1–3. Helsinki, 2004 (Folklore Fellows Communications. Vol. 133–135. № 284–286).

Canter 1930 – *Canter H.V.* The Figure Adunaton in Greek and Latin Poetry // The American Journal of Philology. 1930. Vol. 51. № 1. P. 32–41.

Cocchiara 1963 – *Cocchiara G.* Il mondo alla rovescia. Turin, 1963. 324 p.

Hansen 2002 – Hansen W. *Ariadne's Thread. A Guide to International Tales Found in Classical Literature*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2002. 576 p.

Rowe 1965 – Rowe G.O. The Adynaton as a Stylistic Device // *The American Journal of Philology*. 1965. Vol. 86. № 4. P. 387–396.

Schroeder 1963 – Schroeder H. Impossibilia // *Slawistische Studien um V. Internationalen Slawisten kongreß in Sofia 1963 (Opera Slavica 4)*. Göttingen, 1963. S. 359–378.

REFERENCES

Agapkina 2010 – Agapkina T.A. (2010) *Eastern Slavic Medical Charms in Comparative Light*. Moscow. Indrik Press. 824 p.

Alpatov 2012 – Alpatov S.V. “Story of Jerusalem”: Folk Epic Song from the 18th century. *Zhivaya Starina*. 2012. No 1, pp. 2–4.

Alpatov S.V. “News from Hell”: Destiny of European Satire in Russian Religious Subcultures of the 18–19th centuries. *Herald of Church History*. 2014. Vol. 33, No 1, pp. 149–175.

ATU – Uther H.-J. The Types of International Folktales. Part 1–3. Helsinki. 2004 (Folklore Fellows Communications. Vol. 133–135. No 284–286).

Bogatyrev 1962 – Bogatyrev P.G. Impossibilia in Slavic Folklore. In: *Slavic Philological Almanac*. Ufa. Bashkir State University Press. 1962, pp. 347–363.

Canter 1930 – Canter H.V. The Figure Adynaton in Greek and Latin Poetry. *The American Journal of Philology*, 1930. Vol. 51. No 1, pp. 32–41.

Cocchiara 1963 – Cocchiara G. *Il mondo alla rovescia*. Turin, 1963. 324 p.

Cosmas Pragensis *Chronica Boemorum*. Moscow. 1962. 282 p.

Hansen 2002 – Hansen W. (2002) *Ariadne's Thread. A Guide to International Tales Found in Classical Literature*. Ithaca, NY. Cornell University Press. 576 p.

Horatius 1970 – Horatius Q. (1970) *Ode. Epodes. Satire. Epistles*. Moscow. Khudozhestvennaya Literatura Publ. 480 p.

Kotelnikova 2015 – Kotelnikova N.E. Impossibilia in Russian Folk Narratives about Buried Treasures. In: *Functional-Structural Method of P.G. Bogatyrev in Modern Studies on Folklore*. Moscow. 2015, pp. 190–198.

Library of the Old Rus Literature: In 1–19 vols. St.-Petersburg. Nauka Publ. 1997–2015.

Rabelais 1973 – Rabelais F. (1973) *Gargantua and Pantagruel*. Moscow. Khudozhestvennaya Literatura Publ. 784 p.

Rowe 1965 – Rowe G.O. The Adynaton as a Stylistic Device. *The American Journal of Philology*. 1965. Vol. 86. No 4, pp. 387–396.

Scheglov 2004 – Scheglov J.K. (2004) *Antiochus Cantemir and the Verse Satire*. St.-Petersburg. Gipeorin Publ. 720 p.

Schroeder H. Impossibilia. In: *Slawistische Studien zum V. Internationalen Slawisten kongreß in Sofia 1963 (Opera Slavica 4)*. Göttingen. 1963, S. 359–378.

Сведения об авторе:

Сергей Викторович Алпатов,
канд. филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Sergey V. Alpatov,
PhD
Associate Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
alpserg@gmail.com

*А.И. Солопов
(Москва, Россия)*

**«Науки юношей питают» – или «направляют»?
О Цицероне как образце Ломоносова¹**

Аннотация: В статье обращается внимание на то, что в предпоследней строфе «Оды на день восшествия на Всероссийский престол Её Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны 1747 года» М.В. Ломоносов близко следует тексту речи Цицерона «В защиту поэта Архия», однако использует при этом не рукописное чтение *agunt*, а конъектуру *alunt*; рассматриваются причины такого выбора; приводятся аргументы в пользу рукописного чтения.

Ключевые слова: классическая филология, римская литература, русская литература XVIII века, речь Цицерона «В защиту Архия», Ломоносов

*A.I. Solopov
(Moscow, Russia)*

**“Sciences Feed the Youth” – or “Drive the Youth”?
About Cicero as Lomonosov’s Model**

Abstract: In the article attention is drawn to the fact that Mikhail Lomonosov in the penultimate strophe of his well-known “Oda na den’ vosshestviya na Vserossiyskiy prestol Yeye Velichstva Gosudaryni Imperatrity Yelisavety Petrovny 1747 goda”, while following Cicero’s “Pro Archia poeta” quite closely, uses a conjecture ‘alunt’, not the ‘agunt’ of MSS.; reasons for such a choice are examined; arguments in favour of manuscript reading are offered.

Key words: Classics, Roman literature, Russian literature of the 18th cent., Cicero’s speech “Pro Archia poeta oratio”, Lomonosov

Строка М.В. Ломоносова «Науки юношей питают» из предпоследней строфы «Оды на день восшествия на Всероссийский престол Её Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны 1747 года» является хрестоматийной². Как из-

¹ В основу статьи лег одноименный доклад, прочтенный на Ломоносовских чтениях 2017 г. по филологическому факультету на пленарном заседании 24 апреля. Автор приносит благодарность всем участвовавшим в обсуждении этого доклада.

² Науки юношей питают, / Отраду старым подают, / В счастливой жизни украшают, / В несчастной случай берегут, / В домашних трудностях утеша / И в дальних странствах не помеха. / Науки пользуют везде, / Среди народов и в пустыне, / В градском шуму и наедине, / В покое сладки и в труде (цит. по: Русские поэты. Антология русской поэзии: В 6 т. М.: Детская литература, 1996; подчеркивания здесь и далее принадлежат автору статьи).

вестно, вся строфа восходит к цicerоновской «Речи в защиту поэта Архия» (Cic. Arch. 16): сходство очевидно, так как Ломоносов практически дословно переводит русскими стихами латинскую художественную прозу.

Менее известно то, что ломоносовские слова «Науки юношей питают» передают не рукописное чтение¹, а конъектуру (исправление по догадке), предложенную к этому месту Цицерона Иоанном Гервагием (Iohannes Heruagius, 1497–1558) и впервые появившуюся в его базельском издании 1540 г. Именно такое чтение (haec studia adolescentiam alunt) без каких-либо вариантов Ломоносов встречал, например, в приобретенной им в Марбурге в 1738 г. книге избранных речей Цицерона в издании Арнольда-Генриха Вестерговия² (Selectae orationes, ad exemplar probatissimorum codicum expressae, cum Christophori Cellarii argumentis... Curavit et auxit... Arn. Henr. Westerhovius. Amstelaedami: Ex Typographia J. Wetstenii, & G. Smith, MDCCXXXV (= 1735), 8°, 481 pp.):

(Cic. pro Archia poeta, 16)

Nam ceterae neque temporum sunt neque aetatum omnium neque locorum: haec studia adolescentiam alunt, senectutem oblectant, secundas res ornant, adversis perfugium ac solatium praebent; delectant domi, non impediunt foris: pernoctant nobiscum, peregrinantur, rusticantur (по изд.: Westerhovius (1735), pp. 186–187; разночтений не указано).

Чтение alunt принято во многих авторитетных изданиях, например, у Карла Гальма (Halm), Джеймса Рида (Reid), а также в большинстве школьных изданий. Вместе с тем во всех рукописях Цицерона в этом месте находим agunt, что вызывало недоумение и попытки избавиться от него с помощью конъектур; помимо послужившей Ломоносову образцом конъектуры alunt³, стоит упомянуть другую конъектуру, acuunt «изошряют»: эта конъектура была предложена Яном Гульельмием (Janus Gulielmius, 1555–1584)⁴ и ныне принята, в частности, в обоих стандартных изданиях речи: последнем тейбнеровском издании Гельмута Кастена (6-е изд.: 1966) и последнем оксфордском издании Альберта Кларка 1911 г. (использованном в новейшей базе данных PHI-5).

¹ Долгая и сложная история бытования текста Pro Archia poeta в новое время, начинающаяся с ее обнаружения Петраркой в Льеже в 1333 г., заслуживает отдельного рассмотрения и выходит за рамки настоящей работы. Две последние работы по истории текста этой речи: *De Keyser Jeroen*. The Descendants of Petrarch's Pro Archia // *Classical Quarterly*. 2013. № 63(1). P. 292–328; *De Keyser Jeroen; Deneire Tom*. A New Stemma for Cicero's Pro Archia // *Eikasmos* 2013. № XXIV. Новейший комментарий: *Coşkun Altay*. Cicero und das römische Bürgerrecht. Die Verteidigung des Dichters Archias, Einleitung, Text, Übersetzung und historisch-philologische Kommentierungen. [Göttingen:] Ruprecht, 2010 (Vertumnus – Band 5).

² *Коровин Г.М.* Библиотека Ломоносова. М.; Л., 1961. С. 354; см. тж.: *Кулябко Е.С., Бешенковский Е.Б.* Судьба библиотеки и архива Ломоносова. Л., 1975. Несомненно, это издание Вестерговия оказало большое влияние на степень знакомства Ломоносова с Цицероном: сравнение мест, приводимых им из Цицерона в «Риторике» (1748) и перечисленных в цитированной работе Г.М. Коровина (на стр. 355), с составом избранных цicerоновских произведений издания Вестерговия, показывает, что Ломоносов был склонен выбирать места именно из тех произведений, которые были у него под рукой; впрочем, ему, конечно, были доступны и другие издания.

³ Аргументами в пользу чтения alunt (в своем 2-м кембриджском издании 1883 г. Дж. Рид дает ему перевод: «strengthen», усиливают) служат обычно следующие контексты: Verg. Aen. V 231 (hos successus alit); Caes. b. G. VII 33 (ne tanta et tam coniuncta populo Romano ciuitas quam ipse semper aluisset omnibusque rebus ornasset ad arma descenderet); Cic. ep. ap. Suet. rhet. 2 (ali ingenia posse (puerorum)) и особенно Cic. Tusc. I 4 (honus alit artes); в качестве аргумента в пользу acuunt: Cic. de or. I 90 (consuetudo... prudentiam acuerat).

⁴ Конъектуры Гульельмия стали известны благодаря вышедшему в 1618 г. в Гамбурге изданию Яна Грутера (Ianus Gruterus, 1560–1627), использовавшему материалы Гульельмия.

Это недоумение основано, как представляется, на непонимании семантики глагола *ago*, в котором долгое время не видели и не выделяли значение «направлять, побуждать, подгонять, подстегивать, принуждать, подталкивать» (to drive (into new policy), urge, incite, impel) (Oxford Latin Dictionary / Ed. by P.G. W. Glare. Oxf., 1968–1982, s. v. *ago*, 17 <a>), см. Verg. Aen. VIII 133 (mea me uirtus et sancta oracula diuum... coniungere tibi et fatis egere uolentem); Hor. sat. II 2, 12 (seu pila uelox... , seu te discus agit (pete cedentem aera disco); Ou. fast. VI 389 (nouis ambagibus acti); Gaius inst. II 168 (paenitentia actus). Как уже отмечалось филологами, смысл при сохранении рукописного чтения *agunt* становится более глубоким: появляется противопоставление отрадной, безмятежной старости и активной, напряженной юности. Итак, в конъектуре нет необходимости, и рукописное *agunt* восстанавливают в тексте современные издатели Феликс Гаффю (F. Gaffiot, 1938), Гельмут и Карл Вретска (H. Vretska, K. Vretska, 1979) и Отто Шёнбергер (O. Schönberger, 1979).

Три упомянутых издания либо дают комментарий, либо снабжены переводом, благодаря чему можно видеть, какова интерпретация, даваемая каждым издателем:

Vretska: “Doch diese Studien sind es, die die Jugend anspornen, die Greise erfreuen...” (Darmstadt: WBG, 1979. S. 46–47)

Gaffiot: “pousse, talonne, active la jeunesse,...élément utile, qui comporte labeur et peine” (P., 1938)

Schönberger: “Die Studien aber, von denen ich jetzt spreche, sind eine Anleitung für die Jugend, eine Freude des Alters, eine Zier im Glück, Zufluchtsstätte und Trost im Unglück...” (Stuttg.: Reclam, 1979).

Представляется разумным вернуться к рукописному чтению в этой речи Цицерона, в результате чего весь пассаж приобретает следующий вид:

Nam ceterae neque temporum sunt neque aetatum omnium neque locorum: at haec studia adulescentiam agunt, senectutem oblectant, secundas res ornant, aduersis perfugium ac solacium praebent; delectant domi, non impediunt foris, pernoctant nobiscum, peregrinantur, rusticantur (по изд.: Vretska 1979).

То же рукописное чтение *agunt* мог видеть и сам Ломоносов в издании великого Иоганна-Августа Эрнести (Johannes Augustus Ernestus, 1707–1781), впервые вышедшем в Галле в 1737–1739 гг. и впоследствии неоднократно переиздававшимся¹. Ломоносов получил это издание из Книжной лавки Академии в 1761 г.², но, как известно, не стал в связи с этим вносить в свою «Оду...» исправлений.

ЛИТЕРАТУРА

Коровин Г.М. Библиотека Ломоносова. М.; Л., 1961. 484, [4] с.

Кулябко Е.С.; Бешенковский Е.Б. Судьба библиотеки и архива Ломоносова. Л., 1975. 227 с.

Cicero M. Tullius. Pro Archia // M. Tulli Ciceronis Orationes. Vol. 6 / Ed. A.C. Clark. Oxonii, 1911.

Coşkun Altay. Cicero und das römische Bürgerrecht. Die Verteidigung des Dichters Archias, Einleitung, Text, Übersetzung und historisch-philologische Kommentierungen. [Göttingen:] Ruprecht, 2010 (Vertumnus – Band 5).

De Keyser Jeroen. The Descendants of Petrarch's *Pro Archia* // Classical Quarterly. 2013. № 63(1). P. 292–328.

¹ Интересующее нас место было впервые издано в 1737 г. (t. II 2, p. 879).

² Коровин Г.М. Библиотека Ломоносова. С. 354.

De Keyser Jeroen, Deneire Tom. A New Stemma for Cicero's Pro Archia // Eikasmos. 2013. № XXIV.

Oxford Latin Dictionary / Ed. by P.G.W. Glare. Oxford, 1968–1982.

REFERENCES

Korovin G.M. (1961) Library of Lomonosov. Moscow; Leningrad. 484, [4] p.

Kulyabko Ye.S., Beshenkovskiy Ye.B. (1975) Destiny of Lomonosov's Archive and Library. Leningrad. 227 p.

Cicero M. Tullius. Pro Archia. In: M. Tulli Ciceronis Orationes. Vol. 6 / Ed. A.C. Clark. Oxonii, 1911.

Coşkun Altay. Cicero und das römische Bürgerrecht. Die Verteidigung des Dichters Archias, Einleitung, Text, Übersetzung und historisch-philologische Kommentierungen. [Göttingen:] Ruprecht, 2010 (Vertumnus – Band 5).

De Keyser Jeroen. The Descendants of Petrarch's *Pro Archia*. *Classical Quarterly*. 2013. No 63(1), pp. 292–328.

De Keyser Jeroen, Deneire Tom. A New Stemma for Cicero's *Pro Archia*. *Eikasmos*. 2013. No XXIV.

Oxford Latin Dictionary / Ed. by P.G.W. Glare. Oxford, 1968–1982.

Сведения об авторе:

Алексей Иванович Солопов,
докт. филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М. В. Ломоносова

Alexei Solopov,
Dr. hab.
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
scatebr@mail.ru

В.В. Добровольская
(Москва, Россия)

Анализируем учебные пособия по РКИ

Аннотация: В статье предлагается схема анализа современного пособия по РКИ, призванная способствовать правильному выбору пособия для конкретного контингента учащихся-иностранцев. Последовательно рассматриваются этапы анализа пособия и задачи каждого из них.

Ключевые слова: пособия по РКИ, темотека, текстотека, языковой материал, задания

V.V. Dobrovolskaya
(Moscow, Russia)

Textbooks on RCTs

Abstract: The author proposes a scheme for the analysis of modern textbooks on RCTs in order to choose the correct book for a particular contingent of foreign students, with the analysis of the specifics of the each textbooks.

Key words: textbooks on RCTs, subjects, texts, language materials, exercises

Одной из существенных задач преподавателя РКИ при организации занятий в аудитории иностранных учащихся является выбор пособия, адекватного по своему языковому наполнению, информативному содержанию и методической организации материала целям и возможностям обучения конкретной категории учащихся. Представляется, что правильность выбора ведущего пособия курса трудно переоценить, поскольку плановую работу группы, ее поступательное движение по программе и тесный контакт шагов обучающего и обучаемого обеспечивает именно наличие учебника (здесь и далее мы будем называть его пособием), фиксирующего материал программы учебного курса. Очевидно, что для того, чтобы сделать правильный выбор пособия, преподаватель, организующий курс, должен четко представлять себе, с каких позиций ему следует оценивать пособие, как учесть все достоинства и особенности пособия для его эффективного использования в учебном процессе. Данная публикация имеет своей целью помочь преподавателю, начинающему свою работу в области РКИ, систематизировать в своем сознании схему анализа выбираемого им пособия, которую он мог бы исполь-

зовать впоследствии в *своей* педагогической практике. Предлагаемый ниже подход к анализу пособия относится преимущественно к печатным изданиям, однако представляется, что многие положения, выдвигаемые в статье, релевантны и для оценки инновационных средств обучения.

Следует подчеркнуть, что рассматриваемый нами вопрос относится к области теоретической и методической подготовки преподавателя РКИ, а именно – оценки и вариативного использования современных средств обучения РКИ, и является одним из существенных моментов формирования педагогической компетенции начинающего преподавателя. Он призван интегрировать в сознание будущего преподавателя основы теории учебника и тем самым создать базу для использования уже существующих учебных средств, осознания принципов их классификации и выработки навыков самостоятельного создания новых учебных средств. Эти умения, в свою очередь, впоследствии помогут преподавателю формировать комплексную полноформатную систему средств обучения, создавать актуальную текстовую базу курса, разрабатывать систему учебных заданий по различным видам речевой деятельности, адекватную целям и задачам конкретного курса.

Как правило, анализ пособия начинается с определения жанра книги (учебник, пособие по определенному виду речевой деятельности или аспекту языка, книга для чтения, хрестоматия, сборник упражнений, тренировочные или итоговые тесты и др.), поскольку специфика жанра пособия в значительной степени определяет требования, предъявляемые к нему.

Далее рассматривается адресат и цели пособия (кому и зачем) в авторской трактовке, включаемой обычно в предисловие к пособию, а затем в реально предъявляемых материалах пособия, причем эта позиция может быть вынесена в конец обзора пособия. Здесь важно обратить внимание на предлагаемую автором формулировку целей пособия, на то, в какой степени используемая автором терминология соответствует общей методической базе пособия и современным определениям целей и задач обучения РКИ. Важно также проследить, правильно ли определен диапазон возможного использования пособия, его возможный адресат, не нужно ли расширить или, наоборот, сузить адресацию пособия.

Следующий момент анализа – рассмотрение общей структуры пособия, его рубрикации, а также структуры урока или раздела пособия. Здесь важно отметить, в какой степени предлагаемая автором рубрикация материала способствует полноте и адекватности его усвоения пользователем пособия и соответствует ли она современному представлению о принципах структурной организации информативного и языкового материала пособия по РКИ (здесь возможны ссылки на пособия по РКИ, вышедшие в последние годы и широко используемые в учебном процессе).

Здесь же следует отметить частные находки или просчеты автора в структуре расположения материала (например, наличие и характер организации лексикона пособия, систему ключей к заданиям, взаимозависимость и взаимодополняемость в расположении текстов урока и т. п.).

Анализ самого содержания пособия мы обычно начинаем с рассмотрения его текстовой базы, поскольку в современном пособии по РКИ именно информативный материал текстов обеспечивает в первую очередь содержательную сторону курса обучения, т. е. круг тем и ситуаций, в рамках которых излагается языковой материал пособия.

Анализируя эту сторону пособия, мы прежде всего определяем информативные темы, отраженные в текстотеке пособия, и устанавливаем, как соотносится темотека пособия с программой конкретного курса обучения. Определяем типы текстов и целенаправленность использования каждого включенного в пособие типа текста. Характеризуем тексты по объему с ориентацией на цель их использования в учебном процессе. Характеризуем тексты с позиций их предварительной обработки (сокращенные, адаптированные, аутентичные, составленные специально и т. п.). Анализируем, как реализуется связь текстов с языковым содержанием пособия (языковые задания строятся на материале текстов, частично используют материал текстов, расширяют материал текстов и т. п.). Оцениваем информативный и, в частности, страноведческий материал текстов пособия, его страноведческий потенциал, т. е. определяем, в какой степени предлагаемые в пособии тексты формируют и обеспечивают общую информативную и, в частности, страноведческую компетенцию обучаемых данного профиля. Рассматриваем последовательность использования системы предтекстовых, притекстовых и послетекстовых заданий в пособии. Определяем, насколько материал пособия (языковой, информативный и установочный) обеспечивает возможность построения устных и письменных авторских текстов учащихся, создаваемых в ходе работы по пособию. Наконец, рассматриваем иллюстративно-оформительский материал пособия и его связь с текстотексткой пособия.

Переходя к анализу языковой базы пособия, мы прежде всего соотносим ее с этапом обучения и общей целенаправленностью пособия. Рассматриваем методические принципы организации языкового материала: выбор единицы представления языкового материала, место его представления в уроках пособия, форму презентации, диапазон отобранных для изучения грамматических тем, степень активизации грамматического материала в ходе учебного процесса, связь его с текстотеклой пособия, его ориентацию на определенные ныне действующие программные документы курса РКИ.

Специального рассмотрения заслуживает лексическая база пособия. Мы определяем ее ориентацию (или отсутствие ориентации) на определенный лексический минимум РКИ, обращаем внимание на форму представления и место представления лексического материала в составе урока пособия и в приложениях к нему. Учитываем общий объем лексического минимума пособия, наличие (отсутствие) словаря в приложении к пособию, активизируемые способы семантизации лексики в пособии, в частности – роль перевода, соотношение активной и пассивной лексики в уроках пособия, обращаем внимание на близость лексики пособия к современному демократизированному языку. Наконец, даем общую оценку предлагаемой автором пособия системе работы над лексикой.

Наряду со структурным грамматическим и лексическим материалом заслуживает определенного внимания анализ словообразовательной базы пособия. Здесь мы рассматриваем вопрос о том, уделяется ли в пособии систематическое внимание наблюдению и развитию навыков в области словообразования, представляет ли словообразовательный материал пособия определенную систему, или это отдельные вкрапления в контексте пособия; как словообразовательный материал оформлен графически (схемы, обобщающие таблицы), дается ли этот материал в приложениях к пособию. Смотрим, какие материалы (задания в области словообразования), имеющие место в специальных пособиях, могут дополнять материалы пособия, включаясь в процесс его использования.

Что касается теоретического языкового материала, то в пособии он, с одной стороны, излагается в виде правил и комментариев автора, а с другой стороны, реализуется в системе заданий.

Рассматривая правила и комментарии автора, предлагаемые в пособии, мы анализируем методику подачи объясняющего и комментирующего материала, точность его адресации, особенности формулировки правил и комментариев, использование определенной терминологии, графическое оформление правил и – самое главное – их операционную ценность (правило – руководство к действию).

Переходя к системе заданий, вводящих и тренирующих материал пособия, мы обращаем внимание на типологию заданий, на способ их объединения в блоки, на их системную организацию. Определяем, не нужно ли включить (или исключить) в предполагаемую автором систему тот или иной тип задания. Цель этого анализа – установить, в какой степени предлагаемая автором система заданий может обеспечить формирование у учащихся прогнозируемых автором навыков и умений в различных видах речевой деятельности.

Особое место в анализе заданий занимает рассмотрение заданий, контролирующих усвоение материала пособия. Мы определяем, представляют ли контролирующие задания, взятые в совокупности, единую систему обратной связи, как они соотносятся с обучающей частью пособия, какое место в этой системе занимают задания тестового характера и как они коррелируют с ныне действующей в обучении РКИ сертификационной системой итогового контроля.

Подводя общие итоги анализа пособия, полезно найти ответы на несколько общих вопросов, как то:

- в какой степени материал пособия и предлагаемая автором методика работы по нему соответствуют целевым установкам автора, изложенным в предисловии к пособию;

- в каких дополнениях нуждается анализируемое пособие для оптимального оснащения учебного процесса, с какими из ныне действующих пособий по РКИ оно стыкуется, какие собственные дополнения (разработки) мы можем предложить к нему, исходя из своего личного педагогического опыта;

- как соотносятся материалы пособия в полном его объеме с ныне действующей системой сертификационного тестирования, какому уровню владения русским языком оно соответствует (полностью, в основном, приблизительно);

- на какой тип восприятия учебного материала рассчитано это пособие в рамках обучения определенного контингента: слабый / средний / высокий уровень подготовки; самостоятельное усвоение материала / руководимое, пошаговое усвоение материала; диалогическая / монологическая форма усвоения материала; отвлеченность изложения материала / использование эмоционального интеллекта учащихся при работе по материалам пособия и т. п.;

- можно ли отнести данное пособие к категории современных по его содержательной и методической ориентации.

Предлагаемая выше схема анализа пособия, естественно, не является единственно возможной. Она может варьироваться, но практика ее использования показывает, что она реально помогает преподавателю выбрать пособие, адекватное целям обучения конкретного контингента учащихся.

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнов А.Р. Теория и практика создания учебника русского языка для иностранцев. М.: Русский язык, 1990. 168 с.

Вятютнев М.Н. Теория учебника русского языка для иностранцев (методические основы). М.: Русский язык, 1984. 144 с.

Добровольская В.В. «Русский язык в упражнениях» на продвинутом этапе обучения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2014. № 1. С. 19–21.

Дунаева Л.А. Средства информационных и коммуникационных технологий в обучении иностранных учащихся гуманитарных специальностей научному общению. М.: МАКС Пресс, 2006. 192 с.

Содержание и структура учебника русского языка как иностранного // Сборник статей / Сост. Л.Б. Трушина. М.: Русский язык, 1981. 287 с.

REFERENCES

Arutyunov A.R. (1990) Theory and Practice of Creating a Russian Language Textbook for Foreigners. Moscow. Russky Yazyk Publ. 168 p.

Vityutnev M.N. (1984) Theory of the Textbook of the Russian Language for Foreigners (the methodical basis). Moscow. Russky Yazyk Publ. 144 p.

Dobrovolskaya V.V. «The Russian Language in Exercises» at an Advanced Stage of Training. *RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching*. 2014. No 1, pp. 19–21.

Dunaeva L.A. (2006) Means of Information and Communication Technologies in Teaching Foreign Students of Humanitarian Specialties to Acquire Practical Knowledge of Communication. Moscow. MAKS Press Publ. 2006. 192 p.

The Content and Structure of the Textbook of Russian as a Foreign Language. The Collected articles / Ed. L.B. Trushina. Moscow. Russky Yazyk Publ. 1981. 287 p.

Сведения об авторе:

Валерия Васильевна Добровольская,
доцент
кафедра русского языка для иностранных
учащихся естественных факультетов
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Valeria Dobrovolskaya,
Associate Professor
Department of the Russian Language for Foreign
Students of Natural Faculties
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

*Ю.В. Егорова
(Москва, Россия)*

Тире vs. двоеточие – чувство против разума?

Аннотация: В статье рассматриваются особенности современной пунктуации в публичном дискурсе, агрессивная экспансия тире и замена им двоеточия. Оппозиция «правильная / неправильная» пунктуация, определяющая языковую ситуацию во второй половине XX века, уступила место противопоставлению «школьная / реальная» в начале XXI. Автор отмечает, что замена двоеточия на тире в большинстве бессоюзных предложений может быть вызвана ослаблением причинных связей частей высказывания в сознании говорящих. Высказывается предположение о смене стратегии убеждения: от логики аргументации к передаваемой эмоции.

Ключевые слова: вариативная пунктуация, тире, двоеточие, оппозиция, эмоциональная пауза, рефлекслирующая пауза

*Yu. V. Egorova
(Moscow, Russia)*

Dash vs. Colon – Sensibility vs. Sense?

Abstract: The article discusses the features of modern punctuation in public discourse, the aggressive expansion of the dash and the replacement of the colon with it. The opposition “correct / incorrect” punctuation which determined the language situation in the second half of the 20th century gave way to the opposition “school / real” at the beginning of the 21st century. The author notes that the substitution of a colon for a dash in most conjunctionless sentences may be caused by the weakening of causal relationships in the minds of speakers. It is suggested that the pattern of strategy of persuasion and influence on the addressee has changed: from the logic of the argument to transmitted emotion.

Key words: variable punctuation, dash, colon, opposition, emotional pause, reflective pause

Традиционно знаки препинания – герои школьных учебников и пособий по пунктуации. Лишь иногда они становятся объектом исследования ученых. Так, внимание Б.С. Шварцкопфа привлекли новации в постановке кавычек в газетно-журнальной практике в 1960-х гг.; в статье он объясняет их активное использование «необходимостью каким-то образом выражать на письме различные и

весьма сложные смысловые оттенки, чаще всего переносный характер слов и выражений [Шварцкопф 1967: 61], наделяет рассматриваемый знак препинания «оценочно-стилистической» функцией. Анна А. Зализняк, продолжая исследовать семантику кавычек, выделяет их инвариантное значение – «разрушение стандартного семиотического знака в письменной речи» [Зализняк 2007].

К пунктуации обращались исследователи, отмечающие особенности использования того или иного знака препинания и его смысловую нагруженность в творчестве отдельного автора как маркера его индивидуального стиля и идеоязыка (тире у М. Цветаевой, В. Маяковского, В. Пелевина, скобки у А. Солженицына и т. д.). Современный филологический дискурс, посвященный знакам препинания, отмечает разрушение нормативной пунктуации, закрепленной правилами 1956 года, увеличение вариативной и авторской пунктуации [Валгина 2003]. Одним из активных процессов такого рода стала агрессивная экспансия тире.

Не надо быть профессиональным лингвистом, чтобы осознать: в письменной коммуникации двоеточие как знак пунктуации уступает место тире. Интересно, что на этот «настоящий кризис» двоеточия обратили внимание прежде всего журналисты. «Под натиском нахрапистого тире, которое буквально расталкивает части предложения локтями, скромное двоеточие теряется, прячется, отходит на второй – на десятый план», – пишет К. Туркова в статье «Общение в сети: что случилось с пунктуацией?» (www.pravmir.ru/obshhenie-v-seti-cto-sluchilos-s-punktuatsiey/).

Тире – молодой пунктуационный знак. В «Российской грамматике» М.В. Ломоносова оно не упоминается, появляясь вместе с кавычками и многоточием только во второй половине XVIII в. Даже в начале XIX в. тире воспринимается как нововведение, против него возражают архаисты: «Черточки (тире) есть также новое изобрѣтеніе, показующее больше упадокъ, нежели возвышеніе умъ» (А.С. Шишков. Письма И. Дмитриеву, 1818–1821)¹.

В печатных текстах XIX в. функции тире и двоеточия, по-видимому, не были четко разграничены. Так, Н.С. Валгина отмечает даже значительно более частое употребление двоеточия: «Я был готов любить весь мир, – меня никто не понял: и я выучился ненавидеть» (М.Ю. Лермонтов. «Герой нашего времени») [Валгина 2001: 243]. В данном случае двоеточие оформляет сочинительную связь и указывает на последовательность событий, что является явным нарушением с точки зрения современной нормативной пунктуации, когда подобное семантическое содержание приписывается тире.

В пособиях по пунктуации для школьников и редакторов, наряду с нормативной, иногда оговаривается и относительно регулярная авторская пунктуация. Так, упоминаются случаи постановки тире между подлежащим и сказуемым, когда норма это запрещает («Бедность – не порок»), но мы не встретим там ни ритмико-эмпатическое тире М. Цветаевой: «Как на знак тире – / Что на тайный знак / Брови вздрагивают – / заподозриваешь?» («В седину – висок», 1925), ни обозначающее недосказанность тире Ф. Тютчева в конце строк стихотворения «1 декабря 1837».

Русская нормативная пунктуация, как известно, опирается на структурный принцип, а отнюдь не на эмоционально-интонационный. В течение второй половины XX в., в период, по-видимому, наибольшей пунктуационной стабильности, в учебном, публичном и, прежде всего, медийном дискурсе актуальной была оппозиция «нормированная / ненормированная пунктуация», в большинстве слу-

¹ Примеры без указаний на конкретный печатный источник взяты из Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru/index.html).

чаев синонимичная противопоставлению «правильная / неправильная». Данная оппозиция значительно облегчала работу учителей и корректоров: понятно, как проверять, оценивать и исправлять. Вариативность также была оговорена, зафиксирована сводом правил. Последние двадцать лет значительно усложнили ситуацию. Массовое авторство, широкое использование разговорных конструкций в публичной письменной речи, ориентация на свободу самовыражения, ослабление института корректуры – все это повлияло на содержание оппозиции. Она видоизменяется и тяготеет к виду «школьная / реальная». Об этом свидетельствуют, например, сайты, содержащие описание вариативных случаев употребления знаков препинания, в частности, тире вместо двоеточия. Авторы этих рекомендаций в большинстве своем, конечно, не члены орфографических комиссий, не корректоры. Тексты подобной тематики встречаются чаще всего на сайтах и личных страницах активно пишущих людей: поэтов, блогеров. Авторы фиксируют значительное расширение функций тире, вариативность постановки знаков в случаях, ранее признанных однозначными.

На портале «Стихи.ру» этой теме посвящен отдельный текст: «Не все знаки препинания применимы однозначно: некоторые из них могут заменять друг друга, использоваться параллельно или **ВАРИАТИВНО** (быть представленными несколькими допустимыми вариантами)» (www.stihi.ru/2015/10/29/9795). Сгустком вариативности автор поста считает параллельное употребление двоеточия и тире. Такими ситуациями, согласно мнению пишущего, считаются следующие: 1) после обобщающего слова перед перечислением однородных членов предложения; 2) в бессоюзном предложении с «изъяснительными» отношениями; 3) «в эллиптических предложениях с отсутствующим глаголом восприятия»; 4) в бессоюзных предложениях с причинно-следственными и пояснительными отношениями. В то же время классические пособия по пунктуации последние три случая вариативными не считают. Их лексическое описание в тексте поста противоречиво: с одной стороны, автор употребляет слово «вариативный», что свидетельствует о регулярной возможности замены; с другой – использует глагол «встречается», что, скорее, говорит о наблюдаемых случаях, о тенденции, но никак не о системном правиле. Активная экспансия тире в последнее время не новость, особенно в средствах массовой информации, да и свод правил 1956 г. устарел и, несомненно, нуждается в корректировке, но без формального закрепления пунктуационных изменений «агрессия» тире не дает нам права считать эти случаи вариативными.

С их вариативностью, пожалуй, не согласился бы ни один учитель русского языка, в работах школьников эти «вариативные» тире исправляются как ошибки. С обилием подобных ошибок столкнулись в этом году преподаватели МГУ, проверяющие выпускные сочинения по литературе. Согласно моему опыту, это была самая распространенная ошибка после пропуска запятой в конце придаточного предложения или причастного оборота:

Татьяна не может изменить свою судьбу – ее разум напоминает ей о долге замужней женщины.

В этом примере из школьного сочинения вторая часть бессоюзного предложения, несомненно, говорит о причине сообщаемого в первой, нет отношений ни противопоставления, ни следствия, ни быстрой смены событий, что каким-либо образом оправдало бы постановку тире. Это не единичный случай, редко обратное: большинство выпускников предпочитают не использовать двоеточия, вместо

него ставят тире. Конечно, можно объяснить это снижением пунктуационной грамотности, на что уже десятилетия сетует публичный дискурс:

Отсутствующие запятые и не в том месте поставленное тире, причем в цитате, – это уже общие места¹.

Однако, по моему мнению, лишь отчасти экспансия тире объясняется пунктуационной некомпетентностью. Предпочтение тире двоеточию симптоматично, это знак времени, когда эмоционально-интонационное воздействие на слушающего / читающего оказывается эффективнее логически-рационального.

Подобной заменой грешат не только неуверенные в себе школьники, но и современные редакторы, о чем свидетельствует, например, высказывание интернет-пользователя. На уже упоминаемом портале «Стихи.ру», в ветке «Деградация устной и письменной речи», в ходе обсуждения авторских знаков препинания встретилось следующее замечание одного из участников: «Мне (вопреки смысловой логике) московский редактор заменил почти все двоеточия на тире (а Вы о Цветаевой). Я не стал оспаривать: чем бы дитя ни тешилось. Так книга и вышла с тире. Единственное тому оправдание – двоеточие не так заметно при беглом прочтении текста, как тире» (www.stihi.ru/2016/03/20/5091).

Соперничество тире и двоеточия в ситуациях, когда современные пособия по пунктуации настоятельно рекомендуют двоеточие, можно сравнить с хрестоматийным противостоянием разума и чувства. «Двоеточие – умный, размышляющий знак: обычно оно предшествует объяснению, аргументу» (www.pravmir.ru/obshhenie-v-seti-chto-sluchilos-s-punktuatsiey/). Двоеточие на письме, как и тире, свидетельствует об интонационной паузе, но она несколько иного свойства, чем пауза тире. Условно ее можно было бы назвать рефлексивной паузой: говорящий / пишущий остановился, «притормозил», чтобы объяснить причины сообщаемого, подобрать более подходящие слова, уточнить, что он имел в виду. Двоеточие как будто заставляет нас быть более логичными, приводить аргументы, искать мотивы поступков и действий.

Тире в бессоюзном предложении – знак эмоциональной паузы. Со сферой чувств этот знак препинания связывался еще в начале XX в. В «Записных книжках» Л. Гинзбург вспоминает: «Л.В. Щерба рассказал, что Бодуэн де Куртенэ вычеркивал в работах своих учеников тире, которое он называл “дамским знаком”... Он усматривает в употреблении тире и курсивов признак нелогичности или лени пишущего, который пользуется не прямыми, а добавочными средствами выражения мысли... Корн.Ив. Чуковский дал мне как-то менее уничижительное толкование этому пристрастию: “Тире – знак нервный, знак девятнадцатого века. Невозможно вообразить прозу восемнадцатого века, изобилующую тире»² [Гинзбург 2002]. Ассоциация «тире – эмоция» – один из закрепленных паттернов в понимании семантического содержания этого знака препинания. Это находит отражение в большинстве контекстов национального корпуса русского языка, когда речь не идет об ошибках пишущего:

Многочисленные эмоциональные тире и многоточия еще более подчеркивают возбужденное состояние героя [Феликс Раскольников. Статьи о русской литературе (1986–2000)].

¹ См.: Колесников Андрей. Война шершавых языков (2003) // Известия. 2003. 24 июля.

² Конечно, аргумент К.И. Чуковского не совсем убедителен. Несмотря на то что вслед за писателем нам бы хотелось считать XVIII в. в России временем рационального и позитивистского, почти декартовского мышления, чуждого эмоциональных всплесков, мы не должны забывать, что тире как знак препинания в этот период просто не употреблялось.

Обилие эмоциональных тире уверенно связывают с русской письменной традицией, с женским авторством посланий, «зашкаливающими» эмоциями:

Вслед за Бодуэном Щерба полагает, что тире, равно как и подчеркивания (в печати курсив), попало в литературу из эмоциональных форм: письма, дневника: Сейчас письма не пишут. А прежде писали много, особенно женщины, – и многие очень хорошо писали [Гинзбург 2002].

Письма были длинные, страстные, сумбурные, со множеством сокращений, тире, многоточий, помарок, неправильных переносов и восклицательных знаков. (В.П. Катаев. «Время, вперед!», 1931–1932).

Вторичная же устная речь реагирует на воспроизводимый письменный первоисточник, стремится интонационно следовать ему. Авторы, описывающие чтение вслух, подчеркивают, что говорящий старается выделить тире:

Он читал с восторгом «Бедную Лизу» и любил везде ставить тире, в подражание модному тогда Карамзину (Н.И. Греч. «Записки о моей жизни», 1849–1856).

Интересно отметить, что паузам, оформляемым тире или двоеточием, разным по содержанию, может приписываться и разная длительность. А.И. Куприн использует эпитет *небольшой* для характеристики молчания, вызванного двоеточием на письме:

Он делает небольшим молчанием двоеточие, совсем маленькое, всего в полторы секунды, но в этот короткий промежуток сотни тревожных мыслей пробегают в голове Александрова (А.И. Куприн. «Юнкера», 1932).

С тире в сознании носителей русского языка ассоциируется более длинная и выразительная пауза. Тире у В. Маканина «длящееся», а у К. Крылова сама пауза звучит, как тире:

Обращает внимание – задерживает дыхание: На жестяном листочке сохранилось нестертым только длящееся тире, *выглядело так*: (Владимир Маканин. «Утрата», 1984)

Время (он глотает граппу, отчего простая фраза обогащается паузой, звучащей как тире) – такое (Константин Крылов. «Время – такое», 2012).

В «Записках и выписках» М.Л. Гаспаров упоминает тире и кавычки как «знаки безответственности»:

Если я в газетной заметке возьму каждое слово в кавычки – она обретет фантастическую глубину: почти Андрей Белый. Кавычки – знак безответственности (как и тире). (М.Л. Гаспаров. «Записки и выписки», 2001).

С кавычками все в целом понятно: пишущий стремится «спрятаться» за чужое авторитетное высказывание, опереться на него. А вот «безответственность» двоеточия порождает вопросы. Осмелимся предположить, что это свойство тире связано с большой имплицитной частью в семантическом содержании этого знака препинания. Прописанные в пособиях по пунктуации смыслы, закрепленные за тире, соединяющим части бессоюзного предложения, не всегда легко опознаются. С противопоставлением более или менее ясно, чего не скажешь об условии / следовании. В программном «Лес рубят – щепки летят» постановка тире очевидна, но смысл отношений между частями можно определить и как условие в первом предложении, и как следствие – во втором.

В бессоюзных предложениях, когда вторая часть описывает то, на что указывает первая (*Иду и вижу: кошка крадется по раскаленной крыше*), двоеточие предупреждает нас о раскрытии видео- или аудиообраза, возникающего в сознании го-

ворящего, скорее всего не привнося в отношения между частями никаких дополнительных смыслов. Автор текста, заменяющий в данном предложении двоеточие на тире (*Иду и вижу – кошка крадется по раскаленной крыше*), по-видимому, не только увеличивает паузу, но и подчеркивает эмоциональное состояние субъекта, причем не очень четко определяемое: то ли удивление, то ли восхищение, то ли страх за животное. Это затруднение в точном определении испытываемой субъектом эмоции, фиксируемой на письме тире, отражено в строчках В. Хотомской, посвященных знакам препинания:

В напрасных усилиях, чтоб лоб не тереть,
Поэт вместо мыслей ставит тире...

(www.znaki-pr.ru/texts/znaki-pr_stihi%26pics.html)

Таким образом, семантическое содержание тире на протяжении всего использования данного знака препинания неразрывно связано с эмоцией, при этом не всегда легко опознаваемой, становящейся частью имплицитного смысла предложения. И вот такой знак препинания стал необыкновенно востребован в современном письменном дискурсе, заменяя собой отражающие причинные связи двоеточие и появляясь в самых неожиданных местах.

При такой распространенности тире, однако, никогда не было знаком препинания, который был бы рекомендован к употреблению. Совсем наоборот: даже маститые литераторы предупреждали молодых авторов о необходимости ограничивать использование тире. Так, в воспоминаниях об А.П. Чехове А.И. Куприн приводит его советы писателям: «Также поменьше употребляйте кавычек, курсивов и тире – это манерно» (А.И. Куприн. «Памяти Чехова. Он между нами жил...», 1905).

Современные пособия по деловой коммуникации, наверное, наиболее регламентированной сфере общения, призывают нас следовать утвержденным правилам пунктуации и избегать авторских вариантов. Другая картина в многочисленных «ветках», посвященных этой теме. Большинство активных участников, поднимающих эту тему, – апологеты тире. Вот пример такой точки зрения, встретившийся в формате самостоятельного высказывания на портале thequestion.ru/ru/feed: «Поскольку этот знак препинания в русском языке является “знаком широкого назначения” (касающихся его правил и рекомендаций – более двух десятков), то в случае сомнений в правильности постановки, например, запятой при явной интонационной паузе – лучше все же поставить тире, чем пробел. Конечно, если написанное не предназначено для проверки и последующей оценки грамотности.

Почти любое предложение, особенно сложное, включающее обороты, трудно испортить постановкой тире, а вот пропустив указание на отдельные части, очень легко ввести читающего в заблуждение.» (thequestion.ru/questions/3322/mozhno-li-vezde-gde-ne-znaesh-kakoi-znak-prepinaniya-stavit-tire).

Обилие эмоционального и интонационного тире в публичном дискурсе, по-видимому, демонстрирует смену стратегии убеждения. При замене двоеточия на тире говорящий опирается не на логику слушающего, для чего важны аргументы и причинно-следственные связи, а на его эмоциональное состояние, на которое можно повлиять. Именно подобное воздействие оказывается эффективным сегодня, что закрепляет постановку тире там, где оно раньше не встречалось в нормированном дискурсе. Однако аргументация и спокойный анализ положения дел – вещь отнюдь не лишняя в современном социуме, поэтому хочется защитить такой знак препинания, как двоеточие. Его связь с порядком и рассудительностью

подчеркивается даже в детских стихах С.Я. Маршака о знаках препинания, когда слово предоставляется самому двоеточию:

В оба глаза я гляжу.

За порядком я слежу

(www.znaki-pr.ru/texts/znaki-pr_stihi%26pics.html).

ЛИТЕРАТУРА

Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке: Учебное пособие. М.: Логос, 2003. 304 с.

Гинзбург Л. Записные книжки. Воспоминания. Эссе. СПб.: Искусство, 2002, 254 с.

Зализняк Анна А. Семантика кавычек // Труды Международного семинара Диалог'2007 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. М., 2007 (philology.ru/linguistics2/zaliznyak_anna-07.htm)

Знаки препинания. Ру. www.znaki-pr.ru/texts/znaki-pr_stihi%26pics.html

Национальный корпус русского языка. www.ruscorpora.ru/index.html

Стихи.ру. <http://www.stihi.ru/2016/03/20/5091>

Туркова К. Общение в сети: что случилось с пунктуацией? www.pravmir.ru/obshhenie-v-seti-cto-sluchilos-s-punktuatsiey

Шварцкопф Б.С. Внимание: кавычки! // Русская речь. 1967. № 4. С. 60–64.

REFERENCES

Valgina N.S. (2003) Active Processes in the Modern Russian Language: Textbook. M. Logos Publ. 304p.

Ginzburg L. (2002) Diaries. Memories. Essays. St.-Petersburg. Iskusstvo Publ. 254 p.

Zaliznjak Anna A. The Semantics of the Quotation Marks. In: The International Workshop on Computational Linguistics and Its Applications Dialog'2007. Moscow. 2007. philology.ru/linguistics2/zaliznyak_anna-07.htm

Znaki Prepinaniya.ru. [/www.znaki-pr.ru/texts/znaki-pr_stihi%26pics.html](http://www.znaki-pr.ru/texts/znaki-pr_stihi%26pics.html)

Russian National Corpus. www.ruscorpora.ru/index.html

Stihi.ru. www.stihi.ru/2016/03/20/5091

Turkova K. Communication in the Network: What Happened to Punctuation? www.pravmir.ru/obshhenie-v-seti-cto-sluchilos-s-punktuatsiey

Shvarchkopf B.S. Attention: The Quotation Marks! *Russkaya Rech.* 1967. No 4, pp. 60–64.

Сведения об авторе:

Юлия Викторовна Егорова,
кандидат культурологии
доцент
кафедра лингвистики, перевода и
межкультурной коммуникации
факультета иностранных языков и
регионоведения
МГУ имени М.В. Ломоносова

Yulia V. Egorova,
PhD
Associate Professor
Department of Linguistics, Translation Studies and
Intercultural Communication
Faculty of Foreign Languages and Area Studies
Lomonosov Moscow State University
iegorova64@yandex.ru

Э.Х. Манкиева
(Москва, Россия)

Особенности «гендерной» философии Л.Н. Толстого (На материале повести «Хаджи-Мурат»)

Аннотация: В статье рассматриваются особенности антропологических и нравственных исканий Л.Н. Толстого, в центре которых семья как высшая форма гендерной культуры и фундаментальная основа счастья. Особое внимание уделено гендерно маркированным образам.

Ключевые слова: гендер, Кавказ, повесть, Хаджи-Мурат, война, семья, гендерная культура

E. Mankieva
(Moscow, Russia)

Specifics of L.N. Tolstoy “Gender” Philosophy (“Hadji Murad”)

Abstract: The article deals with the anthropological and moral views of Leo Tolstoy, his idea of the family as the highest form of gender culture and the fundamental basis of happiness. Particular attention is paid to characters, that are gender-marked.

Key words: gender, Caucasus, “Hadji Murad”, war, family, gender culture

Стремительное развитие гендерных исследований в XXI в. актуализировало научный интерес к художественно-философским наработкам величайших отечественных писателей в вопросах семьи и «социокультурного проявления пола»¹. Л.Н. Толстой всегда проявлял повышенный интерес к семье как антропологической проблеме. Цель данной статьи – на материале его «кавказоведческой» антивоенной повести «Хаджи-Мурат» рассмотреть семейный дискурс его философских учений.

Печатью индивидуального почерка самой высокой пробы отмечен реализм Л.Н. Толстого. О методологии Толстого написан специальный труд его помощником и литературным секретарем А.П. Сергеевко², который на примере творческой

¹ См.: *Пушкарева Н.Л.* Гендерная теория и историческое знание. СПб.: Алетейя; АНО «Женский проект СПб», 2007. 496 с.

² См.: *Сергеевко А.П.* «Хаджи-Мурат» Льва Толстого. История создания повести / Вступ. статья и примеч. В.А. Ковалева. М.: Современник, 1983.

истории «Хаджи-Мурата» воспроизвел и установил «железный принцип» автора следовать документально подтвержденным фактам. Как отмечает К.К. Султанов, «при обращении к кавказскому сюжету Л.Н. Толстой обнаружил невиданные доселе в его практике рвение исследователя, требовательность аналитика, педантичность источниковеда, оставаясь неизменно художником»¹. Писатель специально изучал языковую картину, историю, географию, этнографию Кавказа, интересовался антропонимикой и т. д. Он подвел под повесть «Хаджи-Мурат» мощный этнокультурный фундамент, который обеспечил высокое качество реализма. Но несоизмеримо ценнее то, что Толстой-реалист подходит к сложнейшим и противоречивым явлениям северокавказского фронта не как пассивный и бесстрастный регистратор, но как гуманист, способный в поисках высшей истины встать над собственными этническими, гражданскими, военными интересами, господствующими политическими, идеологическими предрассудками и с позиции сострадания дать оценку положению горцев, отстаивающих свой «космос».

Война есть война, и она естественным образом создала сильнейший крен в сторону маскулинного в повести «Хаджи-Мурат». Андроцентризм проявляет себя в подчеркнуто мужском заголовке, в милитаристской тематике, в подборе персонажей с превалированием мужчин. Общая канва произведения такова. Описывается сломанный, но не сломленный репейник, уподобляющийся Хаджи-Мурату – храброму воину, сподвижнику Шамиля. В результате политических и психологических разногласий Хаджи-Мурат с несколькими соратниками переходит на сторону русских. В отместку Шамиль захватывает в заложники всю семью Хаджи-Мурата и угрожает обесчестить женщин и ослепить его единственного сына. Главный герой всеми силами уговаривает новообращенных русских друзей посодействовать в освобождении заложников. Убедившись, что руководство царской армии до конца не доверяет ему и помогать не собирается, Хаджи-Мурат сбегает из крепости. В результате погони были настигнуты и расстреляны все беглецы, в том числе Хаджи-Мурат, который в одиночестве долго и отчаянно сражался, повергая в ужас преследователей.

Все описанные события происходят на северокавказском фронте. «У войны не женское лицо», поэтому горянок не видно на пограничной линии, где происходит столкновение европейского и восточного миров. Горянка – «невидимка», скрытая от посторонних глаз. Этому способствует и то, что «в соответствии с кавказской стереометрией горское поселение представляет собой крепость, систему самодостаточного и закрытого пространства»². Но художники-реалисты уровня Л.Н. Толстого с их диалектическим сознанием, обращаясь к глобальным антропологическим проблемам, никак не могут исключить из поля зрения «женщину» как парную категорию «мужчины», как мать, сестру, бабушку, дочь, жену, невесту, как личность, которая многообразно проявляет себя и опосредованно влияет на исторический ход социальной жизни.

Исключением не является и повесть «Хаджи-Мурат», где женское начало не бросается в глаза, не занимает центральные позиции, но оно активно присутствует в тексте. Словом «исподволь» можно точнее всего обозначить уровень этого присутствия, где автор штрихами, намеками, микрообразами, жестами, символической имением, цвета, предметным миром сообщает необходимую гендерно значимую

¹ Султанов К.К. От Дома к Миру: этнонациональная идентичность в литературе и межкультурный диалог М.: Наука, 2007. С. 109.

² Кучукова З.А. Карачаево-балкарская вертикаль. Нальчик: Эльбрус, 2015. С. 10.

информацию. Наша исследовательская задача – воссоздать тонкий, разлитый по всему произведению этногендерной слой повести, дать его научное описание.

Ключом к пониманию всей «кавказской военной» литературы является понятие «фронтир», определяющее композиционную структуру, специфику художественного конфликта и расстановку персонажей в текстах. По обе стороны пограничной линии располагаются мужские миры, находящиеся в той или иной степени конфронтации друг к другу: представители Российской империи и кавказские горцы. Такую же бинарную позицию занимают противопоставленные миры женщин (европейских и северокавказских), которые в отличие от мужчин не выведены на центральную часть арены боевых действий, а спрятаны позади сценического «занавеса» в роли второстепенных персонажей.

Панорамный взгляд на Кавказ с «высоты птичьего полета» сразу позволяет выявлять разницу в локализованности русских и кавказских женщин по отношению к «раскаленному» фронтиру. У реалиста Л.Н. Толстого мир российских мужчин, служащих на Кавказе, сильно «разбавлен» женщинами. В основном это жены военнослужащих. Что касается северокавказских женщин, то они, как правило, проживают на значительном расстоянии от фронта, в высокогорном ауле. Первая горянка, упоминаемая в повести, встречается читателю в чеченском ауле Махкет в сакле Садо, верного друга Хаджи-Мурата. Здесь сразу можно отметить факт гендерной асимметрии: в доме проживают три поколения мужчин: Садо, его отец и его сын – мальчик-подросток «пятнадцати лет с блестящими глазами». К мужской «гвардии» в сакле вскоре присоединяются Хаджи-Мурат, его мюрид Элдар и брат хозяина.

Женский пол представлен всего лишь двумя персонажами: хозяйкой дома и ее дочерью – «совсем молодой девочкой»¹. Имена женщин не названы. Л.Н. Толстой точно воспроизводит коммуникативные особенности горянок, которые не вступают в разговоры с мужчинами, не задают вопросов, ведут себя сдержанно. Неоднократным использованием наречий «тихо», «мягко» и их производных автор подчеркивает деликатность и предупредительность горянок, которые свою роль видят только в проявлении уважения к мужчинам, услужении им, предоставлении достойного угощения и комфортного отдыха. Выражения «женщины тихо двигались», «совершенно затихли за дверью», «мягкие шаги» он характеризуют женщин. Толстой, всегда внимательный к деталям, специально подчеркивает их «бесподошвенные чувяки», еще раз акцентируя внимание читателя на деликатности женщин, которые почти «дематериализованы» в мужском обществе. Чувствуется в изображении Л.Н. Толстого дистанцированность мужского и женского миров, их минимальная соприкасаемость. Ни одна из мужских затей, ни один проект не обсуждается с женщинами. С этногендерной точки зрения важно обратить внимание на следующее: в решении судьбоносных решений для аула, Дагестана, всего Северного Кавказа на равных правах со взрослыми горцами принимает участие пятнадцатилетний мальчик, но никак не хозяйка, не женщина, казалось бы даже умудренная жизненным опытом.

Как полный контраст «гендерному содержанию» горской сакли видится эпизод, посвященный русской стороне фронта и, конкретно, дому полкового командира Куринского полка князя Семена Михайловича Воронцова, где он проживает с женой Марьей Васильевной – «знаменитой петербургской красавицей». В изображе-

¹ Толстой Л.Н. Хаджи-Мурат // Толстой Л.Н. Повести. Рассказы / Сост., вступит. ст. и коммент. И.И. Виноградова. М.: Сов. Россия, 1985. С. 391.

нии Л.Н. Толстого она является эпицентром мужского общества и мужского внимания. По отношению к ней писатель постоянно использует атрибутивные телесные признаки «большой», «крупный», «крепкий», «сильный», «высокий», подчеркивая ее физическую и личностную величину. В отличие от горской иерархической модели «мужское – женское» здесь наблюдается партнерство, равенство, идея взаимозаменяемости мужчины и женщины. Создается впечатление, что подлинной «главнокомандующей» в данной военной крепости является Марья Васильевна.

По гендерной философии Л.Н. Толстого, «один ум – хорошо, два – лучше». На примере семьи Воронцовых писатель показывает преимущественно единомышленничества, синтез мужского аналитического разума и женских дипломатических способностей, особенно в таких масштабных делах, как выстраивание политического курса в сложном регионе и управление военными силами страны. В Марье Васильевне воплощены лучшие черты русской женщины, которая, не ущемляя самолюбия своего мужа, не принижая его, умеет незаметно для окружающих оградить его от роковых неприятностей.

Как показывает Л.Н. Толстой, русские женщины, представляя пример высокой нравственности, во многом способствовали налаживанию языковых и культурных контактов между кавказцами и представителями Российской империи. В этом отношении весьма показательна первая встреча Марьи Васильевны с Хаджи-Муратом. Не холодным рассудочным умом, а сердцем русская женщина понимает, что для восточного человека первостепенное значение имеет понятие «семья», поэтому она сразу, с первых минут знакомится с ним не только сама, одаривая его дружелюбной улыбкой, но знакомит с ним и своего ребенка. И Хаджи-Мурат, и Марья Васильевна понимают, что присутствие ребенка в данном коммуникативном контексте – знак абсолютного взаимодоверия кунаков.

Религиозная нетерпимость представителя определенной конфессии к «инакомыслящим» может иметь разный «градус», зависящий от его внутренней культуры. Особенно ярким индикатором в этом вопросе выступает отношение верующего к женщинам иной культуры, иного вероисповедания. В интерпретации Л.Н. Толстого Хаджи-Мурат по-философски уравновешен и толерантен в своих взглядах на другие обычаи, нравы и традиции. Он не религиозный фанатик, несмотря на глубокую преданность собственной вере и свое «религиозное» имя: «Хаджи-Мурат» – это фактически означает ‘Мурат, совершивший хадж в Мекку’. Как настоящий «экзамен» на толерантность и широту взглядов выглядит эпизод появления Хаджи-Мурата на балу в доме Воронцовых с «молодыми полуобнаженными женщинами». Горцу достает такта, веротерпимости и толерантности избежать негативных оценочных суждений и всем отвечать спокойно, просто и ясно: «что у них этого нет», – не высказывая того, хорошо или дурно, что «этого нет у них»¹. «Экзаменационную оценку» Хаджи-Мурату ставит сам Толстой, специально подчеркивающий, что горец «не лезет в чужой монастырь со своим уставом», признавая за каждой этнокультурой право на самовыражение.

На этот момент толстовской «чуткой диагностики возможного сближения» обращает внимание К.К. Султанов, скрупулезно исследовавший семиотику «детской улыбки» Хаджи-Мурата, пролагающей путь к «уменьшению несогласия»². Поддерживая и развивая концепцию К.К. Султанова о наличии в романе специ-

¹ Толстой Л.Н. Хаджи-Мурат // Толстой Л.Н. Повести. Рассказы. М., 1985. С. 429.

² Султанов К.К. От Дома к Миру: этнонациональная идентичность в литературе и межкультурный диалог. С. 117.

альных «диагностических знаков сближения» разносистемных миров, отметим значимость концепта «рука», (руки), также символизирующих острую потребность людей в культурном диалоге. Нами замечено, что из всех соматических единиц Л.Н. Толстой с наибольшей частотностью упоминает именно «руки» в разных тематических контекстах: «колет руки», «завернул платком руку», «рукопожатие», «большие белые руки» и т. д. На наш взгляд, «белизна рук», столь явно подчеркиваемая Л.Н. Толстым, тесно увязывается с белыми женскими платками, символизирующими окончание вражды и утверждение мира. В том же ряду белая бурка, переданная в дар русской женщине «кавказским Наполеоном», которая перерастает свое утилитарно-практическое назначение и превращается в манифестацию мира между народами, отрицания войны, закрепления «новорожденных» мирных отношений.

Весь узел противоречий, связанных с войной, фронтиром, коллизиями гендерного характера, Л.Н. Толстой «снимает» поэтизацией семьи, являющейся для него квинтэссенцией самой жизни. Автобиографические черточки самого писателя с его культом семьи легко прочитываются в образе Хаджи-Мурата, для которого в иерархической системе ценностей семья занимает первое место. Нетрудно заметить, что при общении с представителями другой стороны «баррикады» он легче всего выстраивает дипломатические мосты там, где есть теплый микроклимат семьи. Во-первых, это семья Воронцовых, где домашний уют, улыбчивая хозяйка, маленький ребенок «затмевают» войну, выступают как здоровое, созидательное, альтернативное военному быту состояние человеческого общества. В изображении Л.Н. Толстого семья – это некое сакральное пространство, где враги становятся друзьями: недаром в кавказских традициях даже противник, оказавшийся в статусе гостя, «растворяясь» в семье, становится кунаком и подзащитным. Само понятие «семья» для русского писателя и его героя-протагониста высшая форма отрицания войны.

В романе Л.Н. Толстого военные крепости северокавказского фронта «очеловечиваются» присутствием в них женщин. С большой симпатией автор также рисует образ Марьи Дмитриевны, «дочери фельдшера». С точки зрения народной дипломатии ей нет цены, именно она находит ключ к сердцу и к разуму Хаджи-Мурата. Там, где офицеры и солдаты видят «черта», «страшного горца», «чудовище», Марья Дмитриевна видит глубоко трагичного человека с изломанной судьбой, с трудноразрешимой семейной проблемой. Она настолько тонко его чувствует, что, прощаясь, находит для него самые необходимые благопожелательные слова: «Дай бог вам сына выручить!»¹ По художественной концепции Л.Н. Толстого, ничто так не расшатывает семью, ее гендерное равновесие, как война. Страдают все семьи, независимо от принадлежности к побеждающей стороне или к проигрывающей, российской или северокавказской. Такого рода социально-семейную катастрофу Л.Н. Толстой показывает на примере семьи Авдеевых. Война становится источником хаоса в семейной жизни, причиной падения моральных нравов и духовной дезориентированности общества.

В подтексте повести «Хаджи-Мурат» выражена гендерная разнонаправленность интересов: мужчины тяготеют к экспансивным войнам, бравивируют презрением к смерти, находят оправдание для ведения войн, внешне облагораживая их всевозможными определениями – «справедливая», «национально-освободительная», «война, которая положит конец всем войнам» и т. д. Женщины на созна-

¹ Толстой Л.Н. Хаджи-Мурат // Толстой Л.Н. Повести. Рассказы. М., 1985. С. 474.

тельном и подсознательном уровнях подчеркивают противоестественность войн, всей своей сущностью тянутся к миру и мирным заботам.

В завершающей части повести Л.Н. Толстой более прицельно затрагивает тему «война и кавказская женщина». По Толстому, субкультурой северокавказских народов выработался некий невидимый «женский фронт», противостоящий тотальной милитаризации населения, разгулу зла и насилия в умонастроении мужчин. Сами народы, движимые инстинктом самосохранения, придумали и ввели в пользование множество тонко разработанных «гендерных» механизмов ослабления антагонизма между противоборствующими сторонами. Среди этих механизмов, как показывает русский писатель, аталычество, обретение молочной матери (эмчек ана), побратимство, белые платки и т. д. Это своего рода социальные «антибиотики», направленные на предотвращение эпидемии «людовой ненависти».

Кавказский горец Хаджи-Мурат, с младенчества впитавший в себя культ матери и культ семьи, и в зрелом возрасте более всего поклоняется этим сверхценностям. Ни воинская слава, ни боевые победы, ни обещанный высокий социальный ранг, ни вероятное владычество на огромной территории Кавказа ни на йоту не прельщают толстовского героя, если при этом его лишат радости общения с родными. Если выстроить в единый гипертекст все речевые отрезки Хаджи-Мурата в повести, то на первом месте окажется слово «семья». Все помыслы и действия героя движимы идеей спасения семьи. Хаджи-Мурат предлагает и конкретный план решения его проблемы – собрать на границах пленных горцев и выменять их на членов его семьи.

Раскрывая творческую историю повести «Хаджи-Мурат», литературоведы указывают на изначальное желание писателя создать образ сложного, противоречивого, «текучего» героя. Надо сказать, Л.Н. Толстому в полной мере удалось создать образ «текучего» человека в лице Хаджи-Мурата, причем не только в сугубо иносказательном, метафорическом смысле, но и в прямом номинативном, если учесть, что герой и в геополитическом, идеологическом смысле имеет обыкновение «перетекать» из одного стана в другой. Но куда бы он не перемещался, у него всегда есть одна постоянная, неизменная величина, которая является мерой его экзистенциального счастья, высшей идеей его существования на земле. Это его семья, которая как для Хаджи-Мурата, так и для писателя является венцом гендерной культуры. Примечательно, что в последней смертельной схватке Хаджи-Мурат гибнет не за Кавказ и не за Россию, не за интересы имама Шамиля или Николая Первого – он отдает жизнь за сохранение своей семьи.

Хаджи-Мурат – трагический герой. Ю.Б. Боров пишет: «Центральная проблема трагедийного произведения – расширение возможностей человека, разрыв тех границ, которые исторически сложились, но стали тесными для наиболее смелых и активных людей, одухотворенных высокими идеалами. Трагический герой прокладывает путь к будущему, он взрывает устоявшиеся границы, он всегда на переднем крае борьбы человечества, на его плечи ложатся наибольшие трудности»¹.

Всей своей многотрудной драматической судьбой, душевными метаниями и трагической смертью герой Л.Н. Толстого провозглашает относительность, призрачность территориально-локальных побед и безотносительную, вековую сверхценность семьи как фундаментальной основы человеческого счастья. Для Толстого важно показать, что любовь выше власти в экзистенциальном измерении. Как справедливо отмечает литературовед С.Г. Семенова, «одним из цен-

¹ Боров Ю.Б. Эстетика. 4-е изд., доп. М.: Политиздат, 1988. С. 77.

тральных пунктов настойчивой проповеди героя толстовской повести является как раз идея “властвования женщин”, униженных социально, но нашедших неотразимые чувственные методы порабощения господствующей мужской половины человечества»¹.

ЛИТЕРАТУРА

- Борев Ю.Б.* Эстетика. 4-е изд., доп. М.: Политиздат, 1988. 495 с.
- Кучукова З.А.* Карачаево-балкарская вертикаль. Нальчик: Эльбрус, 2015. 301 с.
- Пушкарева Н.Л.* Гендерная теория и историческое знание. СПб.: Алетейя; АНО «Женский проект СПб», 2007. 496 с.
- Сергеенко А.П.* «Хаджи-Мурат» Льва Толстого. История создания повести / Вступ. ст и примеч. В.А. Ковалева. М.: Современник, 1983. 339 с.
- Семенова С.Г.* Русская литература XIX–XX веков: От поэтики к миропониманию. М.: Академический проект; Парадигма, 2016. 890 с.
- Султанов К.К.* От Дома к Миру: этнонациональная идентичность в литературе и межкультурный диалог / Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького РАН. М.: Наука, 2007. 301 с.
- Толстой Л.Н.* Хаджи-Мурат // Толстой Л.Н. Повести. Рассказы / Сост., вступит. ст. и коммент. И.И. Виноградова. М.: Сов. Россия, 1985. 509 с.

REFERENCES

- Borev Yu.B. (1988) Aesthetics. 4th ed., suppl. Moscow. Politizdat Publ. 495 p.
- Kuchukova Z.A. (2015) Karachay-Balkar Vertical. Nalchik: Elbrus Publ. 301 p.
- Pushkareva N.L. (2007) The Gender Theory and Historical Knowledge. St.-Petersburg. Aleteya Publ.; Autonomous Non-Profit Organization Of Science And Culture “Zhensky Proekt SPB”. 496 p.
- Sergeenko A.P. (1983) Leo Tolstoy “Hadji Murad”. History of the Creation / Introd. article and notes by V.A. Kovalev. Moscow. Sovremennik Publ. 339 p.
- Semenova S.G. (2016) Russian Literature of the 19–20th centuries: From Poetics to World Outlook. Moscow. Akademicheskyy Proekt Publ.; Paradigma Publ. 2016. 890 p.
- Sultanov K.K. (2007) From Home toward the World: Ethnonational Identity in Literature and Intercultural Dialogue / A.M. Gorky Institute of World Literature RAS. Moscow. Nauka Publ. 301 p.
- Tolstoy L.N. Hadji Murad. In: Tolstoy L.N. The Stories. The Short Stories / Compil., introd. article and comment. by I.I. Vinogradov. Moscow. Sovetskaya Rossiya Publ. 1985. 509 p.

Сведения об авторе:

Эсет Хамзатовна Манкиева,
канд. филол. наук
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Eset Kh. Mankieva,
PhD
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
aset.mankieva@mail.ru

¹ *Семенова С.Г.* Русская литература XIX–XX веков: От поэтики к миропониманию. М.: Академический проект; Парадигма, 2016. С. 227.

Ю.М. Алюнина
(Москва, Россия)

«Глухой переводчик»: сценарий игры для обучения устному последовательному переводу

Аннотация: В настоящей статье предлагается сценарий игры «Глухой переводчик» для обучения устному переводу, созданной по принципу детской игры «Глухой телефон». Описанная в статье игра была разработана автором статьи, является оригинальной и не имеет аналогов. В статье представлены основные этапы проведения учебного занятия: планирование (подготовительный этап), реализация (ход игры), контроль (анализ результатов). Основные преимущества игры: возможность вовлечь всех студентов в активный процесс обучения, адаптивность игры к условиям занятия (языковая пара, языковая компетенция, время, тема перевода и проч.), отсутствие необходимости во вспомогательных средствах для организации игры, возможность для преподавателя и студентов проанализировать результат перевода и выполнить работу над ошибками.

Ключевые слова: обучение устному переводу, игровой метод

Yu.M. Alyunina
(Moscow, Russia)

“The Deaf Interpreter”: Game Scenario For Consecutive Interpretation Training

Abstract: The article presents a game scenario for interpretation training. The game was created on the principle of a children’s game “The Deaf Phone” and was titled “The Deaf Interpreter”. The game described was developed by the author of this article, it is original and has no analogues. The article demonstrates the main stages of the training: planning (preparatory stage), implementation (progress of the game), and control (analysis of results). The main advantages of the game: are the opportunity to involve all students in the active learning process, the adaptability of the game to the conditions of employment (language pair, language competence, time, subject of interpretation, etc.), no need for auxiliary tools to organize the game, the opportunity for the teacher and students to analyze the interpretation result and work on the mistakes.

Key words: interpretation training, game training

На сегодняшний день профессия переводчика является одной из наиболее востребованных, о чём свидетельствует большое количество курсов профессиональной подготовки при ВУЗах, где учащиеся могут не только повысить уровень владения иностранным языком (ИЯ), но и получить дополнительную квалификацию переводчика. Необходимость в переводчиках и развитие программ подготовки кадров в данной профессиональной сфере становятся требованием времени.

В связи с интенсификацией международных отношений и обменом опытом в различных сферах деятельности «предприятия/фирмы стали испытывать потребность в переводчиках, специализирующихся в определенной профессиональной сфере»¹, где лишь лингвистического или филологического образования становится не вполне достаточно. Особенно ярко такая потребность проявляется в сфере устного перевода, когда нет возможности воспользоваться источниками дополнительной информации. Поэтому работодатель нередко отдает предпочтение не переводчику-лингвисту, а переводчику-специалисту, имеющему основное образование и дополнительную квалификацию в сфере перевода, поскольку такой сотрудник является еще и профессионалом в своей области.

Подготовка устного профессионального переводчика занимает немало времени и подразумевает формирование у специалиста обязательного набора навыков, к которым относят навыки аудирования, мнемотехник, знание переводческих трансформаций, способность к переключению языкового кода, владение техникой устной речи, а также контроль темпа перевода². Существует немало упражнений, практикуемых в подготовке переводчиков-лингвистов. Автор труда «Методика обучения устному переводу на языковых факультетах: практические рекомендации специалистов»³ А.В. Пузаков приводит наиболее распространенные способы организации учебного пространства для тренировки переводчиков, среди которых: 1) ролевые игры; 2) пересказ короткой аудио- видеозаписи на языке перевода с последующим обсуждением качества выполненной работы; 3) «shadowing», или повторение речи спикера на ИЯ с отставанием в 1–2 секунды; 4) синхронный перевод одного текста всей группой с предварительным прочтением и обсуждением трудных случаев перевода; 5) домашняя подготовка доклада по заданной тематике с последующими последовательным и синхронным переводами на занятии.

Для формирования каждого навыка существуют специальные упражнения. Например, для развития переключаемости с языка на язык часто применяют задания на запись или перевод ряда чисел, часть из которых записана на родном языке обучающегося, а часть – на ИЯ.

Разумеется, в рамках основного образования на переводческих специальностях отводится достаточно много времени для отработки навыка быстрого переключения языкового кода, дольше практикуется скоропись и нарабатывается навык оперативного запоминания информации. Один из методов тренировки всех названных навыков –

¹ Гавриленко Н.Н. Лингводидактические подходы к обучению профессионально ориентированному переводу // Школа дидактики перевода. www.gavrilenko-nn.ru/didactics/49/ (дата обращения: 23.07.2017).

² Типы упражнений при обучении устному переводу // Транслит – бюро переводов. www.translate-pro.ru/stati-o-perevode/tipyi-uprazhneniy-pri-obuchenii-ustnomu-perevodu.html (дата обращения: 03.07.2017).

³ Пузаков А.В. Методика обучения устному переводу на языковых факультетах: практические рекомендации специалистов // Study-English – сайт для изучающих английский язык, студентов, преподавателей вузов и переводчиков. www.study-english.info/teaching-interpretation.php (дата обращения: 17.08.2017).

имитация реального переводческого процесса, или упомянутая выше ролевая игра. Как правило, это воссоздание условий устного последовательного перевода формата конференций или переговоров, когда у каждого спикера есть свой переводчик. Очевидные недостатки такого метода – временные затраты и малое число активных участников. Обычно в игре задействовано два или четыре человека: докладчик + переводчик или два собеседника со своими переводчиками. Остальные студенты могут лишь слушать и задавать вопросы, если формат инсценируемого события это подразумевает.

Подобные упражнения, а также практические задания, приведенные А.В. Пузиковым, являются достаточно эффективными и широко применяются в подготовке переводчиков-лингвистов, однако их не просто адаптировать к программе подготовки переводчиков-специалистов, на которую отводится сравнительно мало часов на курсах дополнительного образования. При этом именно последний тип переводчика видится сегодня более востребованным. Данная ситуация на рынке труда требует от педагогов и исследователей разрабатывать новые методики обучения переводу, ориентированному на конкретную сферу, или осуществлять переподготовку кадров для осуществления профессиональной деятельности переводчика.

В нашей работе мы предлагаем сценарий игры, разработанный для проведения практических занятий, нацеленных на тренировку переводческих навыков. Такая игра, по нашему мнению, особенно актуальна в рамках дополнительного образования по специальности «Переводчик», где образовательная программа не располагает обширными временными ресурсами для проведения практических занятий в аудиторные часы.

Описываемая в статье игра была создана по принципу хорошо известной детской игры «Глухой телефон», в которой необходимо передавать друг другу фразу шепотом, на ушко, чтобы ее слышал только адресат. Фразу придумывает первый говорящий и обычно не повторяет ее дважды. Что было услышано, то и передается следующему человеку в цепочке. Последний член цепочки произносит фразу вслух, и зачастую она не совпадает с ее инвариантом.

Наша игра называется «Глухой переводчик», где механизм передачи реплик аналогичен детской игре. Отличие составляет языковое наполнение: игра реализуется с обязательным использованием родного языка и ИЯ, изучаемого данной группой. Методическая цель игры состоит в отработке практических навыков устного последовательного перевода: универсальная переводческая скоропись (УПС), восприятие информации на слух (на родном или ИЯ), выделение основной мысли, транслирование информации на языке перевода.

Проведение игры включает обязательный **подготовительный этап** для слушателей курса: знакомство с необходимыми лексикой и грамматическими конструкциями, изучение приемов УПС. Тематика переводимого текста может быть абсолютно любой, соответствующей образовательной программе и уровню языковой подготовки слушателей курса. В нашей статье мы предлагаем рассмотреть игру на примере топика «Медицина» и приводим ряд подготовительных упражнений и заданий, которые могут быть использованы для проведения занятия по описываемому сценарию. **Завершающим этапом** игры является **диагностика результатов**, которая проводится для проверки степени усвоения пройденного теоретического материала и способности применять полученные навыки на практике.

Итак, подготовка к игровому занятию включает два компонента.

Письменный перевод текста «Being Ill»¹ из учебника «A Graded English Course: second year» Л.Д. Кашурниковой Приведем фрагмент:

Being Ill

“You don’t look your usual self this morning,” said my wife at breakfast.

“No, I am not feeling up too much,” I said. “I don’t know what I’ve got, but I hardly slept a wink all night, and now I’ve got a splitting headache”.

“Poor old thing,” she said, feeling my forehead. “It feels, as if you’ve got a bit of a temperature”.

At work, I felt ghastly all the morning. My head was now throbbing violently and there were moments when it felt as if the whole office was going round. <...> By lunchtime I had to admit that I was running a temperature: I felt hot and shivery at the same time².

Перевод данного текста задавался в качестве домашней работы с последующим обсуждением на занятии и коррекцией ошибок. После обсуждения перевод отправлялся преподавателю в печатном виде для финальной проверки и индивидуальных комментариев каждому студенту.

Устный перевод видео с английского (АЯ) на русский (РЯ) и с РЯ на АЯ, где встречалась лексика, наиболее часто употребляемая в ситуациях общения с доктором («Learn Medical Vocabulary in English»³, «Spoken English – Talking to a Doctor»⁴), «Scheduling a Doctor’s Appointment»⁵, а также видео с вокабуляром, соответствующим более узкой медицинской тематике: «HIV and AIDS – explained in a simple way»⁶, Всероссийская акция «Стоп ВИЧ-СПИД»⁷.

Лексика, которая встречается в заданиях из перечисленных упражнений по названной теме, была задействована в тексте, составленном преподавателем для игры «Глухой переводчик».

Комплект игры включает два компонента. **Первый компонент** – текст на РЯ, составленный преподавателем с использованием лексики и грамматических конструкций из пройденного материала. Мы отдали предпочтение диалоговому формату текста, так как он проще делится на смысловые отрезки и соответствует ситуации реального общения. Данный текст вписан в таблицу, где каждой реплике отведен свой ряд (отрывок текста представлен в Таблице). **Второй компонент** – Карточка студента, которая представляет собой точно такую же таблицу, но без реплик. Там отмечаются лишь авторы высказываний, а напротив них имеются поля для записи текста студентами. Перед таблицей предлагается включить поля для личных данных студента: ФИО, группа, курс, номер в цепочке «глухих переводчиков» и дата.

¹ Кашурникова Л.Д., Бойцова Т.А., Жигалев Б.А. и др. A Graded English Course: second year. Английский язык для студентов педагогических вузов. М.: Высшая школа, 1995. С. 196–198.

² Кашурникова Л.Д., Бойцова Т.А., Жигалев Б.А. и др. Указ. соч.

³ Learn Medical Vocabulary in English // English Lessons with Adam. www.youtube.com/watch?v=IW22_OnpS5Y (дата обращения: 13.05.2017).

⁴ Spoken English – Talking to a Doctor // Free English Lesson. www.youtube.com/watch?v=y_3-0Y2p-Iec (дата обращения: 29.04.2017).

⁵ Scheduling a Doctor’s Appointment – Health English Lesson // Free English Lesson. www.youtube.com/watch?v=_hz0jwuldiM (дата обращения: 29.04.2017).

⁶ HIV and AIDS – Explained in a Simple Way // Simpleshow Foundation. www.youtube.com/watch?v=DzX-gCW9YcNg (дата обращения: 16.04.2017).

⁷ Стоп ВИЧ-СПИД // ФСКИ – Фонд социально-культурных инициатив. www.youtube.com/watch?v=155wFT_dymc&t=2s (дата обращения: 08.04.2017).

Таблица

Мама	Том, войди, пожалуйста. Нужно, чтобы доктор тебя осмотрел.
Сын	Здравствуйте, доктор Хэлс.
Доктор	Здравствуй. Ну что ж, давай-ка хорошенько тебя осмотрим. Присаживайся на стул, открывай рот. Ага, горло очень красное. У-у-у-у, да у тебя жар. Лоб очень горячий. Мисс Смит, какая у него температура?
Мама	Я не знаю. Он отказывается мерить температуру, проверять пульс и слушать грудь. Он очень боится всего, что связано с лечением и медициной. Я не знаю, что мне делать.
Доктор	Так, мой дорогой. Так не пойдет. Сейчас мы измерим тебе температуру. Это совсем не больно и очень быстро. Открывай рот.

Реализация игры проходит следующим образом.

1. Преподаватель выстраивает студентов в цепочку в зависимости от их уровня владения языком от «самого сильного» к «наименее сильному». Каждый член цепочки получает Карточку студента.
2. Преподаватель сообщает первому студенту первую реплику на РЯ так, чтобы остальные участники цепочки этого не услышали. Студент переводит реплику на АЯ, передает ее следующему участнику на АЯ и записывает себе в Карточку тот вариант реплики, который он услышал.
3. Второй студент, услышав реплику на АЯ, переводит ее на РЯ, передает третьему участнику цепочки в РЯ-варианте и записывает себе в карточку тот вариант фразы, который услышал от первого студента на АЯ.
4. Каждый следующий студент, получая реплику от предыдущего участника цепочки, переводит фразу на противоположный язык рабочей языковой пары РЯ – АЯ, записывает реплику на полученном языке и передает следующему члену цепочки на языке перевода.
5. В итоге у каждого студента на Карточке получается своя история на РЯ или АЯ в «услышанном» варианте.

Для проверки качества подготовки учащихся и степени усвоения пройденного материала могут быть использованы полученные в результате игры записи на Карточках студентов. Мы предлагаем следующие варианты контрольных заданий:

- сравнение полученных историй на РЯ и АЯ на предмет соответствия инварианту;
- инсценировка на АЯ с использованием собственных записей, выполненных в технике УПС, с последовательным переводом на РЯ;
- самостоятельная лексико-грамматическая и стилистическая правка перевода одного из одноклассников с последующей проверкой преподавателя.

С нашей точки зрения, подобные задания предоставляют возможность студентам несколько раз прорабатывать один и тот же материал в рамках изученного топика, задействуя разные каналы восприятия информации, соотносимые с разными видами памяти: аудиальная, визуальная, механическая. Такой подход способствует более прочному усвоению материала за счет многократного повторения и применения знаний, умений и навыков в различных форматах на практике.

Резюмируя вышеизложенное, стоит подчеркнуть, что игра «Глухой переводчик» может быть адаптирована к любой языковой паре, теме или уровню язы-

ковой подготовки группы. Кроме того, преимущество такого сценария занятия видится в возможности отрабатывать многие важные для переводчика профессиональные навыки:

- восприятие информации на слух, оперативное запоминание и понимание основной мысли высказывания;
- транслирование полученной информации на языке перевода в формате, доступном адресату;
- УПС на языке оригинала или перевода в зависимости от удобства или языка поступающей / транслируемой информации;
- стилистическая обработка текста и коррекция собственных ошибок на письме.

В отличие от игровых методов, традиционно применяемых на занятиях по обучению перевода (воссоздание реальных ситуаций из профессии переводчика), игра «Глухой переводчик» позволяет вовлечь в активную деятельность всех слушателей курса с минимальными организационными усилиями для преподавателя. Игра не требует дополнительного технического оснащения, и по ее окончании у преподавателя имеется возможность проанализировать успехи каждого студента, а у студентов есть материал для самопроверки и работы над ошибками, поскольку результат переводческого труда фиксируется каждым на Карточке.

ЛИТЕРАТУРА

Гавриленко Н.Н. Лингводидактические подходы к обучению профессионально ориентированному переводу // Школа дидактики перевода. www.gavrilenko-nn.ru/didactics/49/ (дата обращения: 23.07.2017).

Каширникова Л.Д., Бойцова Т.А., Жигалев Б.А. и др. A Graded English Course: second year. Английский язык для студентов педагогических вузов: 2 курс: Учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению «Филология», спец. «Английский язык». М.: Изд-во Высшая школа, 1995. 368 с.

Пузаков А.В. Методика обучения устному переводу на языковых факультетах: практические рекомендации специалистов // Study-English – сайт для изучающих английский язык, студентов, преподавателей вузов и переводчиков. www.study-english.info/teaching-interpretation.php (дата обращения: 17.08.2017).

Стоп ВИЧ-СПИД // Фонд социально-культурных инициатив. www.youtube.com/watch?v=155wFT_dymc&t=2s (дата обращения: 08.04.2017).

Типы упражнений при обучении устному переводу // Транслит – бюро переводов. www.translate-pro.ru/stati-o-perevode/typi-uprazhneniy-pri-obuchenii-ustnomu-perevodu.html (дата обращения: 03.07.2017).

HIV and AIDS – explained in a simple way // Simpleshow Foundation. www.youtube.com/watch?v=DzXgCW9YcNg (дата обращения: 16.04.2017).

Learn Medical Vocabulary in English // English Lessons with Adam. www.youtube.com/watch?v=IW22_OnpS5Y (дата обращения: 13.05.2017).

Scheduling a Doctor's Appointment – Health English Lesson // Free English Lesson. www.youtube.com/watch?v=_hz0jwuldiM (дата обращения: 29.04.2017).

Spoken English – Talking to a Doctor // Free English Lesson. www.youtube.com/watch?v=y_3-0Y2pIec (дата обращения: 29.04.2017).

REFERENCES

Gavrilenko N.N. Linguodidactic Approaches to Teaching Professionally Oriented Translation. In: Translation Didactic School. www.gavrilenko-nn.ru/didactics/49/ (23.07.2017).

Kashurnikova L.D, Boytsova T.A, Zhigalev B.A et. al. (1995) A Graded English Course: second year. English for Students of Pedagogical Universities. Moscow. Vysshaya Shkola Press. 368 p.

Puzakov A.V. The Method of Interpretation Training in the Language Faculties: Practical Recommendations of Specialists. In: Study-English – Web-site for English Learners, Students, University Professors and Translators. www.study-english.info/teaching-interpretation.php (17.08.2017).

Stop HIV-AIDS. In: Social and Cultural Initiatives Foundation. www.youtube.com/watch?v=155wFT_dymc&t=2s (08.04.2017).

Interpretation Training Exercises Types. In: Translit – Translation Agency. www.translate-pro.ru/stati-o-perevode/tipyi-uprazhneniy-pri-obuchenii-ustnomu-perevodu.html (03.07.2017).

HIV and AIDS – Explained in a Simple Way. In: Simpleshow Foundation. www.youtube.com/watch?v=DzXgCW9YcNg (16.04.2017).

Learn Medical Vocabulary in English. In: English Lessons with Adam. www.youtube.com/watch?v=IW22_OnpS5Y (13.05.2017).

Scheduling a Doctor's Appointment – Health English Lesson. In: Free English Lesson. www.youtube.com/watch?v=_hz0jwuldiM (29.04.2017).

Spoken English – Talking to a Doctor. In: Free English Lesson. www.youtube.com/watch?v=y_3-0Y2pIec (29.04.2017).

Сведения об авторе:

Юлия Матвеевна Алюнина,
аспирант
кафедра русского языка и методики его
преподавания
филологический факультет
Российский университет дружбы народов

Yulia M. Alyunina,
Postgraduate
Department of the Russian language and Methods
of Its Teaching
Faculty of Philology
Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University)

alyunina.y@mail.ru

Э. Кадыоглу
(Москва, Россия)

‘Письмо’ и ‘цветок’ как символы памяти в поэзии Н.А. Некрасова и А.А. Ахматовой

Аннотация: В статье рассматриваются слова *письмо* и *цветок*, которые реализуют мотив памяти в поэзии Н.А. Некрасова и А.А. Ахматовой. Образы письма и цветка имеют давнюю традицию в русской поэзии. В поэтическом языке реализуется общий эстетический принцип памяти, связанный с сохранением опыта, накопленного мировой культурой. В индивидуально-образной системе обоих авторов происходит сближение образов брошенного цветка и уничтоженного письма как символов забвения. Слово *цветок* приобретает в поэзии Ахматовой противоречивый смысл, оказываясь, как и у Некрасова, в одном семантическом поле со смертью и, в то же время, с другими вехами жизни. Характерные знаки памяти, такие как *цветок* и *письмо*, обнаруживают внутреннюю связь поэзии Некрасова и Ахматовой и позволяют понять глубинный смысл их поэтического языка.

Ключевые слова: акмеизм, реализм, романтизм, символика, мотив, метафора, поэтический язык, семантическое поле

Esra Kadioglu
(Moscow, Russia)

‘Letter’ and ‘Flower’ as Symbols of Memory in N.A. Nekrasov and A.A. Akhmatov’s Poetry

Abstract: The article deals with words ‘letter’ and ‘flower’ that implement the motif of memory in N.A. Nekrasov’s and A.A. Akhmatova’s poetry. Images of letter and ‘flower’ have a long tradition in Russian poetry. General aesthetic principle of memory is implemented in poetic language. It is associated with the preservation of world culture experience. There is a convergence of images of ‘thrown letter’ and ‘destroyed flower’ as symbols of oblivion in the individually-shaped system of both authors. The word *flower* in Akhmatova’s poetry acquires contradictory meaning and appears within the same semantic field of death and other life milestones as in Nekrasov’s poetry. Typical memory signs, such as *flower* and *letter*, reveal the inner connection of Nekrasov’s and Akhmatova’s poetry and allow the reader to understand the deeper meaning of their poetic language.

Key words: acmeism, realism, romanticism, symbolism, motif, metaphor, poetic language, semantic field

Преемственность литературных направлений XIX и XX вв. очевидна. От символизма протягивается незримая нить к романтизму М.Ю. Лермонтова. Акмеизм во многом соотносится с реалистическими зарисовками А.С. Пушкина и Н.А. Некрасова.

А.С. Долинин видел достоинство акмеизма не в отказе от символизма, а в возвращении к реализму, считая, что «с акмеизмом, если суждено ему окрепнуть, снова *выдвинется* в литературе то содержание, которое обычно понимают под реализмом. *Выдвинется*, но не *вернется* по той простой причине, что он, реализм, никуда и не уходил»¹. По мысли Л.Г. Кихней, «задача художника, с точки зрения акмеистов, во-первых, правильно прочесть то, что уже написано языком природы, уловить связи, которые есть реально в этом мире... во-вторых, воссоздать художественную реальность»².

В 1920 г., отвечая на анкету К.И. Чуковского, Ахматова написала, что Некрасов был первый поэт, которого она прочла и полюбила³. Интересно проследить тематические связи в лирике Некрасова и Ахматовой, в частности, рассмотреть, как мотив памяти реализуют слова и словосочетания, называющие памятные предметы и реалии.

«С прошлым человек связан памятью, сожалениями и раскаянием, опытом и знанием фактов», – пишет Н.Д. Арутюнова⁴. Научному осмыслению понятия «память» посвящена статья О.Г. Ревзиной «Память и язык». Автор обращает внимание на то, что память использует определенные знаки. Выделяются иконические (воспоминания-образы), индексальные (так называемые следы памяти) и символические (зарубки или узелки на память) «знаки памяти»⁵.

В поэтическом языке реализуется общий эстетический принцип памяти, связанный с сохранением опыта, накопленного мировой культурой. Как пишет Ю.М. Лотман, «культурная память... сохраняет прошедшее как пребывающее»⁶. Как указывает Н.Г. Брагина в книге «Память в языке и культуре», человек видит что-то, что отсылает его к образу, который хранится в памяти. Происходит превращение вещи в памятную вещь. *Памятная вещь* все время вызывает воспоминания о ком-нибудь или о чем-нибудь⁷.

В поэтическом языке Некрасова и Ахматовой встречается множество «следов памяти». К ним можно отнести такие символические знаки, как *письмо, крест, свеча, кольцо, портрет, засушенный цветок, зеркало, старые вещи*. Наиболее яркими и часто употребляющимися являются *письмо* и *цветок*.

Образы письма и цветка имеют давнюю традицию в русской поэзии. Примером может служить стихотворение А.С. Пушкина «Сожженное письмо» (1825),

¹ Долинин А.С. Акмеизм // Заветы. 1913. № 5. С. 161.

² Кихней Л.Г. Акмеизм: Миропонимание и поэтика. М.: МАКС Пресс, 2001. С. 50.

³ Чукоккала. Рукописный альманах Корнея Чуковского. М.: Русский путь, 2006. С. 347.

⁴ Арутюнова Н.Д. Время: модели и метафоры // Логический анализ языка. Язык и время / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко. М.: Индрик, 1997. С. 52.

⁵ См. Ревзина О.Г. Память и язык // Критика и семиотика. Вып. 10. Новосибирск, 2006. С. 12.

⁶ Лотман Ю.М. Память в культурологическом освещении // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2004. С. 674, 675.

⁷ Брагина Н.Г. Память в языке и культуре. М.: Языки славянских культур (Studia Philologica), 2007. С. 249.

посвященное Елизавете Воронцовой¹. Как художественный символ, образ *письма* у Пушкина является способом передачи переживаний лирического героя:

Прощай, письмо любви! прощай: она велела.
Как долго медлил я! как долго не хотела
Рука предать огню все радости мои!..
Но полно, час настал. Гори, письмо любви.
Готов я; ничему душа моя не внемлет.
Уж пламя жадное листы твои приемлет...

«Панаевский цикл» Некрасова посвящен его возлюбленной и включает несколько стихотворений, в которых ключевым является образ письма.

В стихотворении «О письма женщины, нам милой!...» (1852) *беречь письма* – значит «хранить память»²:

*О ты, чьих писем много, много
В моем портфеле берегу!
Подчас на них гляжу я строго,
Но бросить в печку не могу.*

Контрапункт с этими строками образует голос лирической героини стихотворения Ахматовой «Столько просьб у любимой всегда!...» (1913)³:

*А ты письма мои береги,
Чтобы нас рассудили потомки...*

Письма приравняются у Некрасова другому символу – *цветам с могилы*. Этот образ усложняется метафорой *могила погибшей юности*⁴:

*Но и теперь они мне милы –
Поблекшие цветы с могилы
Погибшей юности моей!*

В стихотворении «Прощанье» (1856) этот образ получает развитие⁵:

*Мне эти письма будут милы
И святы, как цветы с могилы –
С могилы сердца моего!*

Сближение символики писем и цветов есть и в стихотворении «Горящие письма» (1877)⁶:

*Хранились в них души твоей черты,
Корыстному волненью непричастной,
Поэзии роскошные цветы –
Благоуханье молодости ясной!*

Как и у Некрасова, *письмо* и *цветок* стоят рядом в стихотворении Ахматовой «Проводила друга до передней!...» (1913), на их пересечении – слово *брошена*. Вспомним некрасовские *поблекшие цветы*⁷:

*Брошена! Придуманное слово –
Разве я цветок или письмо?*

¹ Пушкин А.С. Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1959. С. 70.

² Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Т. 1. Л.: Наука, 1981. С. 112.

³ Ахматова А.А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. М.: Эллис Лак, 1998. С. 114.

⁴ Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Т. 1. Л.: Наука, 1981. С. 112.

⁵ Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Т. 2. Л.: Наука, 1981. С. 24.

⁶ Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Т. 3. Л.: Наука, 1981. С. 200.

⁷ Ахматова А.А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. М.: Эллис Лак, 1998. С. 158.

Сжечь письма – у Некрасова перифраза слова *забыть*. Ср. *бросить в печку не могу* – не могу забыть, *та рука со злобой их сожгла* – предала забвению¹.

Нет! *Та рука со злобой их сожгла,*
Которая с любовью их писала!

Письмо как знак памяти и его уничтожение как символ забвения встречаем у Ахматовой в стихотворении «Ты письмо мое, милый, не комкай...» (1912)²:

Ты письмо мое, милый, не комкай,
Не плачь о заветной лжи,
Ты его в твоей бедной котомке
На самое дно положи.

Дно котомки, ящик, ларец, шкатулка, укладка (небольшой сундук) – место, где хранятся воспоминания. Эти образы соответствуют привычным для русского языка метафорам *в глубине души* или *погрузиться в воспоминания*. Приведем примеры.

Из стихотворения «Царскосельская ода» (1961)³:

Царскосельскую одурь
Прячу в *ящик пустой*,
В роковую *шкатулку*,
В кипарисный *ларец*.

Из стихотворения «Луна в зените» (16 марта 1944)⁴:

И в памяти, словно в узорной укладке:
Седая улыбка всезнающих уст.

В приведенных строках, на наш взгляд, просматривается метафора письма – «послания» из прошлого.

Образ *засохшего, безуханного, забытого в книге* цветка знаком нам по строчкам известного стихотворения А.С. Пушкина «Цветок» (1829)⁵. Его судьбу пытается разгадать поэт:

И положен сюда зачем?
На память нежного ль свиданья,
Или разлуки роковой
Иль одинокого гулянья,
В тиши полей, в тени лесной?

Иной, противоречивый смысл приобретает слово *цветок* в поэзии Ахматовой, оказываясь, как и у Некрасова, в одном семантическом поле со смертью и в то же время с другими вехами жизни⁶:

Я не люблю *цветы* – они *напоминают*
Мне похороны, свадьбы и балы,
Для ужина накрытые столы.
В этом же фрагменте героиня говорит о своей преданности «цветку»⁷:
Но лишь предвечных *роз простая красота*,
Та, что была моей отрадой с детства,
Осталась и теперь *единственным наследством*,

¹ Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Т. 3. Л.: Наука, 1981. С. 379

² Ахматова А.А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. М.: Эллис Лак, 1998. С. 111.

³ Ахматова А.А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 4. М.: Эллис Лак, 1998. С. 361.

⁴ Ахматова А.А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. М.: Эллис Лак, 1998. С. 63.

⁵ Пушкин А.С. Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1959. С. 233.

⁶ Ахматова А.А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. М.: Эллис Лак, 1998. С. 335.

⁷ Там же.

Как звуки Моцарта, как ночи чернота.

Исследователи отмечают, что в позднем творчестве Ахматовой роза будет доминировать, соединив в себе значения остальных цветов¹.

Розы хранят память о молодости и счастье лирической героини:

Я к *розам* хочу, в тот единственный сад,
Где лучшая в мире стоит из оград,
Где статуи *помнят* меня молодой,
А я их под невскою *помню* водой.
«Летний сад» (1959)²

В поэтическом языке Некрасова *роза*, являясь именем любви, вновь возвращает нас к теме смерти:

С чела слетела
Искусно скрытая тоска,
Из роз могильного венка
Цветок он вырвал равнодушно,
Пошел – исчез в толпе бездушной...
«Покойница» (1839)³

Сопоставим с этим стихотворением ахматовское «На шее мелких четок ряд...» (1913)⁴:

А бледный рот слегка разжат,
Неровно трудное дыханье,
И на груди моей дрожат
Цветы не бывшего свиданья.

Потеря любви приравнивается к смерти в поэтических строках Ахматовой, а *цветы не бывшего свидания* – тот же могильный венок. Как пишет А.Т. Твардовский, «предчувствие и зарождение любви, испытания любви, память любви, ее безысходные утраты, раскаяния и «зароки» – эти и многое мотивы любовной темы не есть открытые Анны Ахматовой в поэзии. Однако ее особенность в том, что лирический герой ее миниатюрных стихотворных новелл – не *он*, как это по преимуществу было в известнейших образцах классической лирики, а *она*, любящая женщина, носительница бремени неразделенной или утраченной любви с ее особой женской «памятью сердца»⁵.

Письмо, как в поэтическом языке у Ахматовой, так и в ее собственной жизни, занимает значительное место. Когда у Ахматовой обострился туберкулез во время Второй мировой войны, она переписывалась с мужем. Гумилёв был на фронте и не забывал ей писать, Ахматова отвечает ему посредством стихотворения «Как невеста, получаю» (1915)⁶. *Письмо* здесь связано с мотивом скорой смерти:

Как невеста, получаю
Каждый вечер *по письму*,
Поздно ночью отвечаю
Другу моему:

¹ Серова М.В. «Цветы» в поэтическом мире Анны Ахматовой. Интернет-портал «Россия в красках». www.ricolor.org/

² Ахматова А.А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. М.: Эллис Лак, 1998. С. 7.

³ Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Т. 1. Л.: Наука, 1981. С. 227.

⁴ Ахматова А.А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. М., Эллис Лак, 1998. С. 165.

⁵ Твардовский А.Т. Собр. соч.: В 6 т. Т. 5. Статьи и заметки о литературе. Речи и вступления (1933–1970) / Примеч. А. Дементьева и Р. Романовой. М.: Художественная литература, 1980. С. 270.

⁶ Ахматова А.А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. М.: Эллис Лак, 1998. С. 245.

*«Я гощу у смерти белой
По дороге в тьму.
Зла, мой ласковый, не делай
В мире никому».*

Б. Эйхенбаум так говорил про поэтическое творчество Анны Ахматовой: «Перед нами – конкретные человеческие чувства, конкретная жизнь души, которая томится, радуется, печалится, негодует, ужасается, молится, просит и т. д. От стихотворения к стихотворению – точно от дня к дню»¹.

Образ цветка предстает в виде лилии в произведении «Два стихотворения» (1909)². Ее запах напоминает поэтессе прошедшие дни и помогает раскрыть душевный мир лирической героини:

*Тот же голос, тот же взгляд,
Те же волосы льняные.
Все как год тому назад,
Сквозь стекло лучи дневные
Известь белых стен пестрят...
Свежих лилий аромат
И слова твои простые.*

Творчество Некрасова и Ахматовой сближается в том, что оба поэта обращают особое внимание на содержание внутреннего мира человека. В их стихотворениях ощущается глубокое переживание. Этот «пронзительный, страстный, и трагический рассказ о любви приносит любящим больше страдания, чем радости»³.

Таким образом, мы видим, что знаки памяти, такие как *цветок* и *письмо*, сближают поэзию Некрасова и Ахматовой и позволяют понять глубинный смысл их произведений.

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнова Н.Д. Время: модели и метафоры // Логический анализ языка. Язык и время / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко. М.: Индрик, 1997. С. 51–61.

Ахматова А.А. Собрание сочинений: В 6 т. М.: Эллис Лак, 1998–2005.

Брагина Н.Г. Память в языке и культуре. М.: Языки славянских культур (Studia Philologica), 2007. 520 с.

Долинин А.С. Акмеизм // Заветы. 1913. № 5. С. 152–162.

Кихней Л.Г. Акмеизм: Миропонимание и поэтика. М.: МАКС Пресс, 2001. 183 с.

Лотман Ю.М. Память в культурологическом освещении // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб: Искусство-СПБ, 2004. 704 с.

Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Л.; СПб.: Наука, 1981–2000.

Пушкин А.С. Собр. соч.: В 10 т. М.: Художественная литература, 1959–1962.

Ревзина О.Г. Память и язык // Критика и семиотика. Вып. 10. Новосибирск, 2006. С. 10–24.

Святополк-Мирский Д.П. История русской литературы с древнейших времен по 1925 / Пер. с англ. Р. Зерновой. 5-е изд., испр. и доп. Новосибирск: Свиньин и сыновья, 2014. 876 с.

Серова М.В. «Цветы» в поэтическом мире Анны Ахматовой. Интернет-портал «Россия в красках». www.ricolor.org/

¹ Эйхенбаум Б. О поэзии. Л.: Советский писатель, 1969. С. 87.

² Ахматова А.А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. М.: Эллис Лак, 1998. С. 25.

³ Святополк-Мирский Д.П. История русской литературы с древнейших времен по 1925 / Пер. с англ. Р. Зерновой. 5-е изд., испр. и доп. Новосибирск: Свиньин и сыновья, 2014. С. 370.

Твардовский А.Т. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 5. Статьи и заметки о литературе. Речи и вступления (1933–1970) / Примеч. А. Дементьева и Р. Романовой. М.: Художественная литература, 1980. 463 с.

Чукоккала. Рукописный альманах Корнея Чуковского. М.: Русский путь, 2006. 584 с.

Эйхенбаум Б. О поэзии. Л.: Советский писатель, 1969. 552 с.

REFERENCES

Arutyunova N.D. Time: Models and Metaphors. In: Logical Analysis of Language. Language and Time / Ed. N.D. Arutyunova, T.E. Yanko. Moscow. Indrik Publ. 1997, pp. 51–61.

Akhmatova A.A. Collected Works: In 6 v. Moscow. Ellis Lak Publ. 1998–2005.

Bragina N.G. (2007) Memory in Language and Culture. Moscow. Jazyki Slavjanskich Kul'tur (Studia Philologica). 520 p.

Dolinin A.S. Acmeism. *Zavety*. 1913. No 5, pp. 152–162.

Kihney L.G. (2001) Acmeism: The Worldview and Poetics. Moscow. MAKSPress Publ. 183 p.

Lotman Y.M. Memory in the Cultural Lighting. In: Lotman, Y.M. Semiosphere. St.-Petersburg. Iskusstvo-SPB Publ. 2004. 704 p.

Nekrasov N.A. The Complete Works and Letters: In 15 v. Leningrad; St.-Petersburg. Nauka Publ. 1981–2000.

Pushkin A.S. Collected Works: In 10 v. Moscow. Khudozhestvennaya Literatura Publ. 1959–1962.

Revzina O.G. Memory and Language. In: Criticism and Semiotics. Vol. 10. Novosibirsk. 2006, pp. 10–24.

Svyatopolk-Mirsky D.P. (2014) History of Russian Literature from the Earliest Times to 1925 / Transl. R. Zernovaya. 5th ed. Novosibirsk. Svinyin i Synovja Publ. 876 p.

Serova V.M. “Flowers” in the Poetic World of Anna Akhmatova. The Internet Portal “Russia in Colors”. www.ricolor.org/

Tvardovsky A.T. Collected Works. In 6 v. Vol. 5. Articles and Notes on Literature. Speeches and Statements (1933–1970) / Comment. by A. Dementyeva and R. Romanova. Moscow. Khudozhestvennaya Literatura Publ. 1980. 463 p.

Chukokkala. Handwritten Almanac of Korney Chukovsky. Moscow. Russky Put Publ. 2006. 584 p.

Eykhenbaum B. (1969) About Poetry. Leningrad. Soviety Pysatel Publ. 552 p.

Сведения об авторе:

Эсра Кадыоглу,
аспирант
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Kadioglu Esra,
Postgraduate Student
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
essrakadioglu@gmail.com

Чиан Чиех Хан
(Тайвань)

Тело как свидетельство в повести Л. Андреева «Красный смех»

Аннотация: Настоящая статья посвящена роли тела в повести Л. Андреева «Красный смех». Названное произведение рассматривается как своего рода текст свидетельства о травматическом опыте, в котором отражаются как безумие войны, так и кризис гуманизма. Человеческое тело в этой повести служит, прежде всего, важнейшим ориентиром для познания фантасмагорической реальности войны, имеющим непосредственное отношение к осмыслению сущности апокалиптического события вообще. Кроме того, тело представляет собой некое свидетельство, в котором запечатлено насилие истории. В этом плане крайне существенны воспроизведение гротескных телесных образов и воплощение памяти тела человека. Охарактеризованы в работе также «телесно» воспроизведенная фигура Красного смеха и значение такого явления, как избыток физиологичности, с каким раскрывается литературное свидетельство.

Ключевые слова: тело, свидетельство, история, «Красный смех», Л. Андреев

Chiang Chieh-han
(Taiwan)

Body as Testimony in L. Andreev's "Red Laughter"

Abstract: The article deals with the role of the body in L. Andreev's "Red Laughter." The work is considered a text of testimony about traumatic experience, in which the madness of war and the crisis of humanism are reflected. In the story, the human body serves, above all, as the most critical reference point for the perception of the phantasmagorical reality of war; therefore, it is directly associated with the comprehension of the essence of the apocalyptic event in general. Moreover, the body could be taken as certain form of testimony, in which the violence of history is imprinted. In this regard, the depiction of grotesque body images and the representation of the memory of the human body are extremely important. In the article, the "bodily" reproduced figure of the Red Laughter and the significance of the phenomenon of the excess of corporeality, with which the literary testimony is revealed, are examined as well.

Keywords: the body, testimony, history, "Red Laughter", L. Andreev

«Красный смех» представляет собой одно из самых масштабных прозаических произведений, созданных Л. Андреевым. К этому произведению современные писателю критики отнеслись неоднозначно. Как известно, М. Горький назвал повесть «чрезвычайно важным, своевременным»¹ явлением, а В.В. Вересаев в свою очередь характеризовал ее как «произведение большого художника-неврастеника, больно и страстно переживавшего войну через газетные корреспонденции о ней»². Следует подчеркнуть, что Вересаев, действительно побывавший на фронте русско-японской войны, не считал текст Андреева верным свидетельством о конкретном данном событии, ибо, по его мнению, в этой истории «упущена из виду самая страшная и самая спасительная особенность человека – способность ко всему привыкать»³. Таким образом, с точки зрения Вересаева, эта повесть не дала реальной картины войны.

С этим суждением, конечно, не мог согласиться автор названного произведения, который, отвечая на критические замечания Горького, сделал акцент на значимости субъективного восприятия исторического события. Писатель утверждал, что собственное отношение к войне – «также факт, и весьма немаловажный»⁴. На самом деле, высказывание Андреева во многом перекликается с современным взглядом на проблему исторического свидетельства.

В своей книге, посвященной кризису свидетельства и сущности психологической травмы, С. Фелман и Д. Лауб называют XX век «эпохой свидетельства»⁵, так как он полон исключительных переломных событий, к которым они относят войны огромного масштаба, революции, Холокост, погромы, геноцид наций, что требует исторического описания и осмысления, но одновременно не позволяет выполнить эти задачи. Как указывают американские исследователи, причина невозможности подлинного понимания вышеуказанных событий заключается в том, что каждое из них является, по сути, невообразимым травматическим опытом, при котором человек полностью лишен способности ориентироваться. Ведь травма всегда представляет собой феномен вне познания; «неудача воображения» неизбежно приведет к невозможности «исторически свидетельствовать» о кризисном событии⁶. По убеждению ученых, всяческое повествование о собственной травме, то есть текст свидетельства, не только имеет отношение к реконструкции фактической ткани прошлого, но и способствует подлинному осмыслению значения исторического опыта. Кроме того, крайне важно, что в свидетельстве ключевую роль играют не реальные исторические факты, а переживания воспринимающего субъекта, в частности, его осознание момента «поломки рамок»⁷, то есть распада существующей нормы и перехода к новой структуре.

Можно сказать, что повесть «Красный смех» представляет собой именно попытку автора воплотить и осмыслить безумие войны посредством воссоздания текста свидетельства о травматическом опыте, в котором раскрывается как насилие истории, так и возникающий при столкновении с ним кризис человеческого сознания. Следует отметить, что в данном повествовании человеческое тело

¹ Литературное наследство. Т. 72. М.: Наука, 1965. С. 243.

² Вересаев В. Леонид Андреев // Вересаев В. Собр. соч.: В 5 т. Т. 5. М.: Правда, 1961. С. 398.

³ Там же. С. 397–398.

⁴ Литературное наследство. Т. 72. С. 244.

⁵ См.: *Felman S., Laub D. Testimony: Crises of Witnessing in Literature, Psychoanalysis and History.* New York: Routledge, 1992. P. 5 (перевод здесь и далее мой. – Ч.Ч.).

⁶ Там же. P. 104–105.

⁷ Там же. P. 60.

в разных формах его проявления занимает едва ли не центральное место, что не только существенно в планах художественного воплощения и раскрытия идейного содержания произведения, но может иметь и непосредственное отношение к решению одной из важнейших задач литературного свидетельства.

В.И. Беззубов и Л.С. Карлик, говоря о ценностной перевернутости пространственных оппозиций, которая соответствует перевернутости всех нормальных представлений в художественном мире «Красного смеха», указывают на то, что в данном произведении война есть «безумие, при котором мир переворачивается с ног на голову»¹, что вполне конкретно воплощается в образе доктора, который после хирургической операции по ампутации одного из главных героев заставляет его смотреть на изуродованные тела раненых и осознавать абсурдность войны. Читаем: «С гибкостью, неожиданною для его возраста, он <доктор. – Ч. Ч.> перекинулся вниз и стал на руки, балансируя в воздухе ногами. Белый балахон завернулся вниз, лицо налилось кровью, и, упорно смотря на меня <героя. – Ч. Ч.> странным перевернутым взглядом, он с трудом бросал отрывистые слова: А это... вы также... понимаете?»² Как видим, перевернутость и ненормальность мира переданы через кульбиты, которые производит тело данного персонажа. Таким образом, продемонстрировано, что война сама по себе есть абсурдная ситуация, которую как непознаваемый опыт невозможно вписать в рамки существующих идей³.

По мнению Фелман и Лауб, рассказ о травматическом опыте никогда не бывает хорошо структурированным, полным или законченным, а, как правило, состоит из фрагментов ошеломляющих впечатлений⁴, что и подтверждается фрагментарностью «Красного смеха» и сделанным в нем акцентом на телесном восприятии человека. Можно смело утверждать, что тело в хаотическом состоянии войны является единственным ориентиром, необходимым для познания реальности катастрофического события. Важны в этом плане прежде всего физиологические проявления чувств: чувства жара, боли и усталости.

В первой части повести «иссушающий, палящий жар», который может проникать «в самую глубину тела, в кости, в мозг»⁵, не только указывает на суровые будни войны, но и отражает духовный кризис, испытываемый героем. Масса сильнейших сенсорных впечатлений естественным образом приводит человека к крайней усталости. Предельная усталость притупляет ощущение боли, описание которой почти отсутствует в повести. Герой не раз упоминает о том, что на войне солдаты похожи на пьяных, они действуют, будто «во сне»⁶, постоянно засыпают на фронте. В результате этого солдаты превращаются в «призрачные ряды»⁷, лишённые всяческих чувств. Как говорит повествователь, «точно не живые люди

¹ Беззубов В.И., Карлик Л.С. Художественное пространство в прозе Л. Андреева 1898–1904 гг. // Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 491. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. XXXI. Типология русской литературы и проблемы русско-эстонских литературных связей. Тарту: Тартуский государственный университет, 1979. С. 76.

² Андреев Л.Н. Красный смех // Андреев Л.Н. Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1990. С. 42.

³ Стоит добавить, что приведенный фрагмент, разумеется, в высшей степени важен для автора повести. В письме к Горькому Андреев пишет: «Сумасшедший доктор мне [курсив Андреева. – Ч.Ч.] кажется лучшим местом рассказа – опять-таки в соответствии с моей идеей безумия войны». См.: Литературное наследство. Т. 72. С. 245.

⁴ См.: Felman S., Laub D. Testimony: Crises of Witnessing in Literature, Psychoanalysis and History. P. 5.

⁵ Андреев Л.Н. Красный смех // Андреев Л.Н. Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. С. 22.

⁶ Там же. С. 24.

⁷ Там же.

то шли, а армия бесплотных теней»¹. Это значит, они потеряли даже собственные тела. В связи с этим наблюдается и перевернутая антитеза «живое – мертвое»: живые люди становятся всё более безжизненными, а трупы и враждебная среда напоминают живые, подчас даже весьма агрессивные существа.

Представлены в свидетельских «показаниях» героя также такие явления, как отчуждение и деформация человеческого тела, что ярко подчеркивает безумие войны и экзистенциальный кризис субъекта. Повествователь вспоминает о том, что на войне он часто чувствует, что у него «на плечах покачивается не голова, а какой-то странный и необыкновенный шар, тяжелый и легкий, чужой и страшный»². Кроме того, кризисное состояние отражается и в неспособности человека контролировать свое собственное тело. Вспомним солдата, который в походе выделялся из толпы. Он ходит нетвердыми шагами и останавливается, «что-то последнее чувствуется в его попытках собрать свое разбрасывающееся тело»³. Именно в несогласованности и дисгармоничности телесного движения этого персонажа воплощается раздробленность его бытия.

В качестве примера можно привести и сцены массовых убийств. Солдаты «обвивались, как змеи», проволокой и становились похожи на «игрушечных пацанов»⁴. Умирая, они танцуют и срываются в ямы, превращаются в «копошащую грудку окровавленных живых и мертвых тел»⁵. Здесь возникает гротескное массовое тело: «Отовсюду снизу тянулись руки, и пальцы на них судорожно сокращались, хватая всё... сотни пальцев, крепких и слепых, как клешни, сжимали ноги, цеплялись за одежду, валили человека на себя, вонзались в глаза и душили»⁶. А после кровавого сражения раненные, словно «темные бугорки», «копошились и ползали, как сонные раки, выпущенные из корзины, раскоряченные, странные, едва ли похожие на людей в своих оборванных, смутных движениях и тяжелой неподвижности»⁷. В вышеприведенных фрагментах не только встречается, как указывал Р.Л. Красильников, явление деперсонализации⁸, но и воплощено, как жестокость и абсурдность проникают в повседневность войны.

Рассматривая такие проблемы, как тело и насилие и их взаимоотношение с историей человеческой цивилизации, немецкий философ Д. Кампер утверждал, что тело человека «всегда служило мемориальной доской для предысторических, исторических и биографических вписываний»⁹. Следовательно, «человеческая культура с самого начала функционировала как кодирующая запись, как универсальная татуировка, которая по мере всё большего порядка вписывала шрамы напоминаний»¹⁰. Ситуации в повести «Красный смех» словно бы иллюстрируют приведенные высказывания. Вспомним отчаянный крик героя: красный смех как страшная истина, в которой раскрываются жестокость и бессмысленность вой-

¹ Там же. С. 23.

² Андреев Л. Н. Красный смех // Андреев Л.Н. Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. С. 23.

³ Там же. С. 24.

⁴ Там же. С. 28.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 28–29.

⁷ Там же. С. 37.

⁸ См.: Красильников Р.Л. Танатологические мотивы в художественной литературе. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 350.

⁹ Кампер Д. Знаки как шрамы. Графизм боли // Кампер Д. Тело. Насилие. Боль: Сб. ст. СПб.: Издательство РХГА, 2010. С. 34.

¹⁰ Там же.

ны, не только обозначится в небе, на солнце, «разольется по всей земле», но и внедрится во все «изуродованные, разорванные, странные тела»¹. Таким образом, человеческое тело в данном произведении представляет собой некую особенную форму свидетельства, открытую для вписывания в нее сигналов памяти.

В своем повествовании о войне герой довольно часто обращает внимание на ту или иную часть тела человека, в том числе глаза, в которых отражается «бездна ужаса и безумия»². При встрече с солдатом, у которого зрачки «расплылись <...> во весь глаз»³, герой размышляет о том, «какое море огня должен видеть он (солдат. – Ч. Ч.) сквозь эти огромные черные окна»⁴. Он убежден, что «в этих черных, бездонных зрачках, обведенных узеньким оранжевым кружком, как у птиц, было больше, чем смерть, больше, чем ужас смерти»⁵. В этом случае резонно говорить о памяти тела. Когда сознание человека находится в интервале потрясения, тело продолжает сохранять в памяти опыт человека.

Травмы как особый феномен, находящийся на границе физиологии и психологии, в этом случае становятся крайне важны. Вернувшись с войны калекой, герой надеется на спокойную жизнь в домашнем уюте, мечтая о своем «Возвращенном рае» и самореализации. Однако жуткие впечатления и безумие войны укоренены не только в его сознании, но и в памяти его тела: у него трясутся голова и руки; он думает о своих отрезанных ногах. Хотя о войне он не вспоминает, ему напоминает о ней тело. Таким образом, можно сказать, что в повести «Красный смех» физиологическая травма становится свидетельством войны, которое невозможно игнорировать. Ампутированные ноги приносят герою своего рода «фантомную боль», мучая его не только болью, но и их отсутствием. Об этом герой говорит прямо: «Мне ясно представился теперешний мой день: какой-то странный, короткий, обрубленный, как мои ноги, с пустыми, загадочными местами»⁶. Вновь подчеркнем: кризис существования субъекта выражается именно через воплощение телесного образа, вернее, отсутствия его части.

Также следует отметить, что подступающее безумие невозможно преодолеть даже с помощью творчества. Сидя за письменным столом, герой никак не может начать писать. Его рука «как лягушка, привязанная на нитке, зашлепала по бумаге... Перо тыкалось в бумагу, скрипело, дергалось, неудержимо скользило в сторону и выводило безобразные линии, оборванные, кривые, лишенные смысла»⁷. Повествователь подробно рассказывает о данном моменте обнаружения «страшной истины», когда его «рука прыгала по ярко освещенной бумаге, и каждый палец в ней трясся в таком безнадежном, живом, безумном ужасе, как будто они, эти пальцы, были еще там, на войне, и видели зарево и кровь, и слышали стоны и вопли несказанной боли»⁸. Здесь имеет значение вышеупомянутое явление отчуждения собственного тела: «безумно трепещущие пальцы» героя словно отделились от него и стали жить своей жизнью. Следя за «дикой пляской»⁹ собственных пальцев, герой ощущает бессилие перед собственным телом; «холодея, не имея силы

¹ Андреев Л.Н. Красный смех // Андреев Л.Н. Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. С. 27–28.

² Андреев Л.Н. Красный смех // Андреев Л.Н. Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. С. 24.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 51.

⁷ Там же. С. 50.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

вскрикнуть и пошевелиться»¹, он, лишенный возможности двигаться, «сидел... и послушно глядел, как дрожат руки»². Данные фрагменты не только демонстрируют разрушительную силу войны, но и показывают своего рода явление афазии, относящееся к невозможности полностью передать травматический опыт словами. В случае, когда «на бумаге остались только безобразные линии, оборванные, кривые, лишенные смысла»³, тело становится альтернативной формой свидетельства, в которой запечатлены насилие войны и экзистенциальный ужас человека.

Разумеется, важнейшей фигурой в данном произведении является Красный смех. По убеждению Фелман и Лауб, травма существует вне причинности и последовательности, она не обладает временно-пространственными качествами, ибо возникает за пределами всяческой нормы. Таким образом, травматический опыт, как правило, не имеет ни начала, ни конца, а бесконечно дублирует свое существование. Он находится не под контролем субъекта, а выступает как некое Иное, представляющее собой непредсказуемую, вездесущую и всепоглощающую стихию⁴. Именно такую роль выполняет символический образ красного смеха в андреевской истории о войне.

Опять-таки в данном образе имеет огромное значение тело. Во втором отрывке рассказывается о случае, когда впервые появилась эта фигура: «на месте бледного лица было что-то короткое, тупое, красное, и оттуда лила кровь, словно из откупоренной бутылки, как их рисуют на плохих вывесках»⁵. Далее повествователь указывает на то, что «в этом коротком, красном, текущем продолжалась еще какая-то улыбка, беззубый смех – красный смех»⁶. А в другом месте герой дает объяснение происхождения красного смеха таким образом: «Когда земля сходит с ума, она начинает так смеяться... На ней нет ни цветов, ни песен, она стала круглая, гладкая и красная, как голова, с которой содрали кожу»⁷. Важно, что повествователь всё время акцентирует внимание на визуальном аспекте данной фигуры, подчеркивая возникающую ассоциацию с человеческим телом. Как верно представлялось В.В. Маяковскому, в анализируемом произведении война воплощается «как липкая одуряющая кровь»⁸. Как видим, в этом антропоморфном образе ощутим избыток физиологичности. И как ключевой символ, в котором заключается весь смысл повести, он непосредственно связан с телесными образами, совершенно естественно наполняемыми кровью.

Как указывала Л.А. Иезуитова, «Красный смех» можно назвать одним из «самых чрезвычайных произведений Андреева»⁹. Кажется, «чрезвычайность» в данной повести получает особенно яркое выражение через воплощение человеческого тела. А это, несомненно, имеет прямое отношение к главной художественной задаче произведения, связанной с проблемой свидетельства.

¹ Там же.

² Андреев Л.Н. Красный смех // Андреев Л.Н. Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. С. 50.

³ Там же. С. 52.

⁴ См.: Felman S., Laub D. Testimony: Crises of Witnessing in Literature, Psychoanalysis and History. P. 68.

⁵ Андреев Л.Н. Красный смех // Андреев Л.Н. Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. С. 27.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 61.

⁸ Маяковский В. Будетляне // Маяковский В. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 1. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955. С. 332.

⁹ Иезуитова Л.А. Творчество Леонида Андреева (1982–1906) // Иезуитова Л.А. Леонид Андреев и литература серебряного века: Избранные труды. СПб.: Петрополис, 2010. С. 145.

Один из главных героев, который не был участником войны, а воспринимал ее лишь через газетные новости и пересказы свидетелей, в частности своего брата, говорит о своей попытке «облечь плотью»¹ войну: он видит войну в образе «безглавого скелета на коне» и «какой-то бесформенной тени, родившейся в тучах и бесшумно обнявшей землю»². Однако полноценное представление о войне, по мысли Андреева, может дать только фигура красного смеха, который, как уже было сказано, отличается избыточной физиологичностью.

По убеждению Фелман и Лауб, «конкретная задача литературного свидетельства заключается в том, чтобы открыть в запоздалом свидетеле... творческую способность к восприятию истории – то, что происходит с другими – *в своем теле* (курсив авторов. – Ч.Ч.) с силой зрения (прозрения), которая, как правило, предоставляется только путем непосредственного физического участия»³. Другими словами, суть свидетельства травмы, с точки зрения исследователей, состоит в том, чтобы превратить абстрактные идеи и образы в реальные ощущения, а также творить «в теле другого» опыт травматической истории.

Во второй части повести рассказывается о «нелепом и страшном сне»⁴ одного из героев после смерти брата: его мозг, с которого «сняли костяную крышку», «покорно и жадно впитывает в себя все ужасы... кровавых и безумных дней»⁵. Герой думает, что его «мысль... обнимает мир». Он утверждает: «Глазами всех людей я смотрю и ушами их слушаю; я умираю с убитыми; с теми, кто ранен и забыт, я тоскую и плачу, и когда из чьего-нибудь тела бежит кровь, я чувствую боль ран и страдаю. И то, чего не было и что далеко, я вижу так же ясно, как то, что было и что близко, и нет предела страданиям обнаженного мозга»⁶.

Итак, именно своим телом он воспринимает травму близкого человека, а также безумие войны. Эти слова могут служить иллюстрацией вышеприведенного высказывания о сути литературного свидетельства. То же самое явление может возникать и в процессе чтения повести «Красный смех». Следует отметить, что экспрессионистский метод воплощения, характерный для творчества Андреева, во многом усиливает художественный эффект данного текста, что рассчитано на читательское восприятие.

Поводя итог, можно сказать, что повесть «Красный смех» является своего рода текстом свидетельства, в котором человеческое тело занимает едва ли не первостепенное место в художественном воплощении раскрытия идейного содержания. Здесь тело, с одной стороны, оказывается важнейшим ориентиром для познания фантазмагорической реальности войны, а с другой – представляет собой особую форму свидетельства, в которой запечатлены насилие истории и кризис гуманизма. А ключевая фигура красного смеха воплощает жестокость и абсурдность войны и не только имеет отношение к поэтике чрезвычайности, свойственной экспрессионистскому творческому методу Андреева, но и в высшей степени значима для воссоздания полноценного текста свидетельства травматического опыта.

ЛИТЕРАТУРА

Андреев Л.Н. Красный смех // Андреев Л.Н. Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1990. С. 22–73.

¹ Андреев Л.Н. Красный смех // Андреев Л.Н. Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. С. 53.

² Там же.

³ Felman S., Laub D. Testimony: Crises of Witnessing in Literature, Psychoanalysis and History. P. 108.

⁴ Андреев Л.Н. Красный смех // Андреев Л.Н. Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. С. 60.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

Беззубов В.И., Карлик Л.С. Художественное пространство в прозе Л. Андреева 1898–1904 гг. // Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 491. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. XXXI. Типология русской литературы и проблемы русско-эстонских литературных связей. Тарту: Тартуский государственный университет, 1979. С. 59–83.

Вересаев В. Леонид Андреев // Вересаев В. Собр. соч.: В 5 т. Т. 5. М.: Правда, 1961. С. 395–421.

Иезуитова Л.А. Творчество Леонида Андреева (1892–1906) // Иезуитова Л.А. Леонид Андреев и литература серебряного века: Избранные труды. СПб.: Петрополис, 2010. С. 14–210.

Кампер Д. Знаки как шрамы. Графизм боли // Кампер Д. Тело. Насилие. Боль: Сб. ст. СПб.: Издательство РХГА, 2010. С. 30–46.

Красильников Р.Л. Танатологические мотивы в художественной литературе. М.: Языки славянской культуры, 2015. 488 с.

Литературное наследство. Т. 72. М.: Наука, 1965. 630 с.

Маяковский В. Будетляне // Маяковский В. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 1. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955. С. 329–332.

Felman S., Laub D. Testimony: Crises of Witnessing in Literature, Psychoanalysis and History. New York: Routledge, 1992. 312 p.

REFERENCES

Andreev L.N. Red Laughter. In: Andreev L.N. Works in 6 Vols. Vol. 2. Moscow. Khudozhestvennaya Literatura Publ. 1990, pp. 22–73.

Bezzubov B.I., Karlik L.S. Artistic Space in the Prose of L. Andreev (1898–1904). In: Scientific Notes of Tartu State University. Issue 491. Works on Russian and Slavic Philology. Literary Studies. XXXI. Typology of Russian Literature and Problems of Russo-Estonian Literary Relations. Tartu. Tartu State University. 1979, pp. 59–83.

Iezuitova L.A. Works of Leonid Andreev (1892–1906). In: Iezuitova L.A. Leonid Andreev and Literature of the Silver Age. Selected Works. St.-Petersburg. Petropolis Publ. 2010, pp. 14–210.

Felman S., Laub D. (1992) Testimony: Crises of Witnessing in Literature, Psychoanalysis and History. New York. Routledge. 312 p.

Kamper D. Signs as Scars. Graphism of Pain. In: Kamper D. Body. Violence. Pain: Articles. St.-Petersburg. Publishing House of RHGA. 2010, pp. 30–46.

Krasil'nikov R.L. (2015) Thanatological Motifs in Literature. Moscow. Languages of Slavic Culture. 488 p.

Literary Heritage. Vol. 72. Moscow. Nauka Publ. 1965. 630 p.

Mayakovsky V. Budetlyane. In: Mayakovsky V. Complete Works: In 13 vols. Vol. 1. Moscow. GИHL Publ. 1955, pp. 329–332.

Veresaev V. Leonid Andreev. In: Veresaev V. Works: In 5 vols. Vol. 5. Moscow. Pravda Publ. 1961, pp. 395–421.

Сведения об авторе:

Чиан Чиех Хан,
аспирант
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Chiang Chieh-han,
Postgraduate
Faculty of Philology
Lomonosov Moscow State University
sashachiang@gmail.com

Чун Чжиин
(Южная Корея)

**Вещь в феноменологической рецепции В.В. Маяковского
(«Флейта-позвоночник»)**

Аннотация: Статья посвящена содержательному и художественному смыслу вещной детали в поэме В.В. Маяковского «Флейта-позвоночник». Мир вещей не только выражает эмпирическую сторону бытия, но и мотивирует психику героя. Вещь передает экзистенциалистскую суть поэмы. Через вещную лексику озвучивались положения собственно эстетики футуризма. Слово для футуриста имеет коммуникативный и номинативный смысл лишь тогда, когда представляет часть качества предмета. Вещная деталь в художественном опыте Маяковского оказывается не менее оптимальным средством выражения экзистенциальных состояний, чем прямые описания переживаний в классической поэзии. Через вещь проясняется отношение между Творцом и тварью. Внимание уделяется лирической рефлексии в контексте идей М. Хайдеггера.

Ключевые слова: вещь, авангард, экзистенциальное, сюрреализм, Хайдеггер, Якобсон

Chun Jiin
(South Korea)

**Thing in the Phenomenological Reception
of V.V. Mayakovsky (“Flute of the Spine”)**

Abstract: This article explores the inner and artistic meaning of a matter detail in the Mayakovsky’s Poem «Flute of the Spine». The world of matter not only represents the empirical aspect of existence but also informs about the poetic motif of the speaker. The object conveys the meaning of the existentialist gist in the Poem and matches the existential level in the perception of futurists. The aesthetics of futurists is expressed by words expressing things. The details of the material in Mayakovsky poetry is the best means to represent the state of being in the artistic experience rather than the direct description of the impatience shown in classical poetry. Through the object, we reveal the relationship between the creator and the creature. Attention is attracted to the lyrical reflexion of things in the context of M. Heidegger’s ideas.

Key words: thing, avant-garde, existential, surrealism, Heidegger, Jacobson

В. Маяковский если не создатель, то ярчайший выразитель экспрессивно-психологической поэзии, что в прозе XX в. созвучно поэтике Л. Андреева. Острая рецепция вещи, в целом материального мира, придает его поэмам экзистенциалистский смысл, хотя это утверждение и не созвучно привычному взгляду на прометеизм, созидательный пафос, культ креативности в его текстах. Мы обращаемся к контекстам, в целом далеким друг другу, – к эстетике футуристов и философии М. Хайдеггера. Вещная деталь в поэме В. Маяковского «Флейта-позвоночник» (1915) актуализируется как образ экзистенции.

Во-первых, вещь в тексте поэмы существует как бытийный феномен, взаимосвязанный с другими феноменами, формирующими мир и жизнь человека, что прежде всего соотносится с установкой футуристов на онтологическое содержание вещного мира. Проводник рефлексии и ассоциативного мышления в их текстах – вещь. Например: «Татлин, тайновидец лопастей / И винта певец суровый» (В. Хлебников), «Моя песня крыловая / Незамолчный гул – мотор» (В. Каменский), «Спешащее всегда на нож простора» (Д. Бурлюк), «Старые щипцы заката / заплаты / рябые очи / смотрят / смотрят / на восток / нож хвастлив / взоры кинул / и на стол / как на пол / офицера опрокинул» (А. Крученых), «Колыхаясь белым балахоном / Туфле в такт и сердцу в такт, / праведник, в раю благоуханном / Вот нисходишь на смарагд» (Б. Лившиц), «Зажги Бензиновой зажигалкой / Себе пять Солнц и сорок Лун» (И. Игнатъев), «Лишь зная стали / Грибы рогатины в зубах возрастали» (В. Гнедов), «Храмовой в малахите ли колен, / Возлелеян в серебре ль косогор – / Многодольную голь колоколен / Мелководный несет мельхиор» (Б. Пастернак)¹.

Через вещную лексику во многом озвучивались и положения собственно эстетики футуризма, что мы отмечаем уже в манифесте Т. Маринетти (1909): «Гоночный автомобиль со своим кузовом, украшенным громадными трубами со взрывчатым дыханием... рычащий автомобиль, кажущийся бегущим по картечи, прекраснее Самофракийской победы»². Так было заявлено не только о новом понимании красоты, но и о новом, вещном, языке поэтической теории. Как бы ни вставляли русские футуристы по отношению к Маринетти в позицию недовольных, они – вольно или невольно – шли вслед за ним, выражая свое понимание текста через вещную лексику. А. Крученых и В. Хлебников писали в 1913 г.: «Чтобы писалось туго и читалось туго неудобнее смазанных сапог или грузовика в гостинной...»³.

Новый теоретический язык отвечал стремлению очистить реальность от мистики, являлся средством полемики с символистами: «...в последнее время женщину старались превратить в вечно женственное, прекрасную даму, и таким образом юбка делалась мистической (это не должно смущать непосвященных, – тем более!..) Мы же думаем, что язык должен быть прежде всего языком и если уж напоминать что-нибудь, то скорее всего пилу или отравленную стрелу дикаря»⁴. Отметим подзаголовок декларации Крученых «Новые пути слова» (1913): «Язык будущего – смерть символизму». Слово для футуриста имеет коммуникативный и номинативный смысл лишь тогда, когда представляет часть качества предмета. Как писал Н. Бурлюк, «в противном случае оно является лишь словесной массой и служит поэту вне значения сво-

¹ Русский футуризм: Стихи. Статьи. Воспоминания / Сост. В.Н. Терёхина, А.П. Зименков. СПб.: Полиграф, 2009. С. 137, 144, 156, 162, 179, 185, 230.

² Там же. С. 3.

³ Там же. С. 76.

⁴ Русский футуризм: Стихи. Статьи. Воспоминания / Сост. В.Н. Терёхина, А.П. Зименков. СПб.: Полиграф, 2009. С. 76.

его смысла»¹. И так, слово и вещь в сознании футуристов срастались на бытийном уровне, даже материальном уровне, что, на наш взгляд, можно принять как утопию.

Но вот парадокс: отказываясь от символизации предмета, футуристы не отказывались от его многозначности. Заметим, что, в отличие от символистской многозначности, авангардистскому образу соответствует сложное видение вещи по принципу ее деформации. Это положение созвучно деформации в живописи. Гипертрофированность, деформация – благодатная почва для психологизации текста, куда более мощной, как нам представляется, по сравнению с психологическим содержанием произведений символистов. Вещь в системе образов поэмы Маяковского – не интерьер, она – ретранслятор между психическим состоянием субъекта (поэта) и внешним пространством (возлюбленной, предметным миром, космосом). Вещь нагружена рефлексией.

Первейшие источники рефлексии – любовь и ревность («в ужасе, что тебя любить увели»)². Уровень любви зашкаливает, страсти придан космический смысл. Причем разрушается иерархия вещного и космического. Космос зооморфен («Привяжи меня к кометам, как к хвостам лошадиным, / и вымчи, / рвя о звездные зубья»³), но он и «овещен» («Млечный Путь перекинув виселицей»⁴). Ревность не менее экспрессионистична: «может быть, от дней этих, / жутких, как штыков остря, / когда столетия выбелят бороду, / останемся только / ты / и я, / бросающийся за тобой от города к городу»⁵. Собственно, флейта («Я сегодня буду играть на флейте»⁶) – вещь, в которой сконцентрирована любовная экспрессия. Она же трансформируется в сюрреалистическую картину (поэт играет на собственном позвоночнике), что коррелирует с темой суицида как маниакальности – абсолютного показателя экзистенциалистского комплекса Маяковского («я знаю, я скоро сдохну», «Вынесешь на мост шаг рассеянный – / думать, / хорошо внизу бы», «Всё чаще думаю – / не поставить ли лучше / точку пули в своём конце»⁷).

Таким образом, вещная деталь в художественном опыте Маяковского оказывается не менее оптимальным средством выражения экзистенциальных состояний, чем прямые описания переживаний в классической поэзии. Например: «и на рояль положить человечьи ноты», «Смятеньем разбита разума ограда», «Я душу над пропастью натянул канатом», «Видите – гвоздями слов / прибит к бумаге я»⁸.

Во-вторых, вещь – феномен, на который направлена интенция человека, что отвечает феноменологическим и экзистенциалистским идеям М. Хайдеггера. В прологе поэмы говорится о том, что поэт поднимает «стихами наполненный череп», как «чашу вина»⁹. В статье «Вещь» (1950) Хайдеггер задается вопросом: «Что вещьественно в вещи?»¹⁰, и, подробно отвечая, обращается к примеру с чашей. Вещественность чаши – вмещающая вино емкость, но есть неявленное качество чаши – вмещающей пустоты. В подношении наполненной чаши, по Хайдеггеру, пребывают

¹ Там же. С. 92.

² *Маяковский В.В.* Малое собрание сочинений. СПб.: Азбука-Аттикус, 2015. С. 356.

³ Там же. С. 357.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 359.

⁶ Там же. С. 355.

⁷ Там же. С. 357, 359, 355.

⁸ Там же. С. 356, 361, 361, 363.

⁹ Там же. С. 355.

¹⁰ *Хайдеггер М.* Время и бытие / Пер. с нем. В.В. Библихина. М.: Республика, 1993. С. 317.

смертные и божества, земля и небо. Чаша Маяковского, следуя логике Хайдеггера, вмещает не только вино, но и его творческую энергию – такова его интенция.

Хайдеггер широко понимал феномен «вещь»; как он писал в статье «Исток художественного творения» (1925), вещь – это и камень, и мир в целом, и смерть, и Бог, однако принято обращаться к «узкому кругу просто-напросто вещей»¹. Но и этот «узкий круг» феноменологичен, предметное поле (собственно вещьность, вещь природная, вещь окружающего мира) – не просто вещное, но суть «показание себя в себе самом»².

Вещь, по Хайдеггеру, лишена души, она не автономна и не самодостаточна, но раскрывает себя в процессе взаимодействия с человеком. В поэтике «Флейты-позвончика» – вся полнота этой тезы. Например, образ возлюбленной строится на адекватно воспринятых влюбленным героем вещных деталях: шелковое платье, упомянут «шик парижских платьев», ей «уготована корона», «жемчуга ожерелий»³.

В-третьих, в поэме «овещен» космос. Чрезмерность любовного страдания понимается как Божья воля: «Вот я богохулил. / Орал, что бога нет, / а бог такую из пекловых глубин, / что перед ней гора заволнуется и дрогнет, / вывел и велел: / люби!»⁴. Господь, испытывая героя ревностью, дает возлюбленной «настоящего мужа»⁵. Этот же мотив любви-муки как замысла Бога есть в заключительной части поэмы «Облако в штанах» (1914–1915). Причем атрибуты горнего мира – прозаизмы. Например: «боже мой, / если звезд ковер тобою выткан, / если этой боли, / ежедневно множимой, / тобой ниспослана, господи, пытка, / судейскую цепь надешь»⁶. Ковер звезд здесь – образ Божьего труда по созданию космоса; цепь – образ Божьего суда, из всей многозначности лексемы (символ тяжких уз, ряд элементов / звеньев / предметов, физическое явление, разновидность построения и др.) выбрана семантика несвободы (адекватно «посадить на цепь», «заковать»). Источник несвободы – Бог, обрекающий героя на мучительную любовь, и возлюбленная («на цепь нацарапаю имя Лилино», поэт – кандидат «на кандалы»⁷).

К слову, Бог не абстрактный Сущий, не абсолют. Отношение к Нему личное, эмоционально окрашенное. Поэт – не атеист, он вступает с Ним в выяснение отношений, желая разрушить традиционную религиозную этику – иерархию между Творцом и тварью. Но он осознает, что Бог – «Всевышний инквизитор»⁸, и терпит поражение, а разрушение иерархии иллюзорно.

Итак, рефлексия направлена и внутрь себя, и во внешний мир. Ряд фрагментов поэмы обращен к обывателю, что усиливает процесс самосознания героя и характеризует объективный (обывательский) мир. Этот мир воспринят исключительно субъективно. В таких фрагментах поэмы вещь выражает осуждение. Однако в сочетании с лексикой inferнального содержания вещь опять же выражает (возможно, формирует) тему высшего наказания: «перекрестить над вами стеганье одеялово»,

¹ Хайдеггер М. Исток художественного творения // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. М.: Изд-во МГУ, 1987. С. 64.

² Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия вещи / Пер. с нем. Е.В. Борисова. Томск: Водолей, 1998. С. 92.

³ Маяковский В.В. Малое собрание сочинений. СПб.: Азбука-Аттикус, 2015. С. 362, 362, 363.

⁴ Там же. С. 356.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 357.

⁷ Там же. С. 360.

⁸ Там же. С. 357.

«запахнет шерстью паленной», «серой издымится мясо дьявола»¹. Религиозная коннотация совместима в поэме с социальной. Социальное зрение поэта соотносено с его представлениями о том, что такое «хорошо» и что такое «плохо».

В-четвертых, дистанция между враждебным обществом и лирическим героем подчеркнута деталью опять же материального мира: «хранимые иконы»², «каменным Невским», «к двери, спаленной», «В карты б играть!», «Француз, / улыбаясь, на штыке мрет» и «Может быть, от дней этих, / жутких, как штыков острия»³. Пространство, в котором состоялась любовная история, – урбанистическое. Черта поэтики Маяковского – антропологическая метафора города, где обитает и он, и возлюбленная, и обыватели. Например, «я в тебя вцелую сквозь туманы Лондона / огненные губы фонарей»⁴. В приведенных строках очевидна чувственно-эротическая коннотация. Сочетание в одном образе телесного и вещного («губы фонарей») усиливает эффект от его любви-ревности, заполнившей город. Более того, чувственный экстаз наполняет всё пространство, о котором помышляет герой. Проводником опять же выступает вещьность. Например, «ревность метну в ложи»⁵.

В чем же точка пересечения вектора футуризма и вектора феноменологии по Хайдеггеру? В перевоплощении вещи.

ЛИТЕРАТУРА

Маяковский В.В. Малое собрание сочинений. СПб.: Азбука-Аттикус, 2015. 672 с.

Русский футуризм: Стихи. Статьи. Воспоминания / Сост. В.Н. Терёхина, А.П. Зименков. СПб.: Полиграф, 2009. 832 с.

Хайдеггер М. Время и бытие / Пер. с нем. В.В. Библихина. М.: Республика, 1993. 447 с.

Хайдеггер М. Исток художественного творения // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. М.: Изд-во МГУ, 1987. 512 с.

Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия вещи / Пер. с нем. Е.В. Борисова. Томск: Водолей, 1998. 384 с.

REFERENCES

Mayakovsky V.V. Collected Works. St.-Petersburg. Azbuka-Attikus Publ. 2015. 672 p.

Russian Futurism: Poetry. Articles. Memories / Comp. V.N. Teryokhina, A.P. Zimenkov. St.-Petersburg. Polygraph Publ. 2009. 832 p.

Сведения об авторе:

Чун Чжиин,
аспирант
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Chun Jiin,
Graduate Student
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
stakan0922@gmail.com

¹ *Маяковский В.В.* Малое собрание сочинений. СПб.: Азбука-Аттикус, 2015. С. 356.

² Там же. С. 355.

³ Там же. С. 355, 256, 359.

⁴ Там же. С. 359.

⁵ Там же. С. 359.

*А.В. Швец
(Москва, Россия)*

**Мысль как опыт в поэзии Уоллеса Стивенса: алгоритм и языковая игра
(прочтение стихотворения «The Plain Sense of Things»)**

Аннотация: В статье рассматривается поэтика зрелой лирики американского поэта-модерниста У. Стивенса на примере стихотворения «The Plain Sense of Things» (1952). Автор рассматривает поэзию Стивенса как альтернативный модус бытования мысли и показывает, как поэтическое высказывание трансформирует процесс размышления, в котором принимает участие читатель, и встречно этим процессом трансформируется. Размышление, как показывает анализ, создается в напряжении между макроструктурой уже известного речевого жанра и микро-структурами смыслообразования – локальными зонами смысловой неопределенности, требующими инвестиции читательского воображения. Данный тезис иллюстрируется примерами как из оригинального текста, так и из переводов Стивенса. Таким образом, делается вывод, что в позднем творчестве Стивенса становится возможным переживание мысли как опыта посредством медиума поэзии.

Ключевые слова: американский модернизм, поэтика авангарда, Уоллес Стивенс, поэзия и философия

*A. V. Shvets
(Moscow, Russia)*

**Thought as an Experience in Wallace Stevens' Poetry: Algorithm and Language
Game (the Poem «The Plain Sense of Things»)**

Abstract: This paper explores the poetics of Wallace Stevens' later poetry as illustrated by the poem «The Plain Sense of Things» (1952). The author focuses on an alternative mode of thinking opened up by the poem, in which the poetic utterance transforms and is transformed by the process of meditation. This meditation, as the paper suggests, is enabled by the tension between speech genre patterns and semantic lacunae, sources of communicative indeterminacy that require an imaginative response on the part of the reader. This thesis is backed up by the examples both from the original text and the translations. In conclusion, the author argues that in Stevens' poetry «thought is made flesh», i.e. thought is transferred to the dimension of lived experience.

Key words: American modernism, avant-garde poetics, Wallace Stevens, poetry and philosophy

1. СТИХОТВОРЕНИЕ КАК ОПЫТ И АКТ РАЗМЫШЛЕНИЯ

Поздняя лирика Уоллеса Стивенса (1930–1950-е гг.) выразительно отличается следующим: в этих стихах пространные медитации, касающиеся отвлеченных вопросов, перенесены в несколько чужеродную для рассуждения среду – медиум поэтической речи. Как изменяется рассуждение, когда оно становится частью стихотворения и переносится в пространство игры со значениями слов и ассоциациями читающего? И что в итоге происходит со стихотворением, преобразенным этим инородным элементом?

Предположительный итог прочтения – сложный эстетический эффект. На уровне интуитивно-имманентного описания он точно схвачен А. Генисом: «[с]тихи [Стивенса]... таинственны, ибо зовут к размышлению, не приводящему к результату»¹, так как «процесс в стихах Стивенса заменяет результат»². Процесс – перебор догадок и предположений, их пересмотр. Таким образом, в стихотворении дан не ответ на вопрос, но *опыт* размышления. Его ценность – в том, что кругозор читателя расширяется, а восприятие – обновляется: «“Правильным” решением стихотворения будет то микроскопическое изменение... внутренней картины мира, которое оборачивается созданием новой, не существовавшей прежде реальности»³.

Эту линию рассуждения подхватывает С. Критчли, утверждая, что главный вектор творческого поиска Стивенса – ревизия эпистемологических дилемм в альтернативном модусе рассуждения, поэтическом. По его замечанию, «в поэзии [Стивенса] базовым вопросам эпистемологии придана новая форма – так, что в итоге мы уходим от заложенной в них проблематизации»⁴. Или: абстрактное рассуждение трансформируется формой поэтического высказывания (встречно трансформируя ее!). В итоге открывается возможность опровергнуть изначальную постановку вопроса, обнаружить ее ошибочность и перенастроить координаты читательского восприятия.

Вопрос, центральный для поэтического проекта Стивенса: каково соотношение между реальностью и воображением, ее необходимо искажающим / преобразующим?⁵ Возможен ли контакт с реальностью «как она есть» – проникновение в загадку «вещи в себе»? Или же любой акт восприятия опосредован рецептивными установками – т. е. «воображением»? Рассуждение на эту тему можно обнаружить в выразительной миниатюре – стихотворении «The Plain Sense of Things» (1952)⁶, разбору которого и посвящена настоящая статья.

¹ Генис А. Играя в бога // Стивенс У. Тринадцать способов нарисовать дрозда / Пер. Г. Кружкова; послесл. А. Гениса. М.: Рудомино, 2000. С. 130.

² Там же. С. 139.

³ Там же.

⁴ Critchley S. Things Merely Are: Philosophy in Poetry of Wallace Stevens. London, New York: Routledge, 2005. P. 30.

⁵ См.: Miller J.H. Wallace Stevens Poetry of Being // The Act of the Mind / Eds. J.H. Miller R.H. Pearce. Baltimore: John Hopkins University Press, 1965. P. 143–163; Leonard J.S., Wharton E. The Fluent Mundo: Wallace Stevens and the Structure of Reality. Athens: University of Georgia Press, 1988. P. XIV; Regueiro H. The Limits of Imagination: Wordsworth, Yeats, and Stevens. Ithaca: Cornell University Press, 1976.; Eeckhout B. Wallace Stevens and the Limits of Reading and Writing. Columbia, London: University of Missouri Press, 2002.

⁶ См.: Stevens W. Collected Poems. New York: Alfred Knopf, 1971. P. 502. В дальнейшем цитирование будет производиться по тому же источнику.

2. «THE PLAIN SENSE OF THINGS»: МЕЖДУ ДОКАЗАТЕЛЬСТВОМ И ИГРОЙ АССОЦИАЦИЙ

Разбираемое стихотворение строится как хорошо построенное и выверенное доказательство, но на деле в его рамках происходит игра с ожиданиями читателя и искусная подмена предмета размышления. Подмену легко обнаружить, если взглянуть на начало и конец стихотворения. От утверждения «После того, как опали листья, мы возвращаемся к простому взгляду на вещи, как будто подошли к концу воображенья» мы внезапно приходим к противоположному тезису: «Но отсутствие воображения надо сначала вообразить».

Каким образом эта подмена происходит? Гипотеза такова: задаваемые текстом система ожиданий и модель авторско-читательских отношений находятся в контрапункте с читательским переживанием – структурами опыта, которые исподволь моделируются в тексте. Или: очевидно напряжение между риторической макроструктурой текста и микроактами смыслообразования – точечными чувственно-когнитивными реакциями читателя на ту или иную формулировку.

Рассмотрим заключаемый с читателем пакт через призму термина «речевой жанр» – в том смысле, в каком, по Бахтину, он понимается как устойчивый формат общения, определяющий «тематическое содержание, стиль и композиционное построение»¹ высказывания. Адресуемый этим стихотворением речевой жанр – пространное доказательство. Задаваемая жанром «доказательства» и внешне присутствующая в стихотворении формальная схема организации высказывания может быть считана на уровне синтаксической организации. Формально-семантическое деление на несколько ступеней созависимых связей – они же предполагаемо и единицы логического алгоритма, организующего ход мысли, – производится нами согласно модели, которую предложила исследовательница риторико-грамматического устройства стивенского стиха Э. Вендлер²:

1. Пропозиция (утверждение общего характера)
2. Иллюстрация (конкретный пример, проясняющий пропозицию)
3. Атрибут-приложение к иллюстрации (уточняет какой-то признак иллюстрации)
 1. After... we return to a plain sense of things...
 2. ...as if we had come to an end of the imagination...
 3. ...inanimate in...
 1. It is difficult even to choose the adjective...
 2. The great structure...
No turban...
The greenhouse...
The chimney...
A fantastic effort...
 3. ...in a repetitiousness of men...
 1. Yet the absence had...

¹ Бахтин М.М. К проблеме речевых жанров // Бахтин М.М. Собр. соч. Т. 5: Работы 1940–1960 гг. М.: Русские словари, 1996. С. 159.

² Vendler H. The Qualified Assertions of Wallace Stevens // The Act of the Mind. Essays on the Poetry of Wallace Stevens / Eds. J.H. Miller, R.H. Pearce. Baltimore: John Hopkins University Press, 1965. P. 163–179.

2. The great pond...
3. The plain sense of it...silence...
 - 3.1. Of a sort...
 1. All of this had to be imagined...
 2. ...as an inevitable knowledge required...
 3. ...as a necessity requires.

Подразумеваемая «связность» текста – уже на уровне его составных частей, а не композиционного построения – поддерживается подчеркнутой констативностью пропозиций и прямой референциальностью иллюстраций. Ведь чтобы доказательство состоялось, нечто должно утверждаться как факт и сопровождаться указанием на какое-либо реальное обстоятельство – тогда возможен переход от промежуточного вывода к новому подтезису. Это условие словно бы выдерживается. Первые две пропозиции – констативны: «After the leaves had fallen, we return to a plain sense of things...», «It is difficult even to choose the adjective...». Ряд иллюстраций во втором и третьем синтаксическом блоке – «The great structure has become a minor house...» и др., «the great pond...» – имплицитно, что в них заложена отсылка к предметам реальности.

Однако читательский опыт входит в противоречие с задаваемой речевым жанром моделью ожиданий. Каждая иллюстрация притворяется констативом, но за счет явного / имплицитного «as if» – незаметного перехода из индикатива в оптатив – только *предполагает* возможную ситуацию. Обрамленные вводным «будто» фрагменты – зоны коммуникативной неопределенности: в них отсутствуют конкретные указания на время (условное «если бы!»), пространство, воспринимающего субъекта. Потому в этих отрывках форма высказывания повышено суггестивна. Читатель, сам того не ведая, переживает ее воздействие в виде череды аффектов – по определению Ч. Алтиери, «режимов непосредственного чувственного отклика... сопровождаемых воображаемым измерением»¹. То есть: речь идет о нерелексивно осуществляемом, чувственном переживании формы текста, на основе которого возникает конструкт воображения.

Так читатель понуждается к интерпретативной инвестиции – чувственно-иррациональному вчитыванию, неподконтрольному «преданным» риторикой жанра стратегиям смыслообразования. Рассмотрим первую строфу:

After the leaves had fallen, we return to a plain sense of things,
 As if we had come to an end of the imagination, } иллюстрация + атрибут
 Inanimate in an inert savoir.

Коммуникативная неопределенность задается переключателем «as if»: модус читательской вовлеченности изменяется от констатирования к вчитыванию. Мы не столько предсказуем нечто по отношению к предмету размышления, сколько гипотетически домысливаем предикат (на что это похоже). Домысливание направляется суггестивной игрой на уровне означающего в атрибуте («Inanimate in an inert savoir»). Очевидна аллитерация сонорных (Inanimate in an inert), где созвучия «п» и «т» порождают смыслы в обход прямого, словарного значения. «Бездвижность», «неодушевленность» – семантический эффект, порождаемый материально-акустической составляющей произносимой фразы. Более того, смысловая амбива-

¹ Altieri Ch. The Particulars of Rapture: Aesthetics of the Affects. Ithaca: Cornell University Press, 2003. P. 4.

лентность создана нарочито иноземным словом «savoig» (фр. инфинитив глагола «знать»). Неожиданное введение неологизма создает пространство ассоциативного произвола читающего: пустой, выхолощенный знак «savoig» в иноязычном контексте легко может быть заполнен аффективно переживаемым смыслом, который моделирует аллитерация. Чтобы убедиться в этом, взглянем на серию переводческих решений, убедительнее всего демонстрирующих разнотолкования:

Едва листва опала, мы вернулись
к простым вещам, как если бы сошло
на нет воображение: **без оттенков
и неодушевленное ничто**¹.

В. Гандельсман

Листва облетела, и голая суть
Вещей обнажилась.
Как будто **вагон**
Воображенья заехал в тупик,
И кончился удивленья запас².

Г. Кружков

Когда опадают листья, мы возвращаемся
К первичному смыслу вещей. Как будто
Мы добрались до края воображения
И застыли в пассивном осознании³.

Р. Шустерович (выделено мной. – А.Ш.)

Во второй строфе смоделированное в иллюстрации переживание схвачено новой пропозицией. Размыто неявное ощущение бездвижности, неодушевленности передано формулировкой «this blank cold, this sadness without cause» и обрамлено новой пропозицией: «It is difficult even to choose the adjective for this». Этот ход встраивает вывод – продукт аффективного познания – в риторическую структуру речевого жанра. Однако пять последующих иллюстраций снова свидетельствуют об отклонении от заданной модели. Они призваны передать «трудности описания»: в каждом из них имплицитно всё то же «как будто», «если бы...». Налицо высокая степень семантической неопределенности: мы остаемся в неведении относительно пространственно-временных координат и ситуации, что позволяет говорить о деконтекстуализации. Опять же, единственный выход в подобной ситуации – вчитывание, или произвольная контекстуализация, о чём свидетельствуют переводы:

В. Гандельсман

Дворец стал неприметным домом.
В облетевших его покоях шарф не промелькнет⁴.

Г. Кружков

Высокий дворец превратился в амбар.
Прощайте, закрученные, как тюрбан,
Прогулки по лестницам и этажам⁵.

¹ Гандельсман В. Простой смысл // Новая юность, 2000, 2(41). www.magazines.russ.ru/nov_yun/2000/2/instit.html (дата обращения: 14.09.2016).

² Кружков Г. Голая суть. www.kruzhkov.net/translations/american-poetry/wallace-stevens/ (дата обращения: 14.09.2016).

³ Шустерович Р. Первичный смысл вещей. www.promegalit.ru/public/12737_rafael_shusterovich_perevody_uolles_stevens_uroki_fortepjano.html (дата обращения: 14.09.2016).

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Отдельного внимания заслуживают конец иллюстрации и атрибут, где суггестия формы проявляется в семантической неопределенности: «The fantastic effort has failed, a repetition in a repetitiousness of men and flies». Смысловая амбивалентность – в повторе «repetition in a repetitiousness» и дополняющем его неясном соположении «men and flies». Читатель усердно пытается найти контекст, в котором лексический повтор и дополняющая его синтаксическая структура могут обрести общее означаемое, отсылать к одному и тому же референту. Гандельсман, например, прочитывает эту фразу метафорически: «Все тшания – на ветер, повторенье себе же вторящих людей ли, мух». В его прочтении подразумевается, что «repetitiousness» подобна однообразному жужжанию мух, повторяющих один и тот же звук; то же делают люди, повторяя одно и то же или что-то – вослед кому-то – вторя себе точно так же, как насекомые в монотонном гуде. Здесь наблюдается тот же механизм проецирования ассоциативного значения в лакуну, что и в первой строфе, разве что суггестия здесь работает на уровне семантики, а не звучания.

Фактически читатель, сам того не ведая, совершает ровно противоположное заявленному в тезисе: развертывает данные в тексте имплицатуры, вчитывает интерпретации или воображает отсутствие воображения. Это отмечается на уровне последней пропозиции: «Yet the absence of the imagination had itself to be imagined». Дальше снова дается иллюстрация, также мобилизирующая работу воображения за счет суггестии формы. Это происходит из-за усложненной синтаксической структуры, в которой настойчиво поддерживается амбивалентность референта:

The great pond,

The plain sense of it,

without reflections, leaves,

Mud, water like dirty glass, expressing silence

Of a sort,
silence of
a rat come
out to see,

The great pond and its waste of the lilies,

all this

Had to be imagined as an inevitable knowledge,

Required, as a necessity requires

(выделено мной. – А.Ш.).

Источник аффективного смыслообразования – в избыточном повторе слова «пруд» («pond»). Если абстрагироваться от уточняющих его приложений и обратить внимание на повтор, выяснится, что перед нами тавтологичная с точки зрения семантики структура: «The great pond... expressing silence of a rat... come out to see the great pond». Прироста смысла, с точки зрения того, как построена фраза, не происходит; однако читателю, интенсивно восполняющему лакуны семантической определенности за счет ассоциативных впечатлений, кажется, что качественный прирост очевиден.

Более того, эта запутанная синтаксическая перипетия, прореженная точками коммуникативной неопределенности, служит тому, чтобы вовлечь читателя в акт воображения – который будет зафиксирован в последней пропозиции:

All this had to be imagined as an inevitable knowledge.

Неизбежным знанием для читателя и будет являться только что совершённый акт воображения. Его неизбежность подтверждается последним приложением, в

котором тавтологичный повтор снова суггестивен и работает на усиление произведенного эффекта: «required, as a necessity requires».

В заключение скажем, что по прочтении стихотворения мы действительно получаем «размышление, не приводящее к результату» – сложное переживание мысли как опыта. Этот эффект достигается за счет сочетания структуры известного речевого жанра и стратегий аффективного смыслообразования, которые проявляют себя в игре на материальности звукового означающего, семантической амбивалентности, поддерживающей ее деконтекстуализации высказывания и подвешивании конкретной референции. Таким образом, «игра» инкорпорирована в с виду стройный риторический алгоритм (пропозиция-иллюстрация...), будучи субверсивной по отношению к нему и разрушая предполагаемое им последовательно линейное развитие мысли – и открывая альтернативную возможность «поэтического» размышления.

ИСТОЧНИКИ

Гандельсман В. Простой смысл // Новая юность. 2000. № 2(41). www.magazines.russ.ru/nov_yun/2000/2/instit.html (дата обращения: 14.09.2016).

Кружков Г. Голая суть. www.kruzhkov.net/translations/american-poetry/wallace-stevens/ (дата обращения: 14.09.2016).

Шустерович Р. Первичный смысл вещей. www.promegalit.ru/public/12737_rafael_shustervich_perevody_uolles__stevens_uroki__fortepjano.html (дата обращения: 14.09.2016).

Stevens W. Collected Poems. New York: Alfred Knopf, 1971. 534 pp.

ЛИТЕРАТУРА

Бахтин М.М. К проблеме речевых жанров // Бахтин М.М. Собр. соч. Т. 5: Работы 1940–1960 гг. М.: Русские словари, 1996. С. 159–206.

Генис А. Играя в бога // Стивенс У. Тринадцать способов нарисовать дрозда / Пер. Г. Кружкова; послесл. А. Гениса. М.: Рудомино, 2000. С. 130–139.

Altieri Ch. The Particulars of Rapture: Aesthetics of the Affects. Ithaca: Cornell University Press, 2003. 299 p.

Critchley S. Things Merely Are: Philosophy in Poetry of Wallace Stevens. London, New York: Routledge, 2005. 137 p.

Eeckhout B. Wallace Stevens and the Limits of Reading and Writing. Columbia, London: University of Missouri Press, 2002. 320 p.

Miller J.H. Wallace Stevens Poetry of Being // The Act of the Mind / Eds. J.H. Miller, R.H. Pearce. Baltimore: John Hopkins University Press, 1965. P. 143–163.

Leonard J.S., Wharton E. The Fluent Mundo: Wallace Stevens and the Structure of Reality. Athens: University of Georgia Press, 1988. XIV, 208 p.

Regueiro H. The Limits of Imagination: Wordsworth, Yeats, and Stevens. Ithaca: Cornell University press, 1976. 256 p.

Vendler H. The Qualified Assertions of Wallace Stevens // The Act of the Mind. Essays on the Poetry of Wallace Stevens / Eds. J.H. Miller, R.H. Pearce. Baltimore: John Hopkins University Press, 1965. P. 163–179.

TEXTS

Gandelsman V.A Plain Sense of Things. *The New Youth*. 2000. No 2(41). www.magazines.russ.ru/nov_yun/2000/2/instit.html (retrieved 14.09.2016).

Kruzhkov G.A Plain Sense of Things. www.kruzhkov.net/translations/american-poetry/wallace-stevens/ (retrieved 14.09.2016).

Shusterovich R. A Plain Sense of Things. www.promegalit.ru/public/12737_rafael_shusterovich_perevody_uolles_stivens_uroki_fortepjano.html (retrieved 14.09.2016).

Stevens W. (1971) Collected Poems. New York. Alfred Knopf. 534 pp.

REFERENCES

Altieri Ch. (2003) The Particulars of Rapture: Aesthetics of the Affects. Ithaca. Cornell University Press. 299 p.

Critchley S. (2005) Things Merely Are: Philosophy in Poetry of Wallace Stevens. London; New York. Routledge. 137 p.

Eeckhout B. (2002) Wallace Stevens and the Limits of Reading and Writing. Columbia, London. University of Missouri Press. 320 p.

Genis A. (2000) Acting as a God. In: Stevens W. Thirteen Ways of Looking at a Blackbird / Transl. G. Kruzhkov; Afterword A. Genis. Moscow. Rudomino Publ., pp. 130–139.

Leonard J.S., Wharton E. (1988) The Fluent Mundo: Wallace Stevens and the Structure of Reality. Athens. University of Georgia Press. XIV, 208 p.

Bakhtin M.M. (1986) To the Problem of Speech Genres. In: Bakhtin M.M. Speech Genres and Other Later Essays / Ed. C. Emerson, M. Holquist. Austin. University of Texas Press, pp. 60–103.

Regueiro H. (1976) The Limits of Imagination: Wordsworth, Yeats, and Stevens. Ithaca. Cornell University Press. 256 p.

Miller J.H. (1965) Wallace Stevens Poetry of Being. In: The Act of the Mind / Eds. J.H. Miller, R.H. Pearce. Baltimore. John Hopkins University Press, pp. 143–163.

Vendler H. (1965) The Qualified Assertions of Wallace Stevens. In: The Act of the Mind. Essays on the Poetry of Wallace Stevens / Eds. J.H. Miller, R.H. Pearce. Baltimore. John Hopkins University Press, pp. 163–179.

Сведения об авторе:

Анна Валерьевна Швец,
магистрант
кафедра общей теории словесности
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Anna V. Shvets,
Graduate Student
Department of Discourse and Communication
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
ananke2009@mail.ru

Программы

Programs

**Программа учебной дисциплины
«Междисциплинарные направления в современной лингвистике»
по направлению «Филология»
уровня подготовки высшего профессионального образования
магистратуры с присвоением квалификации (степени) «магистр»**

**The Programme of the Course
“Interdisciplinary Trends in Contemporary Linguistics”
(“Philology”, level of higher professional education
master’s degree with the assignment of qualification (degree) “master”)**

1. Цели освоения дисциплины

Целями освоения дисциплины «Междисциплинарные направления в современной лингвистике» являются:

ознакомление слушателей с междисциплинарными направлениями в современной науке о языке как важнейшей тенденцией развития лингвистики XX–XXI вв.;

изучение основных междисциплинарных направлений в современной лингвистике: психолингвистики, социолингвистики, нейролингвистики, онтолингвистики, семиотики и т. п.;

изучение методов лингвистических исследований в рамках различных междисциплинарных направлений, знакомство с современной методологией междисциплинарных лингвистических исследований;

осознание перспектив и направлений развития междисциплинарных лингвистических исследований.

2. Место дисциплины в структуре ООП

ВАРИАТИВНАЯ ЧАСТЬ ООП. ОБЩЕПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ БЛОК

Курс «Междисциплинарные направления в современной лингвистике», рассчитанный на один семестр (1 семестр), является вариативным курсом (курсом по выбору) в программе подготовки магистров-языковедов первого или второго года обучения. Предполагается, что в рамках программ бакалавриата учащиеся прослушали курс «Основы языкознания», «Фонетика русского языка», «Лексикология русского языка», «Морфология современного русского языка» и «Синтаксис современного русского языка» и имеют общие представления об устройстве и функционировании языковой системы. Кроме того, в рамках курса «Основы языкознания» слушатели познакомились с некоторыми направлениями лингвистических исследований: сравнительно-историческим языкознанием, лингвистической типологией и структурализмом. Далее было бы полезно показать слушателям, как имеющиеся лингвистические знания об устройстве, развитии и функционировании языка могут успешно использоваться смежными науками антропоцентрического цикла для решения задач междисциплинарного характера. Например, на стыке психологии и языкознания могут быть поставлены и решены задачи выявления механизма порождения и восприятия речи, поставлен вопрос о соответствии мыслительных и вербальных операций, в рамках науки о детской речи могут быть исследованы стадии и закономерности развития речи ребенка, нейро-

физиология и лингвистика могут совместно исследовать нейрофизиологическую базу продуцирования и распознавания речи и т. п.

Очевидно, что предлагаемый курс чрезвычайно обширен, так как включает самые разнообразные темы, ведь современная лингвистика связана с самыми разными гуманитарными и естественными науками: психологией и семиотикой, историей и философией, географией и социологией, биологией и математикой, педагогикой и медициной и т. п. Поэтому подробно осветить (и даже просто перечислить) новые междисциплинарные направления, сформулировать их цели и задачи, методы и результаты в рамках семестрового курса не представляется возможным. В силу этого предлагаемый авторский курс содержит наиболее значимые и перспективные (с точки зрения автора курса) направления междисциплинарных лингвистических исследований, которым уделяется в курсе больше внимания, однако, к сожалению, многие важные междисциплинарные проблемы, возникающие на стыке языкознания и других наук, остались за рамками курса ввиду необходимости ограничения материала. На наш взгляд, большую ценность представляет не просто перечисление и краткое описание междисциплинарных направлений в лингвистике, а подробный разбор методики и результатов некоторых выбранных направлений. В целях расширения заявленной тематики отдельных занятий курса слушателям предлагается на выбор несколько возможных тем для обсуждения на коллоквиумах, причем предлагаемые темы не дублируют основную программу курса, а расширяют ее.

Важной задачей курса, по мнению автора, является расширение лингвистического кругозора учащихся, умение ориентироваться в разнообразных направлениях современной науки о языке, формирование навыка постановки новых задач собственного научного исследования.

Дисциплина занимает важное место в программе подготовки специалиста в области языкознания, так как является теоретическим лингвистическим курсом, в рамках которого определяются междисциплинарные связи современной науки о языке, вводятся основные понятия и термины, формулируются цели и задачи дисциплин антропоцентрического цикла.

3. Требования к результатам освоения дисциплины

Процесс изучения дисциплины направлен на формирование следующих компетенций:

способность самостоятельно формулировать научные проблемы на основе адекватного анализа научной традиции и современных тенденций (М-ОНК-2);

способность к самостоятельному пополнению, критическому анализу и применению теоретических и практических знаний в сфере гуманитарных наук для собственных научных исследований и практической деятельности (М-ОНК-3);

владение основными методами, способами и средствами получения, хранения, переработки информации; умение анализировать и совершенствовать методы, способы и средства работы с информацией в соответствии с поставленными задачами (М-ИК-3);

владение навыками использования программных средств, умение работать в компьютерных сетях, в том числе Интернет, способность самостоятельно определять и обеспечивать необходимое для профессиональной деятельности аппаратное и программное обеспечение (М-ИК-4);

способность к творчеству, порождению инновационных идей, выдвижению самостоятельных гипотез (М-СК-1);

способность к поиску, критическому анализу, обобщению и систематизации научной информации, к постановке целей исследования и выбору оптимальных путей и методов их достижения (М-СК-2);

способность к самостоятельному обучению и разработке новых методов исследования, к изменению научного и научно-производственного профиля деятельности; к инновационной научно-образовательной деятельности (М-СК-3);

знание актуальных проблем, традиционных и современных методов филологической науки, понимание структуры и перспектив развития филологии как области знаний, междисциплинарных связей филологии (М-ПК-1);

владение категориально-терминологическим аппаратом современной филологии; знание важнейших филологических отечественных и зарубежных научных школ (М-ПК-2);

владение навыками самостоятельного филологического исследования и аргументированного представления его результатов (М-ПК-3);

владение навыками квалифицированного анализа, комментирования, реферирования и обобщения результатов научных исследований с использованием современных методик и методологий, передового отечественного и зарубежного опыта (М-ПК-4).

В результате освоения дисциплины обучающийся должен:

ЗНАТЬ

понятийный и терминологический аппарат современной лингвистики и междисциплинарных направлений развития науки о языке;

концепции основных междисциплинарных направлений современной лингвистики, а также достигнутые ими научные результаты;

методологию исследования языка в рамках междисциплинарных исследований.

УМЕТЬ

реферировать, анализировать и использовать при написании текста собственного научного сочинения лингвистическую литературу в области междисциплинарных связей;

сопоставлять различные междисциплинарные направления в развитии современной лингвистики, критически оценивать возможности междисциплинарного подхода в лингвистических исследованиях;

использовать приобретенные теоретические знания, а также методику междисциплинарных исследований в самостоятельной научной работе.

ВЛАДЕТЬ

навыками самостоятельного чтения и анализа современной литературы по языкознанию и междисциплинарным направлениям лингвистических исследований;

общелингвистической терминологией, которая используется в современных лингвистических работах междисциплинарного характера;

различными лингвистическими методами работы с материалом в рамках междисциплинарных лингвистических исследований.

4. Структура и содержание дисциплины

4.1. СТРУКТУРА ДИСЦИПЛИНЫ

Общая трудоемкость дисциплины составляет 2 зачетные единицы (72 часа).

№ п/п	Раздел дисциплины	Семестр	Неделя семестра	Виды учебной работы, включая самостоятельную работу студентов (с.р.с.) и трудоемкость (в часах)			Формы текущего контроля успеваемости (по неделям семестра) Форма промежуточной аттестации (по семестрам)
				лекции	с.р.с.	семинары / практические занятия	
1.	Междисциплинарные направления в современной лингвистике	1	1	2			
2.	Лингвистика и семиотика. Язык как семиотическая система. Строение и свойства лингвистического знака	1	2	2	2		
3.	Жестовый язык глухих и дактилология. Семиотические особенности жестового языка	1	3	2	4		
4.	Письмо как семиотическая система. Семиотические особенности письменного текста	1	4	2	2		
5.	Психолингвистика как наука о речевой деятельности. Модель порождения речи в работах Л.С. Выготского и Н.И. Жинкина	1	5	2	4		
6.	Слово в аспекте психолингвистики. Метод эксперимента в психолингвистике	1	6	2	2		
7.	Текст как объект психолингвистики. Цельность и связность текста	1	7	2	2		
8.	Нейролингвистика. Теория локализации речевой способности в коре головного мозга Функциональная асимметрия полушарий головного мозга	1	8	2	4		
9.	Нейролингвистические механизмы обучения письму	1	9	2	2		
10.	Онтолингвистика. Основные задачи и методы науки о детской речи	1	10	2	2		
11.	Освоение лексики и грамматики ребенком. Языковые инновации в детской речи	1	11	2	2		

12.	Когнитивная лингвистика: цель и задачи. Языковая картина мира	1	12	2	2		
13.	Гипотеза лингвистической относительности Сепира-Уорфа	1	13	2	2		
14.	Номинация в когнитивной лингвистике. Когнитивная теория метафоры	1	14	2	2		
15.	Социолингвистика: цель, задачи и методы. Сленг и жаргон.	1	15	2	2		
16.	Социолингвистические характеристики автора текста	1	16	2	2		
17.	Языковые контакты. Понятие языковой интерференции. Пиджин и креольские языки	1	17	2			
		1	18	4			Зачет
	Итого			38	34		

4.2. СОДЕРЖАНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

ТЕМА 1. МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Дифференциация и интеграция знаний о языке в современной лингвистике. Связь языкознания с гуманитарными и естественными науками. Проблематика междисциплинарных исследований.

Междисциплинарные направления развития современной науки о языке: психолингвистика, лингвистическая семиотика, нейролингвистика, онтолингвистика, социолингвистика, психиатрическая лингвистика, когнитивная лингвистика, лингвополитология, лингвокультурология, этнолингвистика, математическая лингвистика и др.

ТЕМА 2. ЛИНГВИСТИКА И СЕМИОТИКА

Общие свойства семиотических систем, язык как система знаков и семиотические системы на базе естественного языка (азбука Морзе, азбука Брайля и т. п.). Жестовый язык глухонемых и дактилология.

Понятие лингвистического знака, строение знака (двусторонний характер знака по Ф. де Соссюру, треугольник Г. Фреге). Свойства лингвистического знака, определяющие устройство и функционирование языковой системы.

Аспекты плана содержания знака по Ч. Моррису: семантика, синтиктика и прагматика. Значение учения Ч. Морриса о знаке для развития теоретической лингвистики XX века.

Письмо как семиотическая система на базе естественного языка. Семиотические особенности письменного текста. Семиотические особенности креолизованных текстов в СМИ. Визуализация вербальной и невербальной информации и ее значение в процессе коммуникации.

ТЕМА 3. ПСИХОЛИНГВИСТИКА

Предмет исследования и границы современной психолингвистики, разнообразие задач, множество подходов к их решению и различная методика психолингвистических исследований.

Психолингвистика как наука о речевой деятельности. Основные задачи и методы психолингвистики.

Речь и мышление. Понятие речемыслительной деятельности. Модель порождения речи в концепции отечественной психолингвистической школы (Л.С. Выготский, Н.И. Жинкин).

Слово в контексте психолингвистики. Семантический и формальный принцип организации лексикона в сознании говорящего. Метод лингвистического эксперимента в психолингвистике.

Текст как объект психолингвистики. Цельность и связность текста. Ключевые слова как метод анализа текста. Текст и контекст. Понятие дискурса в лингвистике.

ТЕМА 4. НЕЙРОЛИНГВИСТИКА

Междисциплинарный характер нейролингвистики. Цели и методы нейролингвистики. Теория локализации речевой способности в коре головного мозга.

Функциональная асимметрия мозга. Роль правого и левого полушария при порождении и восприятии речи.

Нейролингвистические механизмы обучения письму.

ТЕМА 5. ОНТОЛИНГВИСТИКА

Онтолингвистика как наука о детской речи. Задачи и основные разделы онтолингвистики. Метод эксперимента в онтолингвистике.

Стадии и особенности освоения ребенком родного языка: возрастная фонетика и лексика. Формирование навыков артикуляции и освоение фонетической системы родного языка ребенком.

Принципы номинации предмета и абстрактного явления в речи ребенка.

Освоение грамматической системы ребенком. Языковые инновации в детской речи.

Связный текст и приемы его построения в речи ребенка.

Языковая игра как проявление индивидуальности в коммуникации детей и подростков.

ТЕМА 6. КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Когнитивная лингвистика: цели и основные направления исследования. Принципы языковой репрезентации представлений об окружающем мире.

Учение В. фон Гумбольдта о языке как форме воплощения национального мировоззрения.

Понятие о языковой картине мира в современной лингвистике. Теория семантического поля Л. Вайсгербера.

Гипотеза лингвистической относительности Э. Сепира и Б. Уорфа.

Когнитивный механизм номинации предмета. Понятие внутренней форы в учении А.А. Потебни.

ТЕМА 7. СОЦИОЛИНГВИСТИКА

Цель и задачи социолингвистики. Социальная дифференциация речи. Сленг и жаргон. Эмотивная функция ненормативной лексики в языке.

Языковой портрет личности: социальные, возрастные и гендерные характеристики автора текста.

Языковые контакты. Понятие языковой интерференции. Пиджин и креольские языки.

5. Рекомендуемые образовательные технологии

Курс предполагает использование интерактивных форм обучения, в том числе с привлечением сетевых технологий для поиска и анализа информации, работы с базами данных.

6. Учебно-методическое обеспечение самостоятельной работы студентов. Оценочные средства для текущего контроля успеваемости, промежуточной аттестации по итогам освоения дисциплины

В качестве основного оценочного средства текущего контроля используются коллоквиумы по прочитанной литературе и рефераты.

ПРИМЕРНЫЕ ТЕМЫ РЕФЕРАТОВ

История становления и развития семиотики в первой половине XX века.

Три типа знаков в классификации Чарльза Пирса.

Русский жестовый язык и дактилология: принцип устройства и функционирования.

Графические средства структурирования письменного текста.

Понятие внутренней речи в концепции отечественной психологической школы (Л.С. Выготский и Н.И. Жинкин).

Модели порождения текста в отечественной и зарубежной психолингвистике XX века.

Эксперимент как особый метод лингвистического исследования.

Понятие дискурса в современной лингвистике.

Александр Романович Лурия – основоположник отечественной нейролингвистики.

Развитие отечественной онтолингвистики в 20–30-е годы XX века.

Понятие языковой картины мира в современной лингвистике.

Внутренняя форма слова и ее реконструкция в народной этимологии.

Язык как форма воплощения мировидения народа в концепции В.фон Гумбольдта.

Принцип описания семантического поля в концепции Л. Вайсгербера.

Гипотеза лингвистической относительности Э. Сепира и Б. Уорфа.

Когнитивная лингвистика и психолингвистика: цели задачи и методы исследования.

Когнитивная метафора: строение и функции.

Социальная дифференциация языка.

Языковые контакты. Пиджин и креольский язык: структура и функции.

Гендер и язык: возможности гендерной идентификации автора письменного текста.

ПРИМЕРНЫЕ ТЕМЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ НА КОЛЛОКВИУМАХ

ФИЛОСОФИЯ И ЯЗЫК

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОДГОТОВКИ:

Два подхода к языку в истории мировой лингвистики: язык как мягкая и жесткая структура (в трактовке В. Налимова).

Философия и язык. Язык как отражение национального мировидения в работах В. фон Гумбольдта.

Философия и язык. Язык как живой организм в натуралистической концепции А. Шлейхера. Значение натуралистической метафоры для развития теоретического языкознания.

Философия и язык. Язык как семиотическая система в концепции структурной лингвистики Ф. де Соссюра.

ЛИТЕРАТУРА

Налимов В.В. Структура науки и логика принятия гипотез // Налимов В.В. Облик науки. СПб.; М.: Центр гуманитарных инициатив, Издательство МБА. 2010. С. 16–59.

Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977.

Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Избранные труды по языкознанию. 2-е изд. М.: Прогресс., 2001.

Шлейхер А. Теория Дарвина в применении к науке о языке. Публичное послание доктору Эрнсту Генкелю, э.о. профессору зоологии и директору зоологического музея при Йенском университете. СПб., 1864.

Волошина О.А. «Биологическая теория языка» Августа Шлейхера и ее значение для теории компаративистики // Современные методы сравнительно-исторических исследований. Материалы VIII Международной научной конференции по сравнительно-историческому языкознанию. Москва. 25–27 сентября 2013 г. М., 2013.

Волошина О.А. Морфема – клетка живого организма языка (о роли натуралистической метафоры в языкознании середины XIX века) // Русский язык в школе. 2016. № 3.

ЖЕСТОВЫЙ ЯЗЫК ГЛУХОНЕМЫХ КАК СЕМИОТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОДГОТОВКИ:

История жестовой речи и дактилологии.

Лингвистический анализ языка жестов. Морфология и синтаксис жестовой речи.

Жест и слово звучащего языка.

ЛИТЕРАТУРА

Гейльман И. Ручная азбука и ручные жесты глухонемых. М., 1957.

Зайцева Г.Л. Жестовая речь. Дактилология. М.: ВЛАДОС, 2000.

Зонкин А.К. Абстракции с языковой поддержкой // Язык и структура знания. М., 1990.

Мещеряков А.И. Слепоглухонемые дети (развитие психики в процессе формирования поведения). М., 1974.

Соколянский И.А. Усвоение слепоглухонемым ребенком грамматического строя словесной речи // Доклады Академии педагогических наук РСФСР. 1959. № 1. С. 121–124.

ЯЗЫК И РЕЛИГИЯ

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОДГОТОВКИ:

Конфессиональные потребности как источник филологии. Особенности филологической работы над корпусом сакральных текстов. Экзегетика и проблема толкования текстов Священного писания.

Неконвенциональное отношение к знаку в сакральных текстах как первоэлемент словесной магии.

ЛИТЕРАТУРА

Лосев А.Ф. Философия имени. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990.

Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М.: Наука, 1976.

Мечковская Н.Б. Язык и религия. М., 1998.

МЕТОД ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА В ЯЗЫКОЗНАНИИ

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОДГОТОВКИ:

Роль лингвистического эксперимента в психолингвистике, онтолингвистике и полевых исследованиях.

Ассоциативный эксперимент в психолингвистике: цель и результат.

Семантический и формальный принцип организации лексикона в сознании говорящего. Эксперимент А.Р. Лурии и Р.М. Фрумкиной.

ЛИТЕРАТУРА

Щерба Л.В. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 24–39.

Шахнарович А.М. Лингвистический эксперимент как метод лингвистического и психолингвистического исследования // Вопросы психолингвистики. М., 2011. № 1(13). С. 191–195.

Фрумкина Р.М. Психолингвистика. 3-е изд. М., 2007. С. 63–85.

Лурия А.Р., Виноградова О.С. Объективное исследование динамики семантических систем // Семантическая структура слова. М., 1971. С. 27–63.

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ АСИММЕТРИЯ МОЗГА В АСПЕКТЕ НЕЙРОЛИНГВИСТИКИ

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОДГОТОВКИ:

Теория функциональной асимметрии мозга. Речевые функции, осуществляемые левым и правым полушариями головного мозга.

Эксперимент на операции с силлогизмами и метафорами при «угнетении» полушарий коры головного мозга.

Роль правого полушария в процессе речепорождения (эмоции, прагматика и дискурс).

ЛИТЕРАТУРА

Якобсон Р.О. Мозг и язык. Полушария головного мозга и языковая структура в свете взаимодействия // Якобсон Р.О. Избр. работы. М., 1985. С. 270–286.

Сахарный Л.В. Человек и текст: две грамматики текста // Человек. Текст. Культура. Екатеринбург, 1994.

Черниговская Т.В., Деглин В.Л. Метафорическое и силлогистическое мышление как проявление функциональной асимметрии мозга // Ученые записки Тартуского университета. Труды по знаковым системам. Вып. 19. Тарту, 1986.

Ахутина Т.В. О прагматике: роль правого полушария в построении текста // Ахутина Т.В. Нейролингвистический анализ лексики, семантики и прагматики. М., 2013. С. 311–331.

Ахутина Т.В. Текст и контекст: роль правого и левого полушарий мозга в построении высказывания // Ахутина Т.В. Нейролингвистический анализ лексики, семантики и прагматики. М., 2013. С. 336–357.

ПСИХИАТРИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОДГОТОВКИ:

Семантические расстройства: обеднение тезауруса и обрастание знаков нестандартными значениями при расстройствах сознания.

Нарушения в лексико-грамматическом кодировании сообщения (алалия).

Лингвистика измененных состояний сознания как междисциплинарная область исследований. Предмет, задачи и методы исследований.

Эксперименты при измененных состояниях сознания, демонстрирующих работу речемыслительного механизма.

ЛИТЕРАТУРА

Синеокова Т.Н. Лингвистика измененных состояний сознания: Учебное пособие. Н. Новгород: Нижегородский государственный университет им. Н.А. Добролюбова, 2008.

Пашковский В.Э., Пиотровская В.Р., Пиотровский Р.Г. Психиатрическая лингвистика. М., 2015.

Спивак Д.Л. Лингвистика измененных состояний сознания. Л.: Наука, 1986.

КОГНИТИВНАЯ ФУНКЦИЯ МЕТАФОРЫ

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОДГОТОВКИ:

Типы метафор в языке.

Роль метафоры в научных лингвистических текстах.

ЛИТЕРАТУРА

Гусев С.С. Упорядоченность научной теории и языковые метафоры // Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1988.

Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры // Теория метафоры / Под ред. Н.Д. Арутюновой. М.: Прогресс, 1990.

Склярёвская Г.Н. Метафора в системе языка. СПб., 2004.

ВОПРОСЫ К ЗАЧЕТУ

Междисциплинарные исследования как важная особенность современной лингвистики.

Семиотика в контексте языкознания. Язык как система знаков. Семиотические системы на базе естественного языка – их устройство и функционирование. Жестовый язык глухонемых и дактилология.

Понятие лингвистического знака, строение знака (двусторонний характер знака по Ф. де Соссюру, треугольник Г. Фреге). Свойства лингвистического знака, определяющие устройство и функционирование языковой системы.

Аспекты плана содержания знака по Ч. Моррису и значение его учения о знаке для развития теоретической лингвистики XX века.

Письмо как семиотическая система на базе естественного языка. Семиотические особенности письменного текста.

Семиотические особенности креолизованных текстов в СМИ. Визуализация вербальной и невербальной информации и ее значение в процессе коммуникации.

Психолингвистика как наука о речевой деятельности. Предмет и границы психолингвистики. Основные задачи и методы психолингвистики.

Речь и мышление. Понятие речемыслительной деятельности. Модель порождения речи в концепции отечественной психолингвистической школы (Л.С. Выготский, Н.И. Жинкин).

Слово в контексте психолингвистики. Семантический и формальный принцип организации лексикона в сознании говорящего.

Текст как объект психолингвистики. Цельность и связность текста. Метод анализа текста при помощи набора ключевых слов.

Междисциплинарный характер нейролингвистики. Цели и методы нейролингвистики. Теория локализации речевой способности в коре головного мозга.

Нейролингвистические механизмы обучения письму.

Функциональная асимметрия мозга. Роль правого и левого полушария при порождении и восприятии речи.

Онтолингвистика как наука о языке ребенка. Задачи и основные разделы онтолингвистики.

Стадии и принципы освоения ребенком родного языка: возрастная фонетика и лексика. Принципы номинации в речи ребенка.

Освоение грамматической системы ребенком. Языковые инновации в детской речи.

Когнитивная лингвистика: цели и основные направления исследования. Принципы языковой репрезентации представлений об окружающем мире.

Представление о языковой картине мира в современной лингвистике. Гипотеза лингвистической относительности Э. Сепира и Б. Уорфа.

Цель и задачи социолингвистики. Социальная дифференциация речи. Сленг и жаргон. Языковой портрет личности: социальные, возрастные и гендерные характеристики.

Языковые контакты. Понятие языковой интерференции. Пиджин и креольские языки.

7. Учебно-методическое и информационное обеспечение дисциплины

ОБЯЗАТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО КУРСУ

Выготский Л.С. Мысль и слово // Выготский Л.С. Мышление и речь. М.: Лабиринт, 2008. С. 282–346.

Гейльман И. Ручная азбука и ручные жесты глухонемых. М., 1957.

Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. М.: Лабиринт, 2008.

Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 2001.

Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М.: Наука, 1982.

Касевич В.Б. Язык и знание // Касевич В.Б. Когнитивная лингвистика: В поисках идентичности. М.: Языки славянской культуры, 2013. С. 68–84.

Лурия А.Р. Язык и сознание. М.: Издательство Московского университета, 1979.

Мечковская Н.Б. Семиотика. Язык. Природа. Культура. М., 2004. С. 16–28, 129–134.

Пищальникова В.А., Сонин А.Г. Междисциплинарные исследования языка // Пищальникова В.А., Сонин А.Г. Общее языкознание. М.: Академия, 2009. С. 3–40.

Сепир Э. Грамматист и его язык // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993. С. 248–258.

Сепир Э. Статус лингвистики как науки // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993.

Сепир Э. Язык. Введение в изучение речи // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993.

Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977.

Уорф Б. Лингвистика и логика // Новое в лингвистике. Вып. 1. М.: Изд-во иностранной литературы, 1960.

Уорф Б. Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике. Вып. 1. М.: Изд-во иностранной литературы, 1960.

Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика. Opera selecta: Сб. науч. статей. М., 1997. № 35. С. 352, 379.

Цейтлин С.Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. М.: Знак, 2009.

Шахнарович А.М. Детская речь в зеркале психолингвистики. М., 1999.

Швачкин Н.Х. Развитие фонематического восприятия речи в раннем возрасте // Известия АПН РСФСР. 1948. Вып. 13. С. 101–132.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Вайнрайх У. Языковые контакты. Киев, 1979.

Гак В.Г. О плюрализме в лингвистических теориях // Филологические науки. 1997. № 6. С. 60–69.

Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.

Зайцева Г.Л. Жестовая речь. Дактилология. М.: ВЛАДОС, 2000.

Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М., 1989.

Лабов У. Исследование языка в его социальном контексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 7. Социолингвистика. М.: Прогресс, 1975. С. 86–181.

Лакофф Дж. Когнитивное моделирование. Язык и интеллект. М., 1996.

Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М., 1999.

Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М., 1969.

Леонтьев А.А. Слово в речевой деятельности. М., 1965.

Лепская Н.И. Язык ребенка (онтогенез речевой коммуникации). М., 1997.

Лурия А.Р. Основные проблемы нейролингвистики. М., 1975.

Лурия А.Р. Письмо и речь. Нейролингвистические исследования. М.: Academia, 2002.

Мурзин Л.Н., Штерн А.С. Текст и его восприятие. Свердловск: Изд-во УГУ, 1991.

Норман Б.Ю. Грамматика говорящего. От замысла к высказыванию. М., 2010.

Перехвальская Е.В. Русские пиджины. СПб.: Алетейя. 2008.

Пинкер С. Субстанция мышления. Язык как окно в человеческую природу. М., 2013.

Рамишвили Г.В. Языкознание в кругу наук о человеке // Вопросы философии. М., 1981. № 6.

Сахарный Л.В. К тайнам мысли и слова. М.: Просвещение, 1983.

Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. М., 1988.

Шахнарович А.М. Детская речь в зеркале психолингвистики. М. 1999.

Якобсон Р.О. Лингвистика в ее отношении к другим наукам // Якобсон Р.О. Избр. работы. М., 1985. С. 369–420.

8. Материально-техническое обеспечение дисциплины

Материально-техническое обеспечение дисциплины предполагает:
доступ к Интернету во внеаудиторное время;
доступность указанной литературы и словарей.

Программа составлена в соответствии с требованиями
ОС МГУ по специальности «Филология».

Разработчик:

Оксана Анатольевна Волошина,
канд. филол. наук
доцент
филологического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова

Oksana A. Voloshina,
PhD
Associate Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
oxanav2005@mail.ru

Библиографии

Bibliography

В.А. Воропаев
(Москва, Россия)

**Библиография произведений Н.В. Гоголя и литературы о нем
на русском языке (1986–1989)**

V.A. Voropaev
(Moscow, Russia)

**The Bibliography of N.V. Gogol's Works and Literature about Him
in Russian (1986–1989)**

1986

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Избранное / Вступ. статья П.А. Николаева; худож. М.С. Силкина. М.: Просвещение 1986. 398, [1] с.: ил. – (Школьная библиотека).

Загл. вступ. статьи: Поэзия жизни действительной. С. 3–14.

Содерж. Сорочинская ярмарка; Вечер накануне Ивана Купалы; Майская ночь, или Утопленница; Пропавшая грамота; Ночь перед Рождеством; Страшная месть; Иван Федорович Шпонька и его тетушка; Заколдованное место; Старосветские помещики; Тарас Бульба; Вий; Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем; Нос; Шинель.

Петербургские повести А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя / Сост., вступ. статья и примеч. Г.П. Макогоненко; ил. Н.Е. Бочаровой. М.: Правда, 1986. 349, [2] с.: ил.

Загл. вступ. статьи: Тема Петербурга у Пушкина и Гоголя. С. 5–42.

Повести / Сост. и коммент. В.А. Воропаева. М.: Советская Россия, 1986. 368 с.

Содерж. Ночь перед Рождеством, Старосветские помещики, Тарас Бульба, Невский проспект, Нос, Портрет, Шинель, Коляска, Записки сумасшедшего.

Коммент. С. 335–365.

Собр. соч.: В 7 т. / Под общ. ред. С.И. Машинского и М.Б. Храпченко. М.: Художественная литература, 1984–1986.

Т. 6: Статьи / Коммент. Ю.В. Манна. М., 1986. 543 с.

Приложение:

Петербургская сцена в 1835–36 г. С. 442–452.

Коммент. С. 453–540.

[Сопроводит. статья:] Гоголь – критик и публицист: С. 454–474.

Коммент. С. 474–540.

Т. 7: Письма / Вступ. статья и коммент. Г.М. Фридлендера. М., 1986. 431 с.

Загл. вступ. статьи: Письма Гоголя. С. 5–26.

Коммент. в тексте.

Приложение:

<Письмо к> В.Г. Белинскому. Конец июля – начало августа (н. ст.) 1847 г. (черновые варианты). С. 352–361.

[Шарыпкин Д.М., Виролайнен М.Н.] Хронологическая канва жизни и творчества Н.В. Гоголя. С. 362–395.

[Павлова И.Б.] Алфавитный указатель имен и названий периодических изданий к томам 6 и 7. С. 396–425. [Указатель имен аннотированный.]

Список портретов, помещенных на фронтисписе в 1–7 томах. С. 426.

ЛИТЕРАТУРА

Абдуллаев М. Сравнительно-типологическое исследование творчества Гоголя и узбекских писателей / Кокандский гос. пед. ин-т им. Мукими. Ташкент: Фан, 1986. 99 с. [История гоголеведения в Узбекистане.]

Агаева И.И. Проблема нравственного идеала на уроках русской литературы (К вопросу изучения биографии и творчества писателя) // Русский язык и литература в азербайджанской школе. Баку, 1986. № 12. С. 6–12.

Аксаков С.Т. Собр. соч.: В 3 т. Т. 3. М.: Художественная литература, 1986. 511 с.

История моего знакомства с Гоголем. С. 5–248.

Несколько слов о биографии Гоголя. С. 379–381.

Письмо друзьям Гоголя. С. 431–435.

Андреев Н.Е. Гоголь как историк // Записки русской академической группы в США. Т. 19. Нью-Йорк, 1986. С. 189–202.

Архипова А.В. Один из литературных источников «Повести о капитане Копейкине» // Русская литература. Л., 1986. № 2. С. 231–232.

Асеев Б.Н. История русского драматического театра первой половины XIX века: Учебное пособие по курсу «История русского драматического театра» для студентов театральных вузов / Гос. ин-т театрального искусства им. А.В. Луначарского. М.: ГИТИС, 1986. 168, [1] с.

Асоян А.А. Данте и русская литература 1820–1850-х годов: Пособие к спецкурсу / Свердловский гос. пед. ин-т. Свердловск: СГПИ, 1986. 79, [1] с.

Данте и «Мертвые души» Гоголя. С. 37–47.

Ауэр А.П. Салтыков-Щедрин и Гоголь (Опыт типологического изучения) // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. М., 1986. № 3. С. 70–72.

Баскаков В.Н. Гоголевская библиография: традиции, современное состояние и перспективы // Советская библиография. М., 1986. № 1. С. 77–83.

Беглов В.А. Характеры в системе трагических отношений в романе-эпопее Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» // Анализ литературного произведения русской и советской литературы: межвузовский сб. Горький, 1986. С. 3–6.

Бердников Г.П. Избранное: В 2 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1986. 543 с.

Из содерж.:

Гоголь и Чехов.

[Указ. имен.]

Вайль П., Генис А. Масштаб маленького человека // Панорама. Лос-Анджелес, 1986. 14–21 ноября. № 292. С. 21–22.

[Тема «маленького человека» в творчестве Гоголя.]

Вайман С. Кого же увозит в «пропадающую даль» гоголевская «птица тройка»? // Литературная учеба. М., 1986. № 2. С. 227–229.

Вещь в искусстве: Материалы научной конференции, 1984. Вып. 17 / Гос. музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина; под общ. ред. И.Е. Даниловой. М.: Советский художник, 1986. 336 с.

Из содерж.:

Мильдон В.И. Натюрморт в поэтике Гоголя. С. 210–225.

Вопросы романтического миропонимания, метода, жанра и стиля: межвузовский тематический сб. научных трудов / Калининский гос. ун-т. Калинин, 1986. 150 с.

Из содерж.:

Карташова И.В. Романтическая тенденция в поэме Гоголя «Мертвые души». С. 20–34.

Вопросы русской литературы: республиканский межведомственный научный сб. Вып. 1(47) / Министерство высшего и среднего специального образования УССР; Черновицкий гос. ун-т; редкол.: Н.В. Николаев (отв. ред.), И.П. Вишневский (зам. отв. ред.), Д.М. Степанюк (отв. секр.) и др. Львов: Изд-во при Львовском гос. ун-те издательского объединения «Вища школа», 1986. 102 с.

Из содерж.:

Казарин В.П. Вопросы просветительской социологии и проблема художественного метода петербургских повестей Н.В. Гоголя. С. 70–78.

Подлужная Л.П. Гоголевские традиции в творчестве А.И. Левитова. С. 78–83.

Вопросы русской литературы: республиканский межведомственный научный сб. Вып. 2(48) / Министерство высшего и среднего специального образования УССР; Черновицкий гос. ун-т; редкол.: Н.В. Николаев (отв. ред.), И.П. Вишневский (зам. отв. ред.), Д.М. Степанюк (отв. секр.) и др. Львов: Изд-во при Львовском гос. ун-те издательского объединения «Вища школа», 1986.

Из содерж.:

Волкова Л.П. Об отношении Н.В. Гоголя к Ж.-Б. Мольеру и Аристофану. С. 36–44.

Казарин В.П., Чернета Л.Т. Образ Александра Адуева и письма молодого Гоголя (К типологии романтического мирозерцания). С. 44–51.

Воропаев В. «Меня очень занимал Гоголь...» Из «Записок» В.О. Шервуда // Литературная газета. М., 1986. 9 апреля. № 15. С. 6.

Воропаев В., Песков А. Последние дни жизни Гоголя и проблема второго тома «Мертвых душ» // Вопросы литературы. М., 1986. № 10. С. 132–146.

Гоголь и литература народов Советского Союза / Ереванский гос. ун-т; Институт мировой литературы им. А.М. Горького АН СССР; сост. К.В. Айвазян; редкол. К.В. Айвазян, Н.В. Крутикова, К.Н. Ломунов и др. Ереван: Изд-во Ереванского ун-та, 1986. 404 с. – (Русская классика и литература народов СССР; т. 8).

Содерж.:

От редколлегии. С. 5–6.

Ломунов К.Н. Гоголь и современность. С. 7–14.

Раздел I:

Николаев П.А. Художественные открытия Гоголя и русская литература. С. 17–38.

Троицкий В.Ю. Гоголь и русская проза XVIII века (О традициях русской предромантической прозы в раннем творчестве писателя). С. 39–51.

Сахаров В.И. Гоголь и В.Ф. Одоевский (По новым материалам). С. 52–61.

Елизаветина Г.Г. «Мертвые души» в эстетическом восприятии Герцена. С. 62–74.

Карпенко А.И. Истоки замысла поэмы «Мертвые души». С. 75–86.

Горячкина М.С. Традиции гоголевской сатиры в творчестве Салтыкова-Щедрина. С. 87–104.

Великанова Н.П. О гоголевской традиции в творчестве Некрасова. С. 105–111.

Ломунов К.Н. Гоголь в оценке Льва Толстого. С. 112–127.

Видуэцкая И.П. Гоголь и Лесков (К вопросу о творческой преемственности). С. 128–146.

Звиняцковский В.Я. Традиции Гоголя и украинская тематика в произведениях Чехова. С. 147–164.

Раздел II:

Крутикова Н.Е. Гоголь в восприятии и творчестве Т.Г. Шевченко. С. 167–180.

Кирилюк З.В. Украинская тема в творчестве Гоголя и других русских писателей 20–30-х годов XIX века. С. 181–191.

Маевская Т.П. Гоголевская романтическая традиция в русской и украинской малой прозе конца XIX – начала XX века. С. 192–205.

Лиокумович Т.Б. Гоголевские традиции в творчестве Якуба Коласа. С. 206–223.

Хихадзе Л.Д. «Человек ли он?» Ильи Чавчавадзе и гоголевские повести миргородского цикла. С. 224–234.

Дидебулидзе Д.О. Гоголь в дореволюционной грузинской критике. С. 235–241.

Цибашвили Г.И. Гоголь на грузинском языке. С. 242–247.

Гончар Н.А. Гоголь и творчество Д. Демирчяна. С. 248–271.

Алексян Е.А. Гоголь и Паронян. С. 272–288.

Мкртчян К.Л. К истории переводов повести Гоголя «Нос» на армянский язык. С. 289–306.

Гаджиев А.Д. Гоголь и азербайджанская дореволюционная литература. С. 307–312.

Асадуллаев С.Г. Тема Востока в творчестве Гоголя. Гоголь и писатели Азербайджана. С. 313–331.

Рзаев Ф.Ч. Гоголь и азербайджанский театр. С. 332–338.

Вавере В.А. Гоголь и А. Упит. С. 339–357.

Исаков С.Г. Восприятие творчества Гоголя в Эстонии XIX века. С. 358–374.

Бегжанова М.А. Художественный опыт Гоголя и творчество Каххара – прозаика и драматурга. С. 375–383.

Розенфельд А.З. Гоголь на таджикском языке. С. 384–389.

Джолдошева Ч.Т., Бегеева Д.А. Гоголь и киргизская литература. С. 390–396.

Гайнуллин М.Х. Гоголь и татарская драматургия. С. 397–402.

[Рец.: *Ширализаде А., Эльдаров К.* О традициях и уроках Гоголя // Литературный Азербайджан. Баку, 1987. № 6. С. 121–123.]

Григорьев А.А. Искусство и нравственность / Вступ. статья и коммент. Б.Ф. Егорова. М.: Современник, 1986. 351 с. – (Библиотека «Любителям российской словесности. Из литературного наследия»).

Загл. вступ. статьи: Аполлон Григорьев – литературный критик. С. 5–30.

Из содерж.:

Взгляд на русскую литературу по смерти Пушкина

Статья первая. Пушкин – Грибоедов – Гоголь – Лермонтов. С. 70–110.

[Впервые: Русское Слово. 1859. № 2.]

Коммент. С. 317–321.

[Указ. имен.]

Гужанов С.И. Сравнение как средство сатиры в творчестве Н.В. Гоголя // Исследования по русскому стилистическому синтаксису. Тула, 1986. С. 113–121.

Гусева Е.Н. Воспоминания Г.П. Галагана о Н.В. Гоголе в Риме // Памятники культуры: Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник. 1984. Л.: Наука, 1986. С. 64–69.

Дилакторская О.Г. Фантастическое в «Петербургских повестях» Н.В. Гоголя: монография / Науч. ред. проф. Г.П. Макогоненко. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 1986. 208 с.

Динерштейн Е.А. «Фабрикант» читателей: А.Ф. Маркс. М.: Книга, 1986. 256 с.
Н.В. Гоголь. С. 98–111.

<Добролюбов Н.А.> Н.А. Добролюбов в воспоминаниях современников / Вступ. статья Г. Елизаветиной; сост., подгот. текста и коммент. С. Рейсера. М.: Художественная литература, 1986. 422 с. – (Литературные мемуары).

Загл. вступ. статьи: Современники о Добролюбове. С. 5–20.

Коммент. С. 331–391.

[Указ. имен.]

Жуковский В.А. «Все необъятное в единый вздох теснится...»: Избранная лирика. В.А. Жуковский в документах. Стихотворения русских поэтов XIX века, посвященные В.А. Жуковскому / Сост., вступ. статья, примеч. В.В. Афанасьева. М.: Московский рабочий, 1986. 316 с. – (Московский Парнас).

Загл. вступ. статьи: «Коломб» русской поэзии. С. 3–20.

Из содерж.:

«Жизнь и поэзия – одно...». В.А. Жуковский в документах. С. 139–268.

[Используется переписка Гоголя и В.А. Жуковского.]

Примеч. С. 308–312.

Зарецкий В.А. Идея духовного пробуждения во втором томе «Мертвых душ» // Классическое наследие и современность: Тезисы докладов межвузовской областной научно-практической конференции литературоведов Поволжья / Куйбышевский гос. пед. ин-т им. В.В. Куйбышева. Куйбышев, 1986. Вып. 1. С. 46–48.

Затеева Г.А. К проблеме комического у Н.В. Гоголя и Жан Поля (В жанре романа) // Роль русской классики в развитии и взаимообогащении литературных жанров. Орджоникидзе, 1986. С. 106–113.

Золотусский И.П. Гоголь. Лермонтов. Жуковский: литературные очерки. М.: Правда, 1986. 47, [1] с. – (Библиотека «Огонек». № 14).

Из содерж.:

Смех Гоголя.

Тройка, копейка и колесо.

[О «Мертвых душах».]

«Мастерская шутка».

[Повесть Гоголя «Коляска».]

Золотусский И.П. Трепет сердца: избранные работы. М.: Современник, 1986. 540, [2] с.

Из содерж.:

«Записки сумасшедшего» и «Северная пчела». С. 328–344.

Гоголь-критик; Рафаэль пошlostей. С. 353–392.

Обманутый Хлестаков; Прыжок Подколесина. С. 423–436.

История эстетической мысли: В 6 т. Т. 3: Европа и Америка. Конец XVIII – первая половина XIX века / Ред. Т.Б. Любимова. М.: Искусство, 1986. 496 с.

Из содерж.:

Баженова А.А. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. С. 353–361.

Казарин В.П. Повесть Н.В. Гоголя «Тарас Бульба»: Вопросы творческой истории: монография. Киев; Одесса: Головное изд-во издательского объединения «Вища школа», 1986. 128 с.

[Рец.: Волкова Л. // Радянське літературознавство. Київ, 1988. № 8. С. 74–76.]

Колодный Л. Мемориальный музей // Московская правда. М., 1986. 9 сентября. № 206. С. 3.

Коньшев Е.М. Проблема положительного героя в русской литературе 40-х – 70-х годов XIX века (Н.В. Гоголь и Н.С. Лесков) // Творчество Н.С. Лескова: межвузовский сборник научных трудов / Курский гос. пед. ин-т. Курск, 1986. С. 111–119.

Кривонос В.Ш. «Мертвые души» Н.В. Гоголя и национальная культурная традиция // Современность классики: Актуальные проблемы изучения русской литературы. Воронеж, 1986. С. 43–49.

Кублановский Ю. Тайна Гоголя // Русская мысль. Париж, 1986. 30 мая. № 3623. С. 10.

[Рец. на кн.: *Носов В.Д. [Паламарчук П.Г.] «Ключ» к Гоголю. Опыт художественного чтения.* London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1985. 133 с.]

Левашева О.Е. Михаил Иванович Глинка: монография: В 2 кн. Кн. 2. М.: Музыка, 1988. 352 с.: ил. – (Классики мировой музыкальной культуры).
[Гоголь и М.И. Глинка.]

Лужановский А. Роль гоголевской традиции в становлении рассказа // Ученые записки вузов ЛитССР. Литература. Вильнюс, 1986. № 28(2). С. 30–38.

Максимов С.В. Литературные путешествия / Вступ. статья и коммент. Ю.В. Лебедева. М.: Современник, 1986. 415 с. – (Библиотека «Любителям российской словесности». Из литературного наследия).

Загл. вступ. статьи: Писатель-первопроходец. С. 5–28.

Коммент. С. 372–390.

[Указ. имен.]

Мамлеев Ю. Бессмертие мертвых душ // Континент. Мюнхен, 1986. № 47. С. 404–408.
[Рец. на кн.: *Золотуский И.П.* Гоголь. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Молодая гвардия, 1984. 527 с. – Сер. ЖЗЛ.]

Манн Ю. Еще раз о «тайне лица» у Гоголя // Литературная учеба. М., 1986. № 5. С. 200–203.

Манн Ю.В. Ломоносов в творческом сознании Гоголя // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. М., 1986. Т. 45. № 6. С. 528–542.

Манн Ю.В. О гротеске в литературе. М.: Советский писатель, 1986. 184 с.

Манн Ю.В. Человек и среда // Вопросы литературы. М., 1986. № 9. С. 115–134.

Маранциман В.Г. Труд читателя: от восприятия литературного произведения к анализу: Книга для учащихся. М.: Просвещение, 1986. 124 с.

Матвеев Б.И. Слово «дорога» у Н.В. Гоголя // Русская речь. М., 1986. № 6. С. 46–51.

Миропонимание и творчество романтиков: межвузовский тематический сб. научных трудов / Калининский гос. ун-т; редкол.: Н.А. Гуляев (отв. ред.) и др. Калинин, 1986. 154, [1] с.

Из содерж.:

Карташова И.В. Повесть Гоголя «Записки сумасшедшего» и романтическая традиция. С. 52–58.

Молева Н. Право на подлинность // Литературная Россия. М., 1986. 30 мая. № 22. С. 17.

Николаев О.Р. Концепция истории в сборнике Н.В. Гоголя «Миргород» // Диалектика формы и содержания в языке и литературе. Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1986. С. 104–106.

Никонов А.В. Декабристы и Н.В. Гоголь о народности литературы // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. М., 1986. № 5. С. 72–74.

Паламарчук П. Гоголь и наше время // Дружба народов. М., 1986. № 6. С. 262–263.

Палиевский П.В. Гоголь – литературный критик // Литература. Язык. Культура. М.: Наука, 1986. С. 175–182.

Паперный В.М. Андрей Белый и Гоголь. Статья третья // Ученые записки Тартуского ун-та. Тарту, 1986. Вып. 683. С. 50–65. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение.

[Статьи 1 и 2 см.: Там же: // Тарту, 1982. Вып. 604. С. 112–126; Тарту, 1983. Вып. 620. С. 85–98.]

Преподавание литературного чтения в эстонской школе: методические разработки / Сост. В.Н. Невердиновой; отв. ред. А.Ф. Белоусов. Таллин: Таллинский пед. ин-т им. Э. Вильде, 1986. 127 с.

Из содерж.:

Белоусов А.Ф. Живопись в «Портрете»: К изучению «загадочной» повести Н.В. Гоголя. С. 5–14.

Николаев Н.И. Творчество Гоголя в исследованиях Л.В. Пумпянского. С. 92–99.

Пумпянский Л.В. «Вечера на хуторе близ Диканьки». С. 100–126.

Радашкевич А. Коротко о книгах // Русская мысль. Париж, 1986. 7 марта. № 3611. С. 10.

[Рец. на кн.: *Носов В.Д.* [Паламарчук П.Г.] «Ключ» к Гоголю. Опыт художественного чтения. London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1985. 133 с.]

Проблемы метода и жанра: сб. статей. Вып. 13 / Томский гос. ун-т им. В.В. Куйбышева; редкол.: Ф.З. Канунова (отв. ред.) и др.]. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1986. 242 с.

Из содерж.:

Казарин В.П. Портрет в «Мертвых душах» Н.В. Гоголя. С. 173–182.

Сечкарев В. Пушкин и Гоголь в произведениях Алданова // Отклики: сб. статей памяти Н.И. Ульянова (1904–1985) / Ред. В. Сечкарев. Нью-Хэвен, 1986. С. 170–185.

Смелянский А.М. Михаил Булгаков в Художественном театре. М.: Искусство, 1986. 384 с.: [16] л. ил.

Гл. 5: «Укрой меня своей чугунной шинелью!». С. 202–252.

[«Гоголевский период» в жизни М.А. Булгакова.]

Современность классики: Актуальные проблемы изучения русской литературы: межвузовский сб. научных трудов / Воронежский гос. ун-т им. Ленинского комсомола; редкол.: Б.Т. Удодов (отв. ред.) и др. Воронеж, 1986. 127, [1] с.

Из содерж.:

Ремизов В.Б., Болтнев И.Д. Л.Н. Толстой и Н.В. Гоголь. С. 118–127.

Соловьев Г.А. Эстетические взгляды молодого Белинского. М.: Художественная литература, 1986. 350, [1] с.

[Указ имен.]

Солоухин В. Камешки на ладони // Новый мир. М., 1986. № 8. С. 56–85.

[В частности, о «тайной любви» Гоголя к католической Польше.]

Сугай Л.А. Неизданные работы Иннокентия Анненского о Гоголе // Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология. М., 1986. № 4. С. 48–55.

Сурков Е. Гоголь и Пушкин: проблемы и решения // Вопросы литературы. М., 1986. № 5. С. 234–241.

Тарасов Б.Н. В мире человека. М.: Современник, 1986. 317, [2] с.

Н.В. Гоголь и П.Я. Чаадаев: тема единства в сознании писателя и мыслителя. С. 306–318.

Тер-Оганесян И. О киносценарии «Шинели» Н.В. Гоголя // Труды Тбилисского ун-та. Совет молодых ученых. Тбилиси, 1986. Вып. 12. С. 271–279.

[Киносценарий Ю.Н. Тынянова.]

Типы текста и специфика функционирования языковых средств: межвузовский сб. / Куйбышевский гос. ун-т; редкол.: Е.С. Скобликова (отв. ред.) и др. Куйбышев, 1986. 152 с.

Из содерж.:

Кубарев Е.М. Речевое воплощение реальной и ложно истолкованной действительности в комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» С. 141–150.

<Тургенев И.С.> Тургенев: Проблемы мировоззрения и творчества: межвузовский сб. научных трудов / Министерство высшего и среднего специального образования РСФСР; Калмыцкий гос. ун-т; редкол.: Г.Б. Курляндская (отв. ред.) и др. Элиста, 1986. 184 с.

Из содерж.:

Ковалева Ю.Н. Елена Стахова и Улинька Бетрищева. С. 42–49.

Фольклорная традиция в русской литературе: сб. научных трудов / Министерство просвещения РСФСР, Волгоградский гос. пед. ин-т им. А.С. Серафимовича; редкол.: Д.Н. Медриш (отв. ред.), А.М. Буланов, Н.П. Гришечкина, Н.И. Слободская. Волгоград: ВГПИ, 1986. 136 с.

Из содерж.:

Анненкова Е.И. К вопросу о соотношении фольклорной и книжной традиции в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя. С. 42–48.

[Христианские и языческие мотивы в связи с этической проблематикой повестей Гоголя.]

Гольденберг А.Х. Народная обрядовая поэзия в художественном строе «Мертвых душ». С. 48–56.

Фиалкова Л.Л. К проблеме «Гоголь и фольклор». С. 57–60.

Храпченко М.Б. Горизонты художественного образа. 2-е изд., доп. М.: Художественная литература, 1986. 439 с.

Из содерж.:

Подвиг художника. С. 324–338.

Метаморфозы критического субъективизма. С. 339–375.

[В частности, анализ книг И.П. Золотусского «Гоголь», В.Н. Турбина «Герои Гоголя» и литературно-критического сборника «Гоголь: История и современность».]

Храпченко М.Б. Метаморфозы критического субъективизма // Контекст, 1986 / Институт мировой литературы им. А.М. Горького; отв. ред. Н.К. Гей. М.: ИМЛИ РАН, 1987. С. 5–40.

Целостность литературного произведения как проблема исторической поэтики / Кемеровский гос. ун-т; редкол.: М.Н. Дарвин, Ф.З. Канунова, Н.Д. Тamarченко, В.И. Тюпа (отв. ред.), В.Е. Хализев. Кемерово, 1986. 163 с.

Из содерж.:

Поддубная Р.Н. Фантастика «Вия» и мотив «видения-распознавания» в творчестве Гоголя. С. 98–114.

Есаулов И.А. Об эстетическом сюжете «Миргорода». С. 114–123.

Цивьян Ю.Г. Палеограммы в фильме «Шинель» // Тыняновский сборник: Вторые тыняновские чтения / Под ред. М.О. Чудаковой. Рига: Зинатне, 1986. С. 14–27.

<Чехов А.П.> А.П. Чехов (Проблемы жанра и стиля): межвузовский сб. научных трудов / Ростовский гос. пед. ун-т; отв. ред. В.Д. Седегов. Ростов-на-Дону, 1986. 119 с.

Из содерж.:

Саннинский Б.Я. О гоголевских традициях в раннем творчестве А.П. Чехова. С. 52–61.

Шкловский В.Б. Повести о прозе: Размышления и разборы. М.: Художественная литература, 1986. Т. 2.

Из содерж.:

Пушкин и Гоголь. С. 66–82.

«Шинель». С. 92–103.

Щеглова Л.В. Идеологические аспекты отношения В.Г. Белинского к Н.В. Гоголю // Философская мысль народов СССР: история, теория и методология. М., 1986. С. 41–67.

Эйзенштейн С. О «Шинели» Н.В. Гоголя («Практикум» со студентами-режиссерами ВГИКа 28 мая 1936 г.) / Вступ. заметка Г. Антиповой; публ., коммент. В. Терешкович // Вопросы литературы. М., 1986. № 4. С. 189–210.

[Практикум по экранизации повести Гоголя «Шинель».]

Эйхенбаум Б.М. О прозе. О поэзии: сб. статей / Вступ. статья Г. Бялого. Л.: Художественная литература. Ленинградское отделение, 1986. 453, [2] с.

Из содерж.:

Как сделана «Шинель» Гоголя. С. 45–63.

Юрьенен С. Возможен ли советский Гоголь? // Стрелец. Монжерон (Франция) / Нью-Джерси (США), 1986. № 7. С. 41–42.

[О жизни и творчестве драматурга Н.Р. Эрдмана (1900–1970), которого М. Горький назвал новым Гоголем.]

Языков Н.М. Свободомыслящая лира: Стихотворения; поэмы; жизнь Николая Языкова по документам, воспоминаниям / Сост. вступ. статьи и примеч. В.В. Афанасьева. М.: Московский рабочий, 1988. 350 с. – (Московский Парнас).

Загл. вступ. статьи: «Я вырос на светлых холмах и равнинах...» (Николай Михайлович Языков. 1803–1846). С. 3–12.

Стихотворения:

Н.В. Гоголю (Благословляю твой возврат...). С. 81–82.

Жизнь Николая Языкова по документам, воспоминаниям. С. 141–333.

[Переписка Гоголя с Н.М. Языковым; Гоголь в письмах Н.М. Языкова и др.]

Примеч. С. 334–347.

1987

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Избранные сочинения / Сост., вступ. статья П. Николаева; примеч. А. Щербакова. М.: Художественная литература, 1987. 702 с. – (Библиотека учителя).

Загл. вступ. статьи: Поэзия жизни действительной. С. 3–14.

Мертвые души: поэма / Послел. П. Николаева. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное изд-во, 1987. 383, [1] с.

Загл. послел.: Художественные открытия Гоголя. С. 373–384.

Мертвые души: [поэма] / Вступ. статья С. Машинского; рис. А. Лаптева. Тбилиси: Ганатлеба, 1987. 114, [2] с.: ил.

Загл. вступ. статьи: О великой поэме Гоголя. С. 3–24.

Петербургские повести А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя / Вступ. статья и примеч. Г.П. Макогоненко; ил. Н.Е. Бочаровой. М.: Правда, 1987. 352 с.: ил.

Загл. вступ. статьи: Тема Петербурга у Пушкина и Гоголя. С. 5–42.

ЛИТЕРАТУРА

Алексян Е. Абовян и Гоголь (Проблемы типологии стиля) // Хачатур Абовян. Ереван, 1987. С. 212–228.

Анализ художественного произведения: Художественное произведение в контексте творчества писателя: Книга для учителя. М.: Просвещение, 1987. 176 с.

Из содерж.:

Анненкова Е.И. Повесть «Тарас Бульба» в контексте творчества Н.В. Гоголя. С. 59–73.

Андроникашвили Б.Б. Страницы прошлого читая... Тбилиси: Мерани, 1987. 197 с. «Известная графиня». С. 125–146.

[Графиня А.Г. Толстая (рожд. княжна Грузинская и ее отношения с Гоголем.)]

Асеев Б.Н. История русского драматического театра первой половины XIX века: Репертуар и драматургия второй четверти века. Лермонтов, Гоголь, Мочалов, Щепкин, Каратыгин: Учебное пособие по курсу «История русского драматического театра» для студентов театральных вузов / Гос. ин-т театрального искусства им. А.В. Луначарского. М.: ГИТИС, 1987. 192, [2] с.

Барабаш Ю. «Тайная любовь» Гоголя? // Наука и религия. М., 1987. № 7. С. 39–44.
[О гипотезе В.А. Солоухина, высказанной в «Камешках на ладони».]

Барабаш Ю. «Тайная любовь» Гоголя? Мифы старые и «новые» // Вопросы литературы. М., 1987. № 1. С. 74–99.

Берг Е. Гоголь и символисты // Русская мысль. Париж, 1987. 9 января. № 3655. С. 9.

Бочаров И., Глушакова Ю. Там, где родился образ птицы-тройки // Встречи с историей: научно-популярные очерки. М.: Молодая гвардия, 1987. С. 83–96.

Брюсов В.Я. Соч.: В 2 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1987.

Испепеленный: К характеристике Гоголя.

[Впервые: Вesy. 1909. № 4; отд. изд. М., 1909.]

Вайскопф М. Нос в Казанском соборе: о генезисе религиозной темы у Гоголя // Wiener Slawistischer Almanach, 1987. Bd. 19. С. 25–46.

Варшанидзе Н.Ю., Комахидзе Р.А. Продолжая дело русской классики // Вопросы литературы народов СССР. Киев; Одесса, 1987. Вып. 15. С. 123–129.

[Традиции Гоголя и И.А. Гончарова в повести И. Чавчавадзе «Человек ли он?!».]

Венок Пушкину: сборник / Сост. и примеч. С.А. Небольсина. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Советская Россия, 1987. 256 с.

Из содерж.:

Гоголь Н. [Отрывки из статьи «Несколько слов о Пушкине» (1835).] С. 28–29.

Вогман Л. Загадка «Ревизора» // Литературная учеба. М., 1987. № 6. С. 149–153.

Вопросы русской литературы: республиканский межведомственный научный сб. Вып. 1(49) / Министерство высшего и среднего специального образования УССР; Черновицкий гос. ун-т; редкол.: Н.В. Николаев (отв. ред.), И.П. Вишневский (зам. отв. ред.), Д.М. Степанюк (отв. секр.) и др. Львов: Изд-во при Львовском гос. ун-те издательского объединения «Вища школа», 1987.

Из содерж.:

Губарев И.М. Тема писателя и творческого процесса в эстетических воззрениях Н. Гоголя 40-х годов XIX в. С. 61–68.

Слюсарь А.А. О жанровых особенностях «Записок сумасшедшего» Н. Гоголя. С. 68–76.

Цивкач О.М. Н.В. Гоголь в борьбе за журнальную трибуну (статья «О Современнике»). С. 76–82.

Вопросы русской литературы: республиканский межведомственный научный сб. Вып. 2(50) / Министерство высшего и среднего специального образования УССР; Черновицкий гос. ун-т; редкол.: Н.В. Николаев (отв. ред.), И.П. Вишневский (зам. отв. ред.), Д.М. Степанюк (отв. секр.) и др. Львов: Изд-во при Львовском гос. ун-те издательского объединения «Вища школа», 1987.

Из содерж.:

Жаркевич Н.М. «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н. Гоголя в критической интерпретации (конец 40-х – начало 50-х годов XIX века). С. 42–48.

Солодков В.А. «Майская ночь, или Утопленница» Н.В. Гоголя в украинских инсценизациях. С. 48–54.

Чумак Т.М. Мотив побратимства в повести Н.В. Гоголя «Страшная месть». С. 54–59.

Степанов В.Г. Гротеск в «Мертвых душах» Н.В. Гоголя. С. 60–70.

Воронский А.К. Искусство видеть мир: Статьи, портреты. М.: Советский писатель, 1987. 704 с.

Из книги «Гоголь»

«Вечера на хуторе близ Диканьки». С. 596–603.

«Миргород». С. 603–617.

Петербургские повести. С. 617–630.

Комедии. С. 630–643.

«Мертвые души». С. 643–664.

Глава заключительная. С. 665–693.

Воропаев В.А. О датировке гоголевских заметок «К 1-й части» «Мертвых душ» // Русская литература. Л., 1987. № 1. С. 179–185.

Воропаев В. «Меня очень занимал Гоголь...». Из «Записок» В.О. Шервуда // Собеседник: литературно-критический ежегодник / Сост. И. Ростовцева. М.: Современник, 1987. Вып. 8. С. 275–281.

Вяземский П.А. Ревизор. Комедия, соч. Н Гоголя // Современник. СПб., 1836. Т. 2. С. 285–309. (Репринтное изд.: М., 1987).

Григорovich Д.В. Литературные воспоминания / Вступ. статья Г. Елизаветиной; сост., подгот текста и коммент. Г. Елизаветиной и И. Павловой. М.: Художественная литература, 1987. 335 с. – (Литературные мемуары).

Загл. вступ. статьи: Воспоминания о литературной жизни. С. 5–22.

Коммент. С. 273–312.

[Указ. имен.]

Губашичева Е.М. Из наблюдений над поэтикой произведений Н.В. Гоголя (эпитет, сравнение) // Национальное и интернациональное в фольклоре и литературе. Нальчик, 1987. С. 104–112.

Гуминский В.М. Открытие мира, или Путешествия и странники. М.: Современник, 1987. 286 с.

Из содерж.:

Гоголь и четыре урока «Миргорода». С. 4–23.

«Степной царь» («Тарас Бульба» в «Миргороде» и «Арабесках»). С. 24–42.

Гураль С.К. Американское литературоведение о творчестве Гоголя // Литература и журналистика США: аннотированный указатель. М.: Изд-во МГУ, 1987. С. 187–188.

Гураль С.К. Петербургские повести Н.В. Гоголя в оценке американских критиков // Тезисы научной конференции «Октябрь и литература США: влияние Великой Октябрьской революции на американскую литературу и журналистику» (24–26 ноября 1987 г.). М.: Изд-во МГУ, 1987. С. 148–149.

Гураль С.К. Проблема художественного метода в современном американском литературоведении // Проблемы литературных жанров. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 1987. С. 56–58.

Дзюба И. Диалогия о Н. Гоголе // Радуга. Киев, 1987. № 9. С. 112–119.

[О кн.: Колесник Г. Прелюдии Гоголя (1984) и Осії Гоголя (1986).]

Дмитриева Е.Е. Эмоционально-оценочная предметная лексика со значением лица в «Петербургских повестях» Н.В. Гоголя // Лингвистические исследования. М., 1987. С. 88–91.

Дуккон А. Проблема двойника у Гоголя и Достоевского // Studia slavica Hung. Br., 1987. Т. 33, fasc. 1/4. С. 207–221.

Егоров Б.Ф. Булгаков и Гоголь (Тема борьбы со злом) // Исследования по древней и новой литературе. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1987. С. 90–95.

Егоров Б.Ф. Булгаков и Гоголь (Тема жизненного деяния в «Мертвых душах») // Проблемы театрального наследия М.А. Булгакова: сб. научных трудов / Ленинградский

гос. ин-т театра, музыки и кинематографии им. Н.К. Черкасова; редкол.: А.А. Нинов (отв. ред.) и др. Л.: ЛГИТМИК., 1987. С. 119–123.

[Этическая проблематика в творчестве писателей.]

Еремина Л.И. О языке художественной прозы Н.В. Гоголя (Искусство повествования) / Академия наук СССР; отв. ред. А.Н. Кожин. М.: Наука, 1987. 176 с. – (Сер. Литературоведение и языкознание).

[Рец.: *Драгомирецкая Н.* С точки зрения литературоведа // Вопросы литературы. М., 1988. № 4. С. 246–251.]

Ерофеев В. Розанов против Гоголя // Вопросы литературы. М., 1987. № 8. С. 146–175.

Жуковский и русская культура: сб. научных трудов / Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1987. 504 с.

Из содерж.:

Маркович В.М. Балладный мир Жуковского и русская фантастическая повесть эпохи романтизма. С. 138–165.

[О Гоголе: С. 159–165.]

Смирнова Е.А. Жуковский и Гоголь (К вопросу о творческой преемственности). С. 244–260.

[Указ. имен.]

Загородников Н. Три «дела» И.С. Тургенева: «Дело» второе: неугодный некролог / Социалистическая законность. М., 1987. № 4. С. 63–64.

[О некрологе Н.В. Гоголю.]

Звиняцковский В.Я. Элементы исторического и фольклорного хронотопов в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» и «Миргороде» Н.В. Гоголя // Пространство и время в литературе и искусстве: Теоретические проблемы. Классическая литература: Методические материалы по теории литературы. Даугавпилс, 1987.

Золотусский И.П. Поэзия прозы: Статьи о Гоголе. М.: Советский писатель, 1987. 240 с.: ил.

[В книге использованы рисунки А. Агина, гравюры Е. Бернардского.]

Содерж.:

Предисловие. С. 3–10.

Смех Гоголя. С. 11–21.

Рафаэль пошлостей. С. 22–42.

Мертвые души. С. 43–71.

Взгляд с высоты. С. 72–98.

[О 2-м томе «Мертвых душ».]

Тройка, копейка и колесо. С. 99–125.

[О «Мертвых душах».]

Еще о «Ревизоре». С. 126–144.

«Записки сумасшедшего» и «Северная пчела». С. 145–164.

«Мастерская шутка». С. 165–180.

[Повесть Гоголя «Коляска».]

Обманутый Хлестаков. С. 181–189.

Прыжок Подколесина. С. 190–196.

[Комедия Гоголя «Женитьба».]

Гоголь-критик. С. 197–221.

Песнь о народе. С. 222–239.

[Повесть Гоголя «Тарас Бульба».]

Иваницкий А.И. Задачи тропов в поздней гоголевской публицистике // Значение и смысл слова. М., 1987. С. 58–67.

Иванов Вяч. Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. Брюссель, 1987. 800 с.: ил.

«Ревизор» Гоголя» и комедия Аристофана. С. 385–398.

Варианты. С. 753–754.

Казакевич А. Особенности гоголевской поэтики в свете реально-исторического подхода к «Мертвым душам» // Jubiläumsschrift zum 25-jährigen Bestehen des Instituts für Slavistic der Universität Gießen. Frankfurt a. M. etc., 1987. С. 165–187.

Климович Н.Н. Некоторые приемы речевого комизма в эпистолярном наследии Н.В. Гоголя (Стилевой контраст, окказионализмы, цитация) // Образная структура текста. Алма-Ата, 1987. С. 43–49.

Ковач А. Повесть Н.В. Гоголя «Записки сумасшедшего» и проблема персонального повествования (Мир, текст, сюжет, память) // Studia slavica Hung. Budapest, 1987. № 33(1–4). (Br., 1987. Т. 33, fasc. 1/4.) С. 183–206.

Конобеевская И. Несколько слов о Гоголе // Вопросы литературы. М., 1987. № 12. С. 269–273.

[К биографии писателя.]

Крайнева И.Н. Лев Толстой и натуральная школа (Перспективы изучения проблемы) // Русская литература. Л., 1987. № 2. С. 31–48.

[О борьбе вокруг наследия Гоголя и Л.Н. Толстого в русской литературной критике].

Лихачев Д.С. Избранные работы: В 3 т. Т. 3: Человек в литературе Древней Руси: монография; О «Слове о полку Игореве»; Литература – реальность – литература; О садах. Л.: Художественная литература. Ленинградское отделение, 1987. 520 с.

Из содерж.:

Социальные корни типа Манилова. С. 218–227.

Ахматова и Гоголь. С. 298–302.

Макогоненко Г.П. Избранные работы: О Пушкине, его предшественниках и наследниках. М.: Художественная литература. Ленинградское отделение, 1987. 640 с.

Из содерж.:

Тема Петербурга у Пушкина и Гоголя. С. 541–587.

Манн Ю.В. В поисках живой души. «Мертвые души»: Писатель – критика – читатель. 2-е изд., испр. и доп. М.: Книга, 1987. 351 с.: ил. – (Судьбы книг).

Манн Ю. Диалектика художественного образа. М.: Советский писатель, 1987. 320 с.

Из содерж.:

Мемуары как эстетический документ. С. 155–170.

[На материале воспоминаний П.В. Анненкова о Н.В. Гоголе.]

Художественная символика «Мертвых душ» и мировая традиция. С. 237–263.

Еще раз о мосте Манилова и «тайне лица». С. 264–274.

Парадокс Гоголя-драматурга. С. 275–293.

[Рец.: Билинкис Я.С. Возможности историко-литературного исследования // Русская литература. Л., 1988. № 2. С. 235–238; Проскурина В. Профессия: литературовед // Вопросы литературы. М., 1988. № 9. С. 250–256; Соболев Л. Достоинство точности // Литературное обозрение. М., 1989. № 6. С. 48–49.]

Манн Ю.В. Ломоносов в творческом сознании Н.В. Гоголя // Ломоносов и русская литература / Академия наук СССР. Институт мировой литературы им. А.М. Горького; отв. ред. А.С. Курилов. М.: Наука, 1987. С. 351–371.

Манн Ю.В. «Скульптурный миф» Пушкина и гоголевская формула окаменения // Пушкинские чтения в Тарту. Тезисы докладов научной конференции в Тарту 13–14 ноября 1987 г. Таллин, 1987. С. 18–21.

[«Немая сцена» в произведениях А.С. Пушкина и Гоголя.]

Маранцман В.Г. Высокий восторженный смех: Изучение поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души». Таллин, 1987. 99 с.

Мехиа Дуке Х. Свежий взгляд на русских классиков // Иностранная литература. М., 1987. № 1. С. 241.

[Рец. на кн.: *Luque Muoz H. Tras los Clásicos Rusos* (Pushin, Lérmontov, Gógol, Chéjov). Moscú: Progreso, 1986.]

Мильдон В. «Со всей любовью русского художника...»: «Мертвые души» Н.В. Гоголя в иллюстрациях Марка Шагала // Литературное обозрение. М., 1987. № 6. С. 96–97.

Мифы народов мира: энциклопедия: В 2 т. / Гл. ред. С.А. Токарев. Т. 1: А–К. М.: Советская Энциклопедия, 1987. 671 с.: ил.

В.И. <Иванов В.В.>, В.Т. <Топоров В.Н.> Вий. С. 235–236.

Моторин А. «Вечера на хуторе»... близ Кокушкина моста // Нева. Л., 1987. № 4. С. 197–201.

Набоков В. Николай Гоголь / Вступ. С. Залыгина; пер. Е. Голышевой; публ. и подгот. текста В. Голышева // Новый мир. М., 1987. № 4. С. 173–227.

Вступ. С. 173–174.

Назарова Л.Н. О литературно-критической деятельности Тургенева // Социально-философские концепции русских писателей-классиков и литературный процесс: межвузовский сб. научных трудов. Ставрополь, 1988. С. 117–120.

Некрасов А.С. Смысловая осложненность слова при повторной номинации в художественном тексте // Композиционное членение и языковые особенности художественного произведения / Под ред. Л.Ю. Максимова. М., 1987. С. 79–87.

[На материале повести Гоголя «Невский проспект».]

Николаев О.Р. Гоголь – критик (О становлении исторического мышления Н.В. Гоголя) // Писатель и критика: XIX век: межвузовский сб. научных трудов / Куйбышевский гос. пед. ин-т им. В.В. Куйбышева; отв. ред. И.В. Попов. Куйбышев, 1987. С. 52–70.

Палиевский П.В. Русские классики: Опыт общей характеристики. М.: Художественная литература, 1987. 239 с.

Гоголь. С. 103–116.

Петербургские встречи Пушкина: [сборник] / Сост. Л.Е. Кошечая. Л.: Лениздат, 1987. 478 с.: ил.

Из содерж.:

Мостовская Н.Н. «Пасичник Рудый Панько». С. 347–359.

Порудоминский В.И. «Половина жизни моей...»: рассказы. М.: Детская литература, 1987. 319 с.: ил.

[О портретах Гоголя, А.С. Пушкина и др.]

Посвящение Н.В. Гоголю: Линогравюры и монотипии В.Б. Зелинского: Альбом / [Вступ. заметка] Б.Е. Ефимова; вступ. статья Ю.П. Кузнецовой. М.: Изобразительное искусство, 1987. 48 с.: ил.

Вступ. заметка. С. 3.

Вступ. статья. С. 4–8.

Примеч. С. 48.

Проблемы исторической поэтики в анализе литературного произведения: сб. научных трудов / Кемеровский гос. ун-т; ред. В.И. Тюпа. Кемерово, 1987. 146 с.

Из содерж.:

Сурков Е.А. Архаические жанровые формы в повестях Пушкина и Гоголя («Станционный смотритель» и «Шинель»). С. 50–61.

[Традиции притчи в повести А.С. Пушкина и традиции жития в повести Гоголя.]

Лесогор Н.В. Идиллия в творческом самосознании и художественной практике Н.В. Гоголя. С. 61–67.

[Анализ повести «Старосветские помещики».]

- Есаулов И.А. Эпиграфы Н.В. Гоголя к сборнику «Миргород». С. 91–94.
- Кривонос В.Ш. Сюжет и авторская позиция в реалистическом гротеске (о повести Гоголя «Нос»). С. 94–103.
- Слюсарь А.А. О поэтике «Мертвых душ». С. 103–115.
- Прозоров В.В. Смысл названия поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. М., 1987. № 1. С. 23–27.
- Рехо К. Русская классика и японская литература. М.: Художественная литература, 1987. 352 с.
- Гл. 2: Н.В. Гоголь
Смех Гоголя и японская литературная традиция.
Гоголь и современность.
- Самойленко Г.В. Изучение пьесы Н.В. Гоголя «Ревизор» в школе: Методические рекомендации для студентов-практикантов русского отделения филологического факультета. Нежин: НГПИ [Нежинский гос. пед. ин-т им. Н.В. Гоголя], 1987. 36 с.
- Смирнова Е.А. Поэма Гоголя «Мертвые души» / Академия наук СССР; отв. ред. С.Г. Бочаров. Л.: Изд-во Наука. Ленинградское отделение, 1987. 199 с. – (Сер. Литературоведение и языкознание).
- [Рец.: Виролайнен М.Н., Мостовская Н.Н. Новая книга о Гоголе // Русская литература. Л., 1989. № 3. С. 245–248.]
- Степанов К.П. Об иллюзии движения в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Содержательность художественных форм / Куйбышевский гос. ун-т; редкол.: Л.А. Финк (отв. ред.) и др. Куйбышев, 1987. С. 34–40.
- Степанова Г.В. «Скверный анекдот» (Достоевский и Гоголь) // Достоевский: Материалы и исследования. Т. 7. Л.: Наука, 1987. С. 167–169.
- Стрельницкая Н. Студия «Арабесок» // Советская культура. М., 1987. 3 марта. № 27. С. 6.
- Строев Ю. В Манагуа приехал «Ревизор» // Комсомольская правда, М., 1987. 15 сентября. [Комедия Гоголя поставлена в театре им. Рубена Дарио (Никарагуа).]
- Сусыкин А.А. Композиционно-речевая структура повести Н.В. Гоголя «Шинель» // Актуальные проблемы семантики, стилистики и литературы. М., 1987. С. 48–54.
- Сушков Б.Ф. В мире идей и образов: О нравственных идеалах русской и советской литературы в их историческом движении. Тула: Приокское книжное изд-во, 1987. 272 с. [Духовно-нравственная проблематика в творчестве русских писателей (в том числе Гоголя).]
- Таллар Ф. «Мертвые души» и воскресение // Studia slavica. Br., 1987. Т. 33, fasc. 1/4. С. 163–182.
- [Поэтика и жанровое своеобразие поэмы Гоголя «Мертвые души».]
- Тамарченко Н.Д. О типологическом сходстве жанровых структур романов Лермонтова и Гоголя // Внутренняя организация художественного произведения / Дагестанский гос. ун-т; отв. ред. Н.А. Горбанев. Махачкала, 1987. С. 8–23.
- [Сопоставительный анализ «Героя нашего времени» и «Мертвых душ».]
- Тарланов Е.З. Альбом Е.В. Гоголь-Быковой // Памятники культуры: Новые открытия: Письменность. Искусство. Архитектура: Ежегодник 1985. М.: Наука, 1987. С. 33–47.
- Ульяшов П. Почему не получил премию Гоголь? // Литературная газета. М., 1987. 26 августа. № 35.
- [О попытке присудить Демидовскую премию Гоголю за «Ревизора».]
- Файман Г. Кинороман Михаила Булгакова // Искусство кино. М., 1987. № 8. С. 88–98.

[О работе писателя над киносценарием «Мертвые души».]

Фридкин В. Воронцово (документальное произведение) // Новый мир. М., 1987. № 6. С. 159–164.

Фридкин В.М. Пропавший дневник Пушкина. Рассказы о поисках в зарубежных архивах. М.: Знание, 1987. 208, 16 с.

Из содерж.:

Письмо Гоголя. С. 53–55.

[Письмо Гоголя к графу А.П. Толстому от 28 мая (н. ст.) 1845 г. из Гомбурга.]

Грот Гоголя. С.136–142.

[Гоголь на вилле княгини З.А. Волконской в Риме.]

Фридлендер Г.М. Достоевский и Гоголь // Достоевский: Материалы и исследования. Л.: Наука, 1987. Т. 7. С. 3–21.

Ходжоян А.С. Некоторые психологические особенности художественного мышления Н.В. Гоголя // Вопросы философии. Ереван, 1987. № 5. С. 272–279.

[Психологический анализ художественных образов.]

Храпченко М.Б. Метаморфозы критического субъективизма // В мире отечественной классики: сб. статей. Вып. 2. М.: Художественная литература, 1987. С. 5–43.

Художественный метод и творческая индивидуальность писателя: межвузовский тематический сб. / Омский гос. ун-т; отв. ред. Л.Н. Гряднева. Омск, 1987.

Из содерж.:

Акелькина Е.А. Достоевский и Гоголь (К вопросу о роли гоголевского контекста в организации повествования в «Петербургской летописи» Ф.М. Достоевского). С. 79–92.

Крайнева И.Н. О концепции народа в раннем творчестве Л.Н. Толстого: (Толстой и школа Гоголя). С. 99–101.

Чтоб вовек едины были. Век XVII (Гоголь Н.В. Тарас Бульба: повесть; Иwanyчук Р.И. Мальвы: роман; Страна казаков: воспоминания современников) / Сост., предисл. и коммент. Я.Д. Исаевича; ил. С. Харламова. М.: Молодая гвардия, 1987. 493 с.: ил. – (История Отечества в романах, повестях, документах).

Предисл. С. 5–24.

Из содерж.:

Гоголь Н.В. Тарас Бульба.

Ширализаде А., Эльдаров К. О традициях и уроках Гоголя // Литературный Азербайджан. Баку, 1987. № 6. С. 121–123.

[Рец. на кн.: Гоголь и литература народов Советского Союза. Ереван: Изд-во Ереванского ун-та, 1986. 404 с.]

Шубин В. Майоры без эполет. По страницам романов Тынянова // Литературная учеба. М., 1987. № 4. С. 135–137.

1988

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Вечера на хуторе близ Диканьки. Миргород. Повести. М.: ЭКМО-пресс, 1988. 560 с. – (Русская классика).

Комедии / Вступ. статья Ю.В. Манна; примеч. Е.А. Кухты. Л.: Искусство. Ленинградское отделение, 1988. 472 с.

Загл. вступ. статьи: Драматургия Гоголя. С. 3–45.

Примеч. С. 410–470.

[Текст печ. по изд.: *Гоголь Н.В.* Собр. соч.: В 7 т. Т. 4 / Под общ. ред. С.И. Машинского и М.Б. Храпченко. М., 1985.]

Содерж.:

Ревизор: комедия в пяти действиях. С. 46–129.

Женитьба: Совершенно невероятное событие в двух действиях. С. 130–182.

Драматические отрывки и отдельные сцены (1832 по 1837 год)

Игроки. С. 184–218.

Владимир 3-ей степени (Отрывки незаконченной комедии). С. 219–225.

Утро делового человека. С. 226–232.

Тяжба. С. 233–239.

Лакейская. С. 240–246.

Отрывок. С. 247–258.

Театральный разъезд после представления новой комедии. С. 259–291.

Приложения к комедии «Ревизор»:

1. «Ревизор». Редакция первого издания, 1836 г. С. 293–371.

2. Две сцены, выключенные как замедлявшие течение пьесы. С. 372–375.

3. Сцена, не внесенная автором в печатные издания «Ревизора». С. 376–377.

4. Отрывок из письма, писанного автором вскоре после первого представления «Ревизора» к одному литератору. С. 378–382.

5. Предупреждение для тех, которые пожелали бы сыграть как следует «Ревизора». С. 383–389.

6. Развязка Ревизора. С. 390–401.

7. Вторая редакция окончания «Развязки Ревизора». С. 402–407.

Мертвые души: поэма / Вступ. статья и коммент. В.А. Воропаева М.: Советская Россия, 1988. 432 с.

Загл. вступ. статьи: О Гоголе и его главной книге. С. 3–20.

Коммент. С. 369–431.

Петербургские повести. М.: Советская Россия, 1988. 96 с.

Содерж.:

Невский портрет. С. 3–36.

Нос. С. 37–61.

Шинель. С. 62–91.

Портрет: повесть / Примеч. Г. Фридлендера; худож. В. Панов. М.: Детская литература, 1988. 111 с.: ил.

Примеч. С. 109–110.

Ревизор: комедия в пяти действиях / Предисл. и примеч. Ю. Манна; рис. А. Слепкова. М.: Детская литература, 1988. 141, [2] с.: ил.

Загл. вступ. статьи: В живом действии... С. 5–18.

Примеч. С. 139–142.

ЛИТЕРАТУРА

Аксаков И.С. Письма к родным. 1844–1849 / Издание подгот. Т.Ф. Пирожкова. М.: Наука, 1988. 704 с. – (Литературные памятники).

Приложения:

Дементьев А.Г., Пирожкова Т.Ф. И.С. Аксаков и его письма к родным. С. 513–553.

Примеч. С. 554–684.

[Указ. имен.]

Андроников И.Л. Великая эстафета: Воспоминания. Беседы. 3-е изд. М.: Детская литература, 1988. 335 с.: ил.

[В частности, беседы о творчестве Гоголя.]

Анненкова Е.И. Гоголь и литературно-общественное движение конца 30-х – начала 40-х годов XIX века: Учебное пособие к спецкурсу / Ленинградский гос. пед. ин-т им. А.И. Герцена. Л., 1988. 80 с.

Федоров М. <Антонов М.Ф.> Гоголь и Оптиная Пустынь // Журнал Московской Патриархии. М., 1988. № 11. С. 68–72.

Арзуманова О.И., Кузнецова В.Г., Макарова Т.Н., Невский В.А. Музей-заповедник «Абрамцево»: Очерк-путеводитель. М.: Изобразительное искусство, 1988. 256 с.: ил, фот.
[Гоголь в Абрамцево.]

Балажова А. К вопросу перевода произведений русской классической литературы на чешский язык // Актуальные вопросы изучения и преподавания русского языка и литературы: Тезисы докладов и сообщений научно-методической конференции «V Виноградовские чтения». Прага, 1–3 марта 1988 г. Прага, 1988. С. 87–89.

Баранов С.Ю. В.Г. Белинский о «Мертвых душах» и проблемы истолкования национального своеобразия русской эпопеи // Поэтика жанров русской и советской литературы / Вологодский гос. пед. ин-т. Вологда, 1988. С. 48–69.
[Полемика вокруг «Мертвых душ».]

Беглов В.А. Развитие жанровых возможностей эпопеи во втором томе «Мертвых душ» // Анализ художественного произведения в школе и вузе: межвузовский сб. Вып. 3. Горький, 1988. С. 12–15.

Белинский В.Г. Взгляд на русскую литературу: [сб.] / Вступ. статья и коммент. А.С. Курилова. М.: Современник, 1988. 651, [2] с.
Загл. вступ. статьи: Виссарион Белинский. С. 5–26.
[В.Г. Белинский о Гоголе.]

Бельчиков Ю.А. Композиционно-стилистические особенности письма Белинского к Гоголю // Русский язык в школе. М., 1988. № 3. С. 61–67.

<Белый А.> Андрей Белый: Проблемы творчества: Статьи, воспоминания, публикации: сб. / Сост. С.С. Лесневский, А.А. Михайлов. М.: Советский писатель, 1988. 832 с.: ил.

Из содерж.:

Молдавский Дм. «Мастерство Гоголя»: Заметки о книге Андрея Белого. С. 269–280.

Богдецкая Л.Д. Особенности сатиры Диккенса и Гоголя // Русско-зарубежные литературные связи. Фрунзе, 1988. С. 29–44.

Борисов В. Оптиная Пустынь // Наше наследие. М., 1988. № 4. С. 54–67.
[В частности, Гоголь в Оптиной.]

<Булгаков М.А.> М.А. Булгаков-драматург и художественная культура его времени: сб. / Сост. А.А. Нинов; науч. ред. В.В. Гудкова. М. Изд-во Союз театральных деятелей РСФСР, 1988. 496 с.

Из содерж.:

Вахтин Б. Булгаков и Гоголь: материалы к теме. С. 334–242.

[«Мастер и Маргарита» и «Мертвые души»: лексические и ритмические аналогии.]

Булгаков Н. Дальше дна: Этюд о Хлестакове // Литературная Россия. М., 1988. 5 августа. № 31. С. 18–19.

Бунин И.А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 5. М.: Художественная литература, 1988.

Из содерж.:

Жилет пана Михольского.

Вермель С. Библиейские надписи на могильном памятнике Гоголю // Год за годом. М., 1988. № 4. С. 419–422.

[Под рубрикой «Из старых журналов». Впервые: Европейская старина. СПб., 1909. Т. 1.]

Ветловская В.Е. Повесть Гоголя «Шинель» (трансформация пушкинских мотивов) // Русская литература. Л., 1988. № 4. С. 41–69.

Вопросы русской литературы: республиканский межведомственный научный сб. Вып. 5(51) / Министерство высшего и среднего специального образования СССР; Черновицкий гос. ун-т; редкол.: Н.В. Николаев (отв. ред.), И.П. Вишневский (зам. отв. ред.), Д.М. Степанюк (отв. секр.) и др. Львов: Изд-во при Львовском гос. ун-те издательского объединения «Вища школа», 1988.

Из содерж.:

Полянина Т.В. Проблемы славянских связей в мировоззрении и творчестве Н.В. Гоголя. С. 95–102. [Гоголь как историк культуры славянских народов (по материалам статей и переписки писателя).]

Воропаев В. Мичман Кропотов и капитан Копейкин // Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология. М., 1988. № 3. С. 61–63.

Гоголь и мировая литература / Академия наук СССР. Институт мировой литературы им. А.М. Горького; редкол.: Н.К. Гей, Ю.В. Манн (отв. ред.), К. Рехо. М.: Наука, 1988. 320 с.

Содерж.:

Храпченко М.Б. Подвиг художника. С. 3–17.

Урнов Д.М. «Живое описание» (Гоголь и Диккенс). С. 18–49.

Ерофеев В.В. Гоголь и Флобер (Проблема изображения пошлости жизни). С. 50–61.

Сапрыкина Е.Ю. Гоголь и традиции итальянской сатиры. С. 62–83.

Соловьева А.П., Доронина Р.Ф. Гоголь и развитие реализма в литературах южных и западных славян. С. 84–115.

Пиотровская А.Г. Гоголь и польская литература. С. 116–140.

Архипов Ю.И., Боров Ю.Б. Гротеск Гоголя и фантастическое начало в немецкоязычных литературах. С. 141–156.

Морозова Т.Л. Гоголь и литература США. С. 157–187.

Багно В.Е. Гоголь и испанская литература. С. 188–224.

Серебряков Е.А. Гоголь в Китае. С. 225–274.

Рехо К. Смех Гоголя и японская литературная традиция. С. 275–319.

Гураль С.К. Гоголь в современном американском литературоведении // Октябрь и литература США: Влияние Великой Октябрьской революции на американскую литературу и журналистику. М.: ИНИОН АН СССР, 1988. С. 119–132.

Гураль С.К. Проблема иронии в «Петербургском цикле» по Дональду Фэнгеру // Литература и публицистика США / Тезисы доклада научной конференции. М.: Изд-во факультета журналистики МГУ, 1988. С. 139–140.

Дмитриева Е.Е. Речь городских слоев у Н.В. Гоголя // Русская речь. М., 1988. № 1. С. 78–82.

Дмитриева Е.Е. Эмоционально-оценочная глагольная лексика в «Петербургских повестях» Н.В. Гоголя // Лингвистические исследования. Проблематика взаимодействия языковых уровней. Л., 1988. С. 87–94.

Достоевский Ф.М. Бедные люди / Предисл. и примеч. Ю.В. Манна; рис. Г.И. Епишина М.: Детская литература, 1988. 159 с.: ил.

Загл. предисл.: «Открыть человека в человеке». С. 5–23.

Драгомирецкая Н. С точки зрения литературоведа // Вопросы литературы. М., 1988. № 4. С. 246–251.

[Рец. на кн.: *Еремина Л.И.* О языке художественной прозы Н.В. Гоголя: Искусство повествования. М.: Наука, 1987. 176 с. (Научно-популярная литература. Сер. Литературоведение и языкознание).]

Дробот В.Н. Изучение биографии писателя в школе: Пособие для учителя. Киев: Радянська школа, 1988. 192 с.

[На примере творчества Гоголя и А.П. Чехова.]

Дружинин А.В. Прекрасное и вечное / Сост. и вступ. статья Н.Н. Скатова; коммент. В.А. Котельникова. М.: Современник, 1988. 543 с. – (Библиотека «Любителям российской словесности». Из литературного наследия).

Загл. вступ. статьи: А.В. Дружинин – литературный критик. С. 5–29.

Из содерж.:

А.С. Пушкин и последнее издание его сочинений. С. 52–100.

Коммент. С. 500–506.

[Впервые: Библиотека для чтения. 1855. № 3. Отд. III. С. 41–70. Подпись: Д.; № 4. Отд. III. С. 71–104.]

Критика гоголевского периода русской литературы и наши к ней отношения. С. 177–226.

Коммент. С. 513–521.

[Впервые: Библиотека для чтения. 1856. № 11. Отд. V. С. 1–30; № 12. С. 31–64. Подпись: Редактор.]

[Указ. имен.]

Ерофеев В.В. «Французский элемент» в «Мертвых душах» // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. М., 1988. Т. 47. № 1. С. 26–42.

[«Бесовская функция» всего французского в поэме Гоголя.]

Ерофеев В.В. «Французский элемент» в поэме «Мертвые души» // Russian Literature. Amsterdam, 1988. Vol. 23. № 3. С. 201–224.

Жанр и композиция литературного произведения: межвузовский сб. / Петрозаводский гос. ун-т им. О.В. Куусинена; редкол.: А.В. Западов, В.Н. Захаров (отв. ред.), В.М. Маркович, В.Е. Хализев и др. Петрозаводск, 1988. 176 с.

Из содерж.:

Гончаров С.А. О жанровом своеобразии второго тома «Мертвых душ» Н.В. Гоголя. С. 32–44.

Жукова Н.Д. К проблеме античных реминисценций в «Мертвых душах» Н.В. Гоголя // Тезисы докладов Крымской научной конференции «Проблемы античной культуры». Ч. 1. Симферополь, 1988. С. 99.

Жуковский и литература конца XVIII–XIX века / Академия наук СССР. Институт мировой литературы им. А.М. Горького; отв. ред. В.Ю. Троицкий. М.: Наука, 1988. 319, [1] с.

Из содерж.:

Сахаров В.И. Жуковский в творческой биографии Гоголя. С. 237–250.

Аверинцев С.С. Размышления над переводами Жуковского. С. 251–275.

[О статье Гоголя «Об Одиссеи, переводимой Жуковским»: С. 254–260.]

Журавлева А.И. Русская драма и литературный процесс XIX века (От Гоголя до Чехова). М.: Изд-во МГУ, 1988. 198 с.

Зайцев Б. Гоголь на Пречистенском. Жизнь с Гоголем / Вступ. статья Е. Воропаевой, примеч. В. Воропаева // Литературная учеба. М., 1988. № 3. С. 111–126.

Загл. вступ. статьи: Борис Зайцев о Гоголе. С. 111–115.

Примеч. С. 124–126.

Залыгин С.П. В пределах искусства: Размышления, факты. М.: Советский писатель, 1988. 446 с.

Из содерж.:

Набоков и Гоголь. С. 304–306.

Записки актера Щепкина / Предисл. О. Фельдмана. М.: Искусство, 1988. 380, [2] с.: ил. [Переписка Гоголя и М.С. Щепкина. Гоголь в рассказах Щепкина и воспоминаниях о нем.]

Золотусский И. О «Доме Гоголя» в Москве, или Избранные места из затянувшейся истории // Правда. М., 1988. 14 июня. № 166. С. 3.

Золотусский И.П. По следам Гоголя: очерк. Изд. 2-е. М.: Детская литература, 1988. 191 с.: ил. – (По дорогим местам).

Иваницкий А.И. Язык «Выбранных мест из переписки с друзьями» Гоголя в контексте русской публицистической традиции (Гоголь и Аввакум) // Вестник Московского ун-та. Сер. 10. Журналистика. М., 1988. № 2. С. 54–63.

Изучение творчества Н.В. Гоголя в школе: Пособие для учителя / Под ред. Г.В. Самойленко. Київ: Радянська школа, 1988. 272 с.

Содерж.:

Самойленко Г.В. Предисловие. С. 3–6.

Самойленко Г.В. Н.В. Гоголь и современность. С. 6–31.

Михед П.В. Развитие критического реализма в творчестве Н.В. Гоголя. С. 32–48.

Система уроков по творчеству Н.В. Гоголя:

Михальский Е.Н. Изучение повести «Тарас Бульба» в 6-м классе. С. 48–76.

Самойленко Г.В. Изучение комедии «Ревизор» в 7-м классе. С. 76–122.

Жаркевич Н.М., Супронюк О.К. Изучение творчества Н.В. Гоголя в 8-м классе. С. 122–196.

Михед Т.В. Использование экранных средств на уроках в 8-м классе. С. 196–202.

Внеклассная и внешкольная работа:

Шульженко В.Г. Работа литературного кружка. С. 202–204.

Гулак А.Н. Н.В. Гоголь и Украина. С. 204–219.

Евстафьева Е.Н. Н.В. Гоголь в музыке и изобразительном искусстве: С. 219–230.

Радецкая М.М. Н.В. Гоголь в советской художественной литературе. С. 230–246.

Шульженко В.Г. Работа драматического кружка. С. 246–271.

[Рец.: *Звизняковский В., Панич О.* // Радянське літературознавство. Київ, 1989. № 4. С. 71–73.]

Икрами Д. Проблемы перевода русской литературы в Иране / Отв. ред. А. Абдуманнова; Академия наук Таджикской ССР. Институт востоковедения. Душанбе: Дониш, 1988. 143 с. [Особенности переводов на персидский язык произведений Гоголя и других русских писателей.]

Каверин В.А., Новиков В.И. Новое зрение: Книга о Юрии Тынянове / Вступ. статья А. Туркова. М.: Книга, 1988. 320 с. – (Писатели о писателях).

Загл. вступ. статьи: «Пожатие его дружеской руки...». С. 5–8.

Из содерж.:

Достоевский и Гоголь. С. 53–56.

Келер Л. Православие и русская литература // Юбилейный сборник в память 1000-летия Крещения Руси. Джорданвилль, 1988. С. 434–496.

О Гоголе: С. 470–472.

Киносита Т. Образ мечтателя: Гоголь, Достоевский, Щедрин // Достоевский: Материалы и исследования. Т. 8 / Сост. Г.М. Фридлендер Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1988. С. 21–38.

[Романтический герой у Гоголя («Невский проспект»), Ф.М. Достоевского («Записки из подполья»), М.Е. Салтыкова-Щедрина («Противоречия»)]

Кидай Д. Сюжет и диалог в «Евгении Онегине» Пушкина, «Шинели» Гоголя и «Бесах» Достоевского // *Studia rossica posnaniensia* / Adam Mickiewicz University Press. Pozna, 1988. Z. 20. С. 3–15.

Классическое наследие и современный кинематограф: сб. научных трудов / Ленинградский гос. ин-т театра, музыки и кинематографии им. Н.К. Черкасова; сост. М.Л. Жеженко. Л.: ЛГИТМИК, 1988. 153, [1] с.

Из содерж.:

Муратов Л. Культурная традиция и экранизация классики («Ревизор» в кино). С. 33–47.

Кукин И. Николай Гоголь, начало судьбы // Известия. М., 1988. 1 апреля.

[О кинофильме «Генеральная репетиция» (автор сценария Владимир Сухоребров, режиссер Виктор Жилко), посвященном пребыванию Гоголя в Нежинской гимназии.]

Лазари А., Носов С. Книга Николая Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» и ее оценка Аполлоном Григорьевым // Acta Univ. Iodzensis. Folia litteraria. 1988. № 22. С. 95–107.

Лебедева Е.Д. Текстология русской литературы XVIII–XX вв.: Указатель советских работ на русском языке. 1976–1986. М.: ИНИОН, 1988. 150 с.
[Указ. имен.]

Левашева О.Е. Михаил Иванович Глинка: монография: В 2 кн. М.: Музыка, 1988. – (Классики мировой музыкальной культуры).
Кн. 1. 381 с.: ил.
Кн. 2. 352 с.: ил.
[Указ. имен.]

Литературное произведение и литературный процесс в аспекте исторической поэтики: межвузовский сб. научных трудов / Кемеровский гос. ун-т; редкол.: В.И. Тюпа (отв. ред.) и др. Кемерово, 1988. 189 с.

Из содерж.:

Гончаров С.А. Жанровая структура романа В.Т. Нарезного «Российский Жилбаз». С. 75–86.

Гольденберг А.Х. Притча о блудном сыне в «Мертвых душах» и древнерусская литературная традиция. С. 86–96.

Лесогор Н.В. Традиции лубочного театра в творчестве Н.В. Гоголя (к постановке проблемы). С. 97–107.

Лотман Ю.М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь: Книга для учителя. М.: Просвещение 1988. 352 с.

Из содерж.:

Гоголь

Пушкин и «Повесть о капитане Копейкине». К истории замысла и композиции «Мертвых душ». С. 235–251.

Художественное пространство в прозе Гоголя. С. 251–293.

О Хлестакове. С. 293–325.

Сюжетное пространство русского романа XIX столетия. С. 325–349.

Манн Ю. Неизвестные строки Гоголя // Наше наследие. М., 1988. № 1. С. 40–42.

[Письмо Гоголя к В.О. Балабиной около 31 мая 1842 г.]

[Впервые: Прохоров Е.И. Неизвестные автографы Гоголя // Вопросы литературы. М., 1963. № 4. С. 111–117.]

Манн Ю.В. Николай Гоголь. Жизнь и творчество. М.: Русский язык, 1988. 288 с. – (Книга для чтения с комментарием на английском языке).

Манн Ю. Об одной из форм комического // Литература и искусство в системе культуры: [сборник] / Академия наук СССР. Научный совет по истории мировой культуры; отв. ред. Б.Б. Пиотровский. М.: Наука, 1988. С. 428–434.

Манн Ю.В. Поэтика Гоголя. 2-е изд., доп. М.: Художественная литература, 1988. 413 с.
[Рец.: Seidel-Dreffke B. // Zischr. für Slawistic. B., 1990. Bd. 35. H. 3. S. 451–452.]

Маркович В.М. Комедия Н.В. Гоголя «Ревизор» // Анализ драматического произведения: межвузовский сб. / Ред. В.М. Маркович. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1988. С. 135–163.

<Мелехов Д.Е. Психиатрия и проблемы духовной жизни> // Настольная книга священнослужителя. Т. 8: Пастырское богословие. Гл. 19: Грехопадение – болезнь и смерть. Раздел Пастырская помощь душевнобольному. М.: Издание Московской Патриархии, 1988. С. 314–319. Без указания автора.

[О Гоголе: С. 316–319].

[Раздел о Гоголе из неоконченного труда известного ученого-психиатра проф. Д.Е. Мелехова «Психиатрия и проблемы духовной жизни», предназначавшегося для студентов Духовных академий и священников. См. также Мелехов Д.Е. Психиатрия и проблемы духовной жизни. V.

Болезнь и здоровье в психике человека // Русское Возрождение. Нью-Йорк; Париж; Москва, 1989. № 47–48. С. 9–30. [О Гоголе: С. 24–30]; Мелехов Д.Е. Психиатрия и проблемы духовной жизни // Психиатрия и актуальные проблемы духовной жизни. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Свято-Филаретовская московская высшая православно-христианская школа, 1997. С. 3–61 [О Гоголе: С. 38–43]; Мелехов Д.Е. Психиатрия и проблемы духовной жизни // Психиатрия и актуальные проблемы духовной жизни. Изд. 3-е, испр. М.: Свято-Филаретовская московская высшая православно-христианская школа, 2003. С. 3–61 [О Гоголе: С. 40–44].

Милославский Ю. Неистовый Виссарион и ржевский протоиерей // Русская мысль. Париж, 1988. 15 июля. № 3733. С. 8.

[«Письмо к Гоголю» В.Г. Белинского как результат зависти критика к протоиерею Матфею Константиновскому, духовному наставнику Гоголя.]

Мильдон В. Отчего умер Гоголь? // Вопросы литературы. М., 1988. № 3. С. 119–130.

Мильдон В. Поэтика Гоголя и иллюстрация // Иллюстрация. М.: Советский художник, 1988. С. 84–111.

Мостовская И.Н. Гоголь о натуральной школе // Русская литература. Л., 1988. № 1. С. 180–185.

Моторин А. Художественное воплощение темы политической власти в творчестве Н.В. Гоголя // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. М., 1988. № 4. С. 13–16.

Н.В. Гоголь и литературный процесс XIX–XX вв.: Тезисы докладов и сообщений на областной научно-практической конференции, посвященной изучению творчества Н.В. Гоголя (Одесса, 20 мая 1988 г.) / Министерство высшего и среднего специального образования УССР; Одесский гос. ун-т им. И.И. Мечникова. Одесса, 1988. 78 с.

Из содерж.:

Ульянцев Д.М. Традиции Гоголя-сатирика в творчестве А. Платонова.

Наследие Н.В. Гоголя и современность: Тезисы докладов и сообщений научно-практической Гоголевской конференции (24–26 мая 1988 г.) / Черниговский областной филиал Союза писателей Украины; Черниговская областная организация общества «Знание»; Нежинский гос. пед. ин-т им. Н.В. Гоголя; редкол.: Г.В. Самойленко (отв. ред.), Н.Н. Арват, Н.М. Жаркевич, А.Б. Живогладов, Е.Н. Михальский, П.В. Михед. Нежин: Нежинский гос. пед. ин-т, 1988. На рус. и укр. яз.

Ч. 1. 107 с.

Из содерж.:

Самойленко Г.В. Н. Гоголь – наш современник. С. 3–5.

Н.В. Гоголь и отечественная культура XVIII – первой половины XIX века:

Жаркевич Н.М. Нежинский период жизни Н.В. Гоголя и становление его исторических взглядов и интересов (К постановке проблемы). С. 7–8.

Михальский Е.Н. Н.В. Гоголь и эстетическое сознание первой трети XIX века. С. 8–9.

Тихомиров В.Н. Гоголь и просветительство. С. 9–11.

Михед П.В. О нежинской литературной школе. С. 11–12.

Химчак В.В. К вопросу о синтетическом таланте Н.В. Гоголя. С. 12–13.

Супронюк О.К. Из разысканий о Г.И. Высоцком – адресате нежинских писем Н.В. Гоголя. С. 13–14.

Кошелев В.А. Мотив «странствия» в юношеской поэме Н.В. Гоголя «Ганц Кюхельгартен». С. 14–15.

Радецкая М.М. Концепция образа Гоголя в историко-биографической прозе 70–80-х годов. С. 16–17.

Дубравин В.В. Путь Н.В. Гоголя к музыке. С. 17–18.

Евсеев Ф.Т. Поэтика «Ночи перед Рождеством» Н.В. Гоголя в ее отношении к народной сказке. С. 18–19.

Журавлева Н.Н. Гоголь о первых изданиях украинского фольклора (на эпистолярном материале). С. 19–20.

- Душечкина Е.В. «Ночь перед Рождеством» и традиция русского святочного рассказа. С. 21–22.
- Короленок А.И. Фольклор и некоторые принципы художественного отображения действительности в «Тарасе Бульбе» и «Мертвых душах» Н. Гоголя. С. 22–23.
- Шаврыгин С.М. Зеркало духа или зеркало быта? С. 23–24.
- [Гоголь и А.А. Шаховской.]
- Луцевич Л.Ф. Гоголь и Карамзин. С. 24–25.
- Калашиникова О.Л. Традиции русского реально-бытового романа XVIII века в творчестве Гоголя. Гоголь и Чулков. С. 25–26.
- Митюрёв С.Н. «Мертвые души» Н. Гоголя и традиция русской воспитательной прозы. С. 27–28.
- Плосконенко Е.А. Фонвизин и Гоголь. С. 28.
- Мусий В.Б. Проблема целостности мира в цикле Н.В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» и фантастических повестях О.М. Сомова. С. 28–29.
- Денисов В.Д. О жанровой природе «Арабесок» Н.В. Гоголя. С. 29–30.
- Слюсарь А.А. Преобразование жанра идиллии в прозе А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя. С. 30–31.
- Смирнов А.А. Романтическая основа лирических отступлений в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» и романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин». С. 31–32.
- Викторович В.А. Гоголь и Лажечников. Пути русской исторической прозы (вопросы типологии). С. 33.
- Смаглюк Л.А. К проблеме типологической общности творчества Лермонтова и Гоголя в 30-е годы XIX века. С. 33–34.
- Александров А.В. Сюжетные мотивы в «Страшной мести» Н.В. Гоголя и «Вадиме» М.Ю. Лермонтова. С. 34–35.
- Гулак А.Н. Традиции Н.В. Гоголя в повестях и рассказах Казака Луганского (В.И. Даля). С. 35–36.
- Анненкова Е.И. Гоголь и Герцен в 40-е годы. С. 36–37.
- Мацапура В.И. «Вечера на хуторе близ Диканьки» в восприятии И.Я. Посьады. С. 37–38.
- Традиции Н.В. Гоголя в русской литературе XIX – начала XX века:**
- Родионов И.М. Н.В. Гоголь и Ф.И. Тютчев (Об идейных сближениях). С. 40–41.
- Козлова М.И. Традиции драматургии Н.В. Гоголя в ранних комедиях А.Н. Островского. С. 41–42.
- Литвиненко Л.С., Яценко Н.Ф. Художественное воплощение истории в творчестве Н.В. Гоголя и А.Н. Островского. С. 42–43.
- Салтанова И.М. Гоголевская традиция в исторической прозе Г.П. Данилевского. С. 43–44.
- Зарва В.А. Гоголевские традиции в «украинской» прозе Н.С. Лескова. С. 44–45.
- Зябрева Г.А. К вопросу о функционально-типологической близости произведений Н.В. Гоголя и Ф.М. Достоевского. С. 45–46.
- Ауэр А.П. Н. Гоголь в художественном мире М.Е. Салтыкова-Щедрина. С. 46.
- Амбокадзе Л.С. Н.В. Гоголь и теоретико-литературное наследие М.Е. Салтыкова-Щедрина. С. 47.
- Кривонос В.Ш. Н. Гоголь и Л. Толстой (проблема изображения человека). С. 47–48.
- Алексеев П.П. Гоголевские «реминисценции» в романе Л.Н. Толстого «Воскресение». С. 48–49.
- Абрамович С.Д. «Мертвая душа» в идейно-эстетической системе А.П. Чехова и гоголевская традиция. С. 49–50.
- Нагорная Н.М. Гоголевская традиция в зрелой прозе А.П. Чехова («Мертвые души» и «Степь»). С. 50–51.
- Панич А.О. Гоголевская традиция в прозе Чехова (принципы организации художественного хронотопа). С. 51.
- Удалов В.Л. Гоголь и Чехов (о преемственности в драматургии). С. 52.
- Приходько В.С., Никителова Н.Л. Гоголевские традиции в творчестве Д.Н. Мамина-Сибиряка. С. 53.
- Мазур Р.А. Н.В. Гоголь и В.Г. Короленко. С. 53–54.
- Московкина И.И. Развитие гоголевской концепции «маленького человека» в прозе Л. Андреева. С. 54–55.
- Краевская Г.М. Традиции Н.В. Гоголя в творчестве А.И. Kupрина. С. 55–56.
- Евстафьева Е.Н. Оценка Н.В. Гоголя в эпистолярном наследии М. Горького. С. 56.
- Бобырь А.В. Особенность брюсовской интерпретации творчества Н.В. Гоголя (статья «Испепеленный»). С. 56–57.
- Зверева Л.И., Мафтин Л.В. Н.В. Гоголь в художественном восприятии и творческой практике раннего Алексея Толстого. С. 57–58.

Традиции Н.В. Гоголя в русской советской и многонациональной литературе:

- Мекш Э.Б.* Н.В. Гоголь в жизни и творчестве С.А. Есенина. С. 60–61.
- Бахматова Г.Н.* Поэтика Н.В. Гоголя и орнаментальная проза первой четверти XX века. С. 61–62.
- Тер-Оганесян И.С.* Ю. Тынянов и М. Булгаков – интерпретаторы Гоголя. С. 62–63.
- Кобзев Н.А.* Категории фантастического у Н. Гоголя и А. Грина. С. 63–64.
- Русова С.Н.* Петербургские повести Гоголя и раннее творчество Заболоцкого. С. 65–66.
- Степанов Н.С.* Традиции Н.В. Гоголя-сатирика в творчестве Л. Леонова. С. 67.
- Волковинский А.С.* Гоголевские традиции в поэтике прозы В.П. Катаева. С. 67–69.
- Давшан А.Н.* Творчество Н.В. Гоголя в эстетической системе М. Пришвина. С. 69–70.
- Колесниченко Т.В., Олейник Н.П.* Особенности выражения авторской позиции в произведениях В. Маканина и традиции Гоголя. С. 70–71.
- Свербилова Т.Г.* Драматургия Гоголя и развитие жанра трагикомедии в русской литературе XX века. С. 71–72.
- Лиюкумович Т.Б.* Гоголь в творческой судьбе Якуба Коласа. С. 72–73.
- Ненадовец А.М.* Влияние Н.В. Гоголя на становление классика белорусской литературы Якуба Коласа. С. 73–74.
- Мельникова Л.В.* Гоголевские традиции в белорусской драматургии. С. 74–75.
- Дидебулидзе Д.О.* Николай Васильевич Гоголь и грузинские классики. С. 75–76.
- Тухарели Д.А.* Н.В. Гоголь и грузинская общественность XIX века. С. 76–77.
- Тригуб А.И.* Традиции Н. Гоголя в казахской литературе. С. 77–78.
- Бегеева Д.А.* Драматургия Н.В. Гоголя и киргизский национальный театр. С. 78–79.
- Грачева А.Д.* Гоголь и Туркмения. С. 79–80.
- Владимиров Е.В.* Традиции Н.В. Гоголя в чувашской прозе. С. 89–81.

Н.В. Гоголь и украинская литература:

- Волков А.Р.* «Тарас Бульба Н.В. Гоголя, «Каневский замок» С. Гоцинского и «Гайдамаки» Т.Г. Шевченко (Типологическое сопоставление). С. 85–86.
- Ткачук Н.П.* Гоголевская концепция «маленького человека» и новаторство Панаса Мирного в повести «Пьяница». С. 86–87.
- Рысак А.А.* Н.В. Гоголь в переводах Леси Украинки (на материале «Пропавшей грамоты»). С. 89–90.
- Олейник В.М.* Н.В. Гоголь и пролетарские украинские поэты конца XIX – начала XX века. С. 90–91.
- Турган О.Д.* Н.В. Гоголь и Степан Васильченко. С. 93–94.
- Малахатко Л.И.* Гоголь и Довженко. С. 95–96.
- Яковенко Т.В.* К проблеме переводческой интерпретации украинского колорита ранних повестей Н.В. Гоголя («Майская ночь, или Утопленница», «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем») в переводе М. Рыльского. С. 99–100.
- Заморий Т.П.* Наследие Гоголя и творчество Олеса Гончара. С. 100.
- Гаевская Н.М.* А. Малышко и Н. Гоголь. С. 101–102.
- Ковальчук А.Г.* Театрализация как принцип построения мира художественного произведения (развитие гоголевских традиций в украинской лирико-химерической прозе). С. 102–103.
- Ч. 2.

Из содерж.:

- Агаева Т.И.* «Петербургские повести» Н.В. Гоголя в литературно-критической интерпретации 30–40-х гг. XIX в. С. 11–13.
- Гольденберг А.Х.* Древнерусская дидактическая традиция в системе художественных оценок персонажей поэмы «Мертвые души». С. 18–19.
- Мазуркевич А.Р.* Несжатая полоса в наследии Гоголя (Об «Учебной книге словесности»). С. 31–33.
- Живоглядова А.* Гоголь в англоязычных переводах. С. 37–38.
- Арват Н.Н.* Описание как компонент структуры текста (повесть Н.В. Гоголя «Страшная месть»). С. 62–63.
- Евдокимова Л.И.* О некоторых особенностях эпистолярного языка Н.В. Гоголя. С. 71–72.
- Зайковский В.Б.* К вопросу о происхождении имени Вий. С. 77–78.
- Бойко Н.И.* Лингвистическая природа сравнений поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души». С. 80–81.

Белая А.С. Языковые средства создания национального колорита в произведениях Н.В. Гоголя. С. 88–89.

Звоняцкий В.Я. «Тарас Бульба» в современном литературоведении: от полноты информации к точности интерпретации.

Самойленко Г.В. Изучение наследия Н.В. Гоголя в Нежинском пединституте. С. 98–99.

Недзвецкий В.А. Фазы русского реалистического романа // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. М., 1988. Т. 47. № 5. С. 403–419.

[В частности, «Мертвые души» Гоголя.]

Николаев О.Р. К истолкованию одной детали «Старосветских помещиков» Н.В. Гоголя // Русская литература. Л., 1988. № 1. С. 175–180.

Опришко А.Я., Котенко Н.В. Наваринского дыма с пламенем... // Русская речь. М., 1998. № 5. С. 140–145.

[О происхождении гоголевской фразы.]

Осетрова Л. И.С. Тургенев и Л. Виардо – переводчики Н.В. Гоголя (Перевод реалий) // Современные проблемы филологии. Саратов, 1988. С. 18–20.

Пеньковский А.Б. Тимофеевич или Никифорович? // Русская речь. М., 1988. № 3. С. 25–30.

[Отзыв А.С. Пушкина о повести Гоголя «Как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем».]

Переписка Н.В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. статья А.А. Карпова; сост. и коммент. А.А. Карпова и М.Н. Виролайнен. М.: Художественная литература, 1988. – (Переписка русских писателей). Загл. вступ. статьи: Николай Васильевич Гоголь в его переписке. С. 5–27.

Т. 1. 479 с.: ил.

От составителей. С. 28–30.

Коммент. в тексте.

Т. 2. 527 с.: 9 л. ил.

Приложение:

Гоголь – В.Г. Белинскому. Конец июля – начало августа 1847 г. Остенде. С. 490–498.

Коммент. в тексте.

[Указ. имен.]

[Рец.: Тяпугина Н. // Волга. Саратов, 1990. № 7. С. 172–175.]

Плетнев П.А. Статьи. Стихотворения. Письма / Сост., вступ. статья и примеч. А.А. Ше-лаевой. М.: Советская Россия, 1988. 381, [1] с.

Из содерж.:

Чичиков, или «Мертвые души» Гоголя.

Пологонкин Ю. Барьеры, которые надо преодолеть. Телеобозрение // Советская культура. М., 1988. 6 сентября. № 107. С. 2.

[О мемориальных комнатах Гоголя в Москве.]

Померанцев И. Фантастическое в ранней прозе Н.В. Гоголя // Синтаксис: Публицистика, критика, полемика. Париж, 1988. № 21. С. 164–180.

[Лекция, прочитанная в лондонской Школе славяноведения в 1987 г.]

[На материале «Вечеров на хуторе близ Диканьки».]

[Перепечатано: Urbi: Литературный альманах. Вып. 10. СПб.: Атос, 1997. С. 15–30.]

Попов В.П. Славянофилы и русские писатели (Н. Гоголь, С. Аксаков, Л. Толстой, А. Островский). Torun: Univ. M. Kopernika, 1988. 238 с. – (Rozprawy / Univ. Mikołaja Kopernika).

Из содерж.:

Борьба за Гоголя. С. 41–105.

«Спорил о Гоголе напрасно». С. 181–185.

[Л.Н. Толстой о Гоголе.]

Порудоминский В.И. Гоголь и Даль (Из творческих общений) // Русская речь. М., 1988. № 5. С. 10–16; № 6. С. 9–17.

[К вопросу о происхождении сюжета «Мертвых душ». Повесть В.И. Даля «Вакх Сидоров Чайкин» как параллель к поэме Гоголя.]

Примеры целостного анализа художественного произведения: Учебное пособие / Томский гос. ун-т им. В.В. Куйбышева; сост. О.Б. Лебедева, В.М. Костин, Ф.З. Канунова и др. Томск, 1988. 162 с.

Из содерж.:

Канунова Ф.З. «Мертвые души» Н.В. Гоголя. С. 80–112.

Проблемы жанра и стиля художественного произведения: [сб. статей.] Вып. 4 / Редкол.: Н.И. Великая (отв. ред.) и др.; предисл. Н.И. Великой. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 1988. 263, [2] с.

Из содерж.:

Медведева К.А. Рецепции Гоголя в поэме А. Блока «Двенадцать». С. 42–49.

Дилакторская О.Г. Бытовые аллюзии и их роль в фантастике повести Н.В. Гоголя «Портрет». С. 129–137.

Прокопьев Н.П. Под миртами Италии прекрасной. М.: Правда, 1988. 61 с. – (Библиотека «Огонек». № 52).

Из содерж.:

Альбомная страница, или Стихотворение в прозе. С. 52–60.

[Запись Гоголя в альбом М.А. Власовой («Как ни глуп Индийский петух...».)]

Пропи В.Я. Природа комического у Гоголя / Публ. В.И. Ереминой // Русская литература. Л., 1988. № 1. С. 27–43.

Радковская Э.В. Антропонимическое поле ранних повестей Н.В. Гоголя (На материале сборника «Вечера на хуторе близ Диканьки») // Актуальные вопросы русской ономастики. Киев, 1988. С. 129–133.

Ремизов А.М. Неумный бубен: роман, повести, рассказы, сказки, воспоминания / Сост., вступ. статья и коммент. В.А. Чалмаева. Кишинев: Литература артистикэ, 1988. 600 с. Из книги «Огонь вещей». Сны и предсонья в литературе. Природа Гоголя. С. 542–545.

Рисунки русских писателей XVII – начала XX века: Альбом / Авт.-сост. Р.В. Дуганов. М.: Советская Россия, 1988. 256 с.

Н.В. Гоголь. С. 109–121.

Русская драматургия XIX века: сб. / Сост., примеч. С.К. Никулина. М.: Современник, 1988. 747, [2] с. – (Сельская библиотека Нечерноземья).

Из содерж.:

Гоголь Н.В. Ревизор.

Русская советская литература: Пособие для студентов национальных отделений педагогических институтов / Под ред. А.А. Журавлевой. Л.: Просвещение, 1988. 559 с.

[Указ. имен.]

Русская фантастическая проза XIX – начала XX века / Сост. и послесл. Ю. Медведева; предисл. А. Казанцева; ил. И. Мельникова. М.: Правда, 1986. 703 с., [4] л. цв. ил.: ил. – (Библиотека фантастики: В 24 т. / Редкол.: А.П. Казанцев (пред.) и др.).

Из содерж.:

Гоголь Н.В. Нос. С. 95–120.

Самойленко Н. Медали родителей Н.В. Гоголя // Труд. М., 1988. 27 октября. № 247.

Синявский А. Мифы Михаила Зощенко // Синтаксис: Публицистика, критика, полемика. Париж, 1988. № 23. С. 82–103.

[По мысли автора, М.М. Зощенко, подобно Гоголю, пытался лечиться смехом.]

Современник, литературный журнал А.С. Пушкина. 1836–1837: Избранные страницы / Сост., вступ. статья и примеч. С.А. Кибальника. М.: Советская Россия, 1988. 384 с.

Загл. вступ. статьи: От составителя. С. 5–13.

Из содерж.:

<Гоголь. Н.В.> О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году. С. 42–69.

<Пушкин А.С.> Вечера на хуторе близ Диканьки. С. 72.

[Отклик Пушкина на 2-е издание сборника повестей Гоголя.]

<Вяземский П.А.> «Ревизор», комедия. Соч. Н. Гоголя. С.-Петербург. 1836. С. 100–120.

Примеч. С. 358–359.

Гоголь. Н.В. Нос: повесть. С. 138–168.

Примеч. С. 361.

<Пушкин А.С.> Письмо к издателю. С. 239–245.

[По поводу статьи Гоголя «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году».]

Примеч. С. 362–363.

Соллогуб В.А. Повести; Воспоминания / Сост., подгот. текста, вступ. статья, примеч. И. Чистовой. Л.: Художественная литература, 1988. 720 с.

Загл. вступ. статьи: Беллетристика и мемуары Владимира Соллогуба. С. 3–20.

Примеч. С. 628–688.

[Указ. имен.]

Сусыкин А.А. Символ как доминанта системы изобразительных средств в Петербургских повестях Н.В. Гоголя // Актуальные проблемы общего, исторического, сопоставительного языкознания и литературоведения. М., 1988. С. 334–341.

Тамарченко Н.Д. Типология реалистического романа: На материале классических образцов жанра в русской литературе XIX в. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1988. 195, [2] с.

[На материале творчества Гоголя, А.С. Пушкина, И.С. Тургенева.]

Тяпугина Н. Формула причуды // Волга. Саратов, 1988. № 4. С. 142–145.

[Рец. на кн.: Набоков В. Николай Гоголь.]

Федоров М.Д. [Антонов М.] Гоголь и Оптиная Пустынь // Журнал Московской Патриархии. М., 1988. № 11. С. 68–72.

Федотов В.В. Новые материалы о пребывании Н.В. Гоголя в Полтавском училище // Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология. М., 1988. № 3. С. 56–60.

Хетсо Г. Гоголь как учитель жизни: Новые материалы // Scando Slavica. Copenhagen, 1988. Т. 34. С. 55–67.

[Публ. трактат Гоголя «Правило жития в мире». Текст опубл. неисправно. Ср. в кн.: Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями / Сост., вступ. статья и коммент. В.А. Воропаева. М.: Советская Россия, 1990.]

Ходжоян А.С. Психологический анализ художественных образов в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя // Вестник Ереванского ун-та. Ереван, 1988. № 1. С. 173–176.

Хоменко Н.В., Тюнин А.П. Заповедник-музей Н.В. Гоголя: Путеводитель. Харьков: Прапор, 1988. 75, [2] с.: ил.

Хомяков А.С. О старом и новом: Статьи и очерки / Вступ. статья и коммент. Б.Ф. Егорова; под общ. ред. Г.М. Фридлендера. М.: Современник, 1988. 462 с. – (Библиотека «Любителям российской словесности». Из литературного наследия).

Загл. вступ. статьи: А.С. Хомяков – литературный критик и публицист. С. 9–40.

Коммент. С. 415–449.

[Указ. имен.]

[Рец.: Майорова О. // Новый мир. М., 1989. № 12. С. 264–265.]

Художественная традиция в историко-литературном процессе: межвузовский сб. научных трудов / Ленинградский гос. пед. ин-т им. А.И. Герцена; редкол.: С.И. Тимина (отв. ред.) и др.]. Л.: ЛГПИ, 1988. 139, [1] с.

Из содерж.:

Раков В.П. Батюшков и Гоголь (Мифологема сада в русской литературе). С. 11–18.

Моторин А.В. Руслан Киреев и традиция, идущая от Гоголя. С. 121–130.

[Образ повествователя в творчестве Гоголя и Р. Киреева.]

Художественное восприятие: проблемы теории и истории: межвузовский тематический сб. научных трудов / Калининский гос. ун-т; редкол.: В.В. Прозоров (отв. ред.) и др. Калинин, 1988. 153 с.

Из содерж.:

Сдобнов В.В. Гоголь и царская цензура. С. 87–93.

Эггеберг Э. Филантропическое и эротическое в «Шинели» Гоголя // Scando Slavica. Copenhagen, 1988. Т. 34. С. 29–40.

Эпштейн М.Н. Парадоксы новизны: О литературном развитии XIX–XX веков. М.: Советский писатель, 1988. 416 с.

Из содерж.:

Князь Мышкин и Акакий Башмачкин (к образу переписчика). С. 65–80.

Языков Н.М. Свободомыслящая лира: Стихотворения; поэмы; жизнь Николая Языкова по документам, воспоминаниям / Сост., вступ. статья и примеч. В.В. Афанасьева. М.: Московский рабочий, 1988. 350 с. – (Московский Парнас).

Загл. вступ. статьи: «Я вырос на светлых холмах и равнинах...» (Николай Михайлович Языков. 1803–1846): С. 3–12.

Из содерж.:

Н.В. Гоголю («Благословляю твой возврат...»). С. 81–82.

Примеч. С. 336.

Жизнь Николая Языкова по документам, воспоминаниям. С. 141–332.

Примеч. С. 337–347.

[Использована переписка и воспоминания современников о Гоголе с привлечением архивных источников.]

Ямпольский И.Г. О двух реминисценциях у Блока // Ученые записки Тартусского гос. ун-та. Тарту, 1988. Вып. 813. Блоковский сборник. № 8. С. 71–73.

[Реминисценция из «Тараса Бульбы» Гоголя в «Скифах»; выражение «святая злоба» в стихотворении В. Курочкина и поэме «Двенадцать».]

1989

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Вечера на хуторе близ Диканьки: Повести, изданные пасечником Рудым Паньком. М.: Художественная литература, 1989. 368 с.: ил.

Вечера на хуторе близ Диканьки. Миргород. Харьков: Прапор, 1989. 392 с.: ил.

Миргород / Предисл. и примеч. В.М. Гуминского; худож. И.М. Годин. М.: Детская литература, 1989. 289 с.: ил.

Загл. предисл.: «Повести, служащие продолжением...». С. 5–16.

Примеч. С. 275–287.

Нос / Рис. В.Н. Масютина; послесл. В.Ф. Муленковой. М.: Изд-во Книга, 1989. Репринтное воспроизведение издания 1922 г. с иллюстрациями В.Н. Масютина. 72 с. – (Книжные редкости. Библиотека репринтных изданий).

Загл. послесл.: Послесловие к репринтному изданию. С. 70–71.

Повести. Воспоминания современников / Сост., вступ. статья и примеч. Ю.В. Манна; ил. Н.И. Компанца. М.: Правда, 1989. 480 с.: ил.

Загл. вступ. статьи: «Повесть разнообразится чрезвычайно...». С. 5–18.

Содерж.:

Повести:

Невский проспект. С. 20–52.

Нос. С. 53–77.

Портрет. С. 78–130.

Шинель. С. 131–161.

Коляска. С. 162–173.

Записки сумасшедшего. С. 174–194.

Рим (отрывок). С. 195–230.

Воспоминания современников:

Анненков П.В. Н.В. Гоголь в Риме летом 1841 года. С. 232–312.

Аксаков С.Т. История моего знакомства с Гоголем. С. 313–429.

Арнольди Л.И. Мое знакомство с Гоголем. С. 430–454.

Примеч. С. 455–478.

Шинель: книга для чтения с комментарием и словарем на английском языке / Автор коммент. Бен Эклоф; сост. словаря Л. Синченко; переводчик словаря Н. Архарова. 2-е изд. М.: Русский язык, 1989. 95 с.

ЛИТЕРАТУРА

Последний год жизни Пушкина: Переписка. Воспоминания. Дневники / Сост., вступ. очерки и примеч. В.В. Кунина. М.: Правда, 1989. 700, [1] с.: [8] л. ил.

Приложение:

Из откликов на смерть Пушкина

[Гоголь.]

Алексеев М.П. Русская литература и ее мировое значение / Отв. ред. В.Н. Баскаков, Н.С. Никитина; [Академия наук СССР. Отд. лит. и яз.] Л.: Наука, 1989. 410, [3] с.

Мировое значение Гоголя. С. 175–206.

[Указ. имен.]

Аллен Луи. Этюды о русской литературе. Л.: Художественная литература. Ленинградское отделение, 1989. 156, [2] с.

Из содерж.:

Литературные реминисценции Гоголя у Пастернака и Гумилева. С. 144–157.

Анненков П.В. Литературные воспоминания / Вступ. статья В.И. Кулешова; коммент. А.М. Долотовой, Г.Г. Елизаветиной, Ю.В. Манна, И.Б. Павловой. М.: Правда, 1989. 688 с.

Загл. вступ. статьи: П.В. Анненков – мемуарист. С. 5–22.

Из содерж.:

Н.В. Гоголь в Риме летом 1841 года. С. 25–110.

Коммент. С. 519–553.

Замечательное десятилетие. 1838–1848. С. 111–352.

Коммент. С. 553–599.

[Указ. имен.]

Анненкова Е.И. Гоголь и декабристы (Творчество Н.В. Гоголя в контексте литературного движения 30–40-х гг. XIX в.). М.: Прометей, 1989. 174 с.

Асоян А.А. Данте и русская литература: монография. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1989. 172 с.

Данте и «Мертвые души» Гоголя. С. 63–71.

Астафьев В. Во что верил Гоголь... // Москва. М., 1989. № 4. С. 3–5.

[К 180-летию со дня рождения.]

Астафьев В. Во что верил Гоголь... // Литература в школе. М., 1989. № 5. С. 3–7.

[Перепечатано: *Астафьев В.П.* Собр. соч.: В 15 т. Т. 12: Публицистика. Красноярск: Офсет, 1998. С. 372–378.]

Астафьев В. Слово о Гоголе // Родина. М., 1989. № 5. С. 56–57.

Балажова А. Н.В. Гоголь в работах чешских русистов последних лет (1970–1988) // Русская литература. Л., 1989. № 4. С. 214–219.

Барабаш Ю. Набоков и Гоголь (Мастер и Гений). Заметки на полях книги Владимира Набокова «Николай Гоголь» // Москва. М., 1989. № 1. С. 180–193.

Барабаш Ю. «Наш русский Паскаль»: Над страницами книги Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» // Наука и религия. М., 1989. № 3. С. 12–14.

Барабаш Ю. «Соотечественники, я вас любил...» Гоголь: завещание или «Завещание»? // Вопросы литературы. М., 1989. № 3. С. 156–189.

[О книге «Выбранные места из переписки с друзьями».]

Беглов В.А. Проблема национального самосознания в «Мертвых душах» Гоголя («Духовное» и «бездуховность») // Анализ художественного произведения в школе и вузе: межвузовский сб. Горький, 1989. С. 7–11.

Беличенко Ю. Россия, до востребования: К 180-летию со дня рождения Н.В. Гоголя // Красная звезда. М., 1989. 20 марта. С. 4.

Брюсов В.Я. Гоголь // Брюсов В.Я. Серебряный голубь. М.: Художественная литература, 1989. С. 420–442.

[Впервые: Веса, 1909. № 4.]

Булгаков М.А. Похождения Чичикова // Булгаков М.А. Собр. соч.: В 5 т. Т. 2. Дьяволиада; Роковые яйца; Собачье сердце; Рассказы; Фельетоны. М.: Художественная литература, 1989. С. 230–242.

[Впервые: «Литературное приложение» № 19 к газете «Накануне». Берлин, 1922. 24 сентября. Перепечатано: Бакинский рабочий. Баку, 1922. 9 октября; см. также *Булгаков М.А.* Дьяволиада. Рассказы. М.: Недра, 1925; То же: 1926.]

Вайман С.Т. Гармонии таинственная власть: Об органической поэтике. М.: Советский писатель, 1989. 365, [1] с.

Органичен ли Гоголь? А. Белый в полемике с В.Ф. Переверзевым. С. 13–26.

Как рождена «Шинель». С. 172–175.

Вайскопф М. Путь паломника // Русская литература и история: сб. статей в честь 75-летия И.З. Сермана. Иерусалим, 1989. С. 52–60.

[О масонских и теософских источниках у Гоголя.]

Вопросы русского языка и литературы. Ереван, 1989. № 2.

Из содерж.:

Оганесян А.Л. Некоторые проблемы передачи идейно-художественного содержания поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» в переводе Д. Демирчяна. С. 48–55.

Ходжоян А.С. Некоторые психологические особенности художественного мышления Н.В. Гоголя. С. 215–221.

Вопросы русской литературы: республиканский межведомственный научный сб. Вып. 1(53) / Министерство высшего и среднего специального образования УССР; Черновицкий гос. ун-т; редкол.: Н.В. Николаев (отв. ред.), И.П. Вишневский (зам. отв. ред.), Д.М. Степанюк (отв. секр.) и др. Львов: Изд-во при Львовском гос. ун-те издательского объединения «Вища школа», 1989.

Из содерж.:

- Белецкий Ф.М. Н.В. Гоголь и С.В. Васильченко (К вопросу о развитии традиций сатиры). С. 91–98.
- Воропаев В. «...Кажется, был когда-то Гоголем»: Малоизвестная страница жизни классика // Литературная Россия. М., 1989. 1 сентября. № 35. С. 22.
- Воропаев В. О Гоголе и его главной книге // Литература в школе. М., 1989. № 2. С. 3–17. [О поэме «Мертвые души»].
- Воропаев В.А. О Гоголе и его главной книге // За строкой учебника: сб. статей / Сост. П. Горелов. М.: Молодая гвардия, 1989. С. 25–53.
- Воропаев В. Державы вечная любовь... // Куранты: Историко-краеведческий альманах. Вып. 3 / Сост. Е.В. Кончин. М.: Московский рабочий, 1989. С. 268–275. [Гоголь в записках В.О. Шервуда.]
- Галиева В.Г. Н.В. Гоголь о художнике и его роли в обществе // Художественная культура: вопросы теории и истории. М., 1989. С. 129–144.
- <Гоголь Н.В.> Н.В. Гоголь и Нежин: Нежинская гимназия высших наук князя Безбородко, начало творчества: Библиографический указатель / Нежинский гос. пед. ин-т им. Н.В. Гоголя; сост. Н.М. Жаркевич, Е.Н. Михальский, П.В. Михед, Г.В. Самойленко; отв. ред. Е.Н. Михальский. Нежин, 1989. 123 с.
- Михальский Е.Н., Михед П.В. Н.В. Гоголь в Нежине: Актуальные проблемы изучения (вместо предисловия). С. 3–5.
- <Гоголь Н.В.> Н.В. Гоголь и русская литература XIX века: межвузовский сб. научных трудов. Л.: ЛГПИ [Ленинградский гос. пед. ин-т] им. А.И. Герцена, 1989. 132 с.
- Содерж.**
- Николаев О.Р. У истоков гоголевского художественного мира (поэма «Ганц Кюхельгартен»). С. 3–22.
- Гончаров С.А. Еще раз о заглавии гоголевской поэмы (текст – контекст – подтекст). С. 22–44.
- Гольденберг А.Х. Традиции древнерусских поучений в поэтике «Мертвых душ». С. 45–59.
- Анненкова Е.И. Записки о Гоголе В.С. Аксаковой. С. 60–70. [В статье использованы архивные материалы.]
- Лепилкина О.И. Л.Н. Толстой о Н.В. Гоголе. С. 71–80.
- Юнусов И.Ш. Козачий мир в повестях Н.В. Гоголя и Л.Н. Толстого («Тарас Бульба» и «Казак»). С. 80–91.
- Толстогузов П.Н. «Смерть чиновника» Чехова и «Шинель» Гоголя (о пародийном подтексте рассказа). С. 92–102.
- Моторин А. К вопросу о научном издании сочинений Гоголя. С. 103–121.
- Денисов В.Д. Хронологические особенности повести «Портрет» Н.В. Гоголя. С. 122–132.
- Гураль С.К. Геррард о «Коляске» Гоголя // Литература и критика в системе духовной культуры / Тезисы докладов межрегиональной научно-методической конференции преподавателей 23–25 октября 1989 г. Тюмень: Изд-во Тюменского ун-та, 1989. С. 67–68.
- Демкова Н.С. Из истории русской повести XVII в.: Об одной древнерусской параллели к повести Н.В. Гоголя «Вий» («Повесть о некоем убогом отроце» // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 42 / Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом); отв. ред. Д.С. Лихачев. Л.: Наука, 1989. С. 404–438.
- Дзира Я. Ревет и стонет Днепр широкий. Из секретов творчества Николая Гоголя и Тараса Шевченко // В семье вольной, новой: Шевченковский сб. Вып. 5. Киев, 1989. С. 345–384.
- Дилакторская О.Г. Что значит «куница» в «Шинели» Н.В. Гоголя? // Русская речь. М., 1989. № 2. С. 29–31.
- Долинин А.С. Достоевский и другие: Статьи, исследования о русской классической литературе / Сост. А. Долинина; вступ. статья В. Туниманова; примеч. М. Билинкиса,

В. Туниманова, И. Сухих, А. Муратова, М. Любимовой. Л.: Художественная литература. Ленинградское отделение, 1989. 479 с.

Из содерж.:

Пушкин и Гоголь (К вопросу об их личных отношениях). С. 55–71.

Дьяконова Е.М. Узнавание и неизвестность: О судьбе Н.В. Гоголя в Японии // 100 лет русской культуры в Японии / Отв. ред. Л.Л. Громковская. М.: Наука, 1989. С. 113–135.

Жанрово-стилевое единство художественного произведения: межвузовский сб. научных трудов / Новосибирский гос. пед. ин-т; редкол.: Ю.В. Шатин (отв. ред.) и др. Новосибирск: НГПИ, 1989. 127, [2] с.

Из содерж.:

Падерина Е.Г. «Фигура фикции» как жанрообразующий элемент «Коляски» Гоголя. С. 45–51.

Гольденберг А.Х. Народная обрядовая поэзия в художественном строе «Мертвых душ»: Статья вторая. С. 51–58.

Меднис Н.Е., Жучкова М.В. Метафорическая стилистика в поэме Гоголя «Мертвые души». С. 58–63.

Жукова Н.Д. К типологии романтического пейзажа у Н.В. Гоголя и М.Ю. Лермонтова // Актуальные вопросы современного лермонтоведения. Литературоведение: Материалы и методические рекомендации для общих и специальных курсов. Киев, 1989. С. 62–64.

Зайцев А.Д. Петр Иванович Бартенев / [Предисл. С.О. Шмидта]. М.: Московский рабочий, 1989. 174 с.: ил. – (История Москвы: портреты и судьбы).

Загл. предисл.: О П.И. Бартеневе и книге о нем. С. 3–8.

[Указ. имен.]

Звиняцковский В.Я. Изучение украинских истоков творчества Н.В. Гоголя (проблемы методологии) // Историко-литературный процесс: методологические аспекты. Ч. 4 / Рижский гос. ун-т. Рига, 1989.

Зеньковский В.В. История русской философии: В 2 т. 2-е изд. Париж, 1989.

Н.В. Гоголь.

[Впервые: Париж Ymca-Press, 1948.]

Золотусский И. В свете пожара. М.: Современник, 1989. 350 с.

Из содерж.:

Портрет «странного» гения. С. 142–150.

[О книге В. Вересаева «Гоголь в жизни».]

Светлая душа. С. 151–159.

[В.А. Жуковский и Гоголь.]

Блок и Гоголь. С. 180–196.

Доколе? О микрофинале, протосюжете, о Базарове, резавшем кошек, и еще кое о чем. С. 197–219.

[В частности, критический разбор работ о Гоголе Г.П. Бердникова, П.А. Николаева, Д.П. Николаева и др.]

Золотусский И. Гоголь и Блок // Новый мир. М., 1989. № 4. С. 244–251.

Золотусский И.П. Исповедь Зоила: Статьи, исследования, памфлеты. М.: Советская Россия, 1989. 512 с.

Из содерж.:

Собор и «вертеп». С. 264–271.

Смех Гоголя. С. 272–282.

Рафаэль пошlostей. С. 283–302.

Мертвые души. С. 303–330.

Взгляд с высоты. С. 331–356.

[О 2-м томе «Мертвых душ».]

Тройка, копейка и колесо. С. 357–382.

«Мастерская шутка». С. 383–398.

[Повесть Гоголя «Коляска».]
Блок и Гоголь. С. 399–418.

Золотусский И. «Кажется, вот-вот Гоголь выйдет из-за угла...»: К 180-летию со дня рождения Н.В. Гоголя. Беседу вел И. Панкеев // Литературная Россия. М., 1989. 31 марта. № 13. С. 2–3.

Золотусский И. Оправдание Гоголя: К 180-летию со дня рождения // Литературная газета. М., 1989. 29 марта. № 13. С. 5.

Золотусский И. Портрет «странного» гения // Волга. Саратов, 1989. № 4. С. 162–169.
[О книге В. Вересаева «Гоголь в жизни».]

Иваненко В. Леся Украинка и Н.В. Гоголь // Радуга. Киев, 1989. № 4. С. 174–175.

Иваницкий А.И. Логика тропа и логика сюжета. Гоголь // Вестник Московского ун-та. Сер. 10. Журналистика. М., 1989. № 4. С. 16–26.

Иванова Е. Забытое имя // Литературная учеба. М., 1989. № 3. С. 113–115.
[Предисловие к публикуемому на с. 115–118 отрывку из отзыва Говорухи-Отрока, касающегося его взглядов на русскую литературу от Пушкина до Гоголя.]

Ильин И.П. Восточный эстетический интуитивизм и западный иррационализм: «Поэтическое мышление» как доминантная модель «постмодернистского сознания» // Восток – Запад: Литературные взаимосвязи в зарубежных исследованиях. М., 1989. С. 170–196.

Искусство и художник в русской прозе первой половины XIX века: сб. произведений / Сост. и коммент. А.А. Карпова; вступ. статья В.М. Марковича; худож. А.А. Власов. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1989. 557, [3] с.: ил.

Загл. вступ. статьи: Тема искусства в русской прозе эпохи романтизма. С. 5–42.

Из содерж.:

Гоголь Н.В. Портрет. С. 453–503.

Коммент. С. 556–558.

История всемирной литературы: В 9 т. Т. 6 / Академия наук СССР. Институт мировой литературы им. А.М. Горького; редкол.: И.А. Тертерян (отв. ред.), Д.В. Затонский, А.В. Карельский, Ю.В. Манн и др. М.: Наука, 1989. 880 с.

Раздел 2. Гл. 1. Русская литература

Манн Ю.В. Гоголь. С. 369–384.

[Указ. имен.]

История русского дореволюционного драматического театра: Учебник для студентов институтов культуры и театральных вузов: В 2 ч. Ч. 1: От истоков до 1870-х годов / А.А. Белкин, А.З. Лейн, Т.А. Прозорова и др.; под ред. Н.И. Эльяша. М.: Просвещение, 1989. 336 с.: ил.
Прозорова Т.А. Н.В. Гоголь: С. 202–214.

История русской литературы XIX века (1800–1830-е гг.): Учебное пособие для студентов педагогических институтов по специальности № 2101 «Русский язык и литература» / Под ред. В.Н. Аношкиной, С.М. Петрова. М.: Просвещение, 1989. 448 с.

Карташова И.В. Гл. 12: Н.В. Гоголь. С. 378–425

Исупов К.Г. Художественно-исторические функции «точки зрения» в композиционном единстве «Рима» Н.В. Гоголя // Жанр и композиция литературного произведения: межвузовский сборник / Петрозаводский гос. ун-т им. О.В. Куусинена. Петрозаводск, 1989. С. 32–40.

Ичино Ито. Общеславянский фольклорный источник гоголевского «Вия» // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. М., 1989. Т. 48. № 5. С. 454–459.

Каганская М. Белое и красное // 22 (Двадцать два): [альманах.] Тель-Авив, 1989. № 65. С. 174–198.

[Предисловие к изданию на иврите романа М.А. Булгакова «Белая гвардия». В частности, влияние Гоголя на творчество Булгакова.]

Казарин В.П. Разграничение романтизма и реализма в прозе 1830-х годов: проблема социальности (на материале повестей Гоголя и Гребенки) // Советское литературоведение. Киев, 1989. № 4. С. 33–44.

Кирсанова Р.М. Розовая ксандрейка и драдедамовый платок. Костюм – вещь и образ в русской литературе XIX в. М.: Книга, 1989. 286 с.: ил.

[Предмет. указ.]

Колганова А.А. Вослед чужому гению. М.: Прометей, 1989. 237, [2] с.

[О Гоголе: С. 42–85; 114–140.]

Красная книга культуры / Сост., подгот. текста, подбор ил. и предисл. В. Рабиновича. М.: Искусство, 1989. 427 с.: ил.

Из содерж.:

Косоруков А. «День был без числа» (Тайнопись в «Записках сумасшедшего»). С. 202–213.

Котельников В.А. Оптиная пустынь и русская литература. Статья вторая // Русская литература. СПб., 1989. № 3. С. 3–31.

[О Гоголе: С. 12–19.]

Крейцер А. Индийский ростовщик // Нева. Л., 1989. № 4. С. 203–204.

[О прототипе героя повести Гоголя «Портрет»].

Русская литература. Советская литература. Справочные материалы. Книга для учащихся старших классов. М.: Просвещение, 1989. 448 с.

Из содерж.:

Крупчанов Л.М. «Вся громадно несущаяся жизнь». Поэма Н.В. Гоголя «Мертвые души». С. 63–77.

Лазарева А.Н. Нравственное обновление как условие духовного развития личности: (На примере духовных исканий Н.В. Гоголя) // Социалистическая культура и проблемы творческой деятельности: сб. научных трудов / Академия наук СССР. Институт философии; Московский гос. ин-т культуры. М.: МГИК, 1989. С. 66–74.

Лакшин В.Я. Открытая дверь: Воспоминания и портреты. М.: Московский рабочий, 1989. 448 с.

Из содерж.:

Камень Гоголя. С. 437–439.

[Памятник Гоголю на могиле М.А. Булгакова.]

Лимонова Е.А. Мемуарный очерк И.С. Тургенева «Гоголь» в целостном рассмотрении // Целостное изучение художественного произведения в вузе и школе. Саратов, 1989. С. 48–57.

Литература капиталистических стран в оценке современной зарубежной критики: сб. обзоров / Редкол.: А.Н. Николюкин (отв. ред.) и др. М.: ИНИОН, 1989. 241 с. – (Сер. «Направления и тенденции в современном литературоведении и литературной критике». АН СССР. ИНИОН).

Из содерж.:

Дранов А.В. Современное литературоведение и критика ФРГ. Итоги и перспективы. С. 120–161.

Литературно-критическая деятельность русских писателей XIX века: Учебное пособие / Науч. ред. В.Н. Коновалов. [Казань:] Изд-во Казанского ун-та, 1989. 173, [1] с.

Карташова И.В. [Н.В. Гоголь.] С. 44–62.

Венок Н.В. Гоголю. Гоголь и время. Харьков: Прапор, 1989. 152 с. На рус. и укр. яз.

Из содерж.:

Гончар О. Гоголевскими шляхами.

Драч И. До Гоголя.

- Баруздин С. «Сорочинцы – прекрасные места...».
- Горобец И.Е. Слава обновленного края.
- Цюпа И. Гоголевщина.
- Бокий И.С. «Узнанный в рощах, парках и усадьбах...».
- Данилевская С.Н. Нетленная память.
- Марченко Н.Г., Тюнн А.П. Полтавщина в творчестве Гоголя.
- Михальский Е.М., Самойленко Г.В. Гоголь в Нежине.
- Левин Б. Однажды весной.
- Белецкий А.П., Шевченко Т.В. Архитектурные рисунки Гоголя.
- Вайнгорт Л.С. Усадьба Гоголя.
- Ханко Б.Н. Кистью и резцом.
- Ковинька А. Остро-изобличительная сила – гоголевская сатира.
- Хоменко Н. Из детства.
- Лыс В. На хуторе возле Диканьки.
- Прищепя И. Вот это ярмарка!
- Дьяченко А.Н. Филателистическая Гоголиана.
- Березовская В.В., Мищенко А.К. Гоголевские чтения в Полтаве.
- Лобурец В.Е. Гоголевские образы в трудах В.И. Ленина.
- Храпченко М.Б. Великая истина художественного слова.
- Крутикова Н.Е. Гоголь и украинская литература.
- Зязюн И.А. Философско-эстетические взгляды Гоголя.
- Золотусский И. Гоголь в Риме.
- Гончар О. Гоголь и Украина.
- Малиновская Е. В сердце моем Русь... // Москва. М., 1989. № 4.
[Галерея «Москвы». Вклейка иллюстраций с текстом.]
- Манн Ю. «Вызови из хаоса стройность» // Известия. М., 1989. 1 апреля.
- Манн Ю. Н.В. Гоголь. Мертвые души // Версии: телевизионные сценарии. М., 1989. С. 94–104.
- Манн Ю. Неизвестные строки Гоголя // Наше наследие. М., 1988. № 1. С. 40–42.
[Письмо Гоголя к В.О. Балабиной около 31 мая 1842 года (Опубл. Е.И. Прохоровым: Вопросы литературы. М., 1963. № 4).]
- Манн Ю. «Ужас оковал всех...» (О немой сцене в «Ревизоре» Гоголя) // Вопросы литературы. М., 1989. № 8. С. 223–235.
- Маранцман В.Г. Высокий восторженный смех: Изучение поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души». Таллин, 1989. 99 с.
- Маркович В. Петербургские повести Н.В. Гоголя: монография. Л.: Художественная литература. Ленинградское отделение, 1989. 208 с. – (Массовая историко-литературная библиотека).
- Мелехов Д.Е. Психиатрия и проблемы духовной жизни. V. Болезнь и здоровье в психике человека // Русское Возрождение. Нью-Йорк; Париж; Москва, 1989. № 47–48. С. 9–30 [О Гоголе: С. 24–30.] См. также Мелехов Д.Е. Психиатрия и проблемы духовной жизни // Психиатрия и актуальные проблемы духовной жизни. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Свято-Филаретовская московская высшая православно-христианская школа, 1997. С. 3–61 [О Гоголе: С. 38–43]; Мелехов Д.Е. Психиатрия и проблемы духовной жизни // Психиатрия и актуальные проблемы духовной жизни. Изд. 3-е, испр. М.: Свято-Филаретовская московская высшая православно-христианская школа, 2003. С. 3–61 [О Гоголе: С. 40–44].
- [Раздел о Гоголе из неоконченного труда известного ученого-психиатра проф. Д.Е. Мелехова «Психиатрия и проблемы духовной жизни», предназначавшегося для студентов Духовных академий и священников.]

Методология анализа литературного процесса: [сб. статей] / Академия наук СССР. Институт мировой литературы им. А.М. Горького; отв. ред. Ю.Б. Боров. М.: Наука, 1989. 236, [1] с.

Из содерж.:

Драгомирецкая Н.В. Художественное произведение как звено литературного процесса. С. 123–137. [В частности, анализируется «Майская ночь».]

Мильдон В.И. Чаадаев и Гоголь (Опыт понимания образной логики) // Вопросы философии. М., 1989. № 11. С. 77–89.

«Минувшее меня объемлет живо...» / Сост. Ю. Осипова. М.: Современник, 1989. 416 с.

Из содерж.:

Золотусский И. Высокое благородство сердца. С. 164–174.

[О смехе Гоголя.]

Золотусский И. На земле Гоголя. С. 329–337.

Морозова Н.П. Книга из библиотеки Гоголей (К вопросу об употреблении термина поэма в русской литературе) // XVIII век: сб. 16: Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века / Редкол.: Н.Д. Кочеткова, Г.Н. Моисеева, А.М. Панченко (отв. ред.), Ю.В. Стенник. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1989. С. 251–255.

[История книги М.М. Хераскова «Кадм и гармония»].

Моторин А. Литературоведение – школе и всем // Звезда. Л., 1989. № 9. С. 205–206.

[Рец. на кн.: *Лотман Ю.М.* В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. Книга для учителя. М.: Просвещение 1988. 352 с.]

Мочульский К. «Выбранные места из переписки с друзьями» [глава из книги «Духовный путь Гоголя» (Париж, 1934); публ. и вступ. заметка П.Г. Паламарчука] // Вопросы литературы. М., 1989. № 11. С. 110–123.

Загл. вступ. заметки: О Константине Мочульском и его книге «Духовный путь Гоголя». С. 108–110.

Мутли А. Лукавый образ парадокса: Об иллюстрациях Сергея Тюнина к «Мертвым душам», и не только о них // Литературное обозрение. М., 1989. № 4. С. 82–83.

Набоков В.В. Приглашение на казнь: Романы, рассказы, критические эссе, воспоминания / Послесл. Н. Анастасьева; худож. А. Явтушенко. Кишинев: Литература артистикэ, 1989. 654 с.

Из содерж.:

Николай Гоголь / Пер. с англ. Е. Голышевой.

Наталия (Помазанская Н.С.), сестра. Путь Н.В. Гоголя в Оптину Пустынь // Православный путь за 1989-й год. Jordanville (N.Y.), 1989 (на обложке: 1990). С. 103–110.

Немирович-Данченко Вл. И. Рождение театра: Воспоминания, статьи, заметки, письма / Сост., вступ. статья и коммент. М.Н. Любомудрова. М.: Правда, 1989. 576 с.: 8 л. ил.

Загл. вступ. статьи: Все должно идти от жизни.

Из содерж.:

Тайны сценического обаяния Гоголя.

[Указ. имен.]

Никитин В.А. Гоголь и Н.Ф. Федоров («Мертвые души» и живое дело) // Символ. Paris, 1989. № 21 (Июль). С. 157–177.

[Фрагмент статьи перепечатан под названием «Когда человек достигнет бессмертия» (Наука и религия. 1991. № 5. С. 36–38).]

Овсянко-Куликовский Д.Н. Литературно-критические работы: В 2 т. / Сост., подгот. текста, примеч. И. Михайловой; вступ. статья Ю. Манна. М.: Художественная литература, 1989.

Загл. вступ. статьи: Овсянко-Куликовский как литературовед.

Т. 1: Статьи по теории литературы; Гоголь; Пушкин; Тургенев; Чехов. 542 с.

Гоголь. С. 190–376.

Введение

- I. Биографический очерк и обзор литературной деятельности Гоголя.
 II. К душевной драме Гоголя.
 Гл. 1. «Пушкинское» и «гоголевское». Художественный метод Гоголя.
 Гл. 2. Гоголь как ум.
 Гл. 3. Гоголь и Россия. – «Русь из прекрасного далека».
 Гл. 4. «Душевное дело». – Гоголь как моралист и мистик.
 Гл. 5. Гоголь – общерус на малорусской основе. К вопросу о национальном – общерусском значении его.
 Гл. 6. Заключение: к вопросу о гениальности Гоголя.
 Т. 2.: Из истории русской интеллигенции. Воспоминания. 526 с.
 Из истории русской интеллигенции
 Гл. 9. «Люди 40-х годов» и Гоголь.
 Тип Тентетникова и вторая часть «Мертвых душ». С. 201–231.
 [Указ имен.]
- Оганесян А.Л.* Диалог в поэме «Мертвые души» Н.В. Гоголя и передача его своеобразия в переводе Д. Демирчяна // Декабрьские литературные чтения. Ереван, 1989. Вып. 2. С. 22–31.
- Осмысление: сб. литературно-критических статей. Вып. 2 / Сост. В. Карпец. М.: Молодая гвардия, 1989. 142 с. – (Библиотека журнала ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»).
Из содерж.:
Паламарчук П. Узор «Арабесок». С. 29–47.
Гуминский В. Дон-Жуан, Гамлет и старосветские помещики. С. 129–140.
 [Тема семьи в «Старосветских помещиках» Гоголя].
- Панаев И.И.* Литературные воспоминания / Вступ. статья и примеч. И.Г. Ямпольского. М.: Правда, 1988. 448 с.: ил.
 Загл. вступ. статьи: Литературная деятельность И.И. Панаева. С. 5–26.
 Примеч. С. 368–414.
 [Указ. имен.]
- Переверзев В.Ф.* У истоков русского реализма / Сост. Вит. В. Переверзева и Валер. В. Переверзева; вступ. статья П.А. Николаева. М.: Современник, 1989. 752 с.
 Загл. вступ. статьи: Ученый революционной эпохи. С. 3–18.
Из содерж.:
 У истоков русского реалистического романа. С. 19–152.
 [Гоголь и В.Т. Нарезный].
 [Впервые: 1937.]
 Творчество Гоголя. С. 279–454.
 [Впервые: М.: Книгоизд-во «Современные проблемы», 1914; 4-е изд. Иваново-Вознесенск, 1924.]
- Покусаев Е.И.* Статьи разных лет / Сост. А.А. Жук, В.В. Прозоров. Саратов: Приволжское книжное изд-во, 1989. 242 с.
Из содерж.:
 Н.В. Гоголь об «истинно общественной комедии».
- Полторацкий Н.* Иван Александрович Ильин: Жизнь, труды, мировоззрение: сб. статей. [Без м. изд.:] Эрмитаж, 1989. 320 с.
Из содерж.:
 И.А. Ильин о Гоголе. С. 77–98.
 [Изложение лекции «Гоголь, великий сатирик, романтик и философ жизни» (1944).]
 [Впервые: Записки русской академической группы в США: [ежегодный журнал общества «Русская академическая группа в США»]. Т. 17. New-York, 1984. С. 143–170.]
 [Указ. имен.]
- Потапенко А.* Первого апреля Гоголю поверим: К 190-летию Н.В. Гоголя // Российская газета. М., 1989. 3 апреля. С. 8.

Пушкин А.С. Дневники. Автобиографическая проза / Сост., подгот. текстов и вступ. статья С.А. Фомичева, примеч. и указ имен Н.Е. Мясоедовой. М.: Советская Россия, 1989. 384 с. – (Русские дневники).

Загл. вступ. статьи: «Несколько раз принимался я за ежедневные записки...». С. 7–22.

Примеч. 275–340.

[Указ имен.]

Радковская Э.В. Украинские мотивы поэтической антропонимии ранних повестей Н. Гоголя // Вопросы литературы народов СССР: республиканский межведомственный научный сб. Киев; Одесса: Вища школа, 1989. Вып. 15. С. 169–177.

Ремизов А. Огонь вещей. / Сост., вступ. статья, коммент. В.А. Чалмаева. М.: Советская Россия, 1989. 528 с.

[Указ. имен.]

Роднянская И.Б. Художник в поисках истины. М.: Современник, 1989. 384 с.

Из содерж.:

Развязка «Женитьбы», или Чему смеемся?

Розанов В.В. Мысли о литературе / Вступ. статья, сост., коммент. А.Н. Николукина. М.: Современник, 1989. 607 с. – (Библиотека «Любителям российской словесности. Из литературного наследия»).

Загл. вступ. статьи: В.В. Розанов – литературный критик. С. 5–40.

Из содерж.:

Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. Опыт критического комментария.

О Гоголе (Приложение двух этюдов)

Пушкин и Гоголь. С. 158–165.

[Впервые: Московские Ведомости. 1891. 15 февраля под названием «Несколько слов о Гоголе».]

Как произошел тип Акакия Акакиевича. С. 166–156.

[Впервые: Русский Вестник. 1894. № 3. С. 161–172 с подзаголовком «К вопросу о характеристике гоголевского творчества».]

Коммент. С. 536–537.

М.Ю. Лермонтов (К 60-летию кончины). С. 263–273.

[Параллели с Гоголем.]

[Впервые: Новое Время. 1901. 15 июля. № 9109.]

Коммент. С. 547–548.

Гоголь. С. 274–280.

[Впервые: Мир искусства. 1902. Т. 8. Отд. 2. С. 337–342.]

Коммент. С. 548.

Гоголевские дни в Москве. С. 287–291.

[Впервые: Новое Время. 1909. 3 и 8 мая. № 1193, 1198.]

Коммент. С. 550–552.

Отчего не удался памятник Гоголю? С. 292–298.

[Впервые: Журнал театра Литературно-художественного общества. 1909. № 2. С. 9–12.]

Коммент. С. 552–553.

Гоголь и Петрарка. С. 501–502.

[Впервые: Книжный угол. 1918. № 3. С. 9–10.]

Коммент. С. 570.

[Указ имен.]

Розанов В.В. Мимолетное / Публ., вступ. заметка и примеч. В.Г. Сукача // Контекст: литературно-теоретические исследования-1989 / Академия наук СССР. Институт мировой литературы им. А.М. Горького; отв. ред. А.В. Михайлов. М.: Наука, 1989. С. 172–230.

[О Гоголе: С. 174–192.]

Русская классическая комедия: сборник / Сост. Е. Жезловой; послесл. Х. Холмогорова; ил. С. Тюнина. М.: Московский рабочий, 1989. 542 с.: ил.

Послесл. С. 534–541.

Из содерж.:

Гоголь Н.В. Ревизор: комедия в пяти действиях. С. 182–269.

Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь / Редкол.: П.А. Николаев (гл. ред.) и др. Т. 1: А–Г. М.: Советская энциклопедия, 1989. 672 с.: ил. – (Сер. биографических словарей: Русские писатели. 11–20 вв.).

Воропаев В.А. Базили Константин Михайлович. С. 140–141.

[Гоголь и К.М. Базили.]

Манн Ю.В. Гоголь Николай Васильевич. С. 593–603.

Рыжов В.В. «Вторая жизнь» литературного образа: гоголевские герои в сатире Салтыкова-Щедрина // Творчество М.Е. Салтыкова-Щедрина в историко-литературном контексте: сб. научных трудов. Калинин: Изд-во КГУ, 1989. С. 37–44.

[Герои «Мертвых душ» в «Письмах к тетеньке» М.Е. Салтыкова-Щедрина.]

Саркисова Н.Н. Вопросы русской литературы в публицистике В. Вартанянца // Декабрьские литературные чтения. Вып. 2. Ереван: Изд-во Ереванского ун-та, 1989. С. 46–50.

Селиверстов Ю.И. Заметки к портретам // Сибирь. Иркутск, 1989. № 4. С. 117–124.

[В частности, портрет Гоголя.]

Сивоконь П.Е., Старицина Н.К. Диалектика идейных противоречий в характере отечественной культуры. Статья третья // Вестник Московского ун-та. Сер. 7. Философия. М., 1989. № 6. С. 3–15.

Симачева И.Ю. Гоголь и Андрей Белый // Русская речь. М., 1989. № 2. С. 21–28.

[Традиции Гоголя в прозе А. Белого.]

Смирнова-Россет А.О. Дневник. Воспоминания / Изд. подгот. С.В. Житомирская; отв. ред. В.Э. Вацуру. М.: Наука, 1989. 790 с.: ил. – (Литературные памятники).

Воспоминания о Гоголе. С. 27–33.

Примеч. С. 642–643.

Воспоминания о Н.В. Гоголе (в записи А.Н. Пыпина). С. 34–41.

Примеч. С. 643–645.

Воспоминания о Н.В. Гоголе. С. 42–72.

Примеч. С. 645–650.

[Указ имен.]

[Рец.: *Гурьев Н.* Дневник Россет // Слово. М., 1990. № 6. С. 81.]

[Аннот.: Литературные памятники. 1948–1998. Аннотированный каталог. Издание подгот. Т.Г. Анохина, М.Л. Гаспаров, А.Л. Гришунин, А.Д. Михайлов, И.Г. Птушкина. М.: Наука, 1999. С. 249–250.]

Современные зарубежные исследования творчества Н.В. Гоголя / Ред. А.Н. Николюкин, Е.М. Дьяконова. М.: ИНИОН, 1989. 154 с.

Столетия не сотрут...: Русские классики и их читатели / Сост. А.А. Ильин-Томич. М.: Книга, 1989. 232 с. – (Судьбы книг).

[В выходных данных год издания указан 1988-й.]

Из содерж.:

Манн Ю.В. «Огромно велико мое творение...»: Н.В. Гоголь «Мертвые души». С. 223–250.

Супронюк О.К. Библиотека Нежинской гимназии высших наук кн. Безбородко (К изучению круга чтения Н.В. Гоголя в 1821–1828 гг.) // Роль библиотеки в социальном и культурном развитии общества: Тезисы докладов и сообщений международной научной конференции 10–13 октября 1989 г. Киев, 1989. Вып. 1. С. 65–67.

Супронюк О.К. Из комментариев к письмам Н.В. Гоголя // Русская литература. Л., 1989. № 1. С. 156–163.

Творчество Н.В. Гоголя и современность: Тезисы докладов и сообщений научно-практической Гоголевской конференции. Нежин, 16–18 мая 1989 г. Нежин: Изд-во НГПИ [Нежинский гос. пед. ин-т им. Н.В. Гоголя], 1989.

Из содерж.:

Гончаров С.А. Гоголь и Скворода. С. 5–6.

Жаркевич Н.М. Н.В. Гоголь и И.С. Орлай (к вопросу о становлении исторических взглядов и интересов Н.В. Гоголя). С. 9–10.

Супронюк О.К. О работе над бнобиблиографическим словарем «Н.В. Гоголь и его окружение в период обучения в Нежинской гимназии высших наук кн. Безбородко». С. 11–12.

Фесенко Ю.П. «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя и «Русские сказки» В.И. Даля: К постановке вопроса. С. 26–27.

Гольденберг А.Х. Природный календарь в сюжете «Мертвых душ». С. 51–52.

Жукова Н.Д. Проблема романтического пейзажа и «Мертвые души» Н.В. Гоголя. С. 52–53.

Кривонос В.Ш. Функции сновидений в прозе Н.В. Гоголя. С. 63–64.

Гетман Л.И. Лексические средства организации текста в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души». С. 83–84.

Балажова А. Основные направления изучения творчества Н.В. Гоголя в современном чешском литературоведении. С. 88–89.

Тимофеева Н. Страницы биографии памятника Гоголю // Куранты: историко-биографический альманах. М.: Московский рабочий, 1989. Вып. 3. С. 299–309.

[О памятнике работы Н.А. Андреева.]

Ульянов Н. Арабеск или апокалипсис? Гоголь, «Нос»: непривычный взгляд / Публ., предисл. и послесл. А. Дунаева // Литературная Россия. М., 1989. 15 декабря. № 50. С. 18–19.

Ульянов Н.И. Драма Гоголя // Новый журнал. Нью-Йорк, 1989. Кн. 177. С. 134–147.

[Гоголь был болен всю жизнь и, возможно, умер от неправильного лечения вследствие низкого уровня медицины того времени. Но болезнь была «одним из главных двигателей его существования».]

<*Федоров Н.Ф.*> Из материалов к третьему тому «Философии общего дела» Н.Ф. Федорова / Вступ. статья, публ. и примеч. С.Г. Семеновой // Контекст 1988: литературно-теоретические исследования / Академия наук СССР. Институт мировой литературы им. А.М. Горького. М.: Наука, 1989. С. 278–351.

[Публ. статья Н.Ф. Федорова о русских писателях XIX века (Гоголе, Достоевском, Лермонтове и др.).]

Федотов Г. «Остается по-прежнему нераскрытым и загадочным...» / Предисл. и публ. М. Филина // Литературная Россия. М., 1989. 31 марта. № 13. С. 21.

[Рец. на кн.: *Набоков В.* Nicolai Gogol. Norfolk, Conn., New Directions, 1944.]

Федь Н.М. Жанры в меняющемся мире: Искусство комедии, или Мир сквозь смех. М.: Советская Россия, 1989. 541, [2] с.: ил.

Фомичев С.А. Белинский и Гоголь в 1839 году // Русская литература. Л., 1989. № 1. С. 153–156.

Фомичев С.А. «Чудный город Миргород!»: Из наблюдений текстолога // Русская речь. М., 1989. № 2. С. 17–20.

[Поэтика названия.]

Хетсо Г. Что случилось со вторым томом «Мертвых душ»? // Scando Slavica. Т. 35. Copenhagen, 1989. С. 125–138.

[Перепечатано: Вопросы литературы. М., 1990. № 7. С. 128–139.]

Хоменко Н.В., Тюнин А.П. Заповедник-музей Н.В. Гоголя: Путеводитель. 2-е изд., до-
раб. Харьков: Прапор, 1989. 75, [2] с.: ил.

Христенко М.А. «Ах, Невский... Всемогуший Невский!..» (Урок внеклассного чтения по повести «Невский проспект» Гоголя в VII классе) // Литература в школе. М., 1989. № 2. С. 70–74.

Чаадаев П.Я. Статьи и письма / Сост., вступ. статья и коммент. Б.Н. Тарасова. 2-е изд., доп.. М.: Современник, 1989. 623 с.: ил. – (Библиотека «Любителям российской словесности». Из литературного наследия).

Загл. вступ. статьи: П.Я. Чаадаев и русская литература первой половины XIX века. С. 5–37.

Коммент. С. 542–612.

[Указ. имен.]

Чавдарова Д. К проблеме повествования в цикле повестей Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» // Болгарская русистика. София, 1989. Т. 16. № 1. С. 27–37.

Шумский Д. Тропинки к Гоголю // Правда. М., 1989. 1 апреля.

Эволюция художественных форм и творчество писателя: тематический сб. научных трудов / Казахский пед. ин-т им. Абая; редкол.: Х.А. Адибаев (отв. ред.) и др. Алма-Ата: КазПИ, 1989. 91 с.

Из содерж.:

Данилова В.В. Композиционная роль алогизма в «Петербургских повестях» Н.В. Гоголя (К проблеме прозаического цикла). С. 14–21.

Эйзенштейн С.М. Гоголь и киноязык / Публ. незавершенной статьи (1941 г.). Предисл. и коммент. Н. Клеймана // Киноведческие записки. ВНИИ [Всесоюзный научно-исследовательский институт] киноискусства. 1989. Вып. 4. С. 94–112.

Эминеску М. О Гоголе // Наше наследие. М., 1989. № 4. С. 135.

[Статья 1876 г. Публикуется впервые].

Этов В. Гоголь и Достоевский Михаила Шемякина // Литературная учеба. М., 1989. № 5. С. 162–168.

Юркенене И. «Превращение» Ф. Кафки и «Нос» Н. Гоголя: принцип алогизма // Научные труды вузов Литовской ССР. Литература. Вильнюс, 1989. № 31. С. 36–42.

Автор-составитель:

Владимир Алексеевич Воропаев,
докт. филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Author-composer:

Vladimir A. Voropaev,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

voropaevvl@bk.ru

Научная жизнь

Academic Life

*Т.А. Михайлова
(Москва, Россия)*

Круглый стол «Грамматика нереального» (28 апреля 2017)

*Т.А. Mikhailova
(Moscow, Russia)*

Round Table “A Grammar of Unreal” (April 28, 2017)

Когда в конце декабря Научный отдел филологического факультета обратился к кафедрам с предложением запланировать и провести какую-нибудь локальную конференцию или круглый стол, я неожиданно для себя подумала: а почему бы и нет? Теперь, когда круглый стол был уже проведен и прошел успешно, теперь, задним числом, подводя мысленно его итоги, я понимаю причину моей неожиданной готовности. Дело в том, что с начала 90-х годов прошлого века наша кафедра регулярно проводила семинары по исторической поэтике, которыми всегда руководила Ольга Александровна Смирницкая. Потом на базе этих семинаров и возник наш журнал-альманах «Атлантика. Записки по исторической поэтике», в 2016 г. вышел уже 13-й выпуск. Но сами семинары постепенно как-то стали проходить все реже, и, наверное, вот уже лет десять не проводились вовсе. Но мы-то по ним скучали! И поэтому, получив предложение провести круглый стол, я и откликнулась на него с такой готовностью. Более того, свое предложение-циркуляр я разослала в первую очередь давним участникам семинара и традиционным авторам «Атлантики»: О.А. Смирницкой, Н.А. Ганиной, Е.Р. Сквайрс, Н.Ю. Гвоздецкой (РГГУ), Н.Ю. Живловой (исторический факультет МГУ) и ряду других. Откликнулись не все: кто-то был слишком занят, кто-то уже исключил историческую поэтику из области своих научных исследований, кого-то, может быть, озадачила сформулированная мною тема – «грамматика нереального». Другие предложили выступить своим ученикам, что позволило привлечь к работе круглого стола магистрантов и аспирантов, работающих в этой области и с «нашим» традиционным материалом: средневековые и фольклорные тексты кельтов и германцев.

Почему такая тема? Наверное, выбор мой был спонтанен и даже случаен и отчасти спровоцирован тем, что сама я тогда читала спецкурс «Магия слова в средневековой Ирландии». И круг вопросов, предложенный потенциальным участникам, на мои собственные интересы и опирался: как в тексте можно понять, что

нарратор сообщает о нереальном, но вымышленном событии, как оформляются грамматически прорицания и какую роль они играют в дальнейшем сюжете, по какому принципу строятся заговорные тексты, какие глагольные времена в них используются и как они используют традиционные формулы, что стоит за нефинитными конструкциями – констатация факта или пожелание, где границы синтаксической неполноты клаузы, и неполнота это или намеренная недоговоренность, рассчитанная на фоновые знания аудитории, как изображаются заведомо вымышленные мифологические персонажи. Ну, и так далее. В общем, как я понимаю, главным для меня было скорее «нереальное» и его выражение в тексте, а собственно грамматика воспринималась как нечто вторичное. Причем в тексте, уже заранее относящемся к миру магии и традиционных суеверий.

В ходе подготовки круглого стола и редактирования представленных тезисов, которые были изданы в МАКС-ПРЕСС¹ (пользуюсь случаем поблагодарить издательство не только за быструю и квалифицированную подготовку текста, но и за замечательное оформление обложки, как нельзя более точно передающей идею конференции), я подумала, что в выборе как участников, так и собственно тематики предполагаемых докладов я была не совсем права. Обсуждая программу с моими коллегами по кафедре (в первую очередь – Е.М. Чекалиной и Э.Б. Крыловой), я поняла, что специфические грамматические конструкции, служащие сигналом нереальности или сомнительности сообщаемой информации, существуют и в современном языке в его разговорных формах. Сюда относится и известный французский «кондиционал сомнения», и датские служебные слова, переводящие фразу в область нереального, и шведские конструкции со словом *man*, позволяющие тонко уклониться от сообщения об источнике информации. Сюда же, наверное, относятся и русские фразы с субъектом «они», за которым стоит нежелание говорящего отождествлять себя с лицами (а чаще – одним лицом, причем говорящему известным), чьи пожелания или запреты он сообщает слушающему. В общем, я поняла, что современная, живая грамматика в чем-то интереснее, чем «нереальность» средневековых и фольклорных текстов. Но было уже поздно что-то менять. Зато мы все увидели интересные перспективы для дальнейшей совместной работы, которая, хочется надеяться, может вылиться в следующий круглый стол или даже научный проект.

Итак, конференция прошла в намеченных рамках и в заранее запланированной (ущербной!) проблематике, но от этого назвать ее неуспешной я бы не решилась. Напротив, доклады были необычайно интересны, вызвали множество вопросов и замечаний и дополнений, а присутствие среди слушателей многочисленных студентов (причем не только из МГУ) говорит уже само за себя.

Круглый стол начался с докладов, посвященных средневековой Ирландии. В первом выступлении Т.А. Михайловой «Нефинитная предикация и ее семантическая нагрузка в ирландских сагах и монастырской лирике» сравнивались древнеирландские конструкции с отсутствующим финитным глаголом в сагах и в так называемой «монастырской лирике». Такие конструкции строятся на очень специфическом выражении локализатора, представленного в предложном местоимении, имеющем предикативные функции. Например: *ben dom*, букв. «женщина ко мне». Автор пришел к выводу, что если в прозаическом нарративе здесь будет домысливаться как бы опущенный глагол движения («я увидел женщину, которая

¹ См.: Грамматика нереального: Материалы Круглого стола: Филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова; 28 апреля 2017 г. / Отв. ред. Т.А. Михайлова. М.: МАКС Пресс, 2017. 64 с.

шла ко мне»), то в монастырской лирике в аналогичной конструкции скорее прочитывается пожелание: «хорошо бы мне женщину...». Естественно, придуманный мною пример для лирики, возникшей в монастыре, не очень характерен, и в основном описанные конструкции реализуются в теме постоянного присутствия Бога-защитника, особенно в стихах жанра лорик (оградительных молитв): *Día lim fri cach sním* – «Бог со мной против любой напасти...». Пожелание это или констатация факта? Неоднозначность английских переводов демонстрирует и заложенную в самом стихе неоднозначность трактовки смысла фразы в целом, что, как предположил докладчик, предопределялось уже самим жанром лорик-заговоров, опирающихся на глубинную двуплановость сообщаемого.

Тема древнеирландских лорик была продолжена в докладе магистранта кафедры Е.А. Старостиной «К вопросу о реконструкции ранней редакции древнеирландской лорики *M'aenarán dam isa sliab* 'Один [иду] в гору'». Главная тема анализируемого текста – опасность странствия, особенно в одиночестве. Тексты, помогающие одиноким странникам (в основном, конечно, клирикам) избежать в пути многочисленных опасностей, известны не только в древнеирландской, но и в немецкой, исландской и английской традиции: их появление, с одной стороны, было продиктовано самой жизнью, с другой – наличие общих образов и формул показывало, что источником для этих текстов, скорее всего, послужили латинские апокрифические оградительные поэмы, бытовавшие внутри единого монастырского «ученого пространства» Западной Европы. Докладчица сосредоточилась лишь на одном, довольно длинном поэтическом тексте, датированном примерно X в. и приписываемом святому Колумбе. Тщательный разбор поэмы привел Е. Старостину к идее, что внутри одного текста вычленяются несколько отдельных стихов, видимо изначально функционировавших как отдельные оградительные молитвы. К этому выводу она пришла не в результате анализа метафорики и тематики поэмы, которые по определению узнаваемы, повторяемы и традиционны. Свой, отчасти неожиданный, вывод она строит на вычленении системы аллитераций, метрических повторов и сбоя в ритмике стиха. Приведенные доводы и схемы выглядели очень убедительно, и остается лишь надеяться, что исследование Е. Старостиной не ограничится публикацией небольших тезисов, а затем вкраплением данного разбора в магистерский диплом, но будет продолжено и в той или иной форме донесено до более широкой научной аудитории.

В своем докладе «“Канон Эмине Белого”: жертвоприношение святого» Н.Ю. Живлова обратилась к агиографической традиции Древней Ирландии. В центре ее исследования был эпизод, относящийся к традиции легендарной: во время чумы, поразившей остров в VII в., монахи, предводительствуемые Эмине Светлым, решили добровольно принять смерть, чтобы спасти жителей Лейнстера. Такой добровольный уход из жизни считался «заместительным жертвоприношением», причем применительно к континентальным кельтам, галлам, о таком жертвоприношении писал Цезарь: те, «кто подвержены тяжким болезням или часто бывают в битвах и опасностях, или же приносят в жертву людей, или клянутся принести, и пользуются при таких жертвоприношениях помощью друидов: ибо они считают, что нельзя умиловить волю бессмертных богов иначе, нежели отдав жизнь человека за жизнь человека». В описанном ею фрагменте Жития сам Эмине выступает в роли друида-*administer* при этом жертвоприношении: он исполняет заупокойную молитву (*écndaire*) по монахам, присутствует при распределении их и произносит определенную формулу, передавая их тем, за кого они должны умереть. Докладчи-

ца отметила, что для текста Жития характерно употребление ряда сложных грамматических форм, причем нередко в своеобразном значении, что, безусловно, связано с необычной тематикой самого «Канона». Ситуация с Эмине и его монахами оформляется в форме обещания: соглашаясь отдать свою жизнь за князей и короля, они могут ожидать от них ответного дара, особых привелегий для монастыря в дальнейшем. В заключение она делает вывод, что средневековый автор вряд ли был свидетелем описанных им событий, но, описывая жертву Эмине, мог прибегать к архаичной лексике и конструкциям.

Магистрант из РГГУ М.В. Моррис обратилась к теме странствий Племен Богини Дану – загадочной расы, якобы, населявшей Ирландию до прихода туда сыновей Миля – предков современного населения. Ее доклад «Странствия Туата Де Дананн как маркер прагматики мифографического текста» был посвящен анализу псевдоисторической традиции Ирландии глазами ученых XVII в. – Майклом О'Клери и Джеффри Китингом. Оба автора стоят на позициях эвгемиризма и видят в описанных странствиях Племен Богини реальные миграции древних народов, но, как она показала, если первый опирается на современную ему политическую ситуацию, то второй скорее имеет в виду философско-религиозное освещение мифа о Племенах Богини.

Германская часть докладов была открыта выступлением профессора кафедры Е.Р. Сквайрс, «Один грамматический род и разные реальности Смерти на Руси после 1500 г.», рассказавшей, как заимствованный в немецкой традиции мотив «плясок смерти» трансформируется в русском фольклоре и русских переводах мистерий. Разница в оценке самого «центрального персонажа» опирается на чисто грамматическую разность: в немецком *Tod* – мужского рода, тогда как русское *смерть* – женского, что вызывает появление дополнительных коннотаций: Смерть как женщина оказывается подвластна зову любви и проявляет зависть к счастливым соперницам. Она перестает быть воином-охотником, что, однако, не делает ее милосердной. В результате выбора в пользу языковой формы обозначения смерти развивается новый, женский образ; этот нереальный женский персонаж, обладая одушевленностью, персонифицируется, в частности, в облике старой женщины. Хочется добавить, наверное, что образ старухи, сопровождающей умершего в Иной мир, возник здесь не только в силу грамматических различий – он известен в традиции очень архаической (причем у тех же германцев) и на поле славянского текста, видимо, возродил какие-то более древние индоевропейские мифы.

В сообщении магистранта кафедры Н. Труфановой «“Мюнхенское заклинание против ночных тварей” как “christlicher Zauberspruch” (по классификации Исаака Бэйдона)» был проведен сопоставительный анализ грамматических форм, характерных для заговорных практик в целом и реализованный в описанном ею Мюнхенском заклинании. Особую ценность представлял тот факт, что сам текст заклинания до этого не только не публиковался ни в оригинале, ни в русском переводе, но вообще был не известен исследователям, поскольку его текст сохранился лишь в рукописи, находившейся в Архиве библиотеки МГУ. Наверное, работа над памятником будет продолжена и сделанная Труфановой публикация будет лишь первой. Уверена, немецкие коллеги оценят по достоинству сделанный им подарок.

Доклад М.А. Волконской (ВШЭ) «Отрывок о “плодах мессы” Джона Лидгейта и его источники» описывал особенности перевода латинской ученой литературы на среднеанглийский язык. В центре ее исследования была небольшая поэ-

ма Джона Литгейта (XIV в.), предназначенная мирянам, находящимся вне собственно церковной традиции и не знающим латыни. Его текст, как она показала, подчиняется особым правилам «грамматики убеждения» и призван растолковать пастве необходимость регулярного посещения церковных служб. Он же служил и пособием для проповедников.

И наконец последний доклад конференции был сделан нашей давней коллегой профессором РГГУ Н.Ю. Гвоздецкой. Ее выступление «Жанр видения в древнеанглийской поэме “Видение Креста”: от нереального к реальному» вызвало необычайное оживление в аудитории, так как показывало, что в древнеанглийском сочетании «видение креста» (как, отметим, и в русском) не только означало изображение объекта (крест, который явлен), но и отсылало к возможности самого Креста Господнего видеть события, участником которых он невольно стал.

Было уже очень поздно, но расходиться не хотелось. Атмосфера давних семинаров по исторической поэтике оказалась возрожденной. Всем хотелось продолжения, и я надеюсь, что оно последует. Может быть, с привлечением новых аспектов лингвистического анализа и новых участников. Круглый стол показал, что намеченный подход к анализу текста не просто интересен – он поистине неисчерпаем.

Сведения об авторе:

Татьяна Андреевна Михайлова,
докт. филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Tatyana A. Mikhailova,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
tamih.msu@mail.ru

И.В. Одинцова
(Москва, Россия)

**Русский язык в системе организации учебного процесса в совместном
российско-китайском университете МГУ – ППИ в Шэньчжэне (Китай)**

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы изучения русского языка во вновь созданном университете МГУ – ППИ в городе Шэньчжэнь; дается характеристика модели лингвопрофильного обучения русскому языку, принятой в этом университете; излагается концепция профессионально ориентированных пособий по русскому языку.

Ключевые слова: русский язык, лингвопрофильный, язык специальности, университет МГУ – ППИ

I.V. Odintsova
(Moscow, Russia)

**Russian in the System of the Organization of Educational Process
at the Joint Russian-Chinese University MSU – PPI in Shenzhen (China)**

Abstract: The article deals with some problems of studying the Russian language in the newly established branch of Moscow State University and PPI in Shenzhen; the description of the model of the linguistic profile of the Russian language adopted at this university is given; the concept of professionally oriented manuals on the Russian language is stated.

Key words: the Russian language, linguistic profile, language of specialty, branch of Moscow State University (MSU) and PPI

Совместный российско-китайский университет МГУ – ППИ, учрежденный МГУ имени М.В. Ломоносова (МГУ), Пекинским политехническим институтом (ППИ) и Муниципальным народным правительством Шэньчжэня, в августе 2017 г. принял первых учащихся.

13 сентября 2017 г. состоялась торжественная церемония открытия университета, в которой приняли участие вице-премьер правительства РФ Ольга Голодец и вице-премьер Госсовета КНР Лю Яньдун, которые зачитали поздравительные послания лидеров двух стран. С приветственной речью выступили ректор МГУ

имени М.В. Ломоносова академик В.А. Садовничий и ректор Пекинского политехнического института академик Ху Хаянь.

Университет МГУ – ППИ расположен в Шэньчжэне – городе, являющемся третьим по размеру городом в Китае после Пекина и Шанхая. По прогнозам в скором времени этот город должен обогнать и Шанхай. Территории Шэньчжэня придан статус первой свободной экономической зоны (СЭЗ) в Китае. Ему предстоит стать форпостом развития экономического сотрудничества с зарубежными странами, привлечения иностранного капитала, увеличения экспортных возможностей Китайской Народной Республики.

Создание университета МГУ – ППИ является прорывом в научном и деловом сотрудничестве между двумя странами. Указ о его создании был подписан 20 мая 2014 г. в рамках официального визита Президента Российской Федерации В.В. Путина в Китайскую Народную Республику.

Основной задачей совместного университета является подготовка кадров высшей квалификации, компетентных в области получаемой профессии; способных к эффективной научной и прикладной работе, развитию и углублению фундаментальных и прикладных научных исследований; готовых к непрерывному профессиональному развитию, инновационной деятельности; конкурентоспособных на рынке трудовых ресурсов; призванных внести достойный вклад в развитие экономики Евразийского и Азиатско-Тихоокеанского регионов в рамках проекта «Экономический пояс Шелкового пути».

В основу обучения в совместном университете легли образовательные стандарты, принятые в МГУ. Реализовываться эти программы будут по преимуществу силами профессорско-преподавательского состава российского университета. Только в крайних случаях к образовательному процессу возможно привлечение специалистов других вузов России.

Набор в совместный университет осуществляется в бакалавриат и в магистратуру по 12 направлениям. Университет предлагает следующие образовательные программы: «Филология», «Русский язык и культура», «Экономика», «Биология», «Природопользование», «Экология», «Геология, экология, природные ресурсы и энергетика», «Информационные технологии и прикладная математика», «Физика и химия», «Транспортные системы и логистика», «Здравоохранение (медицина)» и др.

В сентябре 2017 г. открылись пять первых факультетов совместного Университета: филологический, биологический, экономический, факультет вычислительной математики и кибернетики, факультет наук о материалах. В 2017 г. прошел первый в истории совместного университета набор на программы магистратуры: «Русский язык и культура в современном мире», «Нанобиотехнология», «Фундаментальная и системная экология» – и бакалавриата: «Русский язык и литература», «Прикладная математика и информатика», «Химия, физика и механика материалов», «Экономика». Учащиеся, окончившие бакалавриат в совместном университете МГУ – ППИ, получают два диплома: МГУ и ППИ, магистратуру – диплом МГУ.

Уникальность образовательного проекта, реализуемого в МГУ – ППИ, в том, что на всех факультетах, кроме биологического, где преподавание ведется на английском языке, языком обучения является русский язык. В бакалавриат же принимаются абитуриенты как со знанием языка, так и без подготовки по русскому языку. В связи с этим перед профессорско-преподавательским составом филологического факультета и ИРЯиК (Институт русского языка и культуры) были поставлены следующие задачи: обеспечить в сжатые сроки уровень языковой подготовки, до-

статочный для полноценного участия в учебном процессе; создать языковую образовательную среду, максимально приближенную к естественной, и, что является приоритетным в языковой образовательной политике университета, – организовать углубленную языковую профильную подготовку учащихся по конкретным специальностям. При таком подходе русский язык специалиста является средством как межличностного, межкультурного, так и профессионального общения. Язык наделяется статусом инструмента передачи профессионального знания и «из специальности превращается в язык для специальности»¹.

В связи с задачей лингвопрофильного обучения понедельная нагрузка учащихся по русскому языку выглядит следующим образом: бакалавры начинают заниматься русским языком в августе; в августе-октябре 100% учебного времени отводится общему владению русским языком. С ноября вводятся занятия по языку специальности. Далее соотношение русского языка общего владения и русского языка в специальных целях меняется: в ноябре-январе это соотношение составляет 2/1 (соответственно 20 часов в неделю отводится общему владению русским языком и 10 часов – языку специальности), в феврале-июне соотношение меняется на 1/2 (общему владению языка посвящается 10 часов, а языку специальности 20 часов).

Для реализации принятого проекта по согласованию с китайской стороной на обучение русскому языку было выделено беспрецедентно большое количество учебных часов. По сути, весь первый год бакалавриата посвящен подготовке по русскому языку: в августе русскому языку отводится 36 часов в неделю, в 1-м и 2-м семестрах – 30 часов в неделю. Сверх часов, отданных русскому языку, в 1-й год обучения учащиеся слушают лекции на китайском языке: «Учение Мао-Цзэдуна и теоретические основы социализма», «Основы теории марксизма», «Современная история Китая», «Мораль и правовая основа».

Предполагается, что за август учащиеся освоят программу общего владения русским языком элементарного уровня (А-1). Достижение данного уровня позволит китайским учащимся «удовлетворять элементарные коммуникативные потребности при общении с носителями языка в минимальном наборе ситуаций. Ситуации общения на данном уровне связаны с бытовой и социально-культурной сферами. При этом набор языковых средств, обеспечивающих общение в данных сферах, строго минимизирован в соответствии с коммуникативными потребностями данного

¹ Крупченко А.К. Профессиональная лингводидактика // Высшее образование в России. 2006. № 5. С. 158.

уровня»¹. В течение сентября-октября бакалавры должны достигнуть базового уровня. Достижение данного уровня владения русским языком позволит им «удовлетворять **самые необходимые** коммуникативные потребности при общении с носителями языка в ограниченном числе предсказуемых ситуаций. Ситуации общения на данном уровне связаны с бытовой, социально-культурной и учебной сферами. При этом набор языковых средств, обеспечивающих общение в данных сферах, строго ограничен в соответствии с коммуникативными потребностями данного уровня»². В ноябре-июне должна быть освоена программа 1-го сертификационного уровня, что даст возможность учащимся «удовлетворять основные коммуникативные потребности при общении с носителями языка в социально-бытовой и социально-культурной сферах. Этот уровень обеспечивает необходимую базу для успешной коммуникации... с использованием ограниченного набора языковых средств»³.

За достаточно короткий срок преподавателями двух подразделений МГУ – филологического факультета (кафедра русского языка для иностранных учащихся филологического факультета, кафедра русского языка для иностранных учащихся гуманитарных факультетов, кафедра русского языка для иностранных учащихся естественных факультетов) и ИРЯиК – был подготовлен комплекс учебных материалов, непосредственно адресованных учащимся вновь созданного университета. В проекте принимали участие более 50 человек. Был создан учебник для элементарного уровня общего владения русским языком «В добрый путь! Часть 1», «В добрый путь! Часть 2» (Нахабина М.М, Жабоклицкая И.И., Смирнова О.В., Степаненко В.А., Толстых А.А.), цикл пособий культурологического характера: «Русские ученые» (Кортава Т.В, Касьянова В.М., Белоброва Л.В., Кузьменкова В.А., Хлопьянов А.В., Чалова О.В.), «Деятели культуры и меценаты» (Кортава Т.В., Касьянова В.М., Кузьменкова В.А., Коростелева А.А., Москвин Г.В., Топчиева В.М.). Специально для филологов 1-го года обучения в

магистратуре был написан учебник по русскому языку «Магистрант 1. Учебник для филологов» (Красильникова Л.В., Маркова В.А., Балдина Е.В., Евтихьева А.С., Чаплыгина Т.Е.). Для бакалавров с нулевым уровнем владения русским языком созданы фонетические курсы: «Вводно-фонетический курс для говорящих на китайском языке. Элементарный уровень. А-1» (Одинцова И.В.), «Корректировочный курс русской фонетики для говорящих на китайском языке. Элементарный уровень. А-1» (Короткова О.Н.).

Особого внимания заслуживает комплекс по языку специальности. Сегодня в многополярном мире на рынке труда востребованы только специалисты, достиг-

¹ Государственный стандарт по русскому языку как иностранному. Элементарный уровень / Т.Е. Владимирова и др. 2-е изд., испр. и доп. М.; СПб.: Златоуст, 2001. С. 4.

² Государственный стандарт по русскому языку как иностранному. Базовый уровень / М.М. Нахабина и др. 2-е изд., испр. и доп. М.; СПб.: Златоуст, 2001. С. 4.

³ Требования по русскому языку как иностранному. Первый уровень. Общее владение. Второй вариант / Н.П. Андрюшина и др. [Электронный ресурс]: электронный аналог печатного издания. 2-е изд. М.; СПб.: Златоуст. 2009. С. 4. (дата обращения: 28.06.2017).

шие вершин мастерства. Высококласное образование – прекрасный старт для успешной карьеры. Поэтому так важно подготовить учащихся с высоким уровнем образования по конкретной выбранной ими специальности, обеспечить углубленную языковую профильную подготовку.

Обычно в методике преподавания русского языка в специальных целях встает вопрос, на каком материале проводить обучение: на материале произведений научно-популярного подстиля; на материале произведений научного стиля речи, универсального для разных профилей – гуманитарного, естественнонаучного, технического; на материале языка узкой специальности. Обычно выбирается второе. С учетом специфики обучения в университете МГУ – ППИ нами было принято решение создать учебные пособия не просто на материале узкой специальности, но на базе языкового материала специальных дисциплин, предусмотренных учебными планами факультетов в первый год обучения в бакалавриате. Подобное решение обусловило кооперацию специалистов в области языкового и профильного образования, установление тесных контактов русистов с авторами лекционных курсов (некоторые стали соавторами пособий). Учебный материал книг по языку специальности, по сути, стал конспектом лекций предметных дисциплин с детально разработанным аппаратом языковых и речевых упражнений.

Ведущими преподавателями университета, имеющими большой опыт работы с иностранными учащимися в аспекте обучения языку специальности, под общим руководством Т.В. Кортава и И.В. Одинцовой создан (и находится в процессе подготовки) комплекс, состоящий из двух циклов: «Введение в язык специальности» (100 часов): «Математика. Химия» (Степаненко В.А. Нахабина М.М. Палицкая Е.В.), «Прикладная математика и информатика» (Кузьмич И.П., Прокубовский А.А., Хлопьянов А.В., Чалова О.В., Шобухов А.В.), Высшая математика (Чалова О.В., Наседкина Н.А.), «Экономика» (Рагульская Г.В., Купчина М.Н.), «Филология» (Евтихьева А.С., Пуряева Н.Н.); в процессе работы находится цикл пособий «Язык специальности» (360 часов): «Химия» (Мелентьева Т.И., Кузьменкова В.А.), «Алгоритмы и архитектура компьютеров» (Кузьмич И.П., Прокубовский А.А., Хлопьянов А.В., Чалова О.В., Шобухов А.В.), «Экономика» (Филатова Е.А., Черенкова И.С., Луценко О.В., Подшивалова Е.А.), «Лингвистика» (Чаплыгина Т.Е., Кузьминова Е.А., Баландина Н.В., Серова Е.С.), «Литературоведение» (Евтихьева А.С., Пуряева Н.Н., Потемкина Е.В., Полищук Е.Л.).

Языковой и речевой материал профессионально ориентированных пособий, созданных в целях профессионализации учебного процесса, не только способствует осмыслению, запоминанию и накоплению терминологической лексики, профессионально ориентированного грамматического материала, развитию речи в четырех видах речевой деятельности, но и служит средством приобретения специальных знаний по отдельным предметам.

Концепция подготовки специалистов, принятая в университете МГУ – ППИ, ее лингвометодическое обеспечение внесет достойный вклад в дело повышения конкурентоспособности российских и китайских отраслей образования на международном уровне, созданию в Китае действенной и стабильной системы подготовки кадров со знанием русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

Крупченко А.К. Профессиональная лингводидактика // Высшее образование в России. 2006. № 5. С. 158–160.

Государственный стандарт по русскому языку как иностранному. Элементарный уровень / Т.Е. Владимирова и др. 2-е изд., испр. и доп. М.; СПб.: Златоуст, 2001. 28 с.

Государственный стандарт по русскому языку как иностранному. Базовый уровень / М.М. Нахабина и др. 2-е изд., испр. и доп. М.; СПб.: Златоуст, 2001. 32 с.

Требования по русскому языку как иностранному. Первый уровень. Общее владение. Второй вариант / Н.П. Андриюшина и др. [Электронный ресурс]: электронный аналог печатного издания. 2-е изд. М.; СПб.: Златоуст. 2009. 32 с.

REFERENCES

Krupchenko A.K. Professional Language Education. *Higher Education in Russia*. 2006. No 5, pp. 158–160.

The State Standard for Russian as a Foreign Language. Elementary level / Eds. T.E. Vladimirova, etc. 2nd ed., corr. and expand. Moscow; St.-Petersburg. Zlatoust Publ. 2001. 28 p.

The State Standard for Russian as the Foreign Language. The Basic level / Eds. M.M. Nahabina, etc. 2-nd ed., corr. and expand. Moscow; St.-Petersburg. Zlatoust Publ. 2001. 32 p.

Requirements for Russian as the Foreign Language. The First level. General possession. Second option / Eds.: N.P. Andryushina, etc. [Electronic resource]: electronic analog of the printing edition. 2nd ed. Moscow; St.-Petersburg. Zlatoust Publ. 2009. 32 p.

Сведения об авторе:

Ирина Владимировна Одинцова,
канд. филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Irina V. Odintsova,
PhD
Associate Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
odintsova.irina@gmail.com

События. Имена. Судьбы

Events. Names. Destiny

Елена Сойни
(Петрозаводск, Республика Карелия)

Финский период в жизни и творчестве семьи Чернавиных

Аннотация: Статья посвящена финскому периоду в биографии ученых Владимира и Татьяны Чернавиных. Пересечение границы, первые встречи с Финляндией, описанные Татьяной Чернавиной в книге «Побег из Советской России», изданной в Хельсинки в 1934 г., следуют за повествованием о Соловецком лагере «Записки вредителя» (1934) Владимира Чернавина. Авторы объединяет позиция. Они не были «рыцарями белой идеи», посвятив свой труд молодому советскому государству, но оказались репрессированными. Беглецы испытали разочарование, оказавшись в эмигрантской среде Финляндии. Но сама Т.В. Чернавина вписала яркую страницу в историю публицистики русской эмиграции, сотрудничая с «Современными записками» и «Последними новостями». В статье рассматриваются особенности книги и статей Т.В. Чернавиной в контексте полемики с И.Л. Солоневичем и П.Н. Милюковым.

Ключевые слова: русская эмиграция, ГУЛАГ, Соловки, Соловецкий лагерь, мемуары, побег

Helena Soini
(Petrozavodsk, the Republic of Karelia)

The Finnish Period in the Life and Work of the Chernavin Family

Abstract: The article deals with the the Finnish period of life of scientists Vladimir and Tatyana Chernavin. The crossing of the border, the first meetings with Finland, described by Tatyana Chernavin in the book “Escape from Soviet Russia”, published in Helsinki in 1934, following the narrative of the Solovki camp “Notes of the Wrecker” (1934) written by Vladimir Chernavin. The authors has the same worldview. They were not «knights of the white idea» and working for the benefit of the young Soviet state, but were repressed. Having appeared in emigrant environment of Finland, the fugitives were disappointed But herself Tatyana Chernavin had inscribe the bright page in the history of Russian emigration publicism, cooperating with the “Sovremennye Zapiski” and “Poslednie Novosti”. The article discusses of Tatyana Chernavina book and articles in the context of the polemic with I.L. Solonevich and P.N. Milyukov.

Key words: Russian emigration, GULAG, Solovki, Solovetsky camp, memoirs, escape

В 1932 г. из Кандалакши в Финляндию совершила побег семья Чернавиных. Интеллигенты – искусствовед и ихтиолог – написали две книги, дополняющие друг друга. Первая «Записки вредителя» принадлежит перу Владимира Вячеславовича Чернавина (29.07.1887–01.04.1949). Потомственный дворянин, Владимир Чернавин родился в Царском Селе в семье Екатерины Александровны Боярской и генерал-майора Вячеслава Владимировича Чернавина. Выпускнику гимназии Карла Мая, юноше, увлеченному зоологией, посчастливилось попасть на Алтай в экспедицию под руководством Василия Васильевича Сапожникова. Сестра Екатерины Александровны Боярской Софья Александровна (тетя Владимира) стала второй женой выдающегося географа и ботаника.

Пожалуй, одни из самых светлых строк в книге «Записки вредителя» посвящены алтайской экспедиции: «Впервые я увидел дикую природу, часто даже не нанесенную на карту местности, где верхом, без дорог, мы прошли больше двух тысяч километров в лето»¹. Знаменитый русский исследователь Алтая, ботаник и географ, ректор Томского университета, Министр народного просвещения во Временном правительстве В.В. Сапожников, иногда брал собой в экспедицию детей. Старшей была Татьяна. Возможно, на Алтае Татьяна и Владимир впервые увидели друг друга. В 1915 г. они поженились, а в 1918-м родился третий участник побега, сын Андрей. Участие в экспедиции было для Чернавиных хорошей школой: они научились ориентироваться в неизвестных лесных просторах, переправляться через реки, и, сами того не подозревая, они хорошо «подготовились» к будущему побегу. Владимир окончил Санкт-Петербургский университет, стал ихтиологом и одним из руководителей мурманского «Севгосрыбтреста». Первые страницы «Записок...» посвящены сплоченному коллективу треста. Автор с большой симпатией описывает своих коллег, капитанов и промышленников, «природных поморов, выросших в суровых условиях полярного плавания», называет их «необыкновенно одаренными», «безукоризненно честными и трудолюбивыми» (стр. 18–19), подчеркивает, что эти люди не держали обид, преданно служили новому государству. Трагедия в том, подытоживает Чернавин, что именно таких людей объявили вредителями. 27 апреля 1931 г. Чернавин был сослан на Соловки сроком на пять лет. Мы узнаем о допросах и жизни в Соловецком лагере автора и его героев – «вредителей». Чернавин считает своим долгом, рассказать о том самозабвении, с которым его друзья служили своей профессии, создавая новую промышленность и науку Севера и о той участи, которая их постигла на Соловках.

Книга о побеге в Финляндию и первых впечатлениях о северной стране принадлежит Татьяне Васильевне Чернавиной (20.12.1887–1971). Татьяна Васильевна – дочь Надежды Ловейко и Василия Васильевича Сапожникова. Она окончила исторический факультет Московского университета, работала старшим научным сотрудником в Эрмитаже.

Татьяна Чернавина была задержана как жена «вредителя», с 7 апреля по 10 августа 1931 г. находилась под арестом², но вскоре ее освободили. Потеряв службу в Эрмитаже, она устроилась в библиотеку Ленинградского университета. В июле 1932 г. Татьяна Васильевна вместе с сыном Андреем приехала в Кемь навестить мужа Владимира Вячеславовича, где он, командированный из Соловецкого лагеря, работал инструктором Рыбпрома.

¹ Чернавин В.В. Записки вредителя // Чернавин В., Чернавина Т. Записки вредителя. Побег из ГУЛАГа. СПб.: Канон. 1999. С. 7

² Данные по: Suomen kansallisarkisto. Tshernavin asiapaperit.

Чернавины бежали из Кандалакши 8 августа 1932 г., прибыли в Финляндию через 18 дней, о чем Татьяна Чернавина написала почти детективную повесть «Pako Neuvosto-Venäjältä» («Побег из Советской России»). Книга вышла в крупнейшем издательстве Финляндии «Отава» в 1934 г. на финском языке. Существуют еще английский и немецкий варианты текста, именно с английского («Escape from the Soviets»; London, 1934) Эйно Палола перевел повесть на финский язык. Изданная в 1999 г. на русском языке книга «Побег из Гулага», подготовленная Андреем Владимировичем Чернавиным, немного отличается от финского перевода. Приводя цитаты из «Побега...» мы выполняем обратный перевод с финского, за исключением случаев, оговоренных особо.

Побег этот был чрезвычайно сложным из-за болезни ребенка, отсутствия карты и продуктов. Но до границы семья все-таки добралась. Герои повести почувствовали, что они в Финляндии по... лосю.

Чернавины с удивлением смотрели на сохатого: «Это был большой зверь с красивой и блестящей кожей. Он выглядел упитанным, довольным и самоуверенным. Роскошные рога украшали его голову, как праздничная корона. Его темные умные глаза смотрели изучающе:

– Думаешь это был финский лось, отец? Он был горд, как английский лорд, и достаточно спокоен. Уверен, что это был не советский лось.

– По внешности лося не легко определить, из какой он страны, – заметил муж, смеясь»¹.

Вскоре путники заметили на деревьях метки от топора, а на дощечке, найденной мальчиком, – латинский номер. Герои убеждаются, что они в Финляндии, ведь в России лес рубят безмерно, а здесь нумеруют. И вдруг мальчик увидел деревянный ящик. Его удивил не сам ящик, а то, что из него не вынуты гвозди: «Смотри, отец, они даже не вытащили гвозди из ящика. Они не удосужились вытащить гвозди. Они, наверное, расточительные буржуа» (стр. 338). Финские пограничники, которых после долгих блужданий все же разыскали герои, накормили беглецов. «Запах пищи дает понять, насколько человек голоден. Нам казалось, что мы будем есть так долго, как сможем. Но каша кончилась» (стр. 362).

Путникам пришлось добираться на погранзаставу по порожиистой реке: «Лодка, как скорлупа, прыгала туда-сюда, стучала и неслась мимо камней» (стр. 367).

Автор описывает погранзаставу, чистую, с белоснежными одеялами, лежащими на двухэтажных койках, рядом с которыми герои чувствовали себя грязными, как «вороньи перья».

Приготовление еды в пограничном бараке и сам обед описан с точки зрения ребенка, и оттого в повести Чернавиной подмечены детали, которых не найти у других авторов. Мальчик не понял, что делает повар, когда молот в кофемолке кофе, ведь он никогда не видел настоящего кофе. Когда герои сидели за столом с белой скатертью и пили «из расписных фарфоровых чашек» кофе, повар что-то варил в большом казанке.

«– Что он готовит, мама?

– Макароны.

– Но они же белые!» (стр. 372).

Сын, привыкший к серым макаронам, был удивлен. Но когда он увидел, что повар кладет в макароны масло, то не сдержал воодушевления:

¹ Tšernavin Tatjana. Pako Neuvosto-Venäjältä / Englannin kieleksi kääntänyt Eino Palola. Helsinki., 1934. С. 326. В дальнейшем при ссылках на это издание в скобках в тексте указываются страницы.

«Мама, ты знаешь, что он сделал с маслом? Ты не поверишь, он вывалил его в макароны. Да, видимо, в Финляндии голода не знают. А в “Ленинских искорках” пишут, что у финских рабочих недостаток хлеба, поэтому они едут в Россию. А ведь это получается неправда?» (стр. 372).

Вскоре, однако, беглецам пришлось ехать в Хельсинки. Автор обратил внимание на хорошо ухоженную дорогу, осушенные болота, на леса, обработанные под посадки. «Малочисленный народ Финляндии, – делает вывод писательница, – ежедневно воюет с суровой природой, добиваясь от нее гораздо большей отдачи, чем вся Советская Россия со своими безмерными природными богатствами может достичь при помощи принудительных рот...» (стр. 375). Автобус, на котором беглецы ехали в Хельсинки, «ни разу не вышел из строя», а «вагон был чист и опрятен» (стр. 375). По ту сторону границы, сравнивает автор, «нормальных вагонов хватает только для высокопоставленных персон и для иностранных граждан» (стр. 375). Соседи по вагону угощали путников бутербродами, сын удивлялся: «Да, это странные люди... у них, видимо, еды вдоволь и, может, даже слишком, раз они в состоянии давать нам такие толстые бутерброды» (стр. 376).

Хельсинки показался автору «настолько чистым городом, как будто его недавно отмыли, перед домами росли цветы, витрины пестрели всеми мыслимыми и немыслимыми фруктами» (стр. 376).

Главная героиня попадает в больницу. Первое впечатление – белизна, чистота, но ее удивляет то, что медсестра, переодевая, обмывая, укладывая ее в постель, «получает от этого некоторое удовольствие» (стр. 377). И героине жаль, что заболела одна она, «что все трое не попали в больницу одновременно» (там же).

Именно в больнице героиня берет в руки перо и начинает писать книгу «в таких спокойных условиях по отношению к миру, о каких можно было только мечтать» (стр. 378).

Мальчик тем временем знакомится с финской ярмаркой и не может поверить в ее реальность: «Бабушки, которые продают рыбу, такие упитанные и серьезные, они почти неподвижно сидят под тентом, а перед ними: лосось, селедка, окунь, камбала...» (там же).

Героине не хотелось уходить из больницы, «но ничего не поделаешь; раз врач меня излечил полностью, тем более он достал мне шляпку, пару ботинок и костюм, а то, в чем я пришла, надо было сжечь» (стр. 379). «О, если бы я могла сжечь свои воспоминания...» – заканчивается повесть.

Книги Владимира и Татьяны Чернавиных многое объединяет. Побег, описанный Татьяной Васильевной, следует за ужасающими событиями в Соловецком лагере, о которых повествует Владимир Вячеславович. Но это не главное. Авторы объединяет позиция. Они не были «рыцарями белой идеи». Герои их произведений не задумываясь отдавали свою душу, свое время, и свои промыслы молодому советскому государству. Герои Владимира Чернавина в революции «приняли новое дело», органически слились с новой работой; герои Татьяны Чернавиной реставрируя двухсотлетнюю голландскую мебель, были счастливы «приняться за дело». Но в государстве возникло другое государство, не имеющее отношение к первому, – ГПУ со своими «промыслами», а из Эрмитажа исчезали картины Рембрандта, Тициана, Рафаэля. Как и почему это произошло? На этот вопрос авторы ответа не находят и ставят вопросы новые: «Ни тюрьма, ни этот лагерь не заставят меня, что называется, “поправеть”, но большевики – это не революция, – пишет Татьяна Чернавина. – Правительство, преследующее лучших граждан страны,

превращающее их в рабов, не заслуживает ни оправдания, ни прощения. Во имя чего это делается? ...Какой зловерный идиот посмеет назвать этот путь социализмом?»¹ Ответа Чернавины не нашли и в эмигрантской среде.

Им не верили, хотя статьи Татьяны Чернавиной считались более объективными, чем статьи «маниакального»² И.Л. Солоневича. Иван Лукьянович Солоневич, знаменитый автор «Народной монархии» и «России в концлагере», пересекший финскую границу в 1934 г., стал другом Чернавиных в Финляндии. Солоневича с семьей Чернавиных связывала общая судьба – жизнь в СССР, побег. У их детей, Юрия и Андрея, разница в возрасте была небольшой, и они тоже подружились.

«Чернавины действительно объективны, – писал И.Л. Солоневич в главе «О свидетелях и о кабаке» из книги «Россия в концлагере». – Я читал их высказывания и говорил с ними лично: они стоят левее меня, но в оценке действительности – никакой разницы»³. В оценке действительности у Чернавиных и Солоневича разницы действительно не было, но в объяснении причин они придерживались все же противоположных взглядов. У Чернавиной «правительство» превращает граждан в рабов, оно, по мнению писательницы, не имеет ничего общего с социализмом. У Солоневича именно «веселая социалистическая стройка» перерабатывает металл в ржавчину, а людей в рабов...» (стр. 381). В 1934 г. в «Современных записках» в Париже Татьяна Чернавина публикует рецензию на книгу Малколма Маггериджа «Зима в Москве»; писательница словно ищет подтверждения своим мыслям у английского политика. Основная идея его книги, по мнению Татьяны Васильевны, в том, что «русская революция – это одно, советский режим – другое. Если первое – сложная и в настоящее время еще неразрешимая историческая проблема, то второе – явление, которое понять трудно»⁴.

Неверие эмиграции провоцировало и Чернавиных, и Солоневича приводить новые и новые доказательства о существовании на родине бедствий и беззакония. «...Можно утверждать, что и я, и Чернавин... все мы, бежавшие, “ущемленные”, бессознательно склонны сгущать краски и делать красное черным» (стр. 380), – писал Иван Солоневич.

Почувствовав к себе холодное отношение русского Гельсингфорса, Татьяна Васильевна приняла решение не связываться с эмиграцией. По совету Татьяны Васильевны и Иван Солоневич стал публиковаться в прессе Финляндии на шведском и финском языках, а Владимир Чернавин рекомендовал переводчиков.

Солоневич часто вспоминал одну встречу с Татьяной Васильевной, когда «они с ней сидели на камнях на берегу холодного финского озера. Оба наших потомка, Юра и Андрюша, кувыркались где-то в воде, и на этих потомков мы смотрели без чувства некоторой родительской гордости»⁵. Во время этой беседы Татьяна Владимировна предупредила Солоневича: «Бросьте всякие мечты об эмиграции. Это – болото. Оно Вас засосет или загадит. Работайте для иностранцев.... Поверь-

¹ Чернавин В.В. Записки вредителя // Чернавин В., Чернавина Т. Записки вредителя. Побег из ГУЛАГа. СПб.: Канон, 1999. С. 7.

² Шруба М. Эмиграция не хочет видеть того, что совершается в России. Беглецы из СССР 1930-х гг. в «Современных записках» // Московский книжный журнал. morebo.ru/tema/segodnja/item/1395959385626

³ Солоневич И.Л. О свидетелях и о кабаке // Солоневич И.Л. Россия в концлагере / Подгот. текста М.Б. Смолина. М., 1999. С. 379. Далее при ссылках на это издание в тексте в скобках указываются страницы.

⁴ Чернавина Т.В. [Рец.] Muggeridge M. Winter in Moscow. Boston: Little, Brown // Современные записки. 1934. № 56. С. 442.

⁵ Солоневич И.Л. Первые шаги по болоту / Четыре года. София, 1939. С. 4.

те мне: я объехала почти всю Европу, и я знаю эту публику – безнадежное дело»¹. Солоневич и разделял, и не разделял взгляды Татьяны Васильевны: «Я знал, что это болото существует. Не знал его вязкости, но верил в то, что под этим болотом не может не быть твердой земли»² (выделено мной. – Е.С.).

Татьяна Чернавина не лукавила, когда высказывала свое отношение к эмиграции, это подтверждается и тем, что свою книгу она решила опубликовать в 1934 г. сразу в трех европейских столицах на английском, немецком и финском языках. Но в Париже в газете «Последние новости» и в журнале «Современные записки» по-русски публиковались ее очерки, статьи, рецензии. Манфред Шруба приводит данные, что в 1933 г. Чернавиной было опубликовано 30 мемуарных очерков. А лекции в Брюсселе помог ей организовать М.А. Бакунин³.

«Последние новости» издавались под редакцией видного историка П.Н. Милюкова, сам редактор написал вступительную заметку к «Жене вредителя». Под таким названием в воскресных приложениях газеты начиная с 8 января 1933 г. выходили отрывки из будущей книги Т.В. Чернавиной, подписанные N.N. Милюков был уверен, что «искреннее и бесхитростное, но тем более красноречивое описание тех мытарств и испытаний, через которые приходится проходить теперь интеллигентным работникам на пользу России... произведет потрясающее впечатление, – более сильное, чем какие бы то ни было ученые выводы и абстрактные рассуждения»⁴.

Милюков упоминает и о Владимире Чернавине, не называя его фамилии, как об «известном специалисте по рыбоведению». Примечательно, что в одних номерах «Последних новостей» вместе с очерками Татьяны Чернавиной публиковались «Художественные письма» Александра Бенуа и рассказы Ивана Бунина.

«Жена вредителя» и книга «Побег из ГУЛАГА» (или в переводе «Побег из Советской России») автоматически не повторяют друг друга. Первые страницы из «Жены вредителя» в «Побеге...» расположены в самом конце; глава «48» из газетного варианта в «Побеге...» отсутствует, но фрагмент из нее вошел в главу «Сожги все». Словом, текстологическая работа еще ждет своих исследователей.

В журнале «Современные записки» Татьяна Чернавина публиковалась под собственной фамилией. В 1934 г. вышли ее статьи и рецензии: «Советская молодежь», «Об условиях литературной работы в СССР», «Дневники Мариэтты Шагинян» и др. В дерзости публицистика Татьяны Чернавиной не уступала статьям Солоневича. «Не слышать, не видеть, не помнить – вот основы, на которых может держаться советский писатель»⁵, – пишет Чернавина о «Дневниках Мариэтты Шагинян». Хлесткий тон рецензии мог бы быть более сдержанным, вряд ли стоило глухотой и подслеповатостью писательницы Мариэтты Шагинян объяснять ее лояльное отношение к советской власти. Дело не только в указании на физические недостатки («Шагинян – глухая... очень близорука»⁶), но и в том, что к Шагинян

¹ Там же.

² Там же.

³ См.: Шруба М. Эмиграция не хочет видеть того, что совершается в России. Беглецы из СССР 1930-х гг. в «Современных записках» // Московский книжный журнал. morebo.ru/tema/segodnja/item/1395959385626

⁴ Милюков П. [Вст. ст.] N.N. Жена вредителя // Последние новости. Париж, 1933. № 4309. 8 янв.

⁵ Чернавина Т.В. [Рец.] Дневники Мариэтты Шагинян. 1917–1931 // Современные записки. 1934. № 55. С. 423.

⁶ Солоневич И.Л. Первые шаги по болоту / Солоневич И.Л. Четыре года. София, 1939. С. 4.

Чернавина не раз обращалась за помощью, за заказами на переводы. У читателей это вызывало улыбку, но, возможно, не вызывало одобрения.

Беглецы, которым посчастливилось достичь границы и остаться при этом в живых, испытали горькое разочарование от встречи с эмиграцией. Им бросилось в глаза, что в эмигрантской среде не было желания что-либо знать о современной ей России, сообща бороться за будущее покинутой державы, – было желание «победить друг друга».

Испытав разочарование, осознав свою ненужность в новом мире, авторы книг о побегах избрали разные пути. Офицер Юрий Бессонов, автор «Двадцати шести тюрем и побега с Соловков» стал заниматься богословием, ушел от какой-либо политической борьбы. Иван Солоневич, опубликовав несколько книг, будучи редактором газет и еженедельников «Голос России», «Наша газета», «Родина», «Наша страна», возглавил движение штабс-капитанов, популярное среди русских солдат и офицеров во всех странах проживания русской диаспоры. Искусствовед Татьяна Чернавина выступала с лекциями по изобразительному искусству в странах Европы для зарубежной аудитории, а ихтиолог Владимир Чернавин нашел работу по специальности в Лондоне.

Пережив арест, лагерь, побег, Чернавины взялись за перо. Они создали талантливые книги, описали жизнь советской интеллигенции на свободе и вне свободы, поведали о реальных судьбах людей, надеждах, разочарованиях. Чернавиным веришь. Остается только пожалеть, что в их исторической хронике не осталось места хронике семейной. И мы не можем взглянуть глазами авторов на жизнь их знаменитых родителей.

ЛИТЕРАТУРА

Tšhernavin Tatjana. Pako Neuvosto-Venäjältä / Englannin kieleksi kääntänyt Eino Palola. Helsinki., 1934. 383 s.

Милуков П. [Вст. ст.] N.N. Жена вредителя // Последние новости, Париж, 1933. № 4309. 8 янв.

Солоневич И.Л. Первые шаги по болоту / Четыре года. София, 1939. 16 р.

Солоневич И.Л. Россия в концлагере / Подгот. текста М.Б. Смолина. М.: Москва, 1999. 560 с.

Чернавин В.В., Чернавина Т.В. Записки вредителя. Побег из ГУЛАГа. СПб.: Канон. 1999. 328 с.

Чернавина Т.В. [Рец.] Muggeridge M. Winter in Moscow. Boston: Little, Brown // Современные записки. 1934. № 56. С. 442–445.

Чернавина Т.В. [Рец.] Дневники Мариэтты Шагинян. 1917–1931 // Современные записки. 1934. № 55. С. 422–426.

Шруба М. Эмиграция не хочет видеть того, что совершается в России. Беглецы из СССР 1930-х гг. в «Современных записках» // Московский книжный журнал. morebo.ru/tema/segodnja/item/1395959385626

REFERENCES

Tšhernavin Tatjana. Pako Neuvosto-Venäjältä / Englannin kieleksi kääntänyt Eino Palola. Helsinki. 1934. 383 s.

Milyukov P. [Intro. article] N.N. The Wife of a Wrecker. *Poslednie Novosti*. Paris, 1933. No 4309. 8 January.

Solonevich I.L. (1939) First Steps on the Swamp / Four Years. Sofia. 16 p.

Solonevich I.L. (1999) Russia in the Concentration Camp / Ed. M.B. Smolin. Moscow. Moskva Publ. 560 p.

Chernavin V.V, Chernavina T.V. (1999) Notes of the Wrecker. Escape from the GULAG. St.-Petersburg. Kanon Publ. 328 p.

Chernavina T.V. [Rev.] Muggeridge M. Winter in Moscow. Boston: Little, Brown. *Sovremennye Zapiski*. 1934. No 56, pp. 442–445.

Chernavina T.V. Diaries of Marietta Shaginyan. 1917–1931. *Sovremennye Zapiski*. 1934. No 55, pp. 422–426.

Shruba M. Emigration does not want to see what is happening in Russia. Fugitives from the USSR in the 1930s. in “Sovremennye Zapiski”. Moskovsky Knizhny Zhurnal. morebo.ru/tema/segodnja/item/1395959385626

Сведения об авторе:

Елена Григорьевна Сойни,
докт. филол. наук
ведущий научный сотрудник
Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра (ИЯЛИ КарНЦ),
РАН

Helena Soini,
Doctor of Philology
Leading Researcher
Institute of Linguistics, Literature and History of
Karelian Research Centre, RAS

elenasoini@gmail.com

Критика. Библиография

Critique. Bibliography

Ю.А. Азаров
(Москва, Россия)

Эпистолярное наследие Федина

Yu.A. Azarov
(Moscow, Russia)

Konstantin Fedin's Epistolary Heritage

Каждая эпоха по-новому оценивает свое прошлое. 2017 год – год 125-летия со дня рождения Константина Федина и 40-летия со дня его смерти. Писатель – один из крупнейших русских прозаиков XX в., автор романов «Города и годы», «Братья», «Похищение Европы» и многих других выдающихся произведений. В наше противоречивое время, оказавшись вне системы ценностей новых литературных напостовцев, Федин едва ли не был предан ostrakizmu. Эпоха тотальной формализации увидела в нем лишь по-советски шаблонную фигуру функционера от литературы, «классического» соцреалиста, председателя Правления Союза советских писателей, депутата Верховного совета, а также «гонителя Пастернака и Солженицына», кем он, в сущности, никогда не был.

Еще не забыта история несостоявшегося «изгнания» в Саратове памятника Федину с площади его имени, которую предполагалось украсить живописными фигурами первых саратовских воевод, подаренных городу благодарным «девелопером». По счастью, памятник удалось отстоять. Трудно не согласиться с «Литературной газетой», заявившей тогда, что нельзя топтать свое прошлое: последствия подобных действий непредсказуемы (см.: *Трубилова Е.* Кому помешал памятник Федину? // Литературная газета. 2016. № 8). Действительно, справедливо ли подобное отношение к Федину и к творческому наследию, которое им было оставлено? Не пора ли начать наконец собирать камни?

Памятники бывают не только рукотворные. Вышла в свет первая часть коллективного труда «Константин Федин и его современники. Из литературного наследия XX века», подготовленная сотрудниками Государственного музея К.А. Федина (Саратов), Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, Института мировой литературы им. А.М. Горького и Института русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук¹. В качестве ответственного редактора подготовкой руководила член-корреспондент РАН Н.В. Корниенко, составитель

¹ Константин Федин и его современники. Из литературного наследия XX века. Кн. 1 / Отв. ред. Н.В. Корниенко; сост. И.Э. Кабанова. М.: ИМЛИ РАН, 2016. 680 с.

тома – зам. директора Музея Федина И.Э. Кабанова. Таким образом, авторский коллектив, организованный ответственным редактором, объединил научные центры Москвы, Санкт-Петербурга и Саратова. Объемный том (42,5 а.л. + ил.), который в течение пяти лет создавался совместными усилиями ученых и сотрудников музея, вполне заслуживает определения «фундаментальный». В ближайшее время планируется выпуск второй книги, в которую войдет неизвестная переписка с В. Вересаевым, Б. Пастернаком, М. Слонимским, О. Форш, В. Познером, В. Полонским, И. Эренбургом и письма, полученные Фединым от А. Ремизова.

Несколько слов о музее, материалы которого составили основу труда. Коллекции его для нашей культуры бесценны. Началом собрания послужил архив Федина: здесь подлинники писем Достоевского, Тургенева, книги с дарственными надписями, рукописи писателя. Рукописный отдел музея составляет более 800 единиц хранения. Его фонды включают не только архивные документы, но и живопись, графику выдающихся художников XIX–XX вв., редкие фотографии, антикварную мебель. Эпистолярный Федина содержит письма разных корреспондентов – участников объединения «Серапионовы братья» и многих других, среди которых И. Андроников, Б. Пастернак, Р. Гуль, Е. Замятин, Б. Лавренев, Л. Леонов, В. Мейерхольд, Б. Пильняк, М. Пришвин, А. Ремизов, К. Симонов, И. Соколов-Микитов, А. Таиров, А. Твардовский, А. Толстой, К. Чуковский, М. Шагинян, В. Шишков, И. Эренбург. К нему относятся и письма зарубежных писателей: М. Андерсена-Нексе, Б. Брехта, Анны Зегерс, Р. Роллана, С. Цвейга и других. Все это, говоря без преувеличения, богатство было подарено родному городу Федина и его музею дочерью писателя Ниной Константиновной Фединой. Последним ее безвозмездным вкладом стали поступившие в 2012 г. письма Б. Пастернака, которые будут включены во второй том.

Федин со многими дружил и переписывался. Объем опубликованных материалов и заключенной в книгу полезной для исследователей русской литературы XX в. информации просто удивляет. Несомненно, она не может не вызвать живейшего интереса биографов, историков и литературоведов. Издание содержит 428 писем из собрания Музея Федина, частных коллекций, а также фондов крупнейших отечественных архивов: ИМЛИ РАН, ИРЛИ РАН, РГАЛИ, РГБ, РНБ. «Печатается впервые» – это словосочетание повторяется в книге наиболее часто. Значительная часть писем ранее не была известна, благодаря чему, говоря языком исследователей, «вводятся в научный оборот» многие новые материалы. Но в книге опубликованы не только письма, о чем свидетельствует ее название. Авторы не ограничивали себя задачей публикации эпистолярного наследия Федина, решив одновременно воссоздать широкий контекст литературной жизни 1920–1960-х гг., что им, безусловно, удалось. Взятая за основу переписка с тем или иным корреспондентом предваряется большой аналитической статьей, в которой анализируются особенности литературной и общественной жизни, сложные и подчас неоднозначные взаимоотношения в писательской среде. В целом ряде случаев по-новому раскрывается история творческих исканий и создания хорошо известных произведений, что во многом дополняет и углубляет наши представления о культуре советского периода. Как и положено серьезному академическому изданию, книга составлена с научной обстоятельностью – она включает подробный справочный аппарат, переписка с тем или иным корреспондентом сопровождается биографической справкой, примечаниями и подробным комментарием. В основе комментария лежат, как правило, архивные первоисточники, многие из которых также обнародуются впервые. Создателям труда пришлось

провести скрупулезную работу по уточнению датировки, а в целом ряде случаев и по расшифровке особенностей почерка некоторых корреспондентов. Письма, публиковавшиеся ранее, были заново сверены с автографами, тексты воспроизведены со всеми авторскими пометами и приписками. В труде имеется именной указатель, список опубликованных источников, а также цветные иллюстрации, в своем большинстве относящиеся к фондам Музея Федина. И в иллюстративной части читатель найдет для себя много нового: автографы, обложки первых изданий с дарственными надписями, рисунки, акварели, литографии, книжную графику и многое другое.

Приведем примеры. Объем каждого раздела определяется числом имеющихся в наличии документов. Раздел «Переписка К.А. Федина и Ф. Сологуба» (подготовка Т.А. Кукушкиной и Л.Ю. Коноваловой) содержит 10 документов из фондов Рукописного отдела ИРЛИ и Музея Федина, все они публикуются впервые. Другой корреспондент – А. Ахматова. Известно, что в 1920-е гг. ее и Федина связывали дружеские отношения. Раздел «Письма А.А. Ахматовой К.А. Федину» (подготовка Л.Ю. Коноваловой) включает три документа из фондов Музея Федина, они также ранее никогда не публиковались. Раздел «Письмо В.Ф. Ходасевича К.А. Федину» (подготовка Л.Ю. Коноваловой) содержит только один документ, относящийся к русскому зарубежью. В научный оборот вводится обращение Ходасевича к Федину, в котором речь идет о «Письме в редакцию» последнего. Он настоятельно просит Федина оказать содействие в публикации «Письма» в СССР – либо в критико-библиографическом журнале Госиздата «Книга и революция», либо в другом центральном периодическом органе, одновременно предполагается публикация за границей. Ходасевич выражает свое возмущение действиями издательства «Мысль», которое в 1924 г. без его ведома выпустило книгу «Поэтическое хозяйство Пушкина». С эмиграцией связан и наиболее объемный раздел – «Письма Р.Б. Гуля К.А. Федину» (подготовка Е.А. Мазановой), который представляет читателю письма, хранящиеся в Музее Федина. Некоторая их часть ранее уже была опубликована в сборнике материалов Фединских чтений, регулярно проводимых в Саратове. Роман Гуль – белый офицер, участвовавший в Первом Кубанском (Ледяном) походе Добровольческой армии. Напомним, что с 1920 г. Гуль жил в Берлине, где в качестве писателя и журналиста сотрудничал в разных эмигрантских изданиях, принимал участие в «Архиве русской революции», работал в редакции сменовеховской газеты «Накануне». До 1932 г. он состоял в дружеских отношениях с Фединым, о чем свидетельствует их переписка. Обнародованные документы, как и вступительная статья, помогают воссоздать картину культурной и литературной жизни «русского Берлина» начала и середины 1920-х гг., ставшего, по словам Ходасевича, «мачехой российских городов». Именно в тот период наиболее бурно развивались культурные связи между Советской Россией и Германией, а Федин часто публиковался на немецком языке. В разделе «Переписка К.А. Федина и Е.И. и Л.Н. Замятиных» (подготовка Л.Ю. Коноваловой) данный материал впервые собран в максимально полном объеме – предшествующие публикации имели лишь выборочный характер. Основой послужили 60 писем, относящиеся к периоду с 1923 по 1946 г. Раздел завершается тематически связанным с ним «Приложением», в котором приводятся документы, объясняющие намерение Федина выйти из Правления Всероссийского союза писателей, а также письма, в которых он заявлял о своей поддержке Замятина. В этот раздел вошло и относящееся к 1935 г. письмо Федина, последнее в их эпистолярном общении, а также письмо Федина Л.Н. Замятиной (его черновик

сохранился в саратовском музее), написанное уже после смерти ее мужа. Известно, что в качестве руководителя Союза писателей СССР Федин делал все возможное, чтобы наследие Замятина заняло достойное место в истории отечественной литературы. Переписке двух «серапионовых братьев», может быть, духовно наиболее близких друг к другу, посвящен раздел «Письма К.А. Феина Вс.В. Иванову» (подготовка Е.А. Папковой), который содержит материалы из личного архива Вс. Иванова. В нем представлены более 70 писем Феина, адресованные Вс. Иванову и Т.В. Ивановой. Писатели познакомились еще в 1921 г. и сохранили, несмотря на возникавшие время от времени разногласия, товарищеские отношения вплоть до смерти Вс. Иванова, последовавшей в 1963 г. Во вступительной статье проводятся параллели с дневниковыми записями военных и послевоенных лет, другими документами, которые включены в комментарий к переписке. Значительная часть опубликованных писем была написана в Переделкине, поэтому многие из них передают царившую здесь атмосферу, нравы советской эпохи, особенности общения в творческой среде. Переписка Феина и К.И. Чуковского (подготовка И.Ю. Иванюшиной, Е.М. Трубиловой) затрагивает многие темы и, в частности, проясняет обернувшуюся скандалом ситуацию вокруг публикации «Доктора Живаго» за границей и присуждения Б. Пастернаку Нобелевской премии: «События 1958 г. для многих участников стали линией раскола: рушились старые дружбы, навсегда разрывались отношения, не подавались руки» (вступительная статья И.Ю. Иванюшиной, стр. 579). Показательна также упомянутая во вступительной статье история публикации тома «Новое о Маяковском» из серии «Литературное наследство» (М., 1958) с письмами Маяковского к Лиле Брик. Относительно небольшая по объему «Переписка К.А. Феина и М.М. Зощенко» (подготовка Т.А. Кукушкиной) отражает характер дружбы с одним из «серапионовых братьев», которая возникла в 1920-е гг. и продолжалась вплоть до кончины Зощенко. В основе раздела 24 письма, в основном относящиеся к 1950-м гг., т. е. к последнему периоду жизни Зощенко, когда он подвергался гонениям и вынужден был защищать собственное творчество и себя как советского писателя. В эти трудные для Зощенко годы Федин неизменно его поддерживал – не только советами, но и материально, он же впоследствии многое сделал для его «реабилитации». Историю более чем полувековой эпистолярной дружбы открывает читателю подготовленная и откомментированная Е.М. Трубиловой переписка Феина и В.Г. Лидина. Опубликованные письма отражают характерные черты представителей старой русской интеллигенции: «Ибо Федин и Лидин являли собой, быть может, лучшие образцы русского интеллигента в старомодном значении этого слова» (вступительная статья, стр. 495). Книга включает также и другие не менее насыщенные информацией разделы, которые посвящены письмам В.Я. Шишкова (подготовка И.Э. Кабановой), переписке с А.К. Воронским (И.Э. Кабанова, Е.М. Трубилова), письму М.А. Кузмина (Л.Ю. Коновалова).

В заключение хотелось бы поздравить авторский коллектив, составителя и ответственного редактора с несомненным успехом. Появление первой книги «Константин Федин и его современники. Из литературного наследия XX века», подготовленной и изданной при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, можно только приветствовать. Очевидно, что подобные труды необходимы сегодня. Остается лишь сожалеть, что уникальный труд, как это часто бывает, вышел ничтожным для подобного издания тиражом, что сразу же превратило его в библиографическую редкость.

Юрий Алексеевич Азаров,
докт. филол. наук
ведущий научный сотрудник
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН

Yuri A. Azarov,
Doctor of Philology
Leading Researcher
A.M. Gorky Institute
of World Literature RAS

Сведения об авторе:

gmammoth@mail.ru

М.В. Михайлова, А.В. Назарова
(Москва, Россия)

**Игры разума, или Поглощение реальности сознанием
(Александр Потемкин. Соло Моно.
Путешествие сознания пораженца. М.: ПоРог, 2017)**

M.V. Mikhaylova, A.V. Nazarova
(Moscow, Russia)

**Games of Mind, or The Absorption of Reality by Consciousness
(Alexander Potemkin. Solo Mono.
Puteshestvie Soznania Porazhenca [Journey of the Mind of the Defeated Man].
Moscow. PoRog Publ. 2017)**

Новый роман известного, много и плодотворно работающего на литературном поприще современного писателя Александра Потемкина представляет собой нескончаемый монолог главного героя с забавными, как всегда у автора, «несогласующимися» анкетными данными: он Федор Михайлович (реверанс Достоевскому), но при этом и Махоркин, что сразу вызывает в читательском восприятии ассоциацию с чем-то незначительным и несуразным. Да, впрочем, так оно и есть: герой не обращает внимания на свою внешность, одет в лохмотья, на ногах дырявая обувь. Питается он чем бог послал.

Роман озаглавлен «Соло Моно» (реплика в сторону мудрейшего Соломона). И это-то и есть та идея – создание существа, которое будет обладать совершенными физическими данными и повышенным интеллектом, но будет лишено обременяющей чувственности, отвлекающей от решения научных и духовных сверхзадач, недоступных нынешним людям, – которая родилась в воспаленном сознании главного героя. Она и возвышает, и отличает Махоркина от всех земных обитателей, несколько презрительно именуемых им сивомасковцами, поскольку местом его проживания является забытый Богом и людьми крохотный городок рядом с Мурманском – Сивая Маска, ведь главная их особенность (впрочем, как и всего человечества) состоит в том, что они в угоду потреблению и чувственности принесли в жертву самое ценное, чем, по его убеждению, обладает человек, – интеллект.

Роман представляет собой виртуозно выполненную автором постмодернистскую игру. Он открывается двумя обращениями: первое, авторское, – к читателям. В нем предлагается отныне измерять интеллект не распространенным способом вычисления IQ, а вкладом человека в мировую цивилизацию, основанным на из-

мерении НИС («эйч-ай-си»), или higher intelligence consciousness, т. е. высшее выражение сознания (приводится список выдающихся личностей, в том числе и Сальвадора Дали, имя которого будет неоднократно всплывать в романе, чей показатель соответствовал 200 «эйч-ай-си»). Собственно, такое предварение необходимо, чтобы понять, что вызвало к жизни идею Махоркина о создании сверхчеловека, объединяющего биоматериал и высший разум, который будет превосходить всех сивомасковцев. Второе обращение – уже от издателей, которые «льстят» тем читателям, кто все же сумеет овладеть проблематикой данной книги, для чего надо обладать НИС не меньше 100 (кто же признается в обратном?). Завершается роман благодарностью создателя произведения за прочтение и уверенностью, что прочитавший оное повысил свой интеллект во много раз.

Подобная литературная игра сразу заставляет вспомнить о летописце и издателе «Истории одного города», о публикаторе «Капитанской дочки» и многих других подобных мистификациях. Кстати, имена классиков не раз будут всплывать и в нашей рецензии, поскольку весь монолог Махоркина замешан на аллюзиях и отсылках к известным текстам, что еще раз подтверждает мысль о последовательном движении автора по постмодернистской стезе, где интертекст несет колоссальную нагрузку. В статье о творчестве А.П. Потемкина (опубл.: Простор. 2014. № 2) мы с соавтором, Н.Н. Мельниковой, выражали сомнение относительно укорененности писателя в «постмодернистском дискурсе», и мы высказали предположение, что он может покинуть это «поле» как не отвечающее уже его творческому потенциалу. Однако оказалось, что рецензенты ошиблись – и писатель не только не расстался с постмодернизмом, но, отказавшись от авантюрно-приключенческих коллизий, от сложной сюжетики, от многогеройности, приблизился к некоему мыслительному аскетизму, целиком погрузив читателя внутрь монады человеческого сознания. Но при этом осталось свойственное Потемкину обильное насыщение своих текстов отсылками к классике отечественной и зарубежной литературы и философии.

Однако постоянное обыгрывание, оборачивающееся подчас открытым пародийным переименованием широко известных читателю образов и мотивов, является отнюдь не игрой ради игры. Оно призвано привлечь внимание читателя и тем самым донести до него глубокую и оригинальную авторскую концепцию современного бытия. Выбор же в качестве главного героя носителя «воспаленного» сознания в этой связи понятен и логически обоснован. Взгляд погруженного в себя, являющегося «вещью в себе» Махоркина становится своеобразным инструментом ostraneniya. Попадающие в поле его зрения привычные предметы и нормы поведения предстают с неожиданной стороны, что позволяет Потемкину заострить и гиперболизировать те стороны жизни, которые приковывают его наибольшее внимание или вызывают отторжение. А «хождение» Махоркина с севера на юг в Астрахань к заинтересовавшемуся его проектом создания Соло Моно бизнесмену Пенталкину, способному оплатить лабораторию, исследования и другие расходы (чем-то напоминающее поездку Чичикова по России и встречи его с «мертвыми душами»), дает возможность автору соединить различные сюжетные повороты, темы и авторские размышления о состоянии современного ему общества. Так проявляется этологический аспект романа (портрет общества в негероический момент его развития).

С целью акцентировать именно «внутреннюю» составляющую сюжета, автор обращается к творчеству Дали (жаль только, что в какой-то момент Махоркин и его причисляет к сивомасковцам!). Роман можно считать даже в какой-то мере

путеводителем по музею Сальвадора Дали в Фигерасе или альбому с репродукциями его картин. Имя художника всплывает на протяжении повествования около 20 раз. И в каждом случае это указание на некую новую его картину, которая должна подтвердить или обосновать оригинальность возникающих в воображении героя образов. Причем Потемкин не злоупотребляет тем, что в современном литературоведении принято называть экфрасисом, т. е. описанием художественного творения, а только произносит название и пунктирно дает ориентиры, чтобы читатель домыслил или в крайнем случае открыл справочник и соотнес видения Махоркина с сюрреалистической практикой Дали. Стоит здесь привести названия некоторых из картин, чтобы стала ясна причудливая вязь повествования, которую на этот раз автор сделал ведущей при создании романа. Это и «Аптекарь из Фигераса, не ищущий абсолютно ничего», и «Геополитическое дитя, наблюдающее за рождением нового человека», и «Молодая девственница, развращаемая рогами собственного целомудрия», и «Постоянство памяти», и «Антропоморфный шкафчик», и «Критически-параноидальное одиночество», и «Нос Наполеона, превратившийся в беременную женщину, которая меланхолично прогуливает свою тень среди руин», и «Мадонна Рафаэля при максимальной скорости». Список можно увеличить. Но каждый мало-мальски осведомленный о наследии Дали человек сразу поймет, сколь неслучайно обращение именно к этим картинам. Ведь именно сопоставление с образами Дали говорит о воцаряющемся или уже воцарившемся на земле хаосе, уничтожающем и красоту, и человека, о всеобщем абсурде, который становится руководящим в поведении людей...

Творчество Дали, конечно же, напрямую соотносится с главной темой романа. Погружение в лабиринты собственного сознания, проникновение в сущность своего «Я» является главной движущей силой, побуждающей Махоркина к действию, что в свою очередь опять-таки отсылает к Достоевскому и обнаруженной великим русским писателем психологии «подпольного» человека. О генезисе героя можно рассуждать долго: его можно причислить к типу «книжного», «теоретизирующего» человека, широко распространенному в русской литературе, чьи попытки подчинить «живую жизнь» сухой рациональной схеме неизбежно оборачивалась поражением последней. Не будет преувеличением назвать его и «лишним» человеком, настолько он отчужден ото всех и отчаянно ищет применения своим способностям. Он, несомненно, мог бы признаться, как Печорин: «...было мне назначение высокое, потому что я чувствую в душе моей силы необъятные...».

Напомним, правда, что Махоркин усиленно настаивает на верховенстве своего сознания, отвергая подсознательные слои, однако его своеобразная сосредоточенность и постоянное подчеркивание незаинтересованности сексуальной сферой как раз и доказывает значимость для него последней. Укажем, к слову, на его поразительную осведомленность в перверсиях: он как-то невзначай упомянул об аксиллизме. Признаемся, нам пришлось заглянуть в словарь, чтобы понять, о чем идет речь, – а Махоркин в курсе! Но тут память услужливо подсказала знаменитую сцену с женскими подмышками в фильме «Андалузский пес», в создании которого прямое участие принимал Сальвадор Дали, о чем не мог не знать Махоркин, он, вероятнее всего, и фильм-то видел не раз...

Но понятно, почему все связанное с Фрейдом (имя ученого ни разу не произносится!) и сексуальными влечениями им отвергается, ведь он намерен создать свое детище хотя и из биоматериала, но лишенного либидо, ибо он убежден, что разнузданная чувственность загнала человечество в тупик. «Я никогда не хотел

и не мог понимать, как безответные половые чувства могут подавлять сограждан больше, чем незавершенная научная идея – такая питательная среда для мозга, – или нереализованный проект, даже не грандиозный. Мне представлялось это состояние грубейшей мутационной ошибкой. Эротические чувства – мерзкие гнезда в теневой стороне сознания, обильно порождающие льстецов, спесивых завистников, стяжателей, ревнивцев, они являются биоплощадкой возмужания других пороков, описанных во многих библейских книгах», – заявляет Махоркин.

Мысль о несовершенстве человеческой природы и необходимости ее коренного преобразования уже звучала в других романах писателя. Так, один из персонажей книги «Кабала», профессор с говорящей фамилией Кошмаров (существующий лишь в сознании центрального персонажа Петра Парфенчикова и появляющийся в моменты его наркотического бреда), разработал план коренного обновления и улучшения природы русского человека, предлагая добавить в его кровь в определенном процентном соотношении немецкой, китайской, грузинской и еврейской «генетической закваски», которая поможет «пробудить у русских любовь и уважение к собственной стране, к своему народу». Эта идея не чужда и Махоркину, и он высказывает ее в одной из своих статей, рассылаемых в ведущие мировые СМИ. Однако его нацпроект, а главное – сведения, на которых он основывается, не безукоризненны с фактической точки зрения (например, не соответствуют действительности представления Махоркина о национальной политике в царской России: так, грузинские фамилии записывались в документах, иначе откуда бы мы знали о Джугашвили; украинский и белорусский языки отнюдь не выдумка лингвистов советского времени, на них писали Тарас Шевченко, Якуб Колас и Янка Купала). Вероятно, поэтому ни одна из его статей так и не опубликована, хотя Махоркин предвидит это и ничуть не удивляется отсутствию реакции мирового сообщества, считая это очередным доказательством вырождения сивомасковской породы, неспособной оценить его великие идеи.

Думается, однако, что эти и другие ошибки, противоречивые суждения (например, утверждение, что он не видит красоты окружающего мира, опровергается тем, что он почти всегда фиксирует лучи заходящего солнца на верхушках деревьев, их окрашенность, – и не только для того, чтобы узнать время; любитесь Волгой) допущены автором сознательно, чтобы показать обрывочность и бессистемность знаний Махоркина (воспитанный бабушкой, он с детства много читал, регулярно посещал местные библиотечные собрания, но о его образовании ничего не известно), высмеять его самомнение и бесплодное теоретизирование, что, кстати, и подрывает доверие к нему бизнесмена Пенталкина, которому предлагается честь спонсировать дорогостоящее предприятие по созданию Соло Моно. Ведь занесшийся в своих мечтаниях необыкновенно высоко Махоркин не может обеспечить не только материальную составляющую проекта, но даже обосновать, почему требуется именно 5 миллионов долларов на всё про всё. Махоркин неоднократно подчеркивает, что с экономикой у него отношения не сложились. При этом он решительно отказывается от предложения Пенталкина включиться в работу над прибором под названием «Вижин» и таким образом заработать необходимые деньги (причем Пенталкин даже гарантирует зарплату в 3000 долларов ежемесячно, квартиру и машину) и напоминает ему про экспедицию Колумба, которую якобы совершенно безвозмездно поддержала испанская королева, поверившая малоизвестному фанатику. Этим сравнением Махоркин пытается внушить Пенталкину мысль о создании Соло Моно как о своеобразном подвиге самопо-

жертвования, который не поддается денежной оценке, и тем самым призывает его обессмертить и свое имя. Но хотя бизнесмен признает, что именно от таких «психов», как Махоркин, исходит огромная часть цивилизационных рывков (что соответствует действительности, ведь среди новаторов могут быть и подлинные гении, а не зарвавшиеся прожектеры!), он, не видя инвестиционных перспектив, отказывается от участия в проекте. Этот несостоявшийся союз свидетельствует о катастрофическом состоянии современной российской науки, которую бросили на произвол судьбы, заставляя ученых самостоятельно искать средства для проведения исследований (намек на гранты и совместные проекты). Фраза из «Мертвых душ», обращенная к капитану Копейкину, «Ищите средств помочь себе сами» сегодня торжествует... Но тут обыгрывается намеченный в самом начале важнейший сквозной мотив романа – столкновение ума и глупости, отсылающий нас к «Похвале глупости» Эразма Роттердамского, к «Кораблю дураков» Себастьяна Бранта.

Здесь необходимо указать на мастерски выполненный портрет сегодняшнего *Хозяина жизни* (до этого Махоркину встретился лишь весьма жалкий Хозяин тайги): это мужчина лет сорока, «облаченный в шелковый расписной халат со стоячим воротником», сидящий «в старинном кресле, обитом бархатом», и даже расположенный у его ног пуфик – бархатный. Он немногословен, высказывается только по делу, у него отсутствующий взор, он тыкает пришедшему Махоркину, и картина Дали (NB!) не производит на него никакого впечатления. Он – с его массивной фигурой, огромным животом, широко расставляемыми при ходьбе ногами и брезгливой миной на лице – чем-то неуловимо напоминает Квашнина из купринского «Молоха». Видно, в русских капиталистах более чем за 100 лет ничего не изменилось! Под стать Пенталкину и его верные церберы, грубые, бесцеремонные, презирующие всех и вся... Но при этом проживает он на улице Советской, что ярко характеризует особенность произрастания российского капитала на фундаменте пороков прошлого! Куприн как писатель, с невероятной тонкостью воспроизводивший в своих произведениях гамму запахов, всплывет в памяти еще раз, когда будет автором явлен поразительный ольфакторный пример: «едва уловимый душок, так пахнет ушная сера, если принюхаться».

Потерпевший поражение в «сражении» с бизнесменом Махоркин задается вопросом: «А что если я сам – первая версия Соло Моно, трансграничного существа, способного существовать во всех сферах?» Надо, справедливости ради, сказать, что нечто подобное уже возникало в его воспаленном мозгу и раньше. По крайней мере все чаще он, начиная раздумывать о Соло Моно, называет его своим приемным сыном. Следовательно, он ставит себя на место его родителя. Так вырисовывается религиозно-мифологическая подоплека происходящего. Подспудно, придумав Соло Моно, Махоркин надеется разрешить сотерианскую проблему – проблему спасения человечества. Иными словами, пришествие в мир Соло Моно – это пришествие Спасителя (а сам Махоркин начинает претендовать на роль Бога-Отца!). И ему даже удастся реализовать свои притязания по принципу «Мне отмщение, и Аз воздам». Обнаружив в тайге тело человека с проломленной головой, рядом с которым он находит бумажник с документами на имя некоего Геннадия Алексеевича Шляпкина, Махоркин решает найти последнего и выяснить у него подробности происшествия. Причину этого столь неожиданного для себя желания он сначала видит в любопытстве, чувстве, к его великому сожалению, еще роднящем его с сивомасковцами. Однако в действительности Махоркин

стремится вынудить убийцу публично сознаться в содеянном преступлении. При этом он не испытывает какой-либо личной неприязни к Шляпкину, хотя тот угрожает ему расправой, слава и общественная благодарность также несколько не интересуют героя. Вот почему, добившись от Шляпкина признания, он предоставляет решать его судьбу другим. Все внимание героя приковано к разыгрываемому им спектаклю, в котором можно увидеть проявление карнавального начала, когда нищий безумец исполняет роль Судии. Но в то же время этот эпизод можно толковать и как своеобразный имморализм Махоркина, которому чужды представления о добре и зле, и в целом этическая проблематика не очень волнует. Попреследовав и вдоволь поиздевавшись над человеком, он покидает место действия, совсем не интересуясь последствиями своих поступков. Этот эпизод, думается, отражает авторское отношение к современной российской судебно-правовой системе, полностью утратившей способность выполнять свои функции, из-за чего борющийся за восстановление справедливости человек в глазах общества выглядит помешанным, а результат судейства вообще непредсказуем.

Но, возвращаясь к мысли о мифо-религиозной составляющей романа, можно утверждать, что парадокс несостоявшейся сделки с Пенталкиным состоит именно в том, что современному миру не нужен Бог, Спаситель. Человечество отказывается от этой идеи, предпочитая легкую и комфортную жизнь. Вот почему беззаветно преданный спасительной идее человек всегда будет непонятен и чужд «дейтельному миру». Так роман приобретает многоступенчатость и многослойность, становится разросшимся доказательством формулы Ницше «Бог умер». И тут в подтексте может быть услышана циничная добавка от автора: «И хорошо!» И то, что Махоркин в финале, приняв изрядную дозу «Пенталгина» и выпив настойку «Боярышника», отправляется в «иное измерение», говорит, что человечество не желает даже слышать ни о каких рецептах спасения, которые герой романа с определенной долей трезвости излагает в своих публицистических обращениях.

На включенности Махоркина в реальный мир стоит остановиться подробнее. Вопреки утверждениям героя, что окружающая действительность ему неинтересна, он не расстается с планшетом и ежевечерне читает сводку новостей. Так в его сознание проникают острейшие социально-политические темы. Узнав о трагических событиях в Кельне, Париже, Ницце, Мюнхене и других европейских городах (фиксация еще не остывших новостей делает этот роман Потемкина предельно злободневным!), он решает написать статьи, в которых поднимает наиболее значимые проблемы – беженцев, религиозного экстремизма и т. п. Здесь, кстати, вырисовывается любопытная шаткость конструкции Махоркина: отвергая религиозное сознание как заведшее человечество в тупик, как подчинившее раскуску людей одиозной догматике, он, тем не менее, апеллирует к религиозным организациям, упрекая их в том, что они не утешают и не помогают беженцам (и в этом он прав, так как голос церкви совсем не слышен в связи с потоками пересекающих границы людей). Зато очень важна оказывается его риторика, связанная с необходимостью прекратить гонку вооружений, отказаться от философии навязывания войны. Здесь он затронул крайне «болеву точку» современности – постепенное скатывание человечества на грань Третьей мировой войны, бесконечное бряцание оружием. Статьи Махоркина (кстати, воспроизводимые в тексте романа в переводах на английский, французский, китайский и другие языки) придают дополнительную окраску всему повествованию, воплощая оригинальный синтез художественного и публицистического начал, создают иллюзию включенности в

глобальное коммуникативное пространство. Они служат, кстати, и своеобразной ретардацией повествования, замедляя его, отдаляя развязку, но при этом и приковывая внимание читателя к своеобразным «пикам» актуальности. К такому же приему можно отнести постоянно возникающее в воображении героя описание чисто технических элементов при создании Соло Моно. Это, к примеру, нано-пинцет, которым будут захватываться атомы, необходимые для создания молекул, входящих в состав биомассы Соло Моно. Такие вставки поначалу кажутся тавтологичными, утомительными, и только потом начинаешь понимать, что это своеобразные «лакуны», дающие передышку читателю и одновременно показывающие «вязкость» мышления Махоркина, его «заикленность» на одних и тех же вещах; все эти признаки точно соответствуют данным психиатрической науки: «вязкость» в психиатрии – расстройство психической деятельности (аффектов, речи, мышления), выражающееся в ее замедленности, недостаточной переключаемости и гибкости).

Другим играющим существенную роль в ткани романа началом становится визуальное изображение. Любопытно, что Потемкин прибег на этот раз к визуализации наноидей Махоркина и сопровождал свое повествование рисунками, на которых во всей красочности изображен процесс захвата и переноса атомов (выглядит это по-детски беспомощно и наивно!), что явно отсылает искушенного читателя к новаторским исканиям футуристов в деле создания книг, которые использовали любой подручный материал и рисовали картинки к собственным книгам.

Двойственное изображение героя и акцент на его пограничном психическом состоянии, причудливая и фантазмагоричная обстановка: полусказочный вымороженный фон (чего стоят его приготовления ко сну, когда он «нарвал сочных листьев брусники, чтобы подложить их под голову», «линником (?! – *М.М., А.Н.*) устлал спальное место», а «густые ветки рябины послужили» ему покрывалом), фантазийная география путешествия Махоркина (он бесконечно долго движется по тайге (?), а потом и лесостепи, проходя пункты Зимарово, Косья, Озерный, Изьяю, Каджером, Чикшино, Пушной, Медвежьегорск, Девятины, Неверовское, Иван-Житово, затем оказывается в Астрахани, где чувствует легкий ветерок с моря (!); совмещение высоких философских вопросов и самой низкой неприкрашенной действительности, сочетающиеся с острой злободневной публицистичностью, позволяют отнести роман Александра Потемкина к жанру мениппеи. Он продолжает традицию использования литературы как орудия выявления и осмеяния человеческих пороков. И хотя его «смех» трудно назвать высоким и «очищающим», тем не менее в наличии четкой этической позиции художника (в отличие от созданного им персонажа) сомневаться не приходится. Потемкин сталкивает своего героя с разнообразными примерами человеческой девиантности, будь то участники оргии, потерявшие человеческий облик пьяницы, вообразивший себя хозяином тайги безумец или историк, каждый день разыгрывающий исторический спектакль. Своеобразной вершиной утраты интеллекта становится представительница клуба «Индивидуалис», которая стремится отринуть все достижения цивилизации и слиться с природой, т. е. вернуться в животное, доразумное состояние, что, при всем внешнем сходстве высказываемых девицей идей, разительно отлично от модели жизненного поведения, исповедуемой Махоркиным. С помощью тотальной иронии Александр Потемкин «защищает» важные для него идеи, которым грозит обесценивание в современном обществе потребления, показывая

их непреходящее значение. И если сейчас основная масса населения не задумывается над ними, это не значит, что они утратили свою актуальность.

В новом романе Александра Потемкина нет любовной истории или лихо закрученной детективной интриги. Однако их отсутствие компенсируется путешествием «по граням внутреннего мира параноидального мыслителя». И это путешествие оказывается куда более увлекательным, чем те многочисленные и банальные перипетии, в которых оказываются герои традиционной мелодрамы или криминальной истории.

Итак, оснащенный интеллектом автора корабль повествования плывет дальше (по постмодернистским законам делаем отсылку к знаменитому фильму Ф. Феллини «А корабль плывет...»). Но все же закрадываются опасения, не сядет ли он в скором времени на мель? Не свидетельствует ли точное следование в повествовании законам постмодернизма об их обветшалости? Эвклидова геометрия в свое время была справедливо «потеснена» геометрией Лобачевского, а в данном случае вновь хочется, чтобы параллельные линии оставались параллельными, а «игры разума» не завершались безумием.

Сведения об авторах:

Мария Викторовна Михайлова,
докт. филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Maria V. Mikhaylova,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
mary1701@mail.ru

Анастасия Викторовна Назарова,
канд. филол. наук
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Anastasia V. Nazarova,
PhD
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
raznastas@gmail.com

*Л.А. Трахтенберг
(Москва, Россия)*

**Пауткин А.А. Горизонты прочтения:
Историко-филологические заметки и
размышления.
М.; СПб.: Нестор-История, 2017. 328 с.**

*L.A. Trakhtenberg
(Moscow, Russia)*

**Pautkin A.A. Horizons of a Reading:
Historical-Philological Notes and Reflections.
Moscow; St.-Petersburg: Nestor-Istoria, 2017. 328 p.**

Новая книга А.А. Пауткина объединяет статьи, посвященные русской литературе и культуре на всем протяжении их истории – от XI до XXI в, от «Повести временных лет» до современного романа. В книге четыре раздела, соответствующих четырем концептуальным полям: это книжность Древней Руси, древнерусские традиции в словесности Нового времени, международные культурные связи и взаимодействие литературы с изобразительным искусством.

Первый раздел – «Книжность и культура Древней Руси» – разворачивает перед читателем широкую панораму русской средневековой словесности. В нем рассмотрены ее важнейшие жанры: летопись, житие, хождение; особое внимание уделено уникальному памятнику древнерусской культуры – «Слову о полку Игореве». Статьи раздела раскрывают разные грани мастерства древнерусских книжников: героизику батальных сцен и документальную достоверность дипломатических посланий, детализацию архитектурного экфрасиса и статуарность летописного портрета, драматическую напряженность повести о преступлениях князей и высокую патетику покаянного слова. В разделе освещены ключевые проблемы медиевистики: природа жанров древнерусской литературы и их взаимодействие, региональные тенденции в книжности Древней Руси, магистральные направления ее развития в ситуации исторического выбора.

Открывает раздел статья «Батальные описания «Повести временных лет» (своеобразие и разновидности)». Анализ топики летописных известий о сражениях позволяет реконструировать исторический путь древнерусской воинской повести как жанра. В «Повести временных лет», как показано в статье, отразилось несколько этапов ее становления: от краткой статьи – хроникальной заметки через более подробный рассказ, уже с чертами художественности, к воинской повести в собственном смысле слова.

Предметом подробного рассмотрения в следующей статье становится «Повесть об ослеплении Василька Теребовльского». Исследование средств передачи прямой речи (объем которой, около 45% всего текста, показательным образом корреспондирует с изобразительным рядом Радзивилловской летописи, где половина миниатюр, посвященных тому же сюжету, – это сцены бесед), пространственных и временных координат повести становится основой для выводов о ее авторстве. В летописной статье 6605 года вскрываются три слоя. Первый, самый глубокий, предположительно принадлежит Василию, который едва ли был, как нередко утверждалось, духовным лицом: против этой гипотезы свидетельствуют сохранившиеся в тексте следы языческих обычаев славян и эпической традиции половцев. Второй пласт – труд Сильвестра, работавшего над «Повестью временных лет» и использовавшего написанную Василием повесть. Наконец, третий – похвала Владимиру Мономаху, видимо, вписанная позднее.

В статье «Древнерусские посольские речи и повествовательная манера летописца» описывается дипломатическая практика русских князей и исследуется система средств, используемых в летописях для ее фиксации. В ней находят место как устные формы коммуникации, когда речь одного князя рассказывал другому посланник, так и письменные – обмен грамотами. И в том, и в другом случае летопись играла роль дипломатического архива, служа свидетельством не только о результате, но и о ходе переговоров.

В статье «Игумен Даниил и его невольные “соавторы”» реконструируется история создания «Хождения» Даниила – древнейшего памятника русской паломнической литературы. Упоминания современников игумена в сопоставлении с другими источниками, а также характер описаний позволяют представить круг общения Даниила и показать, как отразились в тексте наблюдения и оценки его собеседников. Например, специфические меры длины («яко может сострѣлити добр стрелец») выдают в одном из них мирянина, знакомого с военным делом.

Статья «“Столпы красни несказанни”. О некоторых особенностях древнерусских архитектурных описаний» обращена к изучению древнерусской визуальной культуры. На примере описаний непривычных человеку Древней Руси сооружений – колонн и статуй – в ней раскрыта литературная оптика средневековых хождений, где авторы стремились передать свой опыт приобщения к чуждому искусству на знакомом культурном языке. Среди приемов – топосы и предметные детали, метонимия и сравнение, в том числе с монументами, известными лишь по литературным описаниям. Так, Афанасий Никитин сравнивает увиденную в Индии статую Шивы с константинопольским памятником императору Юстиниану, неоднократно описанным русскими паломниками, ориентируясь, скорее всего, на «Хождение Стефана Новгородца».

Следующая статья посвящена реконструкции одного из «темных мест» «Слова о полку Игореве». В фрагменте – «Съ тояже Каялы Святоплѣкъ повелѣя отца своего между Угорьскими иноходьцы ко Святѣй Софіи къ Кіеву» – настораживает упоминание «венгерских иноходцев». В описываемое время этих коней на Руси не знали, да и слово «иноходец» в памятниках той эпохи не зафиксировано. А.А. Пautкин предполагает, что это место было испорчено, и предлагает конъектуру: не «между Угорьскими иноходьцы», а «между Угорьским и инокъ ходомъ ци». Урочище Угорское – это лесной массив между Киевом и Берестовым; когда-то здесь прошли венгры («Угри»), отчего и место получило такое название. При подобной интерпретации этот фрагмент читается как указание на место между Угорским

урочищем и дорогой в Киев, по которой шли в Софийский собор монахи-пилигримы («инокъ ходомъ»). Там в 1096 г. великий князь Святополк Изяславич похоронил половецкого хана Тугоркана – своего тестя, погибшего в битве на реке Трубеж (чтение «тьстя» вместо «отца» предложено еще в первой половине XIX в. П.Г. Бутковым и поддержано многими исследователями). Воспоминание о Святополке в «Слове о полку Игореве» не случайно: он первым среди русских князей женился на половчанке; последним ко времени автора «Слова» стал Владимир Игоревич, взявший в жены дочь Кончака.

К образу главного героя «Слова» князя Игоря Святославича обращена и еще одна статья сборника, посвященная покаянной речи князя в Киевской летописи. Это памятник расцвета древнерусского ораторского искусства, богатый риторическими приемами, среди которых антитеза, повтор, риторический вопрос, анафора. Памятник ставит перед исследователем немало вопросов: например, почему так подробно говорится в нем о бедствиях жителей Переяславского княжества и почему Игорь Святославич так гиперболически сурово осужден, если, как предполагали многие ученые, слово восходит к его княжеской летописи? А.А. Пауткин приходит к выводу о том, что речь от имени князя Игоря, написанная, конечно, не им самим, но риторически образованным книжником, была введена в летописную повесть 1185 г. в Выдубицком монастыре, а создавалась она с опорой на какой-то переяславский источник.

В статье «Волинский летописец XIII в. и агиографическая традиция. Опыт реконструкции» рассматривается летописный рассказ о волинском князе Владимире Васильковиче. Рассказ следует житийной модели. В некоторых случаях можно установить определенный источник мотивов: так, портрет Владимира Васильковича восходит к описанию внешности князя Бориса в «Сказании о Борисе и Глебе». Наделенный чертами жития, рассказ Волинской летописи был создан, чтобы подготовить канонизацию князя.

Завершают раздел три статьи, посвященные общим проблемам изучения древнерусской литературы и культуры. В статье «Древнерусские святые князья. Агиологический тип как культурно-историческая система», продолжающей исследование вопроса о княжеской святости, эта проблема рассматривается как в аксиологическом, так и в историко-политическом плане. Святой князь почитается часто прежде всего не за подвиги, а за смирение и страдания, объединяющие его с простым человеком, что делает его образ более близким и понятным. Вместе с тем в истории канонизации прослеживаются и политические мотивы: большинство почитаемых князей – Мономаховичи, предки московских правителей.

Статья «Специфика средневековой книжной культуры и “литературная карта” Древней Руси» ставит вопрос о географическом принципе изучения древнерусской книжности. Многие памятники, такие как «Повесть о новгородском белом клобуке» или «История о великом князе Московском» Андрея Курбского, не могут быть правильно поняты вне территориального контекста их создания. Обращение к географическому принципу систематизации литературного материала составляет перспективную альтернативу хронологическому подходу, который в силу специфики древнерусской литературы объясняет в ней далеко не все.

Нереализованным эволюционным возможностям литературы посвящена статья «Древнерусская книжность: историко-литературные альтернативы». Светская биография в юго-западнорусском летописании и автобиографизм «Поучения» Владимира Мономаха, слияние традиций высокой книжности и низовой словесности в

«Молении» Даниила Заточника и романый элемент в Киево-Печерском патерике, профессионализация литературного труда в деятельности Пахомия Серба и своеобразный взгляд на русскую жизнь из-за границ Московского государства в произведениях Андрея Курбского и Григория Котошихина – все это потенциалы литературного развития, лишь намеченные и не реализованные вполне, но все же давшие уникальные и оттого тем более ценные для нас памятники древнерусской культуры.

Второй раздел книги, «Аспекты преемственности», намечает перспективы особого направления в литературоведении, находящегося на стыке истории древней и новой словесности, – медиевистического источниковедения новой русской литературы. Здесь показано, как семивековая традиция древнерусской книжности отражается в русской литературе трех столетий – XIX, XX и XXI.

Первые две статьи раздела объединяет тема Отечественной войны 1812 г. В одной из них установлен источник «Исторических записок» участника войны капитана Г.П. Мешетича. Картинам войны Мешетич придает подлинно эпический масштаб. Как показывает А.А. Пауткин, этот художественный эффект ему позволяет создать опору на памятник древнерусской книжности – «Сказание о Мамаевом побоище». Благодаря «Сказанию» Мешетич воспринимает традицию древнерусской батальной топики.

Таинственным обстоятельством, окружающим утрату единственной рукописи «Слова о полку Игореве», посвящена следующая статья – ««Потерянный рай библиофила», или Загадки дома на Разгуляе». Книжное собрание А.И. Мусина-Пушкина, хранившееся в его московском доме, сгорело, когда город занимала армия Наполеона; сгорела и рукопись «Слова». Собранные в статье свидетельства о событиях 1812 г. воссоздают зримую картину событий, окружавших дом Мусина-Пушкина, погружая читателя в атмосферу истории.

Еще один сюжет книги разворачивается вокруг повести Н.С. Лескова «На краю света». В посвященной ей статье раскрывается как ретроспектива в историю Древней Руси, так и перспектива в русскую литературу XX в. Среди источников Лескова летописные рассказы об Андрее Боголюбском и Владимирке Галицком, молитвы Кирилла Туровского, «Вопрошание Кириково», «Житие Стефана Пермского». Памятники, к которым обращается Лесков, представляют все основные центры культуры Руси в XII столетии: Киев, Новгород, Галич, Владимир. В свою очередь, повесть Лескова становится предметом переосмысления в романе С.Н. Маркова «Юконский ворон», созданном уже в 1940-е гг.

Богатство древнерусских мотивов обнаруживает творчество А.Н. Толстого, рассмотренное в следующей статье. Толстого привлекают эпоха Смуты, образы Ивана Грозного и Петра Великого. Его познания в древнерусской книжности обширны: Толстому, видимо, знакомы «Слово о полку Игореве» и «Моление» Даниила Заточника, переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским, послания Ивана Грозного Василию Грязному, сочинения Ивана Пересветова, протопопа Аввакума, инок Евфросина; повлиял на него, по его собственному признанию, язык древнерусских документов. А.Н. Толстой совмещает в одном лице писателя и ученого-медиевиста. В его творчестве глубокое знание средневековых памятников не только становится основой для художественного воссоздания прошлого, но и обогащает видение современности: по словам Толстого, его газетные статьи военных лет «писаны языком XVII в.».

Раздел заключает статья, посвященная творчеству двух исторических романистов, XX и XXI столетий, – Ан. Ладинского и Н. Иртениной. Оба они обращаются к одному периоду в истории Руси – к XI–XIII вв. и, соответственно, к одному и тому

же кругу источников. Однако их творческая манера различна. Если Ладинский, внимательно изучая древнерусские памятники, стремится к исторической точности, то Иртенина восполняет фантазией недостаток засвидетельствованных ими фактов.

Третий раздел сборника, «Творческие сближения», посвящен сравнительному литературоведению и, шире, истории международных культурных взаимодействий. В центре внимания литература XVIII–XIX вв.: русская, немецкая, польская. Русская литература в статьях раздела рассмотрена и как реципиент, и как источник, оказавший влияние на зарубежную словесность.

Сюжет очерка «Последний “философский камень” усадьбы Савинское (И.В. Лопухин и Квирин Кульман)» завязывается вокруг памятной плиты с именем Квирина Кульмана, которую И.В. Лопухин, известный масон, установил в парке своей усадьбы. Парк, разбитый по канонам ландшафтного искусства XVIII в., был наполнен памятными знаками, посвященными мыслителям разных стран и эпох. Памятник Кульману, единственный из всех, дошел до нас. Квирин Кульман – немецкий мистик XVII в., последователь Якоба Беме. В 1689 г. он прибыл в Москву, где был обвинен в ереси и казнен. В глазах Лопухина он, очевидно, был одним из идейных предшественников масонства. Вероятно, в год столетия со дня гибели Кульмана Лопухин решил почтить его память установкой мемориального знака.

Статья «Кенигсберг А.Т. Болотова. Оптика самопознания» продолжает начатую в книге ранее тему визуальной культуры уже на новоевропейском материале. Ее название предлагает читателю загадку. С одной стороны, оптика – это реальный зрительный прибор, перспективный ящик, которым пользовался Болотов сначала для того, чтобы демонстрировать приобретенные им эстампы – копии картин, а затем, усовершенствовав его, и для того, чтобы срисовывать виды Кенигсберга. С другой стороны, это метафора художественного видения, обогащенного культурным опытом эпохи Просвещения.

Статья «По следам Бюргеровой Леноры. Пространство и время в балладах о мертвом женихе» воссоздает исторический контекст знаменитой баллады Г.-А. Бюргера и русских версий сюжета – «Людмилы», «Светланы» и «Леноры» В.А. Жуковского, «Ольги» и «Наташи» П.А. Катенина. Современному читателю реалии большинства этих текстов незнакомы. Между тем если Жуковский в «Людмиле» переносит действие в подчеркнуто условные время и пространство, в которых, однако же, можно опознать вторую половину XVI в. и русско-ливонское пограничье, то баллада Бюргера исторически определена и точна: фантастические события сюжета приурочены к сражению под Прагой в начале Семилетней войны, состоявшемуся всего за полтора десятилетия до момента создания текста. Точность как принцип сохраняет и Катенин, прикрепляя сюжет к важнейшим событиям русской истории – Полтавской битве в «Ольге» и Бородинскому сражению в «Наташе». Жуковский же устраняет некоторые исторические реалии даже в позднем переводе «Леноры», хотя он и считается точным.

В статье «Пирующий Петр Пушкина. Лейтмотив и история» образ царя-реформатора рассмотрен в историческом и литературном контексте. Очерчен круг свидетельств о петровских застольях, которые могли быть известны А.С. Пушкину, определена семантика пира в творчестве поэта и охарактеризованы источники этого мотива: античная литература, русский эпос, «Слово похвальное... Петру Великому...» М.В. Ломоносова.

Завершающая статья раздела возвращается к затронутой выше теме исторической романистики, но уже на польском материале. В ней рассматриваются связи

романа Г. Сенкевича «Огнем и мечом» с русской литературой. Среди его претекстов не только романы М.Н. Загоскина «Юрий Милославский» и А.С. Пушкина «Капитанская дочка», повесть Н.В. Гоголя «Тарас Бульба», но и «Слово о полку Игореве», которое становится для Сенкевича источником поэтической образности. В свою очередь, и сам роман «Огнем и мечом» отражается в русской литературе уже следующего столетия, оказывая влияние на «Белую гвардию» М.А. Булгакова.

Четвертый раздел, «Слово и изображение», включает статьи, затрагивающие вопросы диалога между разными видами искусства – литературой, скульптурой, живописью. Этот диалог предстает в различных формах: икона как источник литературного текста и критическая статья как интерпретация живописного полотна, увековечение памяти писателей в монументе и портрете, выражение исторических событий на языке литературы и живописи.

Переключаясь с первой статьей предшествующего раздела, очерк «Несохранившиеся памятники М.В. Ломоносову (эмблематика и тексты)» продолжает тему мемориальной культуры рубежа XVIII–XIX столетий. В нем собраны свидетельства о двух памятниках русскому ученому и поэту, установленных почитателями его дара. Один из них, П.И. Челищев, воздвиг памятник на месте рождения Ломоносова и оставил его подробное описание, а также создал стихотворный панегирик ученому. Другой, И.В. Лопухин, посвятил Ломоносову памятный знак в своем саду. Оба памятника были скромны по форме, но исполнены символического смысла, причем представляли разные эстетические традиции – классицистическую и сентиментальную.

Статья «А.С. Грибоедов в 1812 г. Штрихи к портрету» возвращается к другой магистральной теме – событиям Отечественной войны. Грибоедов в это время вступил в ряды народного ополчения. Он служил в Московском гусарском полку. В гусарском мундире изображает его один из редких портретов – акварель Д.Н. Кардовского, созданная уже в начале XX в. Это портрет условный; а каков был подлинный облик Грибоедова в те годы и его путь на военной службе – об этом рассказывается в статье.

Следующая статья развивает начатый ранее лесковский сюжет. В ней установлены источники одного из поздних рассказов Лескова – «Сошествие во ад (апокрифическое сказание)», литературные и иконописные. Упомянутый Лесковым апокриф – это Никодимово евангелие, один из самых популярных на Руси памятников апокрифической литературы. А многофигурная композиция иконы «Сошествие во ад», которую Лесков считает древней, на самом деле отражает поздний этап эволюции иконописи. Она возникла уже в XVII в. на основе более древнего и более простого иконографического типа. Контекст рассказа Лескова расширяют исследования его современников Ф.И. Буслаева и М.Н. Сперанского в области средневековой литературы и искусства, хронологически совпавшие с его обращением к культуре Древней Руси.

Тема двух статей – творчество В. М. Гаршина в диалоге с изобразительным искусством. В одной из них анализируется заметка Гаршина о 15-й передвижной выставке, на которой экспонировалась картина В.И. Сурикова «Боярыня Морозова». В статье выявлены те древнерусские источники, на которые опирается Гаршин в своей интерпретации знаменитого полотна. Это прежде всего «Повесть о боярыне Морозовой», а кроме того «Житие» Аввакума и его послание, обращенное к боярыне. Знаком Гаршин и с трудом И.Е. Забелина «Домашний быт русских цариц». Современная Гаршину историография предопределила его оценку раско-

ла: к старообрядцам он чувствует жалость, но не симпатию, следуя распространенному мнению о бесплодности их борьбы против реформы Никона.

Вторая статья посвящена изображению русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в рассказах Гаршина, а также в произведениях других писателей и в изобразительном искусстве. В статье показано, как трагическое видение войны изнутри, с точки зрения рядового участника событий, отразившееся в творчестве Гаршина, предвосхитило и во многом предопределило традицию военной прозы XX в.

Очерк «Из истории публикации автографов А.С. Пушкина» – дань памяти князя Олега Константиновича, сына великого князя Константина Константиновича, приобретшего поэтическую известность под псевдонимом К.Р. Выпускник Царскосельского лицея (к тому времени – Александровского юридического), подававший надежды как литературовед-пушкинист и ставший инициатором уникального факсимильного издания пушкинских автографов, князь Олег погиб на фронте в самом начале Первой мировой войны; задуманное им издание так и осталось незавершенным.

Заключительная статья книги – «Долгое эхо “Ночного смотра” (балладный сюжет в творчестве польского живописца)», как и в предыдущем разделе, обращена к теме польско-русских контактов. Сосредоточены в ней и две другие ключевые темы – эпоха наполеоновских войн и история балладного жанра. Статья посвящена картине польского художника Войцеха Коссака «Видение Наполеона на Св. Елене», сюжет которой восходит к балладе Й.Х. фон Цедлица «Ночной смотр», переведенной на русский язык В.А. Жуковским. В статье показано, что именно версия Жуковского, по-видимому, послужила основным источником польскому живописцу.

Книга А.А. Пауткина соединяет научные и художественные достоинства. Исключительное богатство фактов, охват материала от частных деталей до важнейших событий, определивших ход истории, глубина перспективы от древности до наших дней, единство литературоведческого, искусствоведческого и исторического видения – все это определяет ее научное значение. Источниковедческие прочтения произведений древней и новой словесности, предложенные в ней, – научные открытия. Вместе с тем стройная композиция, скрепленная концептуальными лейтмотивами, яркие, зримо достоверные картины истории, точный и в то же время образный стиль делают книгу не только филологическим исследованием, но и произведением литературы. Книга будет интересна и ученым-гуманитариям, и студентам, и широкому читательскому кругу.

Сведения об авторе:

Лев Аркадьевич Трахтенберг,
докт. филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Lev A. Trakhtenberg,
Doctor of Philology
Associate Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

lev_a_t@inbox.ru

*Е.А. Певак
(Москва, Россия)*

История русской литературы (1890-е – начало 1920-х гг.): Учебник: В 3 ч. /
Отв. ред. М.В. Михайлова, Н.М. Солнцева. М.: Юрайт, 2017.
(Ч. 1: Реализм. 349 с.; Ч. 2: Символизм. 227 с.;
Ч. 3. Акмеизм, футуризм и другие. 224 с.)

*Elena A. Pevak
(Moscow, Russia)*

History of Russian Literature (1890s – the beginning of 1920s): Textbook: In 3
parts / Eds. M.V. Mikhaylova, N.M. Solntseva. Moscow. Yurait Publ. 2017.
(Part 1: Realism. 349 p.; Part 2: Symbolism. 227 p.;
Part 3. Acmeism, Futurism, etc. 224 p.)

В последние десятилетия в учебниках, предназначенных для высшей школы и представляющих так называемый Серебряный век русской литературы, определился формат подачи материала, обусловленный, вероятно, в том числе и уровнем подготовки студентов. Обзорные статьи, ориентированные прежде всего на создание целостной картины, отражающей процессы, происходящие в отечественной словесности в указанный период, обязательно дополняются статьями, в которых представлен творческий путь авторов, сыгравших значительную роль в истории русской литературы. Чем может быть обусловлен выбор такой структуры?

В перестроечные времена широко публиковались источники (как художественные произведения, так и литературно-критические, работы русских философов, религиозных и общественных деятелей, так или иначе влиявших на литературный процесс рубежа XIX–XX вв.), которые прежде были мало доступны исследователям и не могли быть введены в научный оборот по идеологическим причинам. Наряду с этим появлялось большое количество материалов в СМИ (не только печатных), в которых нередко реанимировались «мифы», неинтересные специалистам, но интригующие неискушенного читателя. Итогом стал двоякий результат: с одной стороны, исчезли лакуны, мешающие на протяжении длительного периода времени представить литературный процесс в полном объеме; с другой – произошло перенасыщение качественно неоднородной информацией, не облегчающей, а усложняющей восприятие этого, пожалуй, самого многоликого этапа в истории русской литературы. Бакалаврам, а тем более тем магистрантам, за плечами которых нет базовых курсов по истории русской литературы, крайне сложно ориенти-

роваться в этом море информации, тем более сложно свести к единому знаменателю те индивидуальные трактовки реализма и модернизма, которые представлены творчеством как широко известных авторов, так и тех, кто «выпал» из школьной программы. Тем более что знаний о закономерностях развития литературного процесса, о существующих вариантах его периодизации, о динамике формирования эстетических концепций, их содержании, явно не хватает.

Авторы нового учебника предприняли, как нам представляется, попытку гармонизировать этот хаос, чтобы представление о Серебряном веке основывалось не на мифах, а на фактах литературной жизни, главным содержанием которой были все-таки не скандалы в литературной и околосредовой среде, а серьезные искания в сфере эстетики и этики, создание новых форм в словесном искусстве, существование литературы в тесном контакте с модернизирующейся общественно-политической и религиозной жизнью страны накануне революционного взрыва и в первые пореволюционные годы. В этом смысле учебник актуален и в свете тех проблем, с которыми сталкивается студент, пытаясь осмыслить наэлектризованную революционными ожиданиями в преддверии 1917 года культурную жизнь России в целом, трагические события Первой мировой и Гражданской войн, симбиоза пафоса разрушения и пафоса созидания после Октября.

Настоящее издание представляет собой три тома, в которых отражены три ведущие тенденции в литературе 1890–1920-х: реализм / неореализм (1 т.); символизм в разнообразных его проявлениях (2 т.); акмеизм, авангардистские течения в русской литературе; новокрестьянская поэзия и творчество авторов, тесно не связанных с существовавшими литературными группировками (3 т.). В третьем томе также отдельно представлены писательницы Серебряного века (М.В. Михайлова), а завершают его эстетически систематизирующий представленный обширный материал глава «Литературные кружки и группировки» (А.В. Леденев) и глава, посвященная литературной критике рубежа веков (М.В. Михайлова).

И хотя выбранный не хронологический принцип распределения материала иногда заставляет авторов учебника «ходить по кругу», избежать этого едва ли кому-нибудь удастся, так как, на что не раз указывают сами авторы, специфика этого периода в русской литературе в том, что литературные направления не сменяют друг друга в хронологической последовательности, а сосуществуют в одном историко-литературном пространстве.

Несомненно, самой сильной стороной трехтомника стали именно те профессионально написанные главы, в которых дана оценка важнейшим этапам в истории русского реализма и модернизма.

Характеризуя особенности развития русского реализма, авторы учебника обращают внимание на его жанровую структуру, на стилевые искания писателей, указывают на значимость в обновлении реализма импрессионистической линии, самобытного натурализма, анализируют тенденцию к экспрессионизму. Отдельная глава (М.В. Михайлова) посвящена характеристике «знаньевского реализма» в его вариациях с последовательно рассмотренными прозой, драматургией и поэзией писателей, близких к товариществу «Знание».

В персональных главах представлены в том числе авторы, которые скорее хронологически, нежели эстетически связаны с Серебряным веком (Л. Толстой, А. Чехов). И хотя воспринимаются главы как несколько неоднородные: позднее творчество Л. Толстого (И.Б. Ничипоров) рассматривается в контексте заявленной проблематики, глава о Чехове в большей степени монографическая (Е.Ю. Зубарева), – появление

этих «медальонов» кажется вполне оправданным, так как оба автора, пусть иногда и косвенно, участвовали в реформировании реалистического метода. Включен в первый том небольшой по объему очерк «Симбиоз реализма и модернизма (Диалог художественных систем)», с акцентом на стилевых исканиях, подготавливающий введение трех имен, творчество которых рассматривается как иллюстрирующее этот симбиоз: «В.В. Розанов», «А.М. Ремизов», «Л.Н. Андреев» (автор всех глав – Н.М. Солнцева).

Отмеченная неоднородность персональных глав по-своему проявляется и в этой части первого тома. Яркая написанная компактная статья о В.В. Розанове соседствует с более «размытыми» медальонами (А.М. Ремизов, Л.Н. Андреев). То же самое можно сказать о персональных главах в двух других томах: одни стилистически и структурно вписываются в концепцию учебника, другие несколько выбиваются из общего строя вследствие стремления исследователя максимально широко представить жизнь и творчество «своего» автора. В одних случаях доминирует поэтапное представление творчества с достаточным подробным анализом отдельных произведений. В других акцент сделан на углубленном анализе поэтики.

Определенный разноречивый есть в обзорных главах, посвященных реализму, символизму – и авангардным течениям в русской литературе, представленным в 1910-е гг. разными футуристически ориентированными группировками. На фоне детально проанализированного реализма в стадии его реформирования (Л.А. Колобаева, М.В. Михайлова, 1 т.), исследованных изнутри проблем русского символизма на разных этапах его существования (А.П. Авраменко, 2 т.), футуризм как будто обделен вниманием. В главе «Футуризм как течение» (В.Н. Терёхина) представлены основные вехи в истории русского футуризма, но все-таки в фокусе внимания автора прежде всего не футуристические школы как явление русской литературы рубежа XIX–XX вв. (а именно такой подход демонстрируют авторы других обзорных глав, характеризующие судьбы реализма и модернизма в России), а сама концепция футуризма в свете ее истоков и дальнейших трансформаций в контексте культурологической проблематики. Отчасти дополняют теоретико-фактографическую характеристику этого направления главы, в которых представлено творчество поэтов, связанных с футуризмом: Велимира Хлебникова (Н.М. Солнцева), В.В. Маяковского (В.Н. Терёхина), Игоря Северянина (Н.М. Солнцева), Б.Л. Пастернака (Е.А. Глуховская).

Вероятно, в планы авторов не входило написание специальных глав, в которых были бы представлены литературные школы, существовавшие в России в конце 1910-х – начале 1920-х гг. Хотелось бы надеяться, что и этот этап в истории русской литературы когда-нибудь будет включен в учебник и представлен в таких же продуманных, интересно написанных, характеризующих важные «эпизоды» истории русской литературы главах. Все это мы видим в уже изданных томах, в которых выстроена эстетическая парадигма литературы Серебряного века с экскурсами в историю возникновения тенденций, способствующих формированию новых школ, и трансформаций в пределах реалистического направления.

Сведения об авторе:

Елена Александровна Певак,
канд. филол. наук
науч. сотрудник
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Elena A. Pevak,
PhD
Research Associate
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
epevak@yandex.ru

In Memoriam

In Memoriam

Елена Федоровна Васеко
(04.04.1924 – 28.09.2017)

Elena Vaseko
(04.04.1924 – 28.09.2017)

28 сентября 2017 года скончалась Елена Федоровна Васеко (род. 4 апреля 1924 г.). В 1942 она добровольцем ушла на фронт. Была связисткой в авиационной эскадрилье, затем служила в пехоте, участвовала в Сталинградской битве и демобилизовалась после тяжелого ранения. Елена Федоровна награждена орденом Отечественной войны I степени, медалями.

На кафедре русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова Елена Федоровна проработала более пятидесяти лет и воспитала не одно поколение филологов, и все, кто у нее учился, с благодарностью и любовью вспоминают этого замечательного педагога, заботящегося о своих студентах и аспирантах.

Выражаем искренние соболезнования близким и друзьям Елены Федоровны Васеко.

Редакционная коллегия журнала

ISSN 2309-9917
DOI 10.24249/2309-9917-2017-25-5-1-287

STEPHANOS
2017
№5 (25)

Номер подготовлен
на филологическом факультете
МГУ имени М.В. Ломоносова

Issue prepared
at the Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

Москва — Moscow
2017
Сентябрь — September